body { text-align : justify } p.book {text-indent: 30px; margin-bottom: 0pt; margin-top: 0pt; text-align : justify; } h1.book { font-size : 160%; font-style : normal; font-weight : bold; text-align : right; } /* Book title */ h1.title{ font-size : 160%; font-style : normal; font-weight : bold; text-align : right; } /* Book title */ h3.book { font-size : 150%; font-style : normal; font-weight : bold; text-align : center; padding-top : 12px; padding-bottom : 3px;} /* Title */ h3.title{ font-size : 150%; font-style : normal; font-weight : bold; text-align : center; padding-top : 12px; padding-bottom : 3px;} /* Title */ h5.book { font-size : 110%; font-weight : bold; text-align : center; padding-top : 9px; } /* SubTitle */ h5.subtitle{ font-size : 110%; font-weight : bold; text-align : center; padding-top : 9px; } /* SubTitle */ blockquote { margin : 0.2em 4em 0.2em 4em } div.book { text-align : left } div.poem { margin-right : 25%; margin-left : 33%; margin-bottom : 0.8em; margin-top : 0.8em; } div.stanza { margin: 0.8em 0} blockquote.cite { margin-bottom : 0.2em; margin-top : 0.2em; } blockquote.epigraph {margin-right : 5em; margin-left : 50%;} blockquote.text-author { text-align : right; margin-right : 10% margin-bottom : 0.3em; }

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса

М., РОССПЭН, 1998.

Аннотация

Книга посвящена кардинально важным вопросам истории России, ускользавшим до сих пор, по тем или иным причинам, от пристального внимания ученых-историков.

Особенностью работы является ее структура, непохожая на традиционный для научных монографий способ рассмотрения проблемы.

В первой части работы (27 авт.л.) проведено фронтальное исследование производственных возможностей крестьянского хозяйства практически на всей европейской территории расселения великорусского этноса. Опорой для такой проработки был материал XVIII столетия, то есть наиболее раннего периода, по которому была бы возможна перспектива создания прочной и полной источниковой базы, способной охарактеризовать все стороны сельскохозяйственной деятельности социума. Кроме того, для выяснения наиболее важных тенденций аграрного развития были предприняты целенаправленные экскурсы в XV–XVII вв., а также в XIX в. На это потребовались десятилетия поиска и сбора (часто — по крупицам) исторической информации, включая различные архивные фонды.

В итоге такой работы выявилась громадная роль в развитии великорусского социума природно-климатического и шире — географического фактора. Больше того, оказалось возможным вскрыть конкретный механизм влияния этого фактора на характер и темпы развития общества в целом. В этом отличие данного подхода к проблеме от предшественников, включая и корифеев исторической и философской мысли, обычно останавливавшихся лишь на принципиальных утверждениях важности этого фактора в жизни тех или иных обществ. Поэтому вторая часть работы (свыше 12 авт.л.) посвящена раскрытию итогов непосредственного и опосредованного влияния природно-климатического фактора на экономику общества, социальный строй и российскую государственность в целом, то есть речь идет о создании некоей модели социума и его специфических черт.

Главной особенностью территории исторического ядра Российского государства с точки зрения аграрного развития является крайне ограниченный срок для полевых работ. Так называемый «беспашенный период», равный семи месяцам, фиксируется в государственной документации еще в XVII столетии. **Иначе говоря, на протяжении многих веков русский крестьянин имел для земледельческих работ (с учетом запрета работ по воскресным дням) примерно 130 дней. К тому же из них на сенокос уходило около 30 дней. В итоге однотягловый крестьянин (то есть имеющий семью из 4 человек) имел для пашенных работ около 100 рабочих дней.** Для сравнения напомним, что в крупном (монастырском) хозяйстве в середине XVIII в. на десятину пашни (на все виды работ) расходовалось 59,5 чел. — дней и примерно столько же шло на гектар пашни в фермерских хозяйствах Севера Франции

того же времени. Из них только на обработку земли тратилось 39–42 чел. — дня. **Однако, делая такие затраты труда, французский фермер располагал десятью месяцами рабочего времени в год, а в Центральной России этот срок был вдвое меньше.** Поэтому здесь только крупное феодальное хозяйство за этот срок, обладая возможностью концентрации барщинной рабочей силы для летних работ, могло выполнить весь минимально необходимый с точки зрения норм агрикультуры комплекс работ. Что же касается крестьянина, то он располагал в расчете на десятину пашни лишь 22—23-мя рабочими днями на все виды пахотных работ (а если он был на барщине, то временем, вдвое меньшим).

Отсюда идут все беды русского крестьянина: он мог нормально обработать лишь крайне небольшой участок пашни. Если же он должен был непременно его увеличить, то мог сделать это исключительно за счет сна и отдыха и за счет привлечения труда детей и стариков. Второй вариант расширения мизерной пашни мог быть реализован лишь за счет резкого снижения уровня агрикультуры (вплоть до разброса семян по непаханному полю), что вело к низкой и очень низкой урожайности, выпаханности почвы и постоянной угрозе голода, который в России был весьма частым гостем. Столь трагическая ситуация усугублялась тягчайшими условиями развития скотоводства, главным из которых был необычайно длительный (до 7 месяцев) период стойлового содержания скота, что требовало больших запасов кормов. А ведь период заготовки кормов буквально втискивался в напряженный и сжатый по времени цикл полевых работ и поэтому был крайне ограничен (20–30 суток). Отсюда горький парадокс российского Нечерноземья: обширные пространства, луга, перелески, а корма практически мало (и это в основном солома), поэтому и скота было мало, и удобрений для полей было очень мало, не говоря уже о пищевых ресурсах скотоводства, возможности сбыта его продукции и т. д.

Важнейшим следствием этих обстоятельств явилось широкое распространение с самых древних времен архаических приемов земледелия, становление не классического трехполья паровой системы земледелия, а некоей комбинации трехполья с периодическим забрасыванием пашни в перелог или залежь. Правда, наряду с этим наблюдается и многообразие и гибкость крестьянского опыта, его тонкий учет тех или иных местных специфических условий. В Нечерноземье важнейшим резервом крестьянского хозяйства были лесные, кратковременно используемые росчисти.

Описанная ситуация сказывалась на всем укладе жизни великорусского пахаря, охарактеризовать который в сжатом виде можно как «мобилизационно-кризисный режим выживаемости общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта». Весь быт земледельца был пронизан стремлением к крайней экономии ресурсов и времени, что отчетливо отражает исследованный в книге характер жилища, одежды, пищи, психологии сельского жителя и т. д.

Дефицит рабочего времени в цикле полевых работ вытеснил такой вид земледелия, как огородничество и садоводство, в русские города. Статус посадского человека, горожанина позволял здесь резко повысить интенсификацию земледельческого производства, что очень рано способствовало развитию торгового огородничества и садоводства, становлению хитроумных технологий выращивания теплолюбивых культур в суровых условиях исторического центра России.

Все эти вопросы освещены с привлечением богатого материала источников в одиннадцати очерках первой части книги «Великорусский пахарь в XVIII столетии». Они носят несколько образные названия и заголовки: 1. «Судьбы паровой системы земледелия»; 2. «Как пахал, чем обрабатывал землю русский крестьянин»; 3. «Что сеяли на полях России?»; 4. Жатва и хранение зерна. Лен домашний и товарный. Конопля»; 5. «Что такое «сам-3» или «сам-7»? Какие урожаи были в России»; 6. «Семь потов» великорусского крестьянина (Каким трудом добывали хлеб)»; 7. «Особенности развития скотоводства»; 8. «Огороды в городе» — парадоксы русского огородничества и садоводства»; 9. «Изба и подворье два века назад»; 10. «Забытая одежда наших предков»; 11. «Деревенская пища».

Вторая часть работы — «Феодальная Россия — социум особого типа» — посвящена наиболее важным, на взгляд автора, сторонам социально-экономического развития русского социума и особенностям его государственности. Она состоит из следующих глав и разделов: Глава I. «Мачеха-природа и судьбы земледелия (тупик или развитие)»; Глава II. «Компенсационные механизмы выживания. Крепостники и община. О происхождении крепостничества»; Глава III. «Некоторые особенности генезиса капитализма в России. Крупное производство под опекой государства (Тульские заводы XVII века). Неадекватные формы капитала»; Заключение «К характеристике российской государственности».

В первой главе исследована основная тенденция в развитии земледелия вплоть до 1861 года. **Названные выше обстоятельства и прежде всего объективно складывающиеся весьма ограниченные возможности интенсификации труда вели к тому, что урожайность в целом по стране колебалась вокруг минимального уровня «сам-3», несмотря на отчаянные усилия великорусского пахаря добиться повышения этого уровня. Наиболее показательно, что чистый сбор на душу сельского населения в 40-х годах XIX в. был равен в среднем 23,2 пуда, а в 50-х годах — 21,2 пуда. И даже в самом конце XIX в. душевой сбор в расчете на все население страны, включая картофель, был равен лишь 21,5 пуда (при тогдашней норме 24 пуда на человека).**

Внешний и внутренний **рынки зерна создавались лишь за счет «внутренних резервов» крестьянского двора, то есть жесткого ограничения потребностей людей. При этом в XVIII в. себестоимость продукции полеводства была примерно вдвое выше ее рыночной цены при идеально высоком уровне урожайности. А при реально низких урожаях себестоимость могла быть втрое и даже впятеро выше рыночной цены.** И не случайно, что в таких условиях прирост населения страны в решающей своей части поглощался сферой земледельческого производства. Будучи сугубо экстенсивным, оно распространялось на всё новые и новые территории. Именно этот фактор лежал в основе многовекового движения русского населения на юг и юго-восток Европейской России, где были более плодородные земли, хотя и постоянно подвергавшиеся нашествию засухи.

Всё это, казалось бы, создавало условия для существования в этом регионе Европы лишь сравнительно примитивного земледельческого общества. Однако неумолимые, прежде всего геополитические, факторы, диктуя потребности более или менее гармоничного развития социума, вызывали к жизни и порождали своего рода компенсационные механизмы, и им в книге посвящен особый раздел.

Крайняя слабость индивидуального крестьянского хозяйства в условиях Восточно-Европейской равнины была компенсирована громадной ролью общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности. **Ограниченный объем совокупного прибавочного продукта в конечном счете создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного труда.** Однако **задача достижения гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения, как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества.** Однако на пути этой «оптимизации», то есть объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община — оплот локальной сплоченности и средство крестьянского сопротивления этой эксплуатации.

Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее грубые и жестокие политические механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда исторически обусловлено и появление крепостничества как наиболее реальной для этого региона Европы формы функционирования феодальной собственности на землю. Режим крепостничества сумел нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В книге подробно исследован на актовом материале XV–XVI вв. весьма не простой путь становления режима крепостного права как явления, порожденного не только ситуативными моментами (хозяйственное разорение, борьба за рабочие руки и т. п.), но и фундаментальными, непреходящими для феодального социума факторами (такими как природно-климатические условия, минимальный объем совокупного прибавочного продукта, неизбежность существования общины). В свою очередь, режим крепостничества в России стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти — российского самодержавия, имеющего глубокие исторические корни. В итоге такого рода «оптимизации» объема совокупного прибавочного продукта режим крепостничества, в свою очередь, породил и компенсационные (патерналистского типа) механизмы выживания, которые тесно переплетались с общинными механизмами выживания.

Характерной особенностью российской государственности помимо жестокого политического режима власти является необычайно сильное развитие ее хозяйственно-экономической функции. Потребность в деспотической власти исторически лишь на ранних этапах была обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом, внешняя опасность, задачи объединения русских княжеств и т. п.). В

дальнейшем этот режим существеннейшим образом был обоснован экономически. Ведь **помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, «государственная машина» была вынуждена форсировать и процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия, ибо традиционные черты средневекового российского общества — это исключительно земледельческий характер производства, отсутствие аграрного перенаселения, слабое развитие ремесленного и промышленного производства, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии экстенсивного типа** и их острое отсутствие в области потенциального промышленного развития.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». Это и строительство пограничных крепостей-городов, грандиозных оборонительных сооружений в виде засечных полос, строительство и организация крупных металлургических производств (особенности которых выявлены в исследовании тульских и каширских заводов XVII века), огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без постоянных своего рода «депортаций» в те или иные районы страны мастеров-металлургов, оружейников, каменщиков, купцов и т. п., наконец, без особого обширного государственного сектора экономики совершить это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, исторически сложившейся ее огромной территории функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории.

Реализация всех этих функций феноменальна сама по себе, ибо минимальный объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования государственной надстройки над компонентами базисного характера. Господствующий класс и так называемое неподатное сословие даже в петровскую эпоху составляли не более 6–7 % от населения страны (к 1861 году этот процент был около 12 %). Основная часть этой группы являлась своего рода несущей конструкцией всей структуры самоорганизации общества, которая неизбежно носила упрощенный характер. И не случайно, что в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи резче всего, помимо организационно-экономической, проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная функции. А государственные рычаги управления уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни. Управленческая функция общины еще более усиливала ее как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счете необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении. Этот сложный и длительный процесс становления и укрепления феодальной земельной собственности так и не довел (вплоть до 1861 года) земельное владение дворянина до уровня полноправной частной собственности. Решающую роль в этом сыграли неистребимые традиции общинного землепользования, как, впрочем, и вся история русского народа и специфичность ведения земледельческого хозяйства.

Вместе с тем **выдающаяся роль государства в промышленном развитии страны способствовала гигантскому скачку в развитии производительных сил страны, хотя заимствование «западных технологий» архаическим социумом дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект в лице огромной категории рабочих, навсегда прикрепленных к фабрикам и заводам (так называемые «вечно отданные»).**

В то же время чисто эволюционное развитие процесса отделения промышленности от земледелия в российских природно-климатических условиях имело в течение столетий лишь слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с присущим им относительно высоким уровнем оплаты труда, сочетающимся с господством поденной и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления (а, следовательно, и укрупнения мелкого производства). В работе исследованы основные отрасли хозяйства, в которых в период XVII — начала XVIII в. роль неадекватных форм капитала была весьма существенна. **В силу этих обстоятельств в России в целом уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал по своим размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего купцами.** Когда же **во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро (по сравнению с прошлым) развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство**

так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стало развиваться в силу высокой стоимости всей инфраструктуры народного хозяйства прежде всего крупное промышленное производство (на начало XX в. составлявшее более 70 % предприятий), почти тотчас охваченное процессами монополизации. Думается, что природно-географический фактор и, в первую очередь, необъятное пространство России сыграли в этом деле далеко не последнюю роль.

Названные и рассмотренные в книге моменты, характеризующие особые черты российской государственности, были исторически неизбежны и породили в конечном счете своеобразие и самого российского общества, общества Великой России, с ее великой культурой и великим сосуществованием ее народов.

В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество «естественных потребностей индивида». В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих, самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для удовлетворения их гораздо сложнее и хуже. Стало быть, объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в основных западноевропейских социумах. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах. Таким образом, книга поднимает вопрос о новой по сути концепции социально-экономической истории России.

Первый тираж издания 1998 г. разошелся практически моментально. В мае 2001 г. издательство РОССПЭН выпустило дополнительный тираж (3000 экз.), а в конце 2001 — начале 2002 г. планируется второе издание книги Л.В. Милова (телефон отдела распространения издательства РОССПЭН 181-34-57). В 2000 г. монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» присуждена Государственная премия РФ.

Часть первая. Великорусский пахарь в XVII столетии

(Из первой части книги в данную версию вошел только первый очерк)

Очерк первый СУДЬБЫ ПАРОВОЙ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

О необходимости старого

Культура сельского хозяйства, и прежде всего земледелия, — особая, в чем-то даже уникальная область материальной культуры человечества. Главной отличительной чертой прошлой деятельности человека в области земледелия является почти полное отсутствие контроля непосредственного производителя над ходом производственного процесса, происходящего в форме биологического развития растений, а также бессилие человека в создании оптимальных климатических условий для этого развития. Отсюда проистекает чрезвычайно слабая взаимозависимость между вложением труда и интеллекта в земледелие, с одной стороны, и результатами этой деятельности в виде урожая тех или иных культур или продуктивности земледелия в целом, с другой.

Эта корреляция имеет тенденцию увеличиваться лишь в масштабе громадных хронологических периодов, поскольку механизм резких и неожиданных для человека' колебаний погодных условий и их влияния на те или иные моменты земледельческой практики проясняется для земледельца лишь в итоге преемственности многовекового опыта, накапливаемого десятками поколений непосредственных производителей в виде бесконечной череды удач и бедствий сельского хозяйства.

Этот громадный человеческий опыт и есть основа культуры земледелия. Своеобразие реализации этого опыта заключается в том, что он предстает перед каждым поколением крестьян-земледельцев в императивной форме традиции и обычая. Эта императивность проистекает из несоизмеримости масштабов

жизни и практического личного опыта индивида-земледельца и совокупного опыта многих поколений крестьян. Поэтому в основной фонд земледельческой культуры включены лишь традиции и обычаи, то есть общественно значимые элементы культуры, безжалостно отметающие из народной земледельческой практики все индивидуальные начинания и новации как не прошедшие многовековую проверку практикой земледелия вообще и механизмом колебаний погодных условий в частности.

Русский крестьянин, как и все земледельцы средних широт, ориентировался исключительно на тот довольно большой и сложный комплекс традиций земледелия, завещанный ему предшествующими поколениями. Форма этого опыта в виде неколебимой традиции, неизменного обычая и правил диктовала беспрекословность их соблюдения. Отсюда удивительное единообразие в приемах ведения земледелия, еще встречающееся в XVIII в. в отдельных регионах с коренным русским населением. Так, в топографическом описании Ярославской губ. (1798 г.) читаем: «Способ хлебопашества и земледельческие орудия везде одинаковы»1. Думается, что именно этими обстоятельствами во многом объясняется невосприимчивость крестьянина к новым приемам агрикультуры, к модернизации орудий труда и т. д. Русские агрономы и помещики-экспериментаторы подмечали отдельные явно бросающиеся в глаза проявления этой тенденции. Алексей Олишев, вологодский рачитель сельского хозяйства, прямо писал, что крестьяне «больше следуют старым обычаям»2. Отдельные проявления этого просто вступали в противоречие со здравым смыслом. Так, тот же А. Олишев отмечает: начало сенокоса в Вологодском крае непременно связывалось с днем Петра и Павла (29 июня3). Несмотря «на несозрелость травы», крестьяне «следуют единственно застарелым обычаям»4. То же отмечает о сенокосе А.Т. Болотов по Тульской губ.: «Косятся почти в одно время, несмотря, поспела ли трава или еще нет»5. О сроках высева конопли Болотов язвительно замечает, что «по предрассудку и суеверию всегда на 5-ой или на 7-ой неделе после Святой, а на 6-ой никто не сеет», хотя условия бывают наиболее, на его взгляд, подходящими6.

Стойкость и известный консерватизм традиционных приемов земледелия, в частности, в России, располагавшей в целом малоблагоприятными почвенно-климатическим условиями для земледелия, были усугублены рядом фундаментальных обстоятельств.

Русское крестьянство, осваивая бескрайние земельные просторы Восточноевропейской равнины, на каждом этапе развития общества получало в области земледелия уровень урожайности основных земледельческих культур, явно несоизмеримый с громадной массой вложенного труда. Это издавна побуждало крестьянина к максимальной осторожности в «технологии» земледельческой практики, т. е. делало его еще более приверженным традиции и обычаю в области агрикультуры, заставляло его в стремлении к росту прибавочного продукта идти преимущественно лишь по пути постоянного расширения производственных площадей. В атом, на наш взгляд, кроется объективная обусловленность преобладания экстенсивного пути в развитии земледелия, которое в период феодализма в конечном счете приводило к освоению и вовлечению в орбиту агрикультуры громадных земельных пространств, что само по себе имело исторически прогрессивное значение. В этом состоит противоречивая диалектика развития русского земледелия.

Традиционализм в области земледельческой культуры сочетался с необыкновенным умением русского крестьянина приспособиться к тем или иным местным условиям и даже превратить недостатки в своего рода достоинства.

Качество земли, как известно, один из важнейших компонентов природно-климатических условий земледелия. Почв, наиболее благоприятных для земледелия, во все исторические эпохи в пределах Восточноевропейской равнины, как мы уже видели, было всегда мало. Лоскутный характер их локализации усугублялся вообще крайней пестротой качества почвенного слоя земли. Попробуем охарактеризовать эту пестроту с позиции современника, объезжающего тот или иной край, на примере Тверской губернии. В Краснохолмском у. земля к «Вышневолоцкому уезду песчаная и каменистая, к Ярославской губернии — серая с черноземом по низким местам». В Калязинском у. «земли по Волге песчаные и глинистые, по реке Перли серая и частию иловатая; в прочих местах — иловатая с суглинком». В Ржевском у. земля «по берегам Волги и Туда — глинистая и песчаная; между Волгою и Тудом — глинистая с мелким камнем, в окрестностях города — иловатая, а в прочих местах серая, не глубже 2 и 3 вершков лежащая, под коею слой красноватой земли или суглинок»7. Резкая разница была и по плодородию. В Бежецком уезде «хлебороднейшим почитается Городецкой стан, окружающий город». В Калязинском — «хлебороднейшим из всего уезда почитается Негороцкий стан, за Волгою, к Кашинскому уезду лежащий». В Краснохолмском у. таковым является Антоновский стан, «простирающийся от самого города по Кашинской дороге до

границы» уезда. В Весьегонском уезде — «Ясеницкий стан, особенно около сел Сандово и Поляны»8. В Новоторж-ском у. очаги плодородия локализуются около сел Стружна, Упревиче, сельца Голубина, деревень Маслова, Пожитова, Мловичи и т. д.4 Лоскутный характер локализации плодородных земель практически характерен для всей нечерноземной полосы.

В северных же районах (Вологодской, Архангельской, Олонецкой губерниях) пестрота плодородия еще более мозаична. Так, по Олонецкой губернии до нас дошло топографическое описание, уникальное по тщательности характеристики почв этого края. «Земли в селениях Петрозаводского уезда: в погосте Кижском земли частию черные и смешанные с суглинком и частию пещаныя. Оне довольно плодородны, но обрабатывание их великого требует труда по причине множества камней на поверхности и внутри находящихся. В Толвуйском — по большей частию чернозюм и серая земля. В Шуйском — пещаные, каменистые и серые с суглинком. В Остречинском —…по большей частию земля серая. В Самозерском — …много серой, смешанной суглинком. В Святозерской и Пряженской волости земли частиот серые и частию пещаные.

Вытегорского уезда во Штинском и Мечорском погостах — серые и состоящие из хрящу (то есть мельчайшего камня, — Л. М.) и суглинка. В Андомском — пещаная и каменистая и суглинком. В Пудожском, в Шаль-ском и Нигижемском — частию черныя и частию пещаныя. В Вытегор-ском — пещаныя с суглинком..

Каргопольский уезд отличается от других плодородием земли, в нем находящейся, хотя грунт ее и столько же различен»10. В Надпорожской, Ольховской и Волосовской волостях на правом берегу реки Онеги — «большей частию черныя и перемешанные с песком, а на левой стороне — с песком и валучьим камнем». В Архангельской, Троецкой и Плеской: на правом берегу Онеги — черные, на левом — серые каменистые. В Кенозерской — «земли из суглинку». В Водозерской и Лекшмозерской — серые с песком и «валучьим камнем». В Бережен-Дубровской, Устьможской и Красновской:

на правой стороне реки Онеги — «частию черныя, частию перемешанныя с желтым песком, а на левой — серые и смешанные с глиною».

«Олонецкого уезда: в Важенском погосте по реке Свири земли серые, смешанные с красным суглинком. В Коткозерском, Ведлозерском и Тумо-зерском погостах — серые и пещаные. В Горской, Видлицкой и Туложской волостях — серые и глинистые. В Ильинском — черные и болотные. В Олонецком погосте по большей частию черные с суглинком и тундристые, лежащие по Туксе, Мегреге и Верховской…»

«Повенецкого уезда в Шуйском погосте земли черные, серые, перемешанные с песком и хрящом. В окружности города Повенца — пещаные, каменистые и болотные. В селении Гапсельге и Волозерске — пещаные и каменистые. В Панозерском погосте — черные и глинистые. В Ругозерском — по большей частию чернозюм. В Паданском — черные и пещаные. В Кус-наволоке и Сергозере — каменистые и черные. В Селецком и Сямозерском погосте — по большей частию черные. В Ребольском погосте, к меже Выборгской губернии и Санктпетербургскому уезду и далее по шведской границе, около Каменного озера — земли болотные и пещаные. В Ок-новолоке — болотные и перемешанные с белым песком. А в окрестностях Мультозера — чернозем, болотные и пещаные»11.

Существенные различия почв и степени плодородия были и во многих других районах России (север и юг Тамбовской, Рязанской, Нижегородской, Тульской, запад и восток Орловской, Саратовской губерний и т. п.). Нередко крестьянин использовал это с выгодой для себя. В частности, песчаные почвы весной прогревались быстрее, и на них можно было сеять чуть раньше, а зерно получалось тяжелее. Болотные почвы давали возможность вести более плотный высев и т. д.

Вместе с тем, необычайно важно учитывать, что каждому определенному моменту в развитии производительных сил соответствовали свои экономические критерии плодородия. Медленный, но тем не менее вполне ощутимый прогресс агротехники и агрикультуры делал возможным на том или ином этапе развития вовлечение в производство земель, совсем еще недавно полностью не пригодных для этого. Таким образом, с каждым существенным сдвигом в развитии производительных сил площадь используемых земель в целом увеличивалась. Вместе с тем этот рост сравнительно плодородных земель отнюдь не был пропорционален общему росту производительных сил, поскольку с течением времени это плодородие земель при довольно частом отсутствии должных вложений в землю труда и капитала падало, так как земли

постепенно «выпахивались», становились бесплодными.

В итоге воздействия и взаимодействия всех этих (как, впрочем, и ряда иных) факторов на характер развития земледелия русское крестьянство постоянно сталкивалось с необходимостью более или менее регулярного забрасывания старых, выпаханных, и освоения новых земель. Этот процесс с меньшей интенсивностью проявлялся в рамках территорий с преобладанием наиболее плодородных земель, но они в XVIII в. были уже сравнительно редки в пределах исторического центра Русского государства. В большинстве же регионов с русским населением этот процесс был широко распространен.

В системе русской земледельческой культуры XVIII столетия (главным образом середины и второй половины) соотношение общих и местных особенностей (традиций!) определялось как старыми факторами, конституируемыми условиями натурального хозяйства, так и новыми факторами, вызванными к жизни особенностями формирования в экономике России капиталистического уклада.

В этот период соотношение в агрикультуре и агротехнике двух основных компонентов обретает иную окраску. Извечный феодальный традиционализм агрикультуры в глазах передовых современников все ближе граничит с консерватизмом и даже косностью. Но этот традиционализм устойчив не в силу своей консервативности, а в силу необходимости.

В этих условиях, условиях растущего общественного разделения труда, происходит парадоксальное умножение местных особенностей, в основе которых сложное переплетение старых и новых факторов, не исключая существования в русской агрикультуре местных особенностей, так сказать, реликтового характера.

На более ранних этапах развития феодализма в основе «статуса» местных особенностей лежал критерий, который можно квалифицировать как практическую целесообразность, обусловленную, в свою очередь, критерием рациональности трудовых усилий непосредственного производителя для получения жизненно необходимых средств к существованию, способствующих более или менее расширенному воспроизводству. В условиях классового общества эти средства составляли совокупный объем необходимого и прибавочного продукта.

Критерий целесообразности практически и объективно формируется при максимальном учете местных природно-климатических условий. Если, допустим, практически необходимый объем совокупного продукта может дать даже примитивная обработка земли, то в основе такой деятельности лежит критерий целесообразности, основанный на максимальной эксплуатации плодородия земли и натуральном характере хозяйства. Однако такие, образно говоря, реликтовые процессы и явления в XVIII в. наблюдаются лишь в регионах, сравнительно молодых, с точки зрения освоения и накопленного опыта поколений. Это, как правило, южные степные и юго-восточные вновь осваиваемые земледелием районы с русским и иным населением. Так, по наблюдениям современника, в Саратовском Поволжье «земледельцы в тамошней стороне совсем не знают, что такое навоз. Оный лежит у них отчасти на скотных дворах… без всякого употребления… да в оном доныне и нужды не было потому, что как земли там весьма много, и часто не ближе 30 верст одна деревня от другой отстоит». «Вспахивает крестьянин землю, кою он избрал для себя в низменном месте, и оную засевает, выжегши наперед прошлогоднюю траву или некоторую часть леса и находящиеся при оном кустарники… Потом засевает он ее по крайней мере для того, что там ему способнее пахать, еще одним или двумя семенами (т. е. до трех лет, — Л. М.). А, наконец, оставляет сию пашню как негодную и ищет для себя в 10 и 15 верстах в другой долине новую…»12 *

По мере накопления опыта такая практика исчезает. Объясняется это тем, что, на наш взгляд, критерий целесообразности довольно сильно коррелирует с такими моментами, как: 1) затраты труда и бюджет рабочего времени, иначе говоря, со степенью совершенства того или иного производственного процесса; 2) объем необходимой продукции и даже острота необходимости получения того или иного вида продукции земледелия; 3) соотношение объема производства данного продукта земледелия с остальными, наконец; 4) стабильность и степень нестабильности климатических условий.

В целом же для эпохи феодализма критерий целесообразности, который интегрирует все названные моменты, наиболее важен как критерий оценки степени развития культуры земледелия в условиях прежде всего господства натурального хозяйства13. И эти традиции целесообразности могут существовать целыми столетиями. Например, на русском Севере, в частности в пределах Вологодской губернии, в XVIII в.

бытовал оригинальный принцип севооборота на неполевых пахотных землях, т. е. вне трехпольного севооборота, описанный в 60-х гг. XVIII в. А. Олишевым. «На подсеках, — пишет он, — сеют ячмень весною вместе с рожью и, когда ячмень поспеет, то оной сожнут, а остальную ржаную озимь вытравят. В будущий год тут изрядная рожь родится — и так на оной земле всегда два хлеба снимают»14. В 80-х годах XVIII в. точно такая же практика существовала и в пределах Тверской губернии. Здесь в Вышневолоцком уезде крестьяне «на новых сечах рожь иногда сеют с ячменем, что называется подсевом (курсив наш, — Л. М.). Сжав ячмень, рожь оставляют к будущему году, собирая таким образом два хлеба за одною работою и на одной земле»15.

Казалось бы, интереснейший эксперимент качественно связан с позднейшими сдвигами в социально-экономических отношениях, с ростом товарности сельского хозяйства и т. п. Но вот, в документах XVI в., в частности в записках А. Гваньини, мы находим указания в сущности на ту же практику смешанного посева ячменя с озимой рожью. Точно так же здесь после уборки ячменя скошенную рожь оставляли до будущего года. «На следующий год эта рожь бывает так урожайна и густа, что через нее с трудом можно проехать верхом… притом одно зерно дает тридцать и более колосьев»16.

Таким образом, местная особенность земледелия порождена здесь исключительной специфичностью природно-климатических условий Севера с его коротким летом и длительным большую часть этого сезона световым днем. Ячмень с его способностью к короткому вегетационному периоду (иногда до 9 недель) в этих условиях был единственной надежной урожайной культурой. Однако господство монокультуры могло быть экономически целесообразным лишь в условиях развитого общественного разделения труда и товарообмена, способного дать иные эквиваленты затраченного труда в обмен на ячмень и т. п. Сдвоенный посев ячменя, появившийся, видимо, ранее XVI в., был продиктован, таким образом, слабостью развития товарообмена, господством натурального хозяйства, т. е. необходимостью иметь в достатке основную продовольственную культуру — рожь, менее приспособленную к местным условиям. В основе данной специфики лежат, таким образом, фактор целесообразности и учет природно-климатических особенностей края.

Основные хлеба трехполья

Паровая система земледелия в ее варианте трехпольного севооборота была в XVIII в. абсолютно господствующей на гигантских просторах Европейской России. Основу ее составляли, как известно, два действующих поля — озимое и яровое — и поле отдыхающее 17, где почва прела, т. е. парилась и, подвергаясь обработке пахотными орудиями, умягчалась (поскольку после зерновых культур земля «твердела»), освобождаясь от «дикой травы». Период пара использовался и для внесения удобрений — в народной практике XVIII в. это был по-прежнему скотский навоз. В условиях последовательной смены функций каждого из трех полей размеры их должны были быть примерно равными.

Как известно, господство трехполья — итог многовекового отбора наиболее рациональных для русского крестьянского хозяйства культур — максимально эффективных с точки зрения пищевого разнообразия и калорийности, максимально экономичных с точки зрения рациональных затрат труда (неприхотливость к почвенным и климатическим условиям, надежность в урожайности, стойкость к заболеваниям и т. п.). Поэтому центральной культурой и в XVIII столетии оставалась озимая рожь, сохранившая ключевое значение в крестьянском хозяйстве от северных пределов распространения (Вологодская и отчасти Архангельская губ.) до южностепных и заволжских районов (Воронежская, Оренбургская и др. губ.).

Рожь

Рожь, занимавшая все озимое поле и составлявшая 50 % всех возделываемых культур, была для крестьян и в XVIII в. нужнее «на пищу всякого другого хлеба»18. По мнению современников, «ржаной хлеб пред пшеничным почитают они (т. е. крестьяне, — Л. М.) за здоровейший». Рожь была «прочнее в зернах и в муке, нежели пшеница», т. е. долго не портилась в условиях бытового хранения. «Уважают еще и то, что рожь в солод годится лучше, нежели пшеница, и варение пив и квасов без ржаного солода хорошо и здорово быть не может». «На винокуренных заводах ржаной солод и ржаной хлеб за самый лучший почитается». За рожью русские крестьяне числили и многие достоинства лечебного характера. Помимо вкусовых и сырьевых достоинств рожь отличалась неповторимыми экономическими достоинствами как наиболее выгодная в хозяйстве зерновая культура. Ее отличала наиболее надежная урожайность, что для крестьянина Европейской России с ее резкими климатическими колебаниями «мокроты» и «сухоты» было

важнейшим качеством. Отличала рожь и рациональность затрат труда по ее возделыванию. Не требуя весенне-летней подготовки, рожь давала приемлемый урожай на любой земле (рожь предпочитает сухую рыхловатую землю, но родится «на всяких землях»19). Для крестьянина, вечно мотающегося в погоне за соблюдением бесчисленной череды необходимых сроков производства работ, рожь была неоценимой по надежности зерновой культурой в самую напряженную пору — жатву. Поспевшая рожь была «в колосьях всякого ярового хлеба крепче», т. е. меньше всех теряла зерно и на корню, и в сжатом виде. «В таких случаях, — писал П. Рычков, — когда яровой хлеб вместе поспевает с рожью, то земледелец, покидая жнитво ржи, принимается за яровое, а рожь жнет в самую глубокую осень»20. А в южных районах при мягкой зиме рожь иногда выстаивала и зиму. Таким образом, господство ржи как основной зерновой культуры — итог многовекового воздействия на агрикультуру русского земледелия — критерия целесообразности. Важную роль играла и яровая рожь, которая часто страховала озимый посев при гибели всходов от червя. Яровая рожь пользовалась популярностью и как крупяная культура, хотя ее зерна были мельче настоящей ржи.

Овес

Из яровых культур аналогичное место занимал овес. П. Рычков так характеризует достоинства этой культуры: «Овес же из ярового севу почитает земледелец за главной по той причине, что онаго… на… домашний расход к содержанию лошадей требуется больше…». «В крупах он лучше и прочнее всякого хлеба»21 — качество, поистине неоценимое для крестьянского хозяйства. Не менее существенны и чисто агротехнические достоинства овса. Он неприхотлив, а стало быть, растет и на плохих «безнавозных» землях. Он требует минимальной обработки. Почти повсеместно почву под овес пашут и боронят лишь один раз, а это громаднейшая экономия крестьянского труда («в сеянии меньше работы»)22. Овес из всех яровых культур требует для посева меньше земли из-за необычайной густоты высева. Иначе говоря, здесь присутствуют какие-то моменты даже интенсификации земледелия, моменты, чрезвычайно ценимые русским крестьянином (овес сеется по норме, вдвое и втрое большей, чем основные зерновые культуры — рожь, ячмень и пшеница). Рычков отмечает, что овес «легок в провозе»23. Наконец, самое главное достоинство овса — стабильность его, хотя и относительно невысокой, урожайности (сам-3, сам-4, сам-5). Относительную стабильность урожайности крестьянин предпочитал резким ее колебаниям, какая свойственна, например, пшенице.

Ячмень

Важное место в ассортименте яровых культур занимал ячмень («жито»). Эта важнейшая крупяная культура была также сравнительно неприхотлива. Ячменный солод шел на варение пива и браги. Обладая самым коротким вегетационным периодом (от 8 до 9 недель, по сравнению с 12–18 неделями яровой ржи, пшеницы), ячмень был второй вслед за овсом культурой с сравнительно надежной урожайностью («урожаем на всяких землях», даже на супесках, но только, когда земля «не очень тоща»). Лучшая урожайность ячменя была на удобренных землях. Скороспелость ячменя не только продвинула его на русский Север, но сделала его важнейшим средством спасения при гибели озимых хлебов. Когда в иную зиму рожь «выпревала», то весной крестьяне пересевали озимое поле ячменем и тем спасались от голода24. Зерно ячменя было крупнее пшеничного, а примол ячмень имел больше, чем у ржи. Правда, давая сравнительно высокий урожай, ячмень в спелых колосьях очень быстро осыпался. Тем не менее ячмень столетиями прочно входил в круг минимально необходимых для крестьянина культур на громадной территории, начиная с Архангельской на Севере, Воронежской и Курской губернии на Юге, включая Урал и Оренбуржье на Востоке. Современники свидетельствуют о бытовании в XVIII в. в южных районах России так называемого «голого» ячменя, то есть без кожицы. Колос такого ячменя был безостый («без усов»)25.

Пшеница

Пшеница (яровая) также была одной из тех культур, которые более или менее прочно входили в круг потребностей крестьянской семьии на севере, и на юге, и на востоке России. Однако очень небольшие размеры ее посева были, видимо, закреплены традицией. «Сие обыкновенно… — писал П. Рычков, — есть самое древнее»26. В основе этого лежат особенности агрикультуры и агротехники пшеницы. Лучше всего эта культура была «урожаема» на нови, «из лугов и лесов расчищенной», и степных черноземах. Рождалась она и на «землях твердых и несколько мокроватых», а также на унавоженных суглинках27. XVIII век лишь во второй половине в результате народной практики создал тот сорт пшеницы, который более или менее

был адекватен природно-климатическим условиям России.

Пшеница-ледянка

Этот сорт — так называемая «ледянка» (особый вид яровой культуры). Важнейшим достоинством ее является ее сверхранний посев. Причем на землю, приготовленную (т. е. вспаханную и заборонованную) еще с осени. К такой агротехнике в русском земледелии был приспособлен дотоле лишь один мак. Ледянка «сеется весною, как скоро снег сойдет и земля несовершенно еще растает, на приготовленной еще осенью земле»28. Отсюда и ее наименование — «ледянка». В районе Каширы урожайность ее на хорошей земле достигала иногда чрезвычайного уровня (сам-8 и больше). Но, что особенно важно, — «ледянка» могла расти на хорошей, но не унавоженной земле29. Сверхранний посев делал ледянку способной не заглушаться травами, меньше болеть. Главное же ее достоинство — оптимальная приспособленность к экономическим условиям трехполья. Как и любая пшеница (озимая и яровая), ледянка требовала хорошей вспашки земли. В общем потоке бешеного темпа весенних работ двойная затрата труда на обработку земли для яровой пшеницы была часто просто непосильным бременем. В условиях роста эксплуатации барщинного крестьянства, вызванного развитием товарного помещичьего хозяйства во второй половине века, весенний цикл работ крестьянина был настолько напряжен, что часто приводил к угрозе воспроизводству самого крестьянского хозяйства. Единственным оптимальным резервом трудовых ресурсов была осенняя послеуборочная пора, поскольку молотьба довольно часто не была сопряженной с сезонно-погодными условиями и затягивалась вплоть до самой зимы. Постепенно именно этот резерв и начинает использоваться распространением во второй половине века в Центральной России и на Северо-Западе так называемой зяблевой вспашки. Однако это был длительный процесс. Пшеница-ледянка в принципе великолепно укладывалась в этот резерв напряженного цикла работ трехполья. В 60-е — 70-е годы XVIII в. посевы пшеницы-ледянки отмечены в Переславль-Залесской провинции («пшеница, называемая ледянка, красная и скороспелая»). Тульской, Тверской и др. губерниях30. Однако А.Т. Болотов отмечает, что в 60-е годы XVIII в. эта разновидность пшеницы только начинает распространяться.

В осенний резерв времени крестьянина-земледельца вторгается прежде всего помещик. Поэтому и посевы пшеницы-ледянки — это прежде всего элемент зернового хозяйства помещика, как и вообще всех видов пшениц. А.Т. Болотов отмечал, что в Тульской провинции крестьянские посевы пшеницы-ледянки были лишь в некоторых деревнях, да и то преимущественно у оброчных крестьян31. Несмотря на это, в целом появление и распространение пшеницы-ледянки было выдающимся агрикультурным достижением этой эпохи.

Достоинства пшеницы-ледянки оттеняют недостатки озимой и яровой пшеницы как очень прихотливых, капризных, «нежных», как говорили в XVIII в., хлебов. Прежде всего эти «хлеба» требовали исключительно хороших, плодородных, тучных земель или земель, добротно унавоженных. В условиях, когда в Нечерноземье преобладали малоплодные, минимально удобренные земли, это создавало большие трудности и приводило в итоге к минимальным высевам и притом главным образом яровой пшеницы, т. е. озимая не могла еще конкурировать с рожью. В черноземных краях, где уровень плодородия почвы был более высоким, более или менее широкому распространению как озимой, так и яровой пшеницы препятствовала слабая устойчивость тогдашних сортов этой культуры к болезням и сорнякам (головня, костер, так называемый пух). А.Т. Болотов с горечью писал в 60-х годах о том, что хорошие всходы озимой пшеницы чаще всего были благополучными до стадии колошения, «но потом заглушаются пухом, костером и другими худыми травами»32, или «недозрев или в самый налив ложится на землю и большая половина сопревшая с пустыми колосьями приходит»33.

Конкретных сведений об удельном весе посевов озимых и яровых пшениц практически нет. Но вот, редкая удача позволяет нам убедиться в слабом распространении пшениц даже в Черноземье. В Топографическом описании Воронежской губ. есть данные от 7 июля 1785 г. по Воронежскому у. «Хлеб сеется: рожь с овсом в равной пропорции, а противу оной (т. е. этой доли посева, — Л. М.) греча [сеется] в третью [часть от посева овса или ржи], пшеница яровая — в десятую, озимая — в одиннадцатую часть». Иначе говоря, это 10–15 % от ярового и от озимого клина. «Просо, ячмень, мак и семя конопляное и льняное противу всего онаго хлеба — в малом количестве»34.

Ярким исключением была группа уездов Орловской губ. Здесь условия для сева пшеницы были, видимо, наиболее благоприятны. Наблюдатели в один голос расхваливали здешние черноземы. В Мценске «довольно хлебородных нив тучных, полей рубных(?)»35. О Ливенском уезде: «земли в нем самые лучшие

и к урожаю хлеба способные»16, особое внимание уделялось посевам пшеницы, которую наипаче умножать стараются»37. О Елецком уезде: «земля чернозем и в своем роде лучшая, а притом мало еще обработанная»38. В Малоархангельском у. первенствовали озимая пшеница и озимая рожь39. В 80-х годах Орловский край был своеобразным «аграрным Клондайком». Здесь было множество степей, нетронутых ковыльных просторов, где носились сайгаки и дикие козы (а на Брянщине — дикие вепри)40. Близость р. Оки как удобной транспортной артерии способствовала стремительному освоению земель прежде всего под пшеницу, которая требовала более тщательной обработки почвы. И здесь под озимые сорта пшеницы землю «троили», то есть пахали трижды41. Таких условий, пожалуй, «больше нигде не было кроме юга донских степей и некоторых районов Северного Кавказа.

Слабая устойчивость к болезням, необходимость тщательной обработки почвы способствовали слабому распространению яровой пшеницы в крестьянском хозяйстве Заволжья и Оренбургского края. П. Рынков подчеркивал:

«Чтобы хорошо пшеница родилась, двойная работа земледельцу надобна: ибо с начала весны наперед всего вспахав и выбороня землю, должны ее покинуть, дабы она прела, что называется здесь пар. Потом ту ж землю еще пашут, сеют и боронят в другой раз, чего при другом хлебе весьма редко наблюдают, но, спеша севом, оставляя пар (т. е. не делая его, — Л. М.), довольствуются одним паханием». Таким образом, посевы пшеницы были и в этих краях, но занимали третьестепенное место прежде всего из-за большой трудоемкости возделывания. Были и чисто местные препятствия расширению пшеничных посевов — даже новые земли под пшеницей быстро выпахивались («после 2-х или 3-х севов требует пшеница новой роспашной земли»)42. Снова пшеничное поле и здесь одолевали головня, куколь и т. п.

Все это приводило в XVIII в. к реальному проявлению традиционного критерия целесообразности, который синтезировал такие параметры культуры, как продовольственные достоинства, стабильность урожайности, затраты труда и рабочего времени. Итог был один — минимальные, сравнительно с товарными потенциями, посевы в крестьянском хозяйстве как озимой, так и яровой пшеницы.

В качестве редких исключений в районах Суздальского и Владимирского опольев — очагов древних культурных зон плодородия — по данным М.А. Баранова, в 21 вотчине Спасо-Евфимьева монастыря Суздальского у. в 1761 г. посевы пшеницы составляли 15 % ярового поля. А во Владимирских вотчинах монастыря (с. Мордош, Коврово, Торки и Новое) в том же году посевы пшеницы составили 27 % ярового поля43. Возможно, что в севообороте такой процент вообще эпизодическое явление. В конце века посевные площади под пшеницей в Орловской губ. — наиболее крупном районе производства пшеницы — достигали всего 9,8 % (49399 дес.)44.

Пшеница была, таким образом, культурой, возделываемой прежде всего помещичьим хозяйством. Она имела большой удельный вес, максимально допустимый в рамках трехпольного севооборота, на огромных просторах Тульской, Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Воронежской и др. губерний. Преимущество и здесь было за яровой пшеницей.

Наконец, в конце века одним из редчайших случаев были небольшие посевы яровой пшеницы в Олонецкой губернии, климат которой был мягче, чем в соседней Архангельской губернии, особенно по берегам Ладожского и Онежского озер, где теплые осенние дни были и в сентябре. Посевы пшеницы встречаются здесь в Петрозаводском, Олонецком, Вытегорском, Каргопольском и даже в Повенецком уездах45. Однако урожай ее был столь мал, что не избавлял от закупок ее в Вологде и Белоозере46.

Греча и горох

Среди остальных культур ярового клина необходимо упомянуть горох и гречу, также входившие почти всюду в непременный ассортимент крестьянского хозяйства. Посевные площади под ними достигали иногда 8 % и 12 % ярового поля. В крестьянском хозяйстве дорожили не только их ценнейшими качествами как продовольственных культур. «Гречу и больше сеют и лучше употреблять в России знают, нежели во всей Европе, — писал И. Комов. — Ибо там птицу только да скотину кормят ею, а у нас самую питательную для человека пищу из нея готовят, как всякому известно»47. Греча крайне неприхотливая культура: «пашут под нее обыкновенно один раз и сеют, после всякой уже яри, под борону»48. Главное же, и греча и горох возделывались с успехом на «ненавозных» землях. В Каширском у., например, гречиха сеялась «на самой худой земле»49. Урожай сам-3 и сам-4 считался здесь поэтому прекрасным. Больше того, на тучных

черноземах она давала далеко не лучшие урожаи. Горох сеялся на более качественных, но тем не менее не унавоженных землях. Этих культур не было в ассортименте крестьянского хозяйства лишь там, где почвенные и климатические условия являлись решающим препятствием к их посеву (например, ранние заморозки в Вологодской и Оренбургской губерниях). Вместе с тем важно отметить, что в Центральной России и овес, и греча, и горох постоянно страдали от осенних заморозков.

Наконец, непременным элементом ассортимента культур парового трехполья были лен и конопля. Первая из этих культур очень плохо росла на черноземе, вторая, наоборот, на подзоле, хотя обе сильно истощали почву. Но, будучи важнейшим элементом натурального крестьянского хозяйства, они в минимальных размерах (до 2 %) сеялись даже в самых неблагоприятных зонах (правда, в Оренбургской губ. лен совсем не рос). Остальные яровые культуры (полба, чечевица, репа, просо, «бор», мак и др.) сеялись лишь по тем или иным природно-климатическим зонам в размерах, значительно уступающих всем остальным культурам. Просо лучшие урожаи давало на «жирных землях». Вместе с тем, как писал современник, оно «любит» землю «между лесов и притом умеренно мокрую, иногда хорошо родится на супесках», но совсем не родится на каменистых почвах. Бор любит косогоры и «чищобы от лесов»50.

Живучесть трехпольного севооборота помимо действенности традиционного фактора целесообразности и рациональности опиралась и на натуральный характер крестьянского хозяйства. В XVIII в., даже во второй его половине, в условиях довольно сильного проникновения товарно-денежных отношений в деревню, натуральный характер крестьянского хозяйства все же преобладал. При сравнительном многообразии ассортимента культур, возделываемых в крестьянском хозяйстве, вовлечение в орбиту товарно-денежных отношений производства одной-двух, редко трех культур не могло повлиять решающим образом на натуральный характер хозяйства в целом. Такое влияние становилось реальностью лишь в итоге вековых процессов развития общественного разделения труда.

Крестьянину почти все необходимо было иметь свое. Такова специфика феодального хозяйства, такова специфика и взращенной этим хозяйством психологии крестьянина. Объективно-исторические процессы общественного разделения труда и развития специализации производства лишь постепенно разлагали натуральный характер крестьянского хозяйства, преодолевая консерватизм его экономической структуры. Болотов прямо объясняет отсутствие в Тульском крае ощутимого роста посева пшеницы: поскольку она сеется в яровом поле, а обычно эту часть поля засевают ячменем, то яровую пшеницу и не сеют, «чтоб, надеясь на пшеницу, и ней (т. е. ее, — Л. М.) не получить и ячменя лишиться»51. П. Рычков пишет о том, что мужик сеет то, что «для него нужнее». Овес мужику нужнее пшеницы — и не старается он уже для нее. Если же он затратит труд на пшеницу, «то необходимо уже принужден он будет уменьшить сев свой овсяной или ячменной и другой, в котором ему так же нужда»52.

Таким образом, трехпольный севооборот, порожденный определенным уровнем развития производительных сил и натуральным характером хозяйства, был могучим фактором реальной действительности. Новые моменты в развитии агрикультуры с трудом пробивали себе дорогу.

Чересдесятинщина Передовая агрономическая мысль XVIII столетия в лице одного из своих виднейших деятелей, А.Т. Болотова, уже к 60-м годам четко осознавала известный анахронизм и консерватизм трехпольного севооборота, и, впрочем, не только его, но и системы общинного землепользования и землеустройства. «Земли, которые крестьянин и на себя и на господина своего пашет, лежат не вместе, но в разных местах и от дворов по большей части в дальнем расположении… Я нигде не находил, чтоб крестьянин имел землю свою всю вместе, подле двора своего или, по крайней мере, в близости она-то; но везде генерально разбросана она по всем полям, кои к той деревне принадлежат»53. Эти обстоятельства усугубляются дробностью и разбросанностью и дворянского землевладения. Крестьянин из-за этого «принужден будучи версты за две, за три, а иногда за шесть и более верст как для своей, так и для господской [пашни] ездить, а иногда и из других деревень приезжать»54. Сложное переплетение дробности помещичьего землевладения и общинного землепользования и землеустройства создавало, в частности, ситуации, когда «ни помещику, ни крестьянину всю землю свою унавозить никак невозможно, хотя б он и довольное количество навоза имел». «Отдаленность большой части десятин и временем, и неимением туда, за посеенным хлебом, проезда мешают ему возить оной на них. Чего ради унавоживаются только придворныя земли или в близости лежащие десятины, а про-чия всегда без всякого унавоживания оставляются и весьма худую пользу приносят»55. Консерватизм и архаизм трехполья и дробности полей А.Т. Болотов

суммировал в коротком и емком определении Чересдесятинщина (что в XIX в. стало именоваться «чересполосицей»). «Чересдесятинщина» была основным препятствием малою своею землею по своему хотенью пользоваться»56. Либерал-помещик А.Т. Болотов ясно представлял агрикультурный и агротехнический прогресс, связанный с ликвидацией «чересдесятинщины» и принудительного севооборота. Крестьянин, не будь всего этого, «мог, например, земле своей иной целой год дать отдыхать или землю свою не летом, а зимою или весною унавозив в тот еще год, чего-нибудь насадив или насеяв, пользу получить. А она бы под пшеницу или под рожь с лучшею выгодою поспеть могла. Или, например, по своему произволению, смотря по земле, озимой или яровой хлеб лучше на ней сеять»57. «Еже ли бы… крестьянин всю землю… вместе имел, то мог бы он… по примеру других государств, землю свою окопать и огородив… и внутри разделив и всегда… унавоживать и на все употреблять, на что похочет»58, а то ведь «принужден он по неволе там озимой или яровой хлеб сеять, где у соседей его озимой и яровой посеяны, в противном случае от скота он весь съеден будет»59.

Разумеется, это были трезвые наблюдения, но не реальные мысли. Жесткая определенность трехпольного севооборота паровой системы земледелия и в середине XVIII в. все еще имела в своей основе экономические реалии, среди которых натуральный характер хозяйства и веками отработанная система севооборота, ломать которую было нереально. Правда, в ее рамках были возможны хотя и ограниченные, но весьма симптоматичные сдвиги в развитии агрикультуры и агротехники.

У каждого хлеба Иного севооборота в рамках трехполья быть свой норов те могло, но выбор для той или иной культуры поля того ли иного достоинства существовал вполне определенно. Имея в виду яровые поля, можно говорить, что в 60-е годы XVIII в. лучшие загонки в районах южнее Тулы и Рязани отводились под пшеницу и ячмень. Они выступали в черноземных районах своеобразными конкурентами. Овес как наиболее могучая по выносливости культура сеялся на худших и посредственных землях. Для льна и конопли, если это были товарные культуры, отводились лучшие земли, хотя они сильно истощали почву. Просо в черноземных регионах сеялось преимущественно на новых землях. Наряду с обычным просом в Курской, Воронежской, Оренбургской и др. губерниях был широко распространен уже упоминавшийся «бор» или «дикуша». Эта разновидность проса, известная и в Европе, отличалась способностью давать урожаи сам-20, сам-30 и более при самой примитивной обработке поля (и даже и вовсе без нее). В Оренбургском крае в XVIII в. в агрикультуре обычного проса сохранилась, видимо, весьма древняя традиция: «чтоб родное (урожайное, — Л. М.) и доброе просо иметь, то некоторые мужики так скоро, как оно всход окажет, перепахивают его сохой, токмо… оную перепашку [надо] зделать в дождливую погоду»60. Перепаханные таким способом всходы давали в итоге обильный урожай (рекордный — сам-60).

В ассортименте культур крестьянского хозяйства России были вместе с тем и такие, которые активно использовались в трехпольном севообороте ради улучшения плодородия полей. Для черноземов России и отчасти ее Центра это гречиха. Здесь проявлялось наиболее важное свойство гречихи очищать поля от сорняков, поскольку густая листва ветвистой гречи подавляла все вокруг.

Посевы гороха, так же как и посевы гречи, играли важную агрикультурную роль как средство восстановления плодородия. Русская земледельческая культура, видимо, чисто экспериментальным путем выявила эти особенности гороха. П. Рычков, опираясь на народную практику, писал, что «земля после гороху утучняется и бывает мягка». Больше того, на тучных землях горох «нежился»61 и бежал в плети, давая плохой урожай. А.Т. Болотов прямо писал, обобщая практику, что навоз для гороха просто вреден62. Самое же интересное в наблюдениях А.Т. Болотова заключается в том, что горох избегали (за так называемой «вредностью») сеять на одной и той же земле. То есть сеяли, но не чаще одного раза в 6—10 лет63. Таким образом, объективно создавалась ситуация, когда в рамках трехполья «гороховый клин», так сказать, кочевал по всем полям, способствуя восстановлению плодородия и обогащению почвы азотом.

Столь целенаправленная практика использования ценнейших свойств гороха явственно проступает даже по самым скупым сведениям о распространенности культур. В Сергачском у. Нижегородской губ., где даже при унавоживании урожайность была очень низка, очень широко практиковался посев в полях репы (эффект занятого пара) и гороха64. В Меленковском, Ковровском, Юрьев-Польском, Переяславском, Александровском уездах Владимирской губ. преобладали посевы трех культур — ржи, овса и гороха65. В Гороховецком и Муромском у., кроме ржи, овса и гороха, чаще всего сеялась греча66. В Суздальском, Киржачском и Покровском уездах той же губернии, кроме ржи, овса и гороха, существенное место занимали посевы ячменя67. В Вязниковском у. преобладали посевы ржи, овса, ячменя и гречи, а в Шуйском — ржи, ячменя, овса и гречи68. Разумеется, ассортимент культур этих районов явно вынужден

обстоятельствами. Столь широкое распространение в яровых полях посевов гороха, а кое-где и гречи, скорее всего проявление усилий по поддержанию плодородия довольно тощих почв этого региона (исключая небольшие территории Владимирского и Суздальского опольев).

Спасительница-Греча

Действенность этого свойства гречи четко проступает, в частности, в наблюдениях И.А. Гильденштедта по районам вблизи Лугани, а также южнее Белгорода, где «яровые поля, особенно бывшие под гречихой, засеваются рожью, не будучи перепаханными; посев только заборанивается»69. Свойство гречи улучшать почву использовалось повсюду, где имелись не слишком плодородные земли. Петр Рычков, обобщая наблюдения крестьянской практики, писал, что «та земля, на которой бывает греча посеена, хотя б она и плохая, по снятии ее бывает весьма мягкою и тучной, чего ради и сеют ее на старых десятинах нарочно, чтоб одобрить землю». А.Т. Болотов также отмечал, что в пределах Тульской провинции сеялась «гречиха на самой худой земле, что осталась от посева овса»70, который, в свою очередь, сеялся далеко не на лучших землях. В Калужской провинции греча обычно сеялась также на не очень удобренных землях71. Наоборот, Ив. Лепехиным подмечено было, что «тучная земля к урожаю сего (т. е. гречихи, — Л. М.) не способна»72. На худых почвах греча давала, по мнению Болотова, прекрасный урожай (сам-3, сам-4). Если почва была чуть лучше, урожай поднимался до сам-5». В Васильском у. Нижегородской губ. в селе Богородском посевы гречи на глинистой и серопесчаной почве вытеснили даже лен и коноплю74.

Необходимо отметить еще одну важную сторону высокой агрикультуры возделывания в России гречихи. Общеизвестно, что гречиха, будучи отменным медоносом, опыляется почти исключительно пчелами. Вследствие этого огромные посевы гречи там, где было мало лугов, требовали специальной организации опыления гречи, а не простого стихийного действия природных опылителей. По Рязанской провинции мы имеем прямые данные о массовом разведении пчел для опыления гречи. Здесь «почти у всякого мужика по нескольку ульев пчел есть»75. Главный мед был гречишный: «когда гречи недород, то и пчел по здешнему местоудовольствию получить не от чего»76. Так, видимо, было и в других районах.

Следовательно, в рамках консервативного трехполья агрикультура возделывания гречи на громадных пространствах черноземного Центра России была на весьма высоком уровне, являясь вместе с тем средством повышения плодородия.

В более северных районах Нечерноземья (за исключением ополий Владимира, Суздаля и др.) греча такой роли уже не играла. Здесь ее сеяли лишь там, где она вообще могла дать урожай. Так, в Костромской губ. сеяли ее лишь в южных районах, «избирая под нее сухие места, наклоненные к солнцу… дабы оная могла уходить от морозов»77.

Подсеки и росчисти в России

Как уже говорилось, в XVIII веке помимо полевого земледелия было широко распространено в российском Нечерноземье земледелие, связанное с эпизодическим использованием лесных росчистей, то есть глубоко архаичная агрикультура, сохранившаяся с незапамятных времен. В историографии послевоенного периода, когда социально-экономическая проблематика была особенно популярна, об этой стороне земледельческой практики великорусских крестьян писали мало, словно стесняясь этой архаики. Между тем живучесть архаичных приемов земледелия была связана не с воображаемой культурной отсталостью крестьян, а с острой жизненной необходимостью. Суть ее заключается в том, что земли регулярного трехпольного севооборота не обеспечивали крестьянство этой гигантской части страны минимально необходимой аграрной продукцией. И это было связано, как будет показано дальше, с катастрофической нехваткой удобрений для полевых земель. Именно поэтому в России земледелие на лесных росчистях, «палах», сохранялось и было важной составной частью зернового и овощевого производства.

Типичная архаика подсечного земледелия сохранилась в XVIII в. в изобильных лесом местностях. Причем там, где земледелие не играло сколько-нибудь значительной роли. В частности, современники писали, что в южной части Олонецкой провинции в 60-х гг. XVIII в. «жители по большей части питаются купленным хлебом»78. Тем не менее, подсечное земледелие местами еще сохранялось. Виды подсеки зависели от возраста леса. Десяти — двенадцатилетний лес с кустарником давал после рубки и выжигания пашню со сравнительно коротким сроком пользования и не очень высоким урожаем. Рубка и выжигание «посредственно крупного или 50 лет стоявшего леса» давали пашню, на которой «в хорошие годы рожь в

20, а овес по два лета в 10, 12 и 15 крат»79 приносили урожай по сравнению с посеянным. Наконец, встречался тип лесной пашни, называвшейся «подстой». Для подстоя лес не сводили, ибо это был, как правило, двухсотлетний строевой бор. Он очищался от кустарников, а большие деревья оголялись от коры и засыхали. Земля же иногда вспахивалась, а иногда сев шел прямо по выжженной почве, на которой находилось «столько уголья, моху, хворосту и пеплу, сколько потребно к прикрытию семян. И так сеют хлеб на голую выжженную землю, и загребают семена граблями»80. Влаги на такой земле было достаточно от тени стоявших деревьев. Иногда при «подстое» деревья «очерчивали», т. е. обрабатывали почву отрезом или чертежом. «На сей земле в хорошие годы обыкновенно родится рожь и овес по 2 лета сряду от 40 до 50 крат» по сравнению с посевом81. Столь баснословная урожайность была обратнопропорциональна сроку использования такой пашни. Подсечное земледелие вообще давало эффект лишь за счет одномоментного насыщения почвы пеплом и компонентами гниения хвороста, сучьев и т. п. Это был крайне экстенсивный способ земледелия, сохранившийся только в роли реликтового явления, и к 80-м годам XVIII в. он, видимо, исчезает, будучи вытесненным росчистями многократного использования.

Уровень агрикультурных знаний русского крестьянства уже был таков, что земледелец Нечерноземья не гнался за одномоментным баснословным урожаем на лесном пепелище. Четко осознавался, хотя и не всюду, вред от бурного лесного пожара. Как правило, в XVIII в. лесные росчисти освобождались от стволов и крупных сучьев. Их увозили на дрова и какие-нибудь поделки.

В Кашинском у. Тверской губ. расчистка пашни из-под леса сопровождается практическим использованием всего леса, кроме прутьев и сучьев, которые сжигают на месте в кучах82. Такая практика приводит к тому, что иногда первый урожай бывает самым скромным. Так, в Корчевском у. Тверской губ. «в первый год хлеб родится не весьма хороший по причине множества корней и больших глыб, подавляющих часть зерен. А на другой год, когда сии глыбы перепашутся и коренья перегниют и земля зделается мяхче и рыхлее, тогда хлеб родится самой лутчей. Таковое плодородие продолжается пять лет»83. Это, видимо, средний по продолжительности срок службы «нивы» или росчисти, хотя часто срок был гораздо короче. Например, в Вышневолоцком уезде, где было очень много росчистей, новины обрабатывали не очень старательно: «на вновь выжженных местах обрабатывают оную обыкновенно же сохою, но без полицы. Сие называется «цапать». По снятии трех, четырех или пяти хлебов «нивы запускаются под сенокосы, а под пашню новыя места расчищаются»84. Не исключено, что именно краткий срок действия «нивы» издавна породил обычай подсева, о чем уже говорилось, на новых сечах ячменя ко ржи, чем создавалась огромная экономия труда. Правда, в Осташковском у. росчисти служили еще меньше: «через два хлеба запускают под лес»85.

Вместе с тем в ряде мест Тверского края росчисти обрабатывают очень тщательно, и это сильно продлевает плодородие безнавозной земли. Так, в Калязинском уезде «везде семьянистом (то есть многосемейными крестьянами, — Л. М.) немалое число земли под пашню расчищается. Разчистка бывает следующим образом. Срубают лес осенью и оставляют на год или на два на месте, дабы земля под сучьями подопрела. После того крупный лес отбирают, отсекая сучья, и употребляют, куды годен. А сучья и мелкой лес сбирают в груды и жгут. Потом подымают сперва отрезом, а после сохами и, несколько поборонив, сеют овес. Некоторые же в тот год не сеют никакого хлеба, а переворотя землю, оставляют до будущего, дабы лучше корень и трава засохли и сгнили. Потом перепахав два раза, сеют рожь или яровое. И таковое место, чем далее пашется, тем более урожай приносит. Так, что до восьми хлебов снять можно»86.

А в Старицком уезде крестьянский опыт лесных росчистей привел к четкому разделению самих типов росчистей. Росчисть из-под крупного леса называется «ляды», а из-под мелкого — «моложи». Причем на лядах сеют рожь, а на моложах — яровое. Затраты труда на такие «специализированные» росчисти резко увеличиваются. Зато в первый же год крестьяне получали невиданный урожай («на новом поле урожай бывает сам-10»). «Но по снятии пяти хлебов земля начинает терять свою доброту и после без навоза родит плохо»87.

Немалую роль в продлении срока действия росчистей играли, видимо, своего рода севообороты. Правда, при всех условиях отмечено, что лучший урожай — это урожай второго года высева. Крестьяне Ржевского уезда считали, что «на новых местах хлеб родится лучше, а особливо другой раз или, по их названию, «на оборотах» посеянный». В Качестве примера можно привести обстоятельное использование росчистей в Новоторжском уезде. Здесь «в исходе июля срубают лес под корень и оной оставляют на месте до будущей весны, а тогда оной зажигают. А когда обгорят сучья и ветви, то убирают мелкий на дрова, а лучший — на строения. Землю поднимают сохою и сеют пшеницу или ячмень. На другой год — рожь, а потом овес. Первый и второй хлеб приходят в восьмеро и в девятеро. Сенокосы расчищаются таким же образом, но…

срубленный лес не жгут, а убирают прочь. По прошествии двух или трех лет оставшиеся пенья выламывают»88. Таким образом, получив в первый год высокий урожай пшеницы и ячменя, во второй год урожай ржи еще выше (сам-9). В третий год неприхотливый овес, видимо, приносит также весомую прибавку в зерновой баланс крестьянской семьи. Кстати заметим, что в Новоторжском уезде роль урожаев на «нивах» была столь велика, что автор топографического описания уезда назвал почвы уезда весьма плодородными, хотя урожай в уезде в целом невелик (рожь и ячмень всего урожается сам-3 и сам-4, но ближе к Старицкому уезду — сам-5 и сам-6, овес сам-3, конопля и лен сам-2 и сам-3)89.

Следует отметить и роль репы в севооборотах на лядинах. Обильные урожаи репы «по лядам» («изрядно родится») отмечены по Осташковскому уезду90. В Бежецком у., где расчищалось ежегодно немалое количество земли, в первый год обычно сеяли репу, во второй год — ячмень и только на третий год сеяли рожь. «Плодородие… против навозной земли», что означало урожайность, равную удобренной навозом земле. По снятии «семи хлебов» росчисти снова запускались под лес91.

Такова земледельческая практика одного из многих районов Нечерноземья, где, видимо, и родилась ставшая спустя столетия не совсем понятной пословица: «Не поле кормит, а нива» (то есть росчисть).

Росчисть продленного действия

В некоторых местностях по истечении первых лет использования росчисти на эти земли или возили навоз, или начинали «двоить» пашню.

Так, в Кашинском у. однократная вспашка и боронование были лишь в первые два года, «но для третьего хлеба пашня двоится»92. В районах крайнего севера, в частности в Архангельском у., расчистку лесных участков проводили весной, срубая лес под самый корень. Целый год он лежит недвижимо. Будущей весной его поджигают, но сгорает, видимо, мелочь, так как несгоревшие деревья и сучья берут на дрова. Затем землю рыхлят сохою и сеют рожь. Со второго года землю регулярно удобряют навозом и сеют только ячмень, «которого сначала бывает урожай средствен, а потом от частого унавоживания приходит в большом количестве»93. Без удобрения новины служат 4–5 лет. В Онежском у. срубленный лес оставляли на два года, «чтоб подопрел». Крупный лес отбирали на дрова и строение. А затем остатки жгли. Новина здесь использовалась также подряд 4–5 лет94.

В разных вариантах подобная практика была» в 80-х годах XVIII в. и в соседней Олонецкой губернии, большая часть которой была покрыта лесами. Наблюдатель фиксирует, что лес здесь «каждую весну… разчищают с крайним трудом, но с малою для размножения пахотных земель пользою, потому что, сняв несколько раз, а в других местах и один только хлеб, оставляют разчищенные с трудом земли, не быв в состоянии удобривать их за отдаленностью положения»95. Как уже было сказано, характернейшей чертой Олонецкой губернии был острый недостаток хороших земель и их крайняя разбросанность и отдаленность от мест, удобных для поселения. «Многие в округах Олонецкой губернии волости, состоящие из 6—8-ми тысяч душ, поселены на расстоянии 40 верст, имея земли свои в отдалении 60-ти — 70-ти верст в пусте лежащие»96. В северных лопских погостах Повенецкой округи… на четвертой год после разчистки производят хлеб, не применяя при росчисти «ничего кроме топора и огня». «В первую весну, подсекши лес, оставляют его на месте, дабы згниением мелких сучьев и листьев земля зделалась тучною. На другой год, собравши порубленный лес в кучи, зжигают. На третий — посеевши рожь или репу, пашут и боронят вычещенную землю, которая называется палами и нивами»97. Именно здесь, в Повенецкой округе, «палы не рождают более одного хлеба, быв земледельцами всегда оставляемы за отдаленностью» (отсюда и способ расчистки, при которой срубленный лес никак не используется).

Однако «в других местах» губернии «на сих нивах» хлеб поспевает на третий год, «ибо в первую весну, подрубив лес, оставляют его на месте до следующей [весны], по наступлении которой оной сжигают и тогда же сеют хлеб. Сии палы рождают пять ли шесть хлебов сряду, не быв ничем удобрены. Но, когда перестают быть урожайны, то земледельцы паки оныя оставляют в пусте и запускают рости лес, принимаясь за расчистку новых нив»98. Точно так же расчищали лес и под луга, и «на расчищенных среди лесов пожнях, обделывания которых толиких требует трудов, с какими сопряжена и разчистка нив», «не меньше знатное получается количество сена»99.

На юге Владимирской губернии, между реками Клязьмой и Окой, расположены были бесконечные леса. По свидетельству П.-С. Палласа, «многие деревни принуждены выжигать для очищения места под пашни…

Здешния жители обыкновенно заготовляют пашни следующим образом: подкладывают огонь под коренастые деревья и не помышляют о том, что до половины сгорелые древесные стволы остаются на пашне вышиною в сажень и больше наверх земли. Или огонь простирается далее надлежащего места и опустошает пространство на несколько квадратных верст. Я находил такия пожарища и видал, что у многих деревень на пашнях стоят часто обгорелые высокие пни, которых вырывать не стараются…» Практика эта была постоянной, так как «пашня не чрезвычайно тучна и скоро истощевается по причине лежащего под тонким черноземом песка»100.

На. Урале при известном земельном просторе специфика рельефа вела к тому, что практика систематического унавоживания сосредоточивалась на очень небольших площадях, пахотные массивы земель часто забрасывались, а вместо них в хозяйственный оборот вовлекались новые земли. По Шадринску, в частности, наблюдатель прямо отмечает: «А тот хлеб сеют не на одной земле, но из году в год делают приумножение»101. В Осинском у. «в волостях Касевской, Дубровской, Олховской, Аманеевской, Осинской, Сте-пановского островку в деревнях Мазуниной и Пуговской, Колпаковской сотни в деревне Лушках росчищают черные леса: ельник, пихтовник, липниг (т. е. липняк, — Л. М.) и частию в нем березник и осинник. По росчищении в первый год сеют репу, в другой — льны, в третей — яровой, то есть пшеницу, ячмень, овес и горох. А потом и рожь. И когда она выпашется и потеряет свои жирные соки — урожая производить не будет, — тогда удобряют скотским навозом», т. е. вводят традиционный трехпольный севооборот102. Интересно, что в Соликамском у. были тенденции к нарушению трехпольного севооборота на основных землях. Здесь «землю ж удабривают навозом. Потом сеют хлеб, которой снимается два и три [раза], а после оного делают повторение: ко удабриванию навозы наваживают… Так продолжают и далее»103. Иначе говоря, между периодами пара сеяли не только два, но и три года подряд, т. е. был четырехпольный севооборот.

Именно здесь, на лесных росчистях, зарождалась новая для Нечерноземья плодосменная система земледелия с чередованием яровых, а иногда и озимых культур. В Калязинском у. в первый год сеяли овес, потом рожь, на третий год ячмень104. В Кашинском у. на третий год часто снова сеяли овес105. Во многих районах Нечерноземья в первый год сеяли лен, на второй — ячмень или овес, потом шла озимь, т. е. летом землю «парили»106. Очень важную роль для восстановления плодородия таких земель играли посевы репы107. Такая система уже в XVIII в. получила в народе свое название — «обороты», что почти не отличается от позднейшего «севооборота» — термина агрономической науки108.

При первых признаках «выпашки» земли, т. е. падения урожайности, землю вновь запускали под лес. В Олонецкой провинции была практика осушения заболоченных земель. Они непрерывно использовались десять лет подряд, после чего временно запускались под сенокос109. В частности, в Олонецком погосте «жители сей округи находятся в необходимости окапывать пашни свои канавами для осушения их от влажности, противной растению посеянных семян»110. Чрезвычайно знаменательно и другое. Росчисти после 8—10 лет активного севооборота включались в дальнейшем в трехпольный севооборот, т. е. становились обычными полевыми землями. Например, в Костромском крае, где жители обычно «чистят под поля лес» на наиболее высоких местах, также периодически восстанавливали лесные перелоги. Срубив лес, используют его на дрова. «Потом коренья некоторые вырывают и другие по большей части выжигают и, таким образом перекопав землю и распахав сохами, сначала сеют репу или пшеницу, рожь и ячмень и заборанивают. На сих местах хлеб родится в первый год в восьмеро (т. е. сам-8, — Л. М.) а инде и более, а репы на десятине до 60-ти четвертей»111. В том же Кашинском уезде при первых признаках выпашки росчисть часто начинали удобрять, т. е. включали ее в число регулярных пашен112. Часто этот процесс сливался с общей тенденцией увеличения пашенных угодий, обусловленной ростом народонаселения. Но не менее часто ввод новых земель в трехпольный севооборот означал более сложные процессы.

Бич полеводства — выпаханность земель

Паровая система земледелия с жестким трехпольным севооборотом, создавая столетиями для русского крестьянина оптимальные условия хозяйствования и способствуя существенному развитию производительных сил, не была вместе с тем замкнутой, так сказать, «безотходной» по своей агротехнике системой. Важнейшим изъяном модели парового трехполья в эпоху позднего феодализма является, как уже говорилось, постоянная тенденция к снижению плодородия регулярных пашен. Так называемая выпаханность почвы была буквальным бичом для русского крестьянина. Зародившаяся в XVIII в. русская агрономическая наука видела в этом главную и чуть ли не единственную беду сельского хозяйства. Андрей Болотов многократно напоминал, что земля, ежегодно выпахиваясь, теряет свою силу 113. Другой видный

русский агроном Иван Комов писал в свое время: «Земля редко столь добра бывает, чтобы навозу не требовала, а хотя где (как у нас в степях на юге) и найдется, но ее севом хлеба так выпахать можно, что кроме дикой травы ничего родить не будет»114. Кратковременный пар лишь замедлял темпы потери плодородия, но не ликвидировал ее. «Как бы земля хороша ни была, — писал П. Рычков, — однако через десять, двадцать, а ин-де через 30 лет и более выпахиваясь, лишается растительной своей силы»115.

Причины выпаханности почв многообразны, но, кратко резюмируя их, можно говорить о постоянном дефиците в добавочных вложениях труда и капитала в землю.

Тем не менее речь идет не только об узости простора для этих вложений, речь идет о том, что в сельскохозяйственной практике XVIII столетия чаще всего эти вложения просто отсутствовали (объективные условия истощали поле). Как известно, основой поддержания и повышения плодородия почвы являлось удабривание почв главным образом навозом рабочего и продуктивного скота. Однако уже во второй половине века наблюдается острая нехватка навозного удобрения. Это связано прежде всего с вовлечением в пахотный массив все возрастающего числа земель малоплодородных или вовсе «худых». Эти земли требовали повышенных норм удобрения. Даже в Нижегородской губ., многие уезды которой были в зоне Нечерноземья, практически во всех уездах (кроме Починковского) земля нуждалась в удобрении116. Но скота, а следовательно, и навоза в губернии было мало.

Наблюдатель прямо писал о Нижегородском и Арзамасском уездах: «Удобрение земли производят навозом, но весьма слабое и недостаточное. А причиною тому — малое скотоводство»117. В Княгининском у. «распахивают в пашню множество лугов»118, и это существенно повышало урожайность. В Семеновском у. удобрение навозом настолько необходимо, что «бес тово не-можно ожидать плодов по причине великих песков»119. В Галицкой провинции «жители с немалым трудом и великим количеством навоза свои земли удабривать принуждены»120.

Вместе с тем, как показывают отдельные исследования, около 60 % земель церкви, удобряемых навозом, получало его в половину меньше нормы121. Многие земли удобрялись нерегулярно122: Так, в 80-е годы XVIII в. в Бронницком у. «у редкого земледельца и половина унавоживается». А.Т. Болотов уже в 60-е годы писал о Каширском уезде, что там обычно «большая половина земель ненавозных», а навозные удобряются в 9-й и 12-й год123. В связи с тем, что удобрялись далеко не все пахотные земли, в XVIII в. бытовала весьма характерная классификация пахотных земель: «навозные, добрые, средние и худые»124. К такому положению приспосабливали и высев культур. Как уже говорилось, овес, греча сеялись на мало или вовсе не удобряемых землях, на землях худых и «средственных». Так, в Покровском уезде по реке Клязьме возле села Покров «земля везде, несмотря на песчаную пошву, наполнена пашнями. Но здесь сеют по большей частию овес, лен и гречу, которые и при малом утучнении хорошо урожаются на тощей пошве, и сей товар продают»125. По свидетельству академика И. Лепехина, в районе Киржача в некоторых деревнях крестьяне «высушивают болотные места и иловатую землю удобряют известью, с трудом отправляя свое хлебопашество»126.

Выпаханные земли, как правило, в конце концов забрасывались, но взамен их в пахотный массив включались новоросчистные земли. Упоминания о них в XVIII в. постоянны и повсеместны. В Галицкой провинции «для расчищения поль и лугов довольно рубят лес и кустарник; оный выжигают и сеют пшеницу, где весьма изрядно родится»127. Во Владимирском ополье, там, где были лесные территории, «выжигают леса и кустарники для расчи-щения полей»128. В Кашинском у. Тверской губ. там, где «лесу много… всякий год выжигается под пашни»129. В Рязанской провинции, «где находятся к полям леса и кустарники, то для размножения полей выжигают и разчищают»130. Такие сведения постоянно фигурируют в материалах по Новгородской, Смоленской, Московской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Тверской, Нижегородской, Вятской, Тамбовской, Рязанской, Калужской и др. губерниям.

«Запуски» ДаЛЬНИХ полей Важнейшую часть их составляют прежде всего так называемые дальние поля, иногда именующиеся как «запольные земли» трехпольного севооборота. В Калужской провинции к ним относилась, в частности, земля, «которая от пол отделена и навоз на нее возить далеко, и пашется без одобрения столько лет, доколе в силах производить хлебные произрастения. А когда урожай на ней начнет становиться худ. Тогда оной земли дают отдыхать до тех пор. Покуда на оной выростет небольшой лес или кустарник… Потом опять оную распахивают и почитают ее за новую землю»131.

Такая же система была во многих уездах Пермской губ. В Обванском у. «удабривание земель производят

блиским пашням. А некоторые еще кресть-яна имеют отдаленные верст до 4-х и далее пашни. Сеют на них года по трое. И [так как] без удабривания земли она везде одинаков плод [не] имеет, то оставляют ее на тож время (т. е. на 3–4 года запускают, — Л. М.) и бывает на той пашне покос. А принимаются за другую, у кого таковые есть»132. Точно так было и в Алапаевском у., где отдаленные пашни тоже не удобряли, а «когда земля не будет давать от себя плодородие, то оную запускают года на 3–4. А когда земля отдохнет, то начинают пахать и хлеба сеять»113. В Ирбитском у. «от отдаленности селениев землю ничем не удобряют, но только перепаривают»134. В Пермском у. так же, как в Обванском у., на отдаленных верст до 4-х и далее пашнях сеют подряд «года по 3», а потом «оставляют ее на то же время, и бывает на той пашне покос. А принимаются за другую…»135

Там, где почвенные условия менее благоприятны, как, например, в Шад-ринском у., запуск неудобряемых пашен более продолжителен («а дальнюю пашню по выпашке, когда уже не станет родить хлеб… покидают до тех пор, покудова на ней будет расти трава называемая пырей, довольно годная к продовольствию лошадей, коя урости по выпашке не ранее начинает, как через 20 и более годов. А потом и урожай на оной всякому хлебу бывает по-прежнему, как и на новой земле»136). В других районах землю забрасывали совсем. Так, в Осиновском у. «в Аманеевской и некоторых деревнях Дубровской волости по выпашке совсем покидают, которая и зарастает лесом, ибо в оных жительствах состоит земля пещаная и в себя никакого навозу не принимает и с ним плодородия не производит… Вместо ею и расчищают в других местах»137. Как видим, здесь нет даже тех минимальных преимуществ, какие были в степях Шадринска, где землю даже после 20 лет можно вернуть в хозяйственный оборот.

На Урале были и такие районы, где старопахотных, веками обрабатывавшихся, а потому удобряемых систематически навозом земель не было совсем. Так, в Екатеринбургском у. «пашенные земли ретко жители удабривают навозом, а по большей части ничем не удобряют, а поступают таким образом, ежели которая пашенная земля не так будет родить хлеб, то оную несколько лет оставляют залежью. А потом оную паки (т. е. снова, — Л. М.) вспахивают, ибо есть у некоторых издревле излишние земли»138.

Таким образом, в Уральском регионе архаичные системы земледелия играли большую роль в экономике края. Благодаря им общий уровень урожайности был практически настолько высоким, что дал основание в 1787 г. высказать автору топографического описания следующее суждение: «Ест ли бы [здесь]… не находилось толь великое множество заводов, то бы оно (Пермское наместничество, — Л. М.) за продовольствием своим могло бы снабжать хлебом и другие наместничества. Напротив того, сии заводы, закупая весь излишек у крестьян хлеба, причинствуют, что сюда часть хлеба привозится из Тобольского, Уфимского и Вятского наместничеств»139.

Классическое трехполье недостижимо

О некоторых социально-бытовых аспектах регенерации таких полей, определенных под господскую пашню, очень выразительно пишет А. Олишев применительно к Вологодскому краю. «Известно всем, что мужики навоз по равным частям для возки между собою делят и каждой из них старается часть свою вывозить скорее. И тогда начинают, как у нас обыкновение есть, всегда с удворины, то есть с перваго близкого места у села, то всяк старается чаще кучу подле кучи класть, чтоб в близости скоряе кончить свою работу, а на зады или весьма редко или совсем ничего не остается»140. Подобные земли, в конце концов, запускались, хотя по статусу своему числились пашней. Как уже говорилось, исследование «Экономических примечаний» второй половины XVIII — начала XIX в. показало, что в итоге этих, большей частью стихийных, но тем не менее постоянных процессов запуска одних и освоения других пашенных массивов в совокупности пашенных угодий существовал постоянный резерв пустующих земель в виде залежей, перелогов, внеочередных паров и т. п. Следовательно, объективно, то есть вне четко осознанной культурной традиции, трехпольная система земледелия сочеталась с периодическим обновлением той или иной части общего массива полевых земель141. Иначе говоря, в XVIII столетии, как и в более раннюю эпоху, паровая система земледелия с трехпольным севооборотом далеко не всюду была классической, т. е. замкнутой и целиком автономной системой. На просторах России она существовала во многом за счет постоянного обновления части полевых земель из резервов пашенных угодий. Лишь со второй половины века эти резервы, дававшие серьезный импульс сохранению и повышению плодородия полевых земель, начинают исчезать. В итоге это приводит к абсолютному господству замкнутой системы полевого трехполья, которая при отсутствии должных вложений труда и капитала ведет в конечном счете к падению плодородия земли. Вот так, например, выглядело это изменение в соотношении площади пашенных угодий и посевных площадей по Тульской губ. в 1788–1859 гг.142:

Таблица 1.2. Соотношение посева и пашни в Тульской губернии

Годы

Площадь посева (тыс. дес.)

Доля посева от площади пахотных угодий (%)

1788

894

46,7

1821

1451

76,9

1847

1972

98,1

1859

1983

99,2

Вполне естественно, что охарактеризованный нами процесс систематического, хотя в значительной мере стихийного обновления части земель парового трехполья нельзя считать доказательством существования архаических пережитков переложной системы. При перелоге обязательно соотношение регулярной пашни с залежью как 1:5, но такого соотношения нигде в XVIII в. уже не было. Залежь или перелог составляли в этих краях от 20 % до 50 % регулярной пашни. Больше того, после 4—5-летнего или 10—12-летнего отдыха переложные земли вводились в орбиту парового трехполья, а это принципиальное отличие от перелога.

Агрономическая мысль XVIII столетия пыталась обобщить эту практику народного опыта, предлагая так называемую 4-польную и 7-польную системы разделения полей. В основе их было восстановление плодородия путем продления отдыха. А.Т. Болотов писал: «Полугодовой пар, а особливо мало скотом унавоженный, мало пользы приносит, но чтоб также мало пользы происходило от трехлетнего перелога, того, кажется мне, никоим образом утвердить неможно»143. В дальнейшем предложенные в XVIII в. системы были модернизированы травосеянием.

Толока и залежи Черноземья

Если в нечерноземной зоне стройность модели парового трехполья стихийно, но в конечном счете более или менее систематически нарушалась ввиду выпаханности земель, то в черноземной полосе к нарушению трехпольного севооборота там, где он был, приводило совсем иное обстоятельство. Здесь к периодическому обновлению пахотных угодий толкало бессилие крестьянина в борьбе с сорняками. Буйное плодородие чернозема и древняя традиция агрикультуры приводили к тому, что поля трехпольного севооборота весьма скоро погибали от сорняков. Даже в конце века современники отмечали, что «чернозем, лучшая почва… приносит с хлебом пополам дикую траву», что «при вымалачивании хлеба выходит почти половина куколя и другой дикой травы семян», что «дикая трава, ростом превзойдя весною посеенной хлеб, ячмень и овес заглушает»144.

Однолетний пар служил традиционным средством повышения плодородия и здесь, но функция его была вместе с тем иной. Как правило, это было так называемое «толочное поле». «Толока» — специфический и для этой зоны весьма эффективный способ борьбы с сорняками. На поле иногда на 10–15 дней, а чаще на весь период пара выгоняли скот, который выедал и выбивал копытами ненужную растительность: «где более скот ходит и земля от травы лутче выбита, там отменно хороший хлеб родится»145. Толока — повседневный и повсеместный прием агротехники Черноземья и степных районов146. А где скотоводство было развито слабее, применялось выжигание полей. Иногда это принимало огромные масштабы. Для 60-х годов XVIII в. современник отмечал, что, например, в Саратовских местах «часто случается, когда вся степь весною походит как бы на великое огненное море»147. Главное же состояло в очищении почвы от сорняков и червя. Во многих районах Тамбовской губ. стерню из-под озимых специально жгли под посевы овса, ячменя, мака, гороха и проса148. Но в той же Тамбовской губернии практиковалась и толока. Причем часто комбинировались оба способа удобрения земли: «А под яровой хлеб, как-то под овес, под ячмень, мак, горох, просо и гречю приуготовляют землю прежде вызжением, где скотом не выбито озимого жнива. Потом, выпахав и выбороня, сеют, запахивают и заборонивают… В исходе майя месяца навозом земли совсем не удобривают. А только стараются прежние жнива выбить скотом и, где более скот ходит и лутче толока, там отменно хороший и хлеб родится»149.

Помимо этого существовала и широкая практика запуска выпаханных (засоренных) полей на три, «а за излишеством — на четыре года»150. Постоянному введению в оборот новых земель способствовало и еще одно обстоятельство — потребность в хороших сенокосах, которые бывали лишь на землях, запущенных из-под пашни151.

Таким образом, внутренние противоречия парового трехполья, его изъяны приводили к постоянной практике расчистки и распашки новых земель152. В одном из самых интересных экономико-географических очерков о России XVIII столетия, помещенном в известном Словаре Аф. Щекатова, классификация пашенных земель дана с учетом именно этого обстоятельства:

«Земля обыкновенно, а особливо в губерниях, лежащих в окружностях Москвы, делится иногда на четыре поля, т. е. на новину, озимь, яровые и перелог»153. Точно такую же классификацию находим и в более раннем источнике — Путешествии Ивана Лепехина 1768–1769 гг.: крестьяне разделяют пашню на четыре рода, из которых «первой называется новиною, другой — яровою, третьий — озимью, а четвертый — паром»154.

Новина была в итоге временной возможностью выйти из-под зависимости трехпольного севооборота и увеличить посев наиболее выгодных с точки зрения рынка культур. «Обыкновенные на новине сеяные хлеба», как правило, были лучшими155. В Орловской губернии это была пшеница, урожай которой достигал сам-10—12156. В черноземных районах Тульской губернии это были мак и просо. (В инструкции А. Шестакову предписывалось занимать «по 9 дес. каждый год из лугов под мак и под просо»157.) В Курской губ. на новине садят арбузы, пшеницу, просо158. В нечерноземной полосе новину отводили большей частью под лен. Об этом можно судить по наблюдению Ив. Лепехина, который писал, что «первый посев на новине обыкновенно бывает лен»159. Практиковалось это и в издавна славящейся льнами Псковской губернии. Там, как писал А. Болотов, «сеется лен либо на нововзрезанных местах, либо на пашенной в яровом поле ячменной земле»16». Причем на новине сначала «взрезывали… луг резами и давали недели 2 на солнце выгореть, потом заборанивались опрокинутыя дернины бороною и, не делая более ничего, тотчас по дернинам и сеелось, а потом заборани-валось в другой раз»161. Лен на новине на псковщине считался лучшим.

Модификации трехполья

Борьба с сорняками в сочетании с влиянием климатического фактора привела в XVIII веке в черноземных районах России, а также Слободской Украине к серьезнейшей модификации трехполья. Изменения эти столь значительны, что иногда ставят под сомнение саму возможность говорить о функционировании здесь трехпольного севооборота.

Стремление сохранить «зимнюю сырость»162 для весенних всходов яровых культур привело к широчайшему распространению в Черноземье зяблевой вспашки. В Острогожской провинции в середине века обычно «с половины сентября принимались за пахоту, заготовляли на вешнее время в Другой год к посеву ярового хлеба ниву. Даже до тех пор, пока усилятся морозы»163, т. е. до ноября включительно.

Зяблевая вспашка безусловно содействовала вымерзанию корней многих сорняков. Весной же большую часть яровых хлебов (яровую пшеницу-арнаутку или «горновку», овес, яровую рожь, ячмень, коноплю и др.) сеяли уже по вспаханному осенью полю и просто заборанивали семена, дабы всходы появились как можно раньше. От такой практики иногда страдали лишь посевы ячменя, всходы которого угнетались весенними заморозками и отставали в росте от сорняков, которые потом, в свою очередь, угнетали его, засоряя поля. Возможно, что именно по этой причине сроки сева яровых (как это будет видно из дальнейшего изложения) в этой зоне не были слишком ранними. Весной же пахали землю лишь под просо и гречиху, боящихся весенних утренников и сеявшихся позднее других культур.

Чрезвычайно ранняя зяблевая вспашка и раннее созревание основных яровых культур повлекли за собой другое важное изменение в классическом трехполье. Озимые культуры в этой зоне сеяли после яровых, а паровое поле, наоборот, стало засеваться яровыми лишь следующей весной. Именно такая практика отражается в не вполне ясном на первый взгляд описании севооборота в Острогожской провинции: «В озимовом поле, где бывает рожь, сеются и другие скороспеющие хлебы, то есть яровая рожь, пшеница. ячмень, овес и горох, а в яровом — кроме озимой ржи весь вышеописанный хлеб, к тому ж [еще] просо, греча, конопля и лен»164. Иначе говоря, традиционно считавшееся озимым паровое поле шло под «скороспеющие» яровые хлеба. И, наоборот, в поле, традиционно считающемся яровым, сеялась также озимая рожь. Вместе с тем, современник отмечает, что этот кардинально иной севооборот существовал в крае наряду с традиционным.

Столь сильная «модернизация» парового трехполья была, видимо, итогом длительного приспособления к специфике природно-климатических условий степного черноземья, где колоссальное плодородие сочеталось со знойно-жарким, большей частью засушливым летом. В этих условиях выносливая озимая рожь успешно боролась с сорняками и использовала «зимнюю сырость, будучи посеяна не на «толочном поле», а сразу после яровых. Главный же упор агрикультуры был на подготовку земли для яровых. Здесь применялись, так сказать, двойные усилия для борьбы с дикой степной травой. С начала весны и дотачала осени — «толока», когда все выедалось и вытаптывалось скотом. Потом — зяблевая вспашка, предназначенная, по понятиям земледельца XVIII века, для вымерзания корней сорняков и для накопления «зимней сырости». В итоге этих мер яровые, где лучше, где хуже, но могли выстоять против натиска степной растительности и сорняков. Впрочем, по данному, весьма сложному вопросу не лишними будут и дополнительные разыскания.

Казацкое хлеборобство

Опыт своеобразной «модернизации» системы парового трехполья, накопленный в южнорусских степях и на Украине, нашел поистине замечательное продолжение на Северном Кавказе, где в казачьих селениях, в частности Моздокского полка, были достигнуты выдающиеся результаты. Земли Моздокского полка черноземные, глинистые и местами песчаные, а местоположение, как говорили в XVIII в., «ровное», лишь местами встречались бугорки и буераки165. Условия для хлебопашества в этих ровных «чернопещаных» степях были благоприятны, если бы не постоянные засухи.

Пытливый наблюдатель, охарактеризовавший земледелие этого края, не преминул заметить, что первые поселенцы начали с того, что перенесли на эти земли практику и традиции «внутреннего земледельства», т. е. приемы классического трехполья, когда поле из-под яровых («вешняя пашня») следующим летом готовилось под озимые. Но этот опыт давал здесь печальные итоги: «по сему то [хлеб] родился слабее несравненно… — редок соломою, тощ колосом, изредка кустами, от зерна происходящей, и притом еще низок в разстении и не таков в умолоте»166. Постепенно стала ведущей иная система обработки земли. Землю вспахивают плугом волами «весною однажды и засевают яровым всякого рода хлебом. А потом боронят четыре раза. По снятии ж всей вешней жатвы (т. е. яровых, — Л. М.) засеивают (не пахав поля, — Л.М.) озимыми семенами. Как-то: рожью, пшеницей и ячменем (!). И потом только заборанивают по четыре раза, не (т. е. ни, — Л. М.) сколько уже земли не пахавши»167. «От сего-то посредства (т. е. способа обработки, — Л. М.) пашни, — восклицает наблюдатель, — родится там лутчей хлеб… — густой, не имевший никакой нечисти, постороннего рода разстении, колосом тучный и составляющий от одного зерна особые кусты, и в умолоте довольно избыточной»168. «Озимовые в самом лутчем урожае родятца до сам-16169, просо до сам-125 (невиданный для XVIII в. урожай, — Л. М.), греча до сам-30, овес сам-18, горох сам-35, семя конопляное сам-15, алляное (льняное, — Л. М.) сам-4»170. Урожайность, как видим, для полей регулярной эксплуатации — выдающаяся. Низок лишь урожай льняного семени, то есть растения явно не подходящего для этой зоны. Конечно, надо помнить, что это урожаи удачного, незасушливого года.

По разумению наблюдателя, секрет агрикультуры здешнего края — не только в изменении севооборота (пар перед посевом яровых, а не озими), но и в способе обработки земли. Пашут плугами (видимо, украинского типа), запрягая по три пары волов. Суть этой пашни в том, что «оборачивают по бороздам землю», отчего ложится она «оставаясь плитами», т. е. цельными пластами. А чаще всего вспашка здесь начинается очень рано: «иногда по обстоятельству тамошнего климата в начале февраля, а иногда в половине и исходе» того же февраля171. Во всяком случае, «познейше марта месяца никогда по сие время — замечает наблюдатель, писавший в 1785 г., — …не начиналось». Ранняя вспашка давала запас влаги: перевернутый толстый пласт земли «содержит под собою некоторого рода влагу, помогающую в возрасте (в развитии, в росте, — Л. М.) всякого рода хлеба при случае бывающих там таких жаров, которые при самом наливе… весьма вредят или совсем заваривают (засушивают, — Л. М.)»172. После вспашки сразу сеют («ранний сев всякого рода ярового хлеба, кроме арбузов, есть превосходнейший»). Затем наступает бороньба: «боронят четыре раза, но отнюдь не так, чтоб всю землю раздробить мелко (курсив мой, — Л. М.), но по одной поверхности»173, то есть боронят так, чтоб умягчить лишь поверхностный слой, не разрушая пласты вспаханной земли, под коими накопилась влага. Видимо, были и особые местные сорта ярового, которым влага наиболее нужна лишь «о ту пору, когда он выметывает колос. А до той поры, хотя б случились и великия засухи, но оной оживляетца росами, [которыми] время от времяни оденит (т. е. оденет, — Л. М.) под собою землю, и тем удерживает себя наивсегда»174. Для озимых ранний сев был также предпочтительней, но он был реален, если «перепадали дожди». В этом случае начинали сев с 23 августа, в противном же случае — он отодвигался до глубокой осени вплоть до крайнего срока — в декабре. Однако опытный наблюдатель отмечает, что и поздно посеянная озимь хотя и «не имеет в осени и чрез всю зиму всходы, но при благорастворенной весне настигает ранний (т. е. раннего сева хлеб, — Л. М.)». Правда, поздно посеенный озимый хлеб хуже раннего выдерживает засуху («при засухах равнятца с оным не может»), но все-таки себя оправдывает («труд земледельца платит»)175.

Важно отметить, что выдающийся агрикультурный опыт Моздокского района достигался сравнительно меньшими затратами рабочей силы. Речь идет о том, что при вспашке применялся тяжелый плуг, а не соха. Выгода плуга двойная. Во-первых, «потому что к оному потребен рабочий (т. е. пахарь, — Л. М.) один и погонщиков, щитая от 10 лет, — по два». Видимо, и пахарь, и тем более погонщики, — могли быть дети и юноши. А это важно, ибо взрослое мужское население — казаки — были в первую очередь заняты службой. Наблюдатель так и заключает, что к сохе нужен хоть и один, но «рабочей совершенных лет»176. Во-вторых, сохе необходима лошадь, а лошади нужны были для казачьей службы и были в цене. Таким образом, как «и лошади там против рогатого скота несходны, так и люди не все развязаны на произведение пашни»177. Сверх того, плуг дает иной по качеству результат («от сох хлеб родится не таков, каков от плугов»).

В XVIII в. в степной зоне осваивались и устойчивые к зною сорта, в частности, пшеница-арнаутка (по-российски ее звали «горновка»), любившая сухую и теплую почву. В округе Таганрога и Мариуполя в придонских степях получали сказочные урожаи пшеницы: «тридцатикратные и даже сороковые пшеничные жатвы в сих странах не суть редкость». Правда, речь идет о новине в первые 4–5 лет «на одном поле без унавоживания»178. При этом обработка земли оставалась минимальной.

Но этого хватало ненадолго, и вскоре поле запускалось на 3–4 года для получения в итоге наиболее чистой «нововзрезанной пашни». Постоянный запуск земель в залежь и распашка их создавали «оборот», так сказать, параллельный паровому трехполью, хотя проявлялся он лишь частично, поскольку и эти земли подвергались периодической «толоке». Однако подобная практика создавала резкие, во-первых, диспропорции в величине озимого, ярового и «толочного» полей, во-вторых, приводила, в сущности, к «пестрополью».

Гибкость «пестрополье»

Парадокс заключается в том, что залежная система земледелия и «пестрополье» более чутко, чем классическое трехполье, реагировали на запросы рынка. Именно на них наиболее успешно воздействовали стоимостные факторы товарного производства. Здесь не было стеснений рамками ярового клина, и удельный вес тех или иных культур во второй половине XVIII в. в значительной мере был обусловлен не только потребностями крестьянского хозяйства, но и запросами рынка. Типичным примером в этом случае могут быть данные о площадях под отдельными культурами в двух уездах Курской губернии (80-е годы XVIII в.). Так, в Корочанском уезде рожь (озимая) занимала 12349 дес., пшеница — 63,06 дес., овес — 6571

дес., греча — 6255 дес., горох — 2693 дес., просо — 2659 дес., ячмень — 2578 дес., конопля — 3588 дес. и, наконец, лен — 1076 дес. Даже если всю пшеницу отнести к озимой, что очень маловероятно, то и тогда озимые составят всего 18655 дес., или около 40 % всего посева, а яровые составляют 25420 дес., или около 60 % посевов. Резко выделяются огромным удельным весом во всем посеве пшеница (14 %), греча (14 %) и конопля (7 %). По другому уезду, Щигровскому, картина несколько иная. Здесь не было таких огромных посевов пшеницы (ок. 3 %), но посевы гречи были еще более грандиозными (ок. 31 %). Также велики и посевы овса (ок. 26 %), а рожь составляла всего около 36 % всех посевов179. Если по Корочанскому уезду площадь ржи взять за единицу (иначе говоря, величину обычного ярового клина при трехполье), то пшеница составит 0,5; греча — 0,5; овес — 0,5; ячмень — 0,2; горох — 0,2; просо — 0,2; конопля — 0,33 и только лен — 0,1180. Иначе говоря, под яровыми, коноплей и льном было 2,4 единиц собственно ярового клина (за единицу здесь принят клин озимой ржи). Сходные аномалии классического трехполья наблюдаются к концу века и в более северных районах. По ведомости 1797 г. в так называемой Брянской округе (уезде) Орловской губ. ржаное озимое поле составило 80,6 % посевной площади (78480 дес.), а все яровые — 19,4 % (18845 дес.)181. В Ливенском у. той же губернии ржаное поле тогда же составило 61 % (80460 дес.) посевной площади и т. д.182

Такого рода процессы приводили к зарождению и практикованию «оборотов», когда постепенно выкристаллизовывались оптимальные предшественники для тех или иных культур. В частности, для этой зоны в целом характерно, что ячмень сеют после пшеницы, после ячменя — овес, после овса — гречу и только после гречи — озимую рожь183. Напомним, что часто при севе озимой ржи после яровых, особенно гречи, пашню совсем не пахали, сеяли по стерне и только потом запахивали семена, получая при этом «изрядный урожай» ржи184.

Борьба с засоленностью

В ряде районов Северного Кавказа, в частности, в Кизлярском у. Астраханской губ., а также в землях Терского и Семейского казачьих войск, совсем иные причины приводили к кратковременному использованию пашни. Главная из них — засоление почв.

В Кизлярском у. тяжелые иловатые и глинистые почвы часто были засолены или подвержены засолению. Земледелие здесь было орошаемое, а не богарное, как в Моздоке. На поля проведены были длинные каналы, по которым вода шла на поля перед весенней вспашкой. Кроме того, воду пускали после жатвы яровых и «есть ли она (земля, — Л. М.) очень тверда, то еще напояют ее. А когда мяхка и без напоения вспахивают»185. Обработка полей производится следующим образом. В марте, апреле или мае пашут землю плугами, имея в упряжке по 4 пары волов (из-за «тугости» земли). Вспахав один раз, сразу засевают и боронят по 2–3 раза. Иногда после вспашки боронуют еще перед севом для «смяхчения земли»186. Озимую пшеницу сеют (и соответственно точно так же, как с яровыми, обрабатывают пашню) с сентября по ноябрь. Но используется земля не более трех лет («и так продолжают пахать на одном месте не более трех раз»), так как поле заселяется («от напускания воды и от жаров покрывается то место солонцом и ни к чему не годною травою»)187. Далее начинается процесс, так сказать, лечения земли. Во-первых, если местоположение так ниско — дозволяет все затопить водою». Затопленным поле держат до тех пор, пока «трава выросшая пропадет и соль в поверхности земли видна не будет», т. е. растворится. «Тогда, обсуша землю, начинает пахать». К сожалению, мы не знаем, сколько длится эта процедура. Можно лишь предполагать, что восстановление шло в пределах 1–2 лет. Во-вторых, если «по высоте места воды напустить нельзя», то поле просто забрасывают до тех пор, «пока вся негодная и соленая трава переродится и место сделается способным к пашне»188. На это уходит лет десять, в течение которых распахивают и используют другие, новые земли. От худой жизни сеяли и на солонцах, но «хлеба там бывают не с излишком», — сурово заключает наблюдатель. На лучших почвах Кизлярского у. в лучшие годы урожай (а сеяли там пшеницу, ячмень и просо) достигал сам-9, сам-10. На худших землях — от сам-5 до сам-1. От засухи же пропадали и семена189.

В землях терских и семейских казаков поля также использовались не более трех лет и восстанавливали их тоже затоплением водою из каналов190. Пахали здесь и плугом с 4–6 волами, и сохами на лошадях. Вспашка была однократной и лишь на новых землях — двукратной. Сеяли большей частью озимую пшеницу и просо. Овса, ячменя и гороха «совсем мало». «Если нет жаров и саранчи», то пшеница и горох давали урожай сам-3, просо — сам-9, сам-10, ячмень — сам-2, а в плохие годы не собирали и семян.

Как видим, разница и в характере обработки земли, и в плодородии, по сравнению с Моздокским районом,

огромная. Тем не менее и в Кизляре, и даже в землях терских и семейских казаков русское население упорно занималось земледелием, ища выход из сложнейшей ситуации. Важно отметить, что изобретательность терских и семейских казаков была известна и в Центре России. В частности, об их опыте знал известный агроном того времени Ив. Комов, который писал в своем труде «О земледелии» (1788 г.): «А казаки семейные низменный в степи лощины, прокопавши из Терека ров, водою затопляют. После ров запружают и, как вода от летних жаров высохнет в лощине, тогда ее пашут и пшеницу сеют, которая в таких местах родится чрезвычайно»191. Думается, что этот опыт борьбы с засолением весьма интересен и для наших современников.

История агрикультуры юга России XVIII в. имеет еще более оригинальный опыт орошаемого земледелия. Правда, масштабы его применения сравнительно невелики, специфичны и условия, но с точки зрения выживания населения и истории культуры земледелия он, несомненно, имеет выдающийся интерес.

Астраханские «ильменя»

Речь идет о земледелии в пойме Волги возле Астрахани. Здесь разлив по луговой стороне захватывал площадь до 30 км ширины. Вода стояла долго (с начала мая до первого июня) и убывала к 10 июля192. «Местоположение» же, как говорили в XVIII в., близ города и далее к Каспию «состоит из бугров, лежащих длиною от запада к востоку, между собою параллельных»193. Между ними были длинные озера, «ильменями» называемые. «По ильменям в камышах грунт иловатый, тонкой и вяской». Иначе говоря, переполнены они плодороднейшим речным илом, поскольку «ильмени протоками соединялись с Волгой и в разлив заполнялись полой водой, приносившей ил.

Эту-то землю (а в окрестностях Астрахани было отведено дворянам земель, заселенных крестьянами, 7651 десятина)194 использовали для орошаемого земледелия.«…Татары, также и частию поселенные вновь дворянами на покупных…землях крестьяне, находя между бугров способные ильменя, обсушивают земляными валами и пообсушив на оных пашут и сеют просо и по малой части горох, пшеницу, рожь, овес, семя алляное и конопляное, ячмень, гречу, пшеницу турецкую (которая растет шишками), пшеницу бухарскую (коя бывает кистями)»195, а также огородные культуры.

Валы или плотины достигают высотой до метра и выше. С их помощью «запирают находящуюся в ильменях прибылую как от морских ветров, так и заливающуюся чрез берега рек полую воду»196. В течение лета вода испаряется. «Потом, на другое лето уже пашут на волах сохами, а после боронят и разделяют всю вспаханную землю грядами, а между оных каналами, коими для полива сквозь зделанныя валы пропускают по всей пашне… сколько потребно воду». Сеют два года подряд, а на третье лето вновь устраивается своеобразный «пар», отдых земле: «на те пашни для удабривания земли напускают воду, которая тем же летом высыхает»'97.

Таким образом сформировался оригинальный трехпольный севооборот (влияние парового трехполья здесь несомненно!). Вместо парового поля — пашня здесь затапливается водой, несущей плодороднейший ил, высохшая земля отдыхает, а два года идет севооборот орошаемого земледелия. Конечно, устройство каналов — операция очень трудоемкая. Однако урожайность в итоге очень неплохая: просо — сам-10, горох — сам-4, греча — сам-4, ячмень — сам-3, рожь — сам-2, овес — сам-3. Обычная яровая пшеница давала ничтожную прибыль, но привозные сорта пшеницы давали изумительный урожай: турецкая пшеница (та, что растет «шишками») — сам-17 (т. е. около 20 центнеров с десятины), а бухарская пшеница давала буквально баснословный урожай в сам-150 («пшеницы бухарской во 150 раз»)198. Причем это точные сведения источника, автор которого в другом месте текста вновь повторяет: «Урожай… пшеницы турецкой в 17 раз, пшеницы ж бухарской во 150 раз, кунжуту в 15, перцу стручковому в 70 раз»199. Следовательно, урожай бухарской пшеницы — 192 центнера с десятины (с гектара чуть меньше) при ориентире на норму высева в 8 четвериков на десятину. Конечно, реальнее предположить, что высев был очень редким, скажем, в 4 четверика. Но и при этом условии урожай будет св. 90 центнеров с десятины. Трудно поверить в столь невероятную практику!! Причем сколь разителен контраст между урожайностью обычных полевых культур и специализированным сортом!

Этот опыт невиданной интенсификации и продуктивности в астраханских «ильменях» был возможен лишь на очень небольших площадях. Привозные сорта пшениц занимали очень небольшую площадь среди множества других культур. Да и в целом масштабы этого уникального по агроприемам земледелия были, видимо, невелики.

Топографическое описание Астраханской губ. написано было в 1785 г. человеком, несомненно обладавшим незаурядными познаниями в земледельческой практике и проявившим пытливый интерес к опыту и астраханских, и моздокских, и кизлярских земледельцев. Оно заслуживает доверия. Но вот спустя два десятка лет в другом, правда очень кратком, Топографическом описании Астраханской губ. Лохтина, опубликованном в 1806 г., практике земледелия на астраханских «ильменях» уделено очень мало внимания (как и другим вышеуказанным районам), и там о ней сказано буквально следующее: «А татары, высушивая речные заливы, по здешнему ильмени, сеют на оных арбузы, дыни, капусту и разные поваренные растения»200.

Вывод из этой ситуации неоднозначен. Либо автор дал чисто поверхностное описание, где исчезли не только полевые культуры, но даже русские крестьяне, занимающиеся здесь земледелием. Либо это итог общих изменений в сельском хозяйстве Юга России, произошедших за названные 20 лет. А эти изменения были очень большими. Хлебопашество Юга России (Нижнего Поволжья, Дона, Северного Кавказа и др.) сделало резкий скачок, намного увеличив массивы земель под зерновыми культурами. Товарный хлеб пошел не только в черноморские порты (прежде всего в Таганрог, Одессу и др.), но и в Среднюю Азию, не говоря об Астрахани. В этих условиях «ильменное» хлебопашество могло стать невыгодным и… исчезло. Уже в 80-х годах XVIII в. наблюдатель отмечал отсутствие в Красном Яру земледелия. При этом отмечалось, что «раньше пахали по ильменям (осушенным), сеяли овес и пшено. Плугом и сохою и боронили на лошадях и волах по одному и по 2 раза», а ныне ничего нет201. Разумеется, это всего лишь предположения и вопрос следует изучить дополнительно.

Ломка трехполья

Возвращаясь к проблемам «модернизации» трехполья, следует отметить и иную возможность вырваться из жестких рамок парового трехполья. Эта возможность предоставлялась в том случае, если ту или иную культуру можно было выключить из севооборота. Народная агропрактика издавна выделила такую культуру. Это была конопля, способная при соответствующих условиях расти на одном и том же поле многие годы подряд. Это свойство конопли особенно было использовано во второй половине XVIII в., когда получила бурное развитие парус но-полотняная промышленность. В районах, где были наиболее благоприятные условия для конопли (главным образом, северо-запад Курской, северная полоса Орловской, почти вся Калужская губерния и др.), поля, ближайшие к селениям, а иногда и часть усадебной земли, отводились под конопляники. Регулярные высокие урожаи эта культура давала лишь на обильно удобренных землях. На десятину конопли вносилось в два раза больше, чем можно было внести под рожь, — до 3 тыс. пудов навоза и более202. Ни одна культура (включая рожь и пшеницу) не выдерживала такой огромной дозы удобрений. Десятина удобренного конопляника стоила вчетверо более десятины навозной полевой пашни203. При всем этом возможности конопли были уникальны.

Наконец, был еще один путь избежать узких рамок трехполья — это полный отказ от него. Однако в XVIII в. это случалось крайне редко, т. е. для этого необходимы были особо неблагоприятные или, наоборот, благоприятные условия. И все-таки в указанный период это случалось. На далеком севере, в Архангельской губ., трехпольного севооборота по существу не было. Правда, железное давление традиции сохраняло его чисто внешнюю сторону. Под Архангельском рожь была малоэффективной культурой прежде всего потому, что вегетация ее сильно затягивалась: спела она лишь через 12 месяцев после сева, а часто и через 13 месяцев. Урожай ржи «в лутчем году не более сам-4»204. Зато ячмень поспевал за 2,5–3 месяца, а урожай давал сам-8 и даже сам-10. Он и был основной культурой трехполья: два года подряд сеяли ячмень, а потом год поле было под паром («хлеб обыкновенно более один ячмень. Сеют некоторые крестьяне также и рожь, однако очень мало»)205. Таким образом, три поля здесь чистая формальность. Производство лишь одной культуры требовало удобрений. Наличие обильного количества сенокосов и лугов давало возможность иметь достаточно скота и, следовательно, навозного удобрения206. А на Мезени после парения ячмень сеяли подряд не два, а три и даже четыре года207. Таким образом, по существу трехполья здесь и не было.

В селениях, расположенных в непосредственной близости к крупным промышленным центрам, в первую очередь к Москве, наблюдался также отказ от трехполья, но суть процесса была уже иная. «Поселяне, и особливо живущие по близости Москвы, упражняются в сажании огородных овощей… так что во многих селениях почти все поля обращены в огороды»208. Во второй половине XVIII в. сосредоточение городов Боровска и Вереи на производстве лука и чеснока захватило и пригородные селения. Наконец, огородническая профессиональная ориентация Ростова, Петровска и специфические условия вокруг озера

Неро способствовали появлению в конце XVIII — начале XIX в. поселений, специализирующихся на огородных культурах. Разумеется, таких районов, где отказ от полевого земледелия был бы более или менее значительным, в ту эпоху было очень мало и их роль была ничтожна. Можно указать еще один пример отказа от трехпольного севооборота. Это район вокруг г. Мологи, где сильные разливы Волги и ее притоков привели к ориентации селений лишь на яровые культуры («в некоторых из сих селений сеют яровую только рожь, а в других — один только яровой хлеб»)209. Наконец, встречались и случаи отклонения от парового трехполья с тенденцией к многополью. Мы имеем в виду применение в некоторых районах чего-то вроде занятого пара — посев в паровом поле репы. Это давало возможность вносить под репу гораздо больше удобрений, чем под озимые хлеба. В Дмитровском у. Московской губ., — писал современник, — «есть отменный и преполезный способ земледелия… в паровое поле сеять репу, под которую кладут навозу более, нежели под рожь… Потом на репищах на другой год яровую пшеницу и ячмень. И на сих местах хлеб родится гораздо лучше»210. В Переяславль-Залесской провинции загонки под репу пахали в июне, потом две недели парили, потом вносили в почву навоз, пахали второй раз, сеяли репу (семена, смешанные с песком) и боронили211. В Гжельской, Гмелинской, Гвоздинской и других волостях Бронницкого у. Московской губ. в помещичьих селениях систематически сеяли репу «на полях и задворках», т. е. дальних полях, «а после того на репищах сеют овес и лен»212. В Калужской провинции в 60-х гг. XVIII в. «репу сеяли по большей части в полях между хлебом»213. Иначе говоря, это было тоже нечто вроде занятого пара. Регулярно сеяли репу и в Оренбургском Заволжье (срок сева очень поздний — около 8 июля)214. В Тверской губ. репа была на лядах215. И на севере Тамбовщины, в Елатомском у., где основная почва песчаная и глинистая, репа «по большей частию сеется на местах, вычищенных из лесу»216. Причем поскольку росчисти в первый год не засевались, то репище также играло здесь роль занятого пара. Например, в Бежецком у. в первый год сеялась репа, на второй — ячмень, на третий — озимая рожь и т. Д-217 Практика занятого пара проникла даже на далекий север. В Архангельском у. широко практиковался сев ржи и редьки на полях. Правда, в суровых условиях здешнего климата эти культуры помещали не везде, а лишь около лесов и «на песках, закрытых илом»218. В Олонецкой губ. ввиду дефицита на овощи («огурцы почитаются в сей стране некоторою редкостью», а редька и бобы родятся «в малом количестве») широко практиковался посев репы: «урожай репы во всей губернии обилен. Из нее приготовляют не только кушанье, но и квас, который служит вместо обыкновенного питья жителям сего края»219.

Таковы в общих чертах довольно разнообразные агрикультурные и агротехнические явления, влекущие за собой постепенное разрушение системы парового земледелия с трехпольным севооборотом. Эти процессы были характернейшим явлением русской земледельческой культуры именно XVIII столетия, особенно его второй половины. В них отразился переломный характер эпохи, когда различные модификации индивидуального опыта, обретая социальную опору в общностях разного масштаба и уровня, выступали в форме так называемых местных особенностей. Однако их социально-экономическая суть как проявлений аграрной культуры была связана не со старым традиционализмом, а с новыми факторами развития товарного производства.

Вместе с тем этот процесс был сложнейшим по разнообразию природы составляющих его компонентов. Здесь новое наслаивается на старое и, наоборот, старое, традиционное служит новому.

Часть вторая. Феодальная Россия — социум особого типа

Глава I. МАЧЕХА-ПРИРОДА И СУДЬБЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ (ТУПИК ИЛИ РАЗВИТИЕ)

Исследованные нами особенности и уровень производственной базы земледелия России **На территории ее исторического ядра приводят в целом к выводу, что в условиях необычайно короткого по времени периода сельскохозяйственных работ в течение многих веков великорусский крестьянин, так же как, впрочем, и другие народы, жившие в пределах Восточноевропейской равнины, был резко ограничен в возможностях интенсификации агропроизводства.**

В первой части работы читатель ознакомился с технологической стороной русского земледелия, увидел «земледельные» орудия крестьян, оценил эффективность их применения в те крайне сжатые сроки работ, умещающиеся в период между весенней слякотью и заморозками, задерживающими и срывающими оптимальные сроки высева, и заморозками осенними, бывающими нередко и в конце августа (по старому стилю), а изредка даже в его середине. Под извечной угрозой потери созревающего хлеба от непогоды проходила изнуряющая людей жатва. Наш выдающийся историк В.О. Ключевский писал по этому поводу: **«Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великорос-сии»[1]. Тут необходима, конечно, и оговорка, что для ровного и постоянного труда у великороссов никогда не было и условий. Как писал И. Комов, «…в Англии под ярь и зимою пахать могут»[2]. А только в таких, роскошных для нас, условиях возможен и размеренный, постоянный труд. Поэтому в Англии под ряд культур в конце XVIII в. пахали по три — четыре раза (на песчаных почвах), а на глинистых — до шести раз[3].**

Как было показано, коварство нашей природы не ограничивается коротким сезоном земледельческих работ, оно в еще большей мере проявляется в том, что **в России часто наблюдается полное отсутствие корреляции между затратами труда и получаемым урожаем.** Конечно, низкие урожаи, как было показано в первой части работы, были следствием вынужденно низкой агрикультуры крестьянского земледелия, но в гораздо большей степени они были следствием капризов мачехи-природы. Причем низкая урожайность была и в более ранние столетия. **И эту особенность русского земледелия подтверждают источники начиная с конца XV в. Россия по общему уровню урожайности вечно держалась между прибытком в сам-2 — сам-3 [4].** Идеальная, по крестьянским понятиям, погода — это в меру теплое и влажное («благорастворенное») лето. Но подобное лето — редкое событие. В Нечерноземье такие культуры, как пшеница (в том числе и пшеница-ледянка), греча, конопля. не вполне вызревали от недостатка тепла («требует более теплоты») [5]. Кроме того, пшеница побивается «мглою», «от поднимающихся от болотных рос» [6]. Вообще в Нечерноземье «много вредят хлебу» «влажные пары, поднимающиеся от озер и болот»[7]. Там, где поля окружены лесами, «пары» действуют сильнее, поэтому на новых пашнях, «в средине лета расчищенных, хлеб зреет долее» [8]. В Нечерноземье такие культуры, как «проса и мак не родятся по причине не довольно жирной для сих хлебов земли, а более за краткостию теплого времени» [9]**. Ведь, в частности, в Вологде в конце XVIII — начале XIX в. по-настоящему теплых дней было 60, в Великом Устюге — только 48, а в Яренске — всего лишь 24. В целом в Вологодской губернии настоящее лето длилось с 8 июня по 20 июля [10]. Серый полевой горох, полевые бобы и даже огородные бобы сажали лишь на левобережье Двины, а на другом берегу они не вызревали». В Подмосковье лето начиналось фактически с середины июня.**

Но особой бедой в Нечерноземье были и дождливая затяжная непогода, когда замедлялся рост растений, и нередкие засухи. На огромных пространствах, где преобладали глинистые, суглинистые и иловатые почвы, «в жаркое время делается на поверхности пашни корка, а в дождь… вода, непроходящая сквозь глину, отнимает… от хлебного корня влажность и умножает оную непомерно. От чего корень, лишаясь части питательных соков, производит тонкий стебель и мелкий колос» [12].

Завершает этот сложный узел парадоксов обилие неплодородных и просто худых почв.

Столь суровые, неблагоприятные условия хозяйствования, действовавшие в течение многих столетий, безусловно, закалили великорусов, превратив их в великую нацию тружеников. И там, где люди могли противостоять естественным законам природы, они проявляли не только упорный труд, но незаурядную изобретательность и находчивость. Думается, что приведенные в первой части книги материалы по развитию российского огородничества и садоводства служат убедительным тому подтверждением.

Но совсем иное дело пашенное полевое земледелие. Здесь многовековая борьба великорусского пахаря с природой не давала такого эффекта, как в городском огородничестве с его хитроумными парниками, садилами и т. п.

Тем не менее изучение исторических источников свидетельствует о том, что крестьяне упорно искали выход из этой, казалось бы, тупиковой ситуации.

Великорусский пахарь, имея семью сам-четвертый и тянувший одно тягло, из века в век ежегодно

стоял перед непосильной задачей обработать свой пашенный надел примерно в 4,54 дес. посева, вложив в каждую десятину столько же труда, сколько вкладывали его, соблюдая все агротехнические операции, в крупном господском хозяйстве. Однако если в господском хозяйстве этот уровень затрат труда по обработке земли, как уже упоминалось, достигал 39–42 чел. — дней, то крестьянин чисто физически был ограничен вдвое меньшим рабочим временем (22–23 рабочих дня на десятину, а при условии барщины этот *бюджет* времени мог быть и еще вдвое меньшим). Справиться с этой задачей можно было бы, работая день и ночь в течение, по крайней мере, трех месяцев, что было абсолютно нереально. Другой вариант обработки полного надела сводился к самой примитивной поверхностной скородьбе земли, а то и просто к разбросу и заскореживанию семян. Навоз при этом запахивали кое-как, а пашня в итоге становилась неплодной, ничего не рожала, в результате чего ее забрасывали на много лет [13].

Чаще крестьянин шел иным путем, следуя принципу: «лучше меньше, да лучше». Иначе говоря, стремясь соблюсти хотя бы на минимуме нормативы агрикультуры, он сознательно уменьшал площади своего посева. **Еще в конце 1950-х годов Н.Л. Рубинштейн обнаружил на основе статистики Генерального межевания и губернаторских отчетов, что во второй половине XVIII в. при среднем наделе пашни в Нечерноземье в 3–3,5 дес. на душу муж. пола фактический посев был намного меньше и вместе с паром составлял всего 53,1 % от этого не слишком большого надела [14]. Остальная пашня просто не использовалась. Это означает, что реальный посев в двух полях на мужскую душу был равен 1,24 дес., а на семью из 4-х человек — 2,48 десятины, хотя формально посевная площадь на тягло достигала 4,54 дес. в двух полях.**

В свое время историки с явным недоверием отнеслись к наблюдениям Н.Л. Рубинштейна. В частности, В.К. Яцунский прямо заявлял, что «с агротехнической точки зрения для нечерноземного трехполья полученное Н.Л. Рубинштейном соотношение не поддается объяснению»15. Однако со временем материал такого рода накапливался, но лишь теперь найдено объяснение этому парадоксу.

Разумеется, та площадь реального высева на душу м. п., которую установил Н.Л. Рубинштейн, имеет приближенный характер. Как уже говорилось, В.И. Крутиков, тщательно изучивший статистику посевов и урожаев по Тульской губ. с конца XVIII в. до середины XIX в., установил, что посев действительно не занимал всей пашни в течение всего этого периода, хотя разрыв постепенно уменьшался. В 1788 г. доля посева составляла здесь всего 46,7 % пашни, что даже меньше посева по Н.Л. Рубинштейну.

Конечно, столь сильное сокращение посева даже при минимальном соблюдении агрикультуры в случае низкого урожая резко ухудшало положение земледельцев, и их хлебный баланс означал бы полуголодное существование. Имеющиеся в литературе исследования крестьянских хлебных бюджетов в целом подтверждают реальность описанной нами ситуации. Примерный расчет хлебного бюджета был сделан Л.С. Прокофьевой по вотчинам Кирилло-Белозерского монастыря для 30-х годов XVIII века16. Исходные данные здесь весьма добротны (книги «пятинного сбора» 1730 г.). По каждому из 232 крестьянских дворов зафиксирован высев по каждой культуре и валовой сбор. Подсчитав средний высев на двор (1 четверть ржи, 3 чтв. овса, 0,14 чтв. ячменя и 0,13 чтв. пшеницы) и среднюю реальную урожайность (рожь сам-6,1; овес сам-2,4; ячмень сам-4,1 и пшеница сам-4,2), Л.С. Прокофьева получила реконструкцию усредненного валового урожая на крестьянское хозяйство: 54,9 пуда ржи (6,1 чтв.), 50,4 пуда овса (7,2 чтв.), 4,8 пуда ячменя (0,6 чтв.) и 5,4 пуда пшеницы (0,6 чтв.). Зная нормы высева и натурального оброка, она восстанавливает и площадь посевов (ок. 2,5 дес.), и полные хлебные расходы двора при среднем составе семьи — 6 человек обоего пола. **За норму потребления зерновых берется 12 пудов на человека. Таким образом, итоговая сумма — 72 пуда на семью, и, оценивая общий расход на семью (с учетом семян и уплаты оброка) в 125,4 пуда (69,5 пудов ржи, 49, 4 пуда овса, 2,1 пуда ячменя и 4,4 пуда пшеницы), Л.С. Прокофьева констатирует дефицит хлебного бюджета в 10 пудов.**

Обычная для XVIII в. **норма годового потребления взрослого человека вдвое больше той, что фигурирует в расчетах Л.С. Прокофьевой, и равна 3 четвертям (24 пуда). Такая норма, как правило, встречается в помещичьих инструкциях XVIII в., когда речь идет о содержании дворовых и работных людей.** Причем расчеты производятся иногда помесячно (°2 четверика ржаной муки, круп 1 гарнец»), а иногда и в годовом исчислении («всех холостых содержать на моей пище, щитая на всякого человека в году муки ржаной по 3 четверти, круп по одному четверику с половиною, толокна и гороху на посты по одному четверику, в мясные дни мяса по полфунту»)[17]. Однако питание дворовых было основано почти исключительно на ржаной муке. Даже «деловые» люди в вотчине П.М. Бестужева-Рюмина

(1731 г.) получали В ГОД 18 пудов ржи, 5,25 пуда ячменя и овса. Крестьянский годовой рацион, по Т.И. Осьминскому, включал 18 пуд. ржи (72 % годового рациона), 1 пуд пшеницы (4 %), 2 пуда ячменя (8 %) и 4 пуда овса (16 %)[18]. В северном Пошехонье гречи не было, но, видимо, был горох, доля которого неизвестна. Вместе с тем в нашем распоряжении есть любопытные расчеты пищевого рациона для дворцовых крестьян. «На каждого работника, — пишет Иван Елагин, — довольно в день разного хлеба 4,5 фунта. Сие посредство столь основательно и умеренно, что хотя некоторые люди съели бы больше, но таких число гораздо менее тех, кои весьма меньше сея меры употребляют к насыщению своему»19. «А солдатский паек муки и с крупою отнюдь полных и трех фунтов в день не составляет» '(за год менее 27,4 пуда). **При норме 4,5 фунта в день годовая норма для работника составила бы 1642 фунта, или 656,8 кг (41 пуд). «И из сего, — пишет И. Елагин, — может он и брагу варить, и квас ставить, и довольное иметь пропитание», и, добавим от себя, подкармливать скотину.**

Наиболее ценным для нас является данный И. Елагиным конкретный состав «разных хлебов»20, ибо, по существу, это **представление человека XVIII в. о нормальном питании людей низшего слоя общества. Сюда входила рожь в годовом объеме в 2 четверти и 3,5 четверти «разного ярового хлеба». В месячный ассортимент включалось: ржи 66 фунтов, гороха 12 фунтов, ячменя 9 фунтов, «гречухи» 26 фунтов, овса 26 фунтов, то есть всего 139 фунтов, или 56,9 кг21. Суточный рацион состоял бы, исходя из этого расклада, из 789 г ржи (44 % дневного рациона), 355 г овса (19,9 %), 123 г ячменя (6,9 %), 164 г гороха (9,2 %) и 355 г гречи (19,9 %).**

Учитывая калорийность каждого «хлеба» в отдельности, определяем, что суточная норма в 1786 г соответствует примерно 5867 килокалорий (ккал). Разумеется, такой уровень питания даже сам И. Елагин считал «избыточественным», хотя при тяжелом физическом труде и при недостатке мясной пищи это уж не столь избыточно. К тому же, на детей и престарелых автор проекта полагал лишь половинную норму (2, 75 четверти в год). В итоге на двух человек, из которых один — полный работник, а другой — из престарелых или из детей, придется 66 четвериков. В пересчете на тягло это составит 138 четвериков (пудов) на год22. И. Елагин оперирует хозяйством, где имеется восемь взрослых работников и еще восемь человек, получающих лишь половинную норму в 893 г в сутки. По его расчетам, на 16 человек в год необходимо было бы 24 четверика ржи и 54 четверика ярового, что не вполне точно. На самом деле ржи должно было бы быть 22 четверти, а ярового — 44 четверти. Отсюда на душу пришлось бы по 33 четверика (пуда) на год или по 4,12 четверти на человека. Именно такой уровень питания И. Елагин считал нормальным для своего времени.

Отсюда довольно четко следует, **что общепринятая годовая норма зерна в 3 четверти или 24 пуда на взрослого человека — это норма, ниже. которой опускаться рискованно, поскольку в пересчете на калорийность (с учетом разной калорийности каждого «хлеба» в ассортименте обычаев и представлений XVIII столетия) это составляло примерно 3200 ккал (овощная пища по калорийности не была существенной добавкой к этому рациону).** Главное же заключается в другом. В расчетную норму крестьянского питания в 24 пуда непременно включался расход на подкормку скота. По расчетам Т. И. Осьминского, только на одну рабочую лошадь крестьянин должен был расходовать как минимум 16 пудов овса в год[23]. Следовательно, на каждого в семье из четырех человек приходилось примерно 4 пуда таких затрат. Но этого мало, ведь, как мы видели, крестьяне практиковали подсыпку муки и коровам, и свиньям, и курам. **Если «средственныи» крестьянин имел две коровы и одну свинью, то минимальная годовая норма таких расходов могла быть никак не меньше 8 пудов на год. Таким образом, от 96 пудов на собственно питание остается около 72 пудов, то есть на душу лишь 18 пудов (около 2400 ккал в сутки). И этот расчет сделан на однолошадное тягло. Однако нормальный «средственныи» крестьянин имел две лошади, и в таком случае фонд семьи на питание должен уменьшиться еще на 16 пудов. Но и это не все: ведь крестьянин должен был что-то продать, чтобы получить деньги на текущие расходы. В итоге от 72 пудов останется чуть ли не 50 пудов на 4-х человек (или примерно около 1700 ккал на человека в сутки).** Если же на лошадь давать лишь 10 пудов, то суточный рацион на одного человека повысится лишь до 2,1 тысяч килокалорий.

Думается, что после такой калькуляции совершено очевидно, что **годовая потребность в зерне для крестьянина в три четверти — это суровый режим очень скудного питания, жесткий режим экономии и т. д.** Вместе с тем для XVIII–XIX столетий такая норма (но только для питания) была общепринятой. Она была принята в армии, она же фигурирует и в научной литературе на XIX в. (см., например, П.И. Кеппена и др.)[24].

Следовательно, исходя из изложенного нами, результаты Л.С. Прокофьевой могут быть скорректированы: на 4,2 полных едока потребуется уже 100,8 пуда. С учетом расхода зерна на корм скоту дефицит хлебного бюджета среднего крестьянского хозяйства (6 душ) возрастает до 60,3 пуда. К. тому же и сама Л.С. Прокофьева, опираясь на свои расчеты, замечает, что дополнительный учет расхода зерна на одну лишь лошадь так влияет на уровень состоятельности крестьянских хозяйств, что 70 /о дворов оказываются не обеспеченными зерном25.

Обратимся теперь к данным по хлебному бюджету середины XVIII в., исследованным А.М. Шабановой по вотчинам Александро-Свирского монастыря26. Обрабатывая их, можно прийти к следующим итогам. По Кондужской волости беднейшая группа дворов (74 % хозяйств волости) сводила хлебный бюджет с дефицитом в 74,3 четверика (пуда). Во второй группе дворов (17 % хозяйств) средний излишек составлял всего 14 четвериков. Лишь третья группа, к которой относились самые зажиточные крестьяне, имела значительный излишек хлеба — до 214 четвериков (но они составляли всего лишь 9 % хозяйств). Однако, приведя все подворные доходы в соответствие с удельным весом той или иной группы дворов, мы получим в итоге в среднем по волости дефицит типичного хлебного бюджета в 33,4 четверика. По другой волости, Лоянской, где земледелие было основой существования крестьян Приладожья, беднейшая группа (47,5 дворов) имела дефицит в среднем на двор 29 четвериков (пудов). Во второй группе (33 % дворов) излишки достигали всего 12,2 четверика. И только в третьей, зажиточной группе (19,5 % дворов) излишки были солидны — 124 четверика. Общий баланс (взвешенный по каждой группе) дает всего 14,4 четверика хлебных излишков. В целом же по всем свирским владениям Александрова монастыря хлебный баланс был дефицитным.

Напомним, что в основе общего низкого процента товарных излишков или их отсутствия были малые посевные площади и низкая урожайность. В частности, в большинстве уездов Тверской губ. во второй половине XVIII в. на «соху» приходилось не более десятины в поле, то есть на тягло 3 дес. пашни; в ряде же уездов — чуть более десятины, следовательно, на тягло максимум 4–4,5 дес. пашни. Данные такого рода позволяют сделать некоторые расчеты27. Берем максимальный вариант — на «венец» (тягло) в поле по 1,5 десятины. При высеве 1 чтв. ржи и 3 чтв. овса (в обоих полях по 2400 кв. саж.), урожайности ржи сам-4, а овса — сам-2,5 валовой сбор равен примерно 17,25 чтв., а с учетом посева ячменя, пшеницы и т. п. — примерно 19 чтв. (чистый сбор — 12,5 чтв.). На семью из четырех человек, то есть 2,8 полных едока, расход зерна достигает 8,5 чтв., а излишек — около 4 четвертей. Если же урожай ржи и овса сам-3, а полных едоков 3,3 (трое взрослых и один ребенок), то и тогда остаток для рынка равен примерно 3 четвертям.

Но такая площадь посева встречалась не часто. При более распространенном варианте, когда крестьянин имел (как, в частности, в Ржевском уезде) «на соху не более десятины в поле», а урожайность сам-3. ситуация складывалась иная. При посеве четверти ржи и 2,5 чтв. овса чистый сбор составлял всего 7,7 четверти. При 2,8 полных едока излишков хлеба совсем нет (на едока приходится всего 2, 96 четверти). Расчет наш подтверждается свидетельством источника. В Ржевском уезде в XVIII в. крестьяне хлеб «продают лишь в лучшие годы»28. При увеличении густоты высева (ржи — до 10 четвериков, а овса — 3 чтв.) и хорошем урожае (сам-4) чистый сбор увеличится до 13,45 четверти. Товарный излишек достигнет в этом случае 3–5 четвертей. Но при урожае сам-3 он сократится до 0,45 четверти.

Таким образом, для крестьянина разница урожая всего лишь в один «сам» имела в России громадное значение, ибо давала возможность иметь хотя бы минимум товарного зерна. **Однако достигнуть урожая в сам-4 в целом по Нечерноземью не удавалось на протяжении многих веков. Крестьянину оставался один выход — резко снижать свое потребление и таким образом «получать» товарный хлеб, но такой выход был, конечно, иллюзорным, так как не мог создать серьезных товарных запасов.**

Иллюстрируя эти рассуждения, приведем расчет крестьянского бюджета, сделанный современником, описавшим типичное хозяйство Новоторжского уезда Тверской губ. в 80-х годах XVIII в.: «Примерно полагая на каждую долю (то есть *2»* тягла или венца, — *Л. М.),* высевается здесь ржаного и ярового хлеба до 10 четвертей. С того в средний год урожается 26 четвертей. На расходы употребляется до 12-ти. К предбудущему году оставляется на семена 10. Остальные 4 четверти — продаются»29. В данном случае густота высева оценена несколько выше, чем в данных нами расчетах, и весь посев на тягло составит 1,5 чтв. ржи, 3 чтв. овса и по 0,5 чтв. ячменя и пшеницы- А вот урожайность реальная, на круг, гораздо ниже, чем в наших расчетах (сам-2,6!), и дана она, видимо, с учетом потерь от погоды, перевозки и т. п. Это очень важное свидетельство!

За вычетом семян на два венца (4 работника, или 8 человек обоего пола) чистый сбор составит 16 четвертей. **Если считать в венце 2,8 полного едока, то на каждого из них придется по 2,86 четверти. Это практически почти совпадает с нормой потребления, и товарного излишка нет! Однако современник «оставляет» крестьянам на питание и корм скоту… по 1,5 чтв.(!) на душу (12 пудов). И только за счет этого появляется товарный «излишек»: по 2 чтв. на венец. Естественно, в реальной жизни были отклонения от этой «модели», но отклонения и вправо, и влево, а общая тенденция показывает крайне незначительные возможности получения товарного зерна при сохранении «средственного» (нормального) уровня жизни.** Заметим, что в случае с типичным хозяйством Новоторжского уезда примерная площадь посева на тягло (или венец) составляет около 2,4 дес., а в расчете на душу мужского пола — 1,2 десятины. Это полностью совпадает с данными Н.Л. Рубинштейна.

От хлебного баланса конкретных групп крестьянских хозяйств Нечерноземья и модели баланса типичного крестьянского хозяйства примерно в два тягла перейдем к данным более общего характера.

В этой связи весьма интересны наблюдения и оценки князя М.М. Щербатова — русского историка, экономиста, публициста, депутата Комиссии о новом Уложении, члена Комиссии о коммерции и президента Камер-коллегии. В 60—80-е годы XVIII в. он неустанно бьет тревогу по поводу кризисного состояния сельского хозяйства страны. В послевоенной историографии за М.М. Щербатовым прочно закрепилась слава заскорузлого консерватора, ярого защитника крепостничества, ретрограда и т. д. Между тем М.М. Щербатов был личностью далеко не столь однозначно примитивной. Он прекрасно знал европейскую литературу, в том числе и работы выдающихся представителей французского Просвещения, но при этом он хорошо знал реальное состояние страны, положение крестьян и сельского хозяйства в целом. Благодаря работам французских просветителей М.М. Щербатов обращал пристальное внимание на специфику природно-климатических условий России и губительное влияние их на состояние земледелия страны. Отсюда его резкая оценка эффективности труда земледельца как чрезвычайно низкой. Как знаток экономики земледелия и практик-помещик, он предпринял в одной из своих работ общую, хотя и приблизительную оценку эффективности земледелия страны30. Численность ее населения была приравнена им к 18 млн душ обоего пола, то есть несколько занижена, ибо в момент этого расчета (конец 60-х годов) она была ближе к 23 млн душ обоего пола31. Число работников в земледелии М.М. Щербатов оценивает примерно в 3 млн чел., площадь, засеваемую каждым из них, в 6 десятин. **При общем высеве в 96 млн четвериков (пудов) и урожайности не ниже сам-5 общий сбор ржи оценивается им в 480 млн четвериков ржи и 144 млн четвериков яровых, а чистый сбор в 504 млн четвериков. Из них на питание, исходя из расчета в 24 четверика в год на человека (24 пуда), ежегодно должно уходить 432 млн четвериков. Остаток или излишек равен, таким образом, всего 72 млн четвериков, или по 4 четверика (пуда) на человека. Эта величина настолько ничтожна, что при малейшем снижении урожая населению страны угрожала нехватка зерна даже для минимальной нормы питания.** В расчетах М.М. Щербатова много неточностей, но они, так сказать, взаимно погашают друг друга (занижено число пахарей, но завышена площадь обрабатываемой ими пашни и т. д.). Приблизительность своих расчетов признает и сам М.М. Щербатов: «Независимо даже от преувеличения нами расчета в исчислении полученного продукта и преуменьшения в исчислении населения, в случае хотя бы незначительного недорода должен наступить голод»32. Итоговая оценка им эффективности российского земледелия практически совпадает с приведенными нами усредненными данными крестьянских хлебных бюджетов.

Далекие от глобальных обобщений практики из дворян по сути точно так же оценивали реальные условия жизни крестьян. Речь идет об оценках уровня выживания великорусского пахаря. Так, А.Т. Болотов в конце 60-х годов XVIII в. считал нормальным пашенный надел на тягло в 4,5 дес. в трех полях. Правда, в тягле у него 2,5 души м. п., переведя на стандартное тягло в 2 души м. п., получаем размер посева 2,4 дес. на тягло33. **В.Н. Татищев считал крайний предел выживания для барщинного крестьянина 4 дес. пашни на тягло (2 дес. на душу м. п.), что означает посев в 2,67 дес. на тягло54**. Наконец, И.Т. Посошков в начале XVIII в. полагал, что высев на двор должен быть не менее 4 четвертей35. При всех неопределенностях состава двора и тогдашних нормах высева и допуская, что в те времена господствовали отнюдь не загущенные высевы, норматив И.Т. Посошкова близок к размеру посева на тягло (4 чел. об. пола) в 2,5 дес.

Реальная практика эксплуатации крестьянского хозяйства полностью совпадает с этими оценками. Возьмем в качестве примера те уезды, где есть данные по минимальному оброку и соответствующей пашне. Так, в 1769–1773 гг. в Клинском у. Московской губ. 3203 д. м. п. оброчных крестьян платили самый низкий в уезде оброк из расчета 2 руб. с души м. п. При ЭТОМ пашенный над&л у них был 1,8 дес. на душу м. п. в

трех полях (посев на тягло 2,4 дес.). В Боровском у. той же губернии 1437 д. м. п. оброчных крестьян также платили оброк из расчета 1,8 руб. с души м. п., имея при атом пашенный надрл в 2 лег нл л м п в трет пплях (пос^р на тягло 2,67 дес.). В Дмитровском у. той же губернии 853 д. м. п. оброчных крестьян платили оброк 1–1,5 руб. с д. м. п., имея при этом по 2,2 дес. пашни на д. м. п. в трех полях (посев на тягло 2,93 дес.). Таким образом, очевидно, что во всех трех случаях мы имеем объективно минимальное количество пашни на душу м. п. и тягло36.

Такая же практика была и по отношению к барщинным крестьянам. Приведем в пример итоги сплошного подсчета данных по каждой из дач Генерального межевания по 23 уездам Европейской России (см. табл. 2.1)37.

Сразу же оговоримся, что площадь посева определена здесь чисто формально (две трети от пашенного надела). Но даже на этом уровне рассмотрения проблемы по 12 уездам потенциальный посев меньше 3 дес. на тягло. А в Дмитровском у. он намного меньше любого минимально допустимого посева (правда, урожайность здесь была существенно более высокой, что компенсирует недостаток высева). И только в Костромском крае, в Смоленских землях и в Черноземье потенциальная площадь посева несколько выше, хотя в ряде уездов она все же минимальна (Каширский, Сергачский, Орловский, Мосальский, Трубчевский уу.). Если же учесть, что реальный посев был еще меньше, то вывод о резком ограничении природно-климатическими условиями России производственных возможностей крестьянского хозяйства вновь подтверждается.

Проверим теперь наши наблюдения сводными статистическими данными о посевах и урожаях в конце XVIII — первой половине XIX в. Эти данные по концу XVIII в. обработаны Н.Л. Рубинштейном, но их можно дополнить расчетами В.М. Кабузана о численности крестьянства на период IV и V ревизий по рассматриваемой нами территории (см. табл. 2.2)38.

Таблица 2.1. Размер посевной площади на тягло (пашенный надел без парового поля)

Уезды

Посев (дес. на 2 д. м. п.)

Годы

Уезды

Посев (дес. на 2 д. м. п.)

Годы

Вологодский

2,1

80-е

Каширский

2,8

1766–1771

Костромской

4,0

70—80-е

Епифанский

4,2

1776–1780

Кинешемский

4,1

80-е

Мосальский

2,9

1776–1779

Нерехтский

2,9

70—80-е

Сергачский

2,66

1784–1787

Мышкинский

2,9

70-е

Ефремовский

5,2

1776–1780

Дмитровский

1,7

1769–1773

Орловский

2,68

1777–1779

Клинский

3,3

1769–1773

Луганский

5,5

1777–1779

Вяземский

4,4

1776–1779

Трубчевский

2,9

1777–1779

Смоленский

4,0

1776–1779

Щигровский

3,8

1781–1788

Мало-ярославецкий

2,66

1769–1773

Корочанский

3,3

1781–1788

Тарусский

2,9

1776–1780

Землянский

4,5

1778–1781

Боровский

2,8

1769–1773

Данные о численности крестьян в той или иной губернии синхронны со сведениями о посевах и сборах, что делает этот материал наиболее точным.

Прежде чем рассматривать эти результаты, следует вспомнить о соотношении посева в четвертях с площадью этого посева в десятинах. В вышеприведенном типичном хлебном бюджете по Новоторжскому уезду посев в 5 четвертей (с типичным соотношением культур) вполне располагается на площади 2,4 дес., и это посев на тягло. При урожае сам-2,6 на полного едока чистый сбор равен всего 2,86 чтв. Среднегубернские показатели табл. 2.2 свидетельствуют о том, что в Московской, Петербургской, Костромской, Калужской, Нижегородской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Курской и даже Воронежской губерниях однотягловый крестьянин имел посев в 2,4 дес. или чуть больше. Следовательно, резко ограничивающее воздействие природно-климатических условий на производственные возможности индивидуального крестьянского хозяйства выявляемся и на этих материалах со всей определенностью. Крестьяне чаще всего не могли использовать даже ту небольшую по размеру пашню, которой владели (речь идет обо всех, а не только о барщинных крестьянах).

Таблица 2.2. Уровень земледелия Европейской России на основные годы IV и V ревизий

Губернии

Годы ревизии

* * *

Посев (тыс. чтв.)

Сбор (тыс. чтв.)

Всех крестьян (д. м. п.)

Посев на тягло (чтв.)

Чистый сбор на душу нас. (чтв.)

Московская

1782

707

1465

404515

3,5

0,9

Московская

1795

1119

2820

422167

5,3

2,0

Петербургская

1795

353,5

1112,3

169216

4,2

2,2

Костромская

1795

932

1835

383129

4,9

1,2

Владимирская

1795

1243

2742

434523

5,7

3,4

Нитегорояская

1795

1143.8

2808,2

404879

5,6

2,0

Калужская

1782

696

2233

368632

5,7

3,0

Калужская

1795

951

3086

357223

5,3

2,99

Тульская

Тульская

1782

998

4886

409332

4.9

4.7

1795

1476

6299

417187

7,1

5,8

Рязанская

1782

1115,5

4819

411143

5,4

4,5

Тамбовская

1795

1595

3170

485158

6,6

3,2

Курская

1795

1350

2953,5

561214

4,8

2,6

Орловская

1795

1576

3382

460839

6,8

3,7

Пензенская

1795

1486,3

3714,3

336668

8,8

3,3

Воронежская

1795

1121

3235

431039

5,2

2,4

Что же касается конечного результата, то факты, которые фигурируют в таблице 2.2, отнюдь не оптимистичны. Резкие колебания погодных условий губительным образом сказываются на урожае. Даже в черноземных губерниях чистые сборы на душу населения были более чем скромными, а главное, нестабильными. **Чистые сборы в Воронежской и Курской губерниях были намного ниже нормы в 3 четверти на взрослого едока. В Тамбовской и Пензенской они едва ее превышали. Единственно, что выручало здесь крестьянина, так это скотоводство и случающиеся большие урожаи. Что же касается Нечерноземья, то в Московской, Петербургской, Нижегородской и Костромской губерниях положение было, крайне тяжелым, и у крестьян этих краев запасы хлеба кончались где-то к апрелю или даже раньше. В расход также шел скот, причем далеко не лишний в хозяйстве.**

Если нарушить строгость в синхронности используемых данных и рассчитать базовые показатели о посеве и сборах хлебов по годам, так сказать, «смежным» с основным годом IV или V ревизий, то материал для суждений будет существенно увеличен. Это данные за 1781, 1783, 1794, 1796 годы (см. табл. 2.3)39.

Таблица 2.3. Уровень земледелия Европейской России в 1781, 1783, 1794, 1796 годах

Губернии

Годы

Посев (тыс. чтв.)

Сбор (тыс. чтв.)

Посев на тягло (чтв.)

Чистый сбор на душу нас. (чтв.)

Ярославская

1796

1093

1904,1

6,1

1,1

Калужская

1783

828

2332

4,3

2,0

— ¦ —

1794

905

2875

5,0

2,75

— ¦ —

1796

942

2782

5,2

2,6

Нижегородская

1796

1139

3762

5,6

3,2

Тульская

1794

1430

5603

3,4

10,0

Рязанская

1781

1173

4321

5,7

3,8

— ¦ —

1794

1903

5278

9,0

4,0

¦

1796

2103,8

5611,3

10,0

4,1

Тамбовская

1781

972

2964

4,6

2,3

— ¦ —

1794

1701,4

4235,2

7,0

2,6

Орловская

1796

1573

6009

6,8

4,8

Пензенская

1796

1486

6889

8,8

8,0

Курская

1783

691

1987

2,8

1,3

— ¦ —

1796

1321

5071

4,7

3,3

Симбирская

1794

1209

2562

6,1

1,7

Как следует из материалов таблицы 2.3, расширение круга наблюдений вносит некоторые коррективы. Прежде всего следует отметить рост посевов в 90-е годы по сравнению с 80-ми годами. Правда, этот рост прослеживается далеко не всюду. Почти вдвое был рост по Рязанской, Курской и почти в полтора раза по Тамбовской губернии, заметный рост произошел по Московской и Тульской губерниям. Посевы в расчете на тягло по Рязанской и Пензенской губерниям поднялись до 9—10 четвертей, что соответствует площади посева 4,5–4,6 дес. на тягло. В Тамбовской и Орловской губерниях посевы на тягло чуть превысили 3 дес. Однако в остальных губерниях посевы сохранились на минимальном уровне. Вместе с тем с полной очевидностью выясняется, что в России связь расширения посевов с увеличением валовых сборов отнюдь

не однозначна. Если средняя чистого сбора на душу населения по 80-м годам равна 3,8 четверти, то по 90-м годам, несмотря на рост посевов по площади или по густоте, она упала до 3,2 четверти на душу населения. А это все тот же минимальный солдатский годовой паек. К этому следует добавить, что в конце XVIII в. то и дело в отдельных губерниях случались сильные неурожаи. **В 1795 г. чистый сбор на душу населения по Московской губ. снизился до катастрофического уровня 0,9 чтв. на душу, в Костромской губ. — до 1,2 чтв. на душу, в 1796 г. в Ярославской губ. — до 1,1 чтв. на душу и даже в черноземной Курской губ. в 1783 г. чистый сбор на душу составил 1,3 чтв., да и в Симбирской губ. в 1794 г. он был немногим выше (1,7 чтв. на душу нас.)40. А ведь при 1,5 четвертях годового хлебного продовольствия калорийность падает до 1500–1600 ккал, и это полуголодное существование.** А пустыми щами, редькой и даже репой сыт будешь недолго. А где взять присыпку для скота?! Да и скот в этих условиях продержать очень сложно и т. д.

И.Д. Ковальченко для 1785–1796 гг. рассчитал душевые нормы посева по Европейской России в целом и по ее крупнейшим регионам. Приведем итоги этих расчетов: Северный регион — 0,54 чтв., Северо-Западный — 1,24 чтв., Центрально-Нечерноземный — 1,23 чтв., Центрально-Черноземный — 1,29 чтв., Средне-Волжский — 1,65 чтв., Украинский левобережный — 0,59 чтв., Приуролпский — 1,07 чтв. В *целом* средний душевой высев составил 1,18 чтв. на душу или на тягло 4,72 четверти, что означает среднюю величину площади пашни под этот посев, равную снова тем же 2,4 десятины (в двух полях.)л1.

В описании Тверской губернии автор его старается доказать, что это условия нормального существования земледельца. Так, характеризуя крестьянское хозяйство Тверского уезда, наблюдатель пишет: «…всякий, примерно полагая, имеет земли в каждом поле не менее десятины. А потому и остаются у него излишняго четверть или две овса, сена, а ис скота — бык и овца, а также несколько коровьего масла, яиц, творога и за сие он получит в год не более 6 руб.»42 Крестьянин-«середняк» в Вышневолоцком у. также продает хлеб, скот, мед, воск, масло коровье, яйца, творог, холст — всего на 9—10 руб. в год43. В Калязинском у. в однотягловом хозяйстве «в год продают быка, овцу и свинью и всего на 7–8 руб.»44 И жизнь, отмечает наблюдатель, у них не бедная, и хлеба хватает. В Кашинском уезде при урожае сам-4 и сам-5 этот «середняк» продает 2 или 3 четверти хлеба и «излишнего быка и овцу», получая за все в год 7 или 8 руб.45 В Бежецком у. крестьяне «средственного» достатка продают в год своих продуктов на сумму до 10 руб.46 В Корчевском у. — до 7–8 руб.47 В Весьегонском у. «средственный крестьянин» продает 2 четверти хлеба, одного бычка или телицу, одну свинью, одну овцу, масло, творог, яйца, но выручка от всего не превышает 5–6 руб.48

Казалось бы, выглядит все вполне благополучно. Однако это лишь на первый взгляд. В нашем распоряжении есть типичный бюджет 80-х годов XVIII в., сделанный «по расчислению нескольких лет на каждый год». Это бюджет крестьянина «посредственного состояния» с женою и двумя детьми, «живущего домом»49. В год ему «потребно»:

1. На подати и расходы домашние и на избу и на прочее строение — 4 руб. 50 коп. с половиною.

2. На подушный оброк за себя и за малолетнего своего сына — 7 руб. 49 коп.

3. На соль — 70 коп.

4. На упряжку и конскую сбрую — 1 руб. 95 коп. с половиною.

5. На шапку, шляпу, рукавицы и проч. — 97 коп. с половиною.

6. На земледельные инструменты и всякие железные вещи и деревянную посуду — 4 руб. 21 коп.

7. На церковь — 60 коп.

8. Для жены и детей — 3 руб.

9. На непредвиденные расходы — 3 руб.

Итого — 26 руб. 43 коп. с половиною.

Даже если из числа расходных статей исключить «страховой фонд» в 3 руб. и сократить расход на женщин

и детей вполовину, то все равно останется сумма, даже не сопоставимая с вышеприведенными доходами от продажи продуктов крестьянского хозяйства Калязинского, Кашинского, Весьегонского, Бежецкого, Корчевского и др. уездов. По сравнению с реальными потребностями они выглядят просто смехотворными. В целом по губернии необходимая сумма расходов по поддержанию средственного крестьянского однотяглового двора («на всякие в доме расходы») колеблется от 20 до 26 руб.50

Но обратимся снова к фактам. В Зубцовском у. однотяглый крестьянин имел посев до 3 дес. в двух полях, то есть несколько выше минимальной нормы. Заготавливая до 300 пудов сена, он содержит скот не только для своих нужд, но и на продажу. Такой крестьянин в год может продать бычка, свинью, двух овец, три четверти хлеба, а также по мелочи: мед, воск, хмель, грибы, коровье масло, творог, яйца и т. д. Общая «прибыль» с хозяйства составляла 8—10 руб. Однако «по вернейшему исчислению» для нормальной жизни и «на подати и расходы» ему нужно до 26 руб.51 Иначе говоря, крестьянин-середняк далеко не сводит концы с концами. В Старицком у. имеющий на соху не менее десятины пашни крестьянин продает всего «по цене на 8 или 9 руб.». А на расходы и подати ему также необходимо 26 руб.52

Даже там, где сумма необходимых расходов уменьшена, реальные доходы крестьян выглядят мизерными. Так, в Новоторжском у. «с каждой доли (то есть с двух тягол,»— *Л. М.)* продается скота, масла коровьего, яиц, творога, грибов и ягод на 6 руб.»53 Необходимо же было иметь «по вернейшему исчислению» 21 руб. **В Вышневолоцком у., как уже говорилось, все продажи составляли 9—10 руб. в год, а на нужды и подати необходимо было 20 руб.54 В Краснохолмском у. от хозяйства в год выручалось не менее 10 руб., а на нужды «здешнему крестьянину в год не более 17 руб. надобно»55.**

И так было не только в тверских краях, так было и в соседней Ярославской губернии, где уровень земледельческого производства был ниже, а «на всякие домашние расходы потребно крестьянину в год от 25 до 30 руб «56 *С* большой долей уверенности можно сказать, что подобное соотношение доходов и необходимых расходов характерно для всего Нечерноземья.

Если же цитированные выше необходимые затраты не производились, в конце концов, крестьянский двор беднел, хозяин его терял волю и упорство. Подобное хозяйство выглядело следующим образом: **«1. С двора навоз течет; 2. Мало дров заготовлено; 3. Изба холодна и не конопачена; 4. Зимою лаптей и веревок не наготовлено; 5. Изба и сарай от дождя каплют; 6. Колод, яслей и решет нет для корму скота; 7. Стол немыт, а изба нечиста; 8. Тараканы и сверчки в избе; 9. Ножи, борона и сошники тупы; 10. Коса, серп и топор худы; 11. Мало рубах и один кафтан; 12. Лошадям, скоту и птицам невод (безводица, — Л. *М.);* 13. На дворе своего колодезя нет; 14. В погребе льду нет; 15. Летом телег, а зимой саней нет; 16. Лошадь с сад-ном, а седла (седелки, — *Л. М.)* нет; 17. На полосе хлеб хуже всех; 18. Навоз не запахан; 19. Хлеб убирает позняя всех; 20. Летом избу топит, а не варит ничего; 21. Худые и сырые хлебы печет; 22. Ранее всех ест; 23. А долее всех спит; 24. Квасу в доме нет; 25. Здоровой по миру ходит и милостыни просит»57.**

Уровень реальной жизни большей частью, по-видимому, располагался между крайней бедностью и состоянием выживания, когда хозяин, применяя всевозможные «крестьянские извороты»58, поддерживал на плаву свой двор и семью**. В конечном же счете речь должна идти о крайне низком уровне земледельческого производства в целом для Европейской России и в особенности для территории ее исторического ядра. Земледелие здесь практически едва осуществляло функцию простого воспроизводства.**

Оценивая в целом возможности крестьянского хозяйства к концу XVIII в., А.Т. Болотов писал: **«Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от их помещиков, и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием»59. «Крестьянин, не имеющий в своей семье работников, никогда не мог засевать свою пашню в способное время и для этого (из-за этого, — Л. *М.) у* него всегда был недород»,** «незажиточному крестьянину недоставало времени вспахать все свое поле», «имея одну негодную или две лошади, [крестьяне] с нуждою землю свою вспахать могут» — такие оценки давали основной массе крестьян XVIII в. современники60.

В целом, чтобы завершить этот пласт весьма суровой информации, свидетельствующей о вечно низкой производительности труда в земледелии нечерноземной России, вернемся к вопросу о затратах труда. В очерке шестом, специально посвященном этому вопросу, проверяя надежность материала офицерских

описей, мы дали довольно большое число оценок затрат труда на всех видах работ, кроме обмолота, на вольном рынке найма рабочей силы. Итогом была найденная нами примерная средневзвешенная оценка всех работ на десятину нечерноземных полей в 7 руб. 60 коп. Применительно к вологодским землям для соотнесения затрат труда с ценой на рынке полученной с этой десятины продукции сделаем простейшие расчеты. В 50—60-е гг. XVIII в. за четверть ржи в этих краях платили один рубль, а за овес — 60 коп.61 Если взять здешнюю урожайность по ржи сам-8 и сам-5 для овса, то получим доход в 9 руб. 40 коп. Добавляя несколько к этой сумме за счет других культур, в целом оценим доход на два поля в 10 руб., то есть по 5 руб. на десятину (разница в полтора раза). Затраты же труда стоят намного дороже (7 руб. 60 коп.). Аналогичен расчет и по Ярославскому у.: цена ржи примерно 1 руб. 20 коп., овса — 80 коп.62; урожайность здесь возьмем оптимальную — для ржи сам-5, овса сам-4. Это дает доход на два поля 7 руб. 20 коп. С надбавкой на другие культуры («мелкий хлеб») получаем 8–8,5 руб. В расчете на одну десятину это составит 4–4,25 руб., что снова намного ниже оценки затрат на вольном рынке (в 1,8–1,9 раза). Если же взять объем урожая более реальным, то по Вологде (при урожайности ржи сам-4, а овса сам-3) доход с десятины в двух полях упадет до 2,6 руб., а по Ярославлю (при урожайности ржи сам-2,5, а овса сам-2) доход упадет до 1,3 руб.

Думается, этот расчет предельно обнаженно характеризует драматизм повседневной жизни большинства российских крестьян огромного Нечерноземья с его безнадежно нерентабельным земледельческим производством.

Что касается заокских черноземных просторов, то, как уже говорилось в седьмом очерке, о некоей рентабельности говорить вполне возможно. При скромном развитии промышленных предприятий и ограниченном спросе рабочих рук на промыслах цена на вольный труд в земледелии была, вероятно, намного ниже, чем в Промышленном Центре и на севере Европейской России. Достаточно привести лишь один пример. В селе Медяны в Алатор-ском уезде владения Нижегородского Печерского монастыря труд вольного наемника стоил в расчете на десятину в 2-х полях 1,42 руб. (сюда включены работы по пашне и севу яри и озими, жатва и молотьба). Точно так же по селу Ратово подобные работы стоили 1,4 руб. за десятину в 2-х полях63. Цена же получаемого хлеба была здесь в 2–3 раза выше. Низкие цены на земледельческий труд в этих плодородных краях могут быть объяснены сравнительно небольшими затратами труда, то есть примитивностью агрикультуры. Важную роль играла и крайняя хаотичность в чередовании урожайных и неурожайных лет, что было жестким препятствием в формировании рыночной конъюнктуры.

* * *

Ситуация с развитием земледельческого производства в первой половине XIX в. была не лучше. Для начала ознакомимся с итогами многолетнего изучения материалов приложений к губернаторским отчетам И.Д. Ковальченко и приведем итоги статистической обработки им информации о размерах посевов хлебов и картофеля в расчете на душу населения (таблица 2.4)64.

При комментировании материалов таблицы № 2.4 о посевах хлебов и картофеля необходимо помнить, что обобщенный хлебный бюджет тверского однотяглового хозяйства в 80-х годах XVIII в. предусматривал посев в 5 четвертей при площади посева примерно в 2,5 дес. в двух полях и составе семьи из 4-х человек. В нашей таблице итоговым показателем является реконструкция тягла путем увеличения душевого посева в четыре раза. Таким образом, наше тягло несет, скорее, статистическую «нагрузку, тем не менее вполне достоверно отражая основную тенденцию развития, как во времени, так и в пространстве.

Итак, в первое десятилетие XIX в. в пределах Нечерноземья самое благополучное положение было в Псковской и Смоленской губерниях, где на тягло посев был на 60 % больше «тверского» посева. В самой Тверской губ. посев также увеличился на 12,5 % (нельзя исключать при этом возможности роста посевной массы зерна за счет увеличения густоты высева). На Севере доля хлебных посевов катастрофически мала, и не выручали крестьян даже более высокие урожаи. Что же касается Центра России, то совершенно очевидно его почти бедственное состояние. В Костромской и Калужской губерниях средний высев на тягло был даже меньше пяти четвертей, а это означало, что крестьяне возделывали пашню на полосах, меньших, чем 2,5 дес. в двух полях. Чуть больше 5 четвертей были высевы в Ярославской и Владимирской губерниях, а в Вятской и Пермской губерниях высев на тягло

был на тверском уровне: ровно *3* четвертей.

Не слишком сильно отличались посевы и в Черноземье. Здесь резко выделяются Тульская и Пензенская губернии, где пятичетвертную норму посевы превысили на 48–71 /о. Однако в Курской и Рязанской губерниях высев практически на «тверском» уровне, то есть посевная площадь оставалась в пределах 2,5 дес. В Тамбовской и Саратовской этот уровень превышен на 19–29 %.

Перейдем теперь к анализу данных по двум десятилетиям, непосредственно предшествующим реформе 1861 г. Заметим, что сопоставление с Другими десятилетиями допустимо здесь лишь в первом приближении.

Первый же важнейший вывод буквально ошеломляет. **Ведь спустя три десятилетия средний высев в пределах территорий русских губерний не только не увеличился, но, может быть, даже уменьшился (в 1802–1811 гг. 5,54 чтв., а в 1841–1850 гг. 5,13 чтв.).** За этими сухими цифрами стоит трагичная судьба русского крестьянства. Знакомство с материалами первой части работы дает возможность осознать, путем какого огромного напряжения сил нашему земледельцу доставалась каждая четверть зерна. И в XVIII веке, и много раньше сельскохозяйственная пора — это «страда», страдание, тяжелый надрывный труд. Ведь русский пахарь всегда работал на пределе своих возможностей. И тем не менее, шли десятилетия, а площадь высева в расчете на тягло оставалась та же.

В советской историографии все исходные данные, которыми мы оперируем, были известны, но на них смотрели только как на свидетельства губительного воздействия на экономику крестьянского хозяйства жесточайшего крепостного права. **Один из образованнейших людей конца XVIII в., И.Г. Георги писал, правда с известной долей лакировки, следующее: «Крестьянин каждый имеет собственность, не законом утвержденную, но всеобщим обычаем, который имеет силу не меньшую закона». При условии выплаты в той или иной форме ренты все, что «крестьянин вырабатывает или ремеслом своим достает, остается точно ему принадлежащим, тем владеет он во всю жизнь свою спокойно, отдает в приданое за дочерьми, оставляет в наследие своим сыновьям и родственникам по воле своей невозбранно. Без такой свободы и**

Таблица 2.4. Посевы *хлебов и картофеля в первой половине XIX в. (в четвертях)*

Губернии

Годы

1802–1811

1841–1850

1851–1860

На душу нас. всего

На тягло всего

На душу населения

На тягло всего

На душу населения

На тягло всего

хлебов

картоф.

всего

хлебов

картоф.

всего

Архангельская

0,35

1,4

0.29

0,04

0,33

1,32

0,28

0,03

0,31

1,24

Вологодская

—

—

0,67

0,03

0,70

2,8

0,68

0,03

0,71

2,84

Олонецкая

0,54

2,16

0,54

0,04

0,58

2,32

0,56

0,03

0,59

2,36

Петербургская

—

—

0,90

0,20

0,10

4,4

0,44

0,10

0,54

2,16

Новгородская

—

—

0,93

0,11

1,01

4,04

0,82

0,10

0,92

3,68

Псковская

2,05

8,2

1,18

0,18

1,36

5,44

1,12

0,11

1,23

4,92

Смоленская

1,98

7,9

1,98

0,16

2,14

8,56

1,90

0,14

2,04

8,16

Ярославская

1,37

5,48

1,28

0,10

1,38

5,52

1,31

0,20

1,51

6,04

Костромская

1,19

4,76

1,28

0,06

1,34

5,36

1,34

0,05

1,39

5,56

Тверская

1,56

6,24

1.51

0,21

1.72

6,88

1,41

0,16

1,57

6,28

Московская

1,26

5,04

0,89

0,09

0,98

3,92

0,87

0,09

0,96

3,84

Владимирская

1,40

5,6

1,29

0,06

1,35

5,4

1,28

0,07

1,35

5,4

Калужская

1,08

4,32

1,30

0,13

1,43

5,72

1,22

0,08

1,30

5,2

Тульская

1,85

7,4

2,01

0,13

2,14

8,56

2,06

0,13

2,19

8,76

Рязанская

1,27

5,08

1,35

0,05

1,40

5,6

1,34

0,08

1,42

5,68

Орловская

—

—

1,70

0,14

1,84

7,36

1,58

0,11

1,69

6,76

Таблица 2.4. Посевы хлебов и картофеля в первой половине XIX в. (в четвертях)

Губернии Тамбовская

Годы

1802–1811

1841–1850

1851–1860

На душу нас. всего

На тягло всего 5,96

На душу населения

На тягло всего

На душу населения

На тягло всего

хлебов

картоф.

Всего

хлебов

картоф.

всего

1,49

1,39

0,05

1,44

5,76

1,33

0,09

1,42

5,68

Курская

1,31

5,24

1,29

0,09

1,38

5,52

1,23

0,09

1,32

5,28

Воронежская

—

—

1,37

0,06

1.43

5,72

1,29

0,08

1,37

5,48

Пензенская

2,14

8,56

1,70

0,04

1,74

6,96

1,51

0,06

1.57

6,28

Симбирская

—

—

1,43

0,03

1,46

5,84

1,32

0,03

1,35

5,4

Самарская *

—

—

—

—

—

—

1,47

0,03

1,50

6,0

Саратовская

1,61

6,44

1,35

0,03

1.38

5,52

1,34

0,04

1,38

5.52

Вятская

1,25

5,0

1,46

0,04

1,50

6,0

1,48

0,04

1,52

6,08

Пермская

0,81

5,0

0,96

0.02

0,98

3,92

0,99

0,03

1,02

3,56

Оренбургская

—

—

1,26

0,02

1,28

5,12

0,86

0,03

0,89

3,56

безопасности не мог бы крестьянин наживать по 100 тысяч рублей и более капитала. Собственность крестьянина состоит в его доме, имении, скоте и земле, сколько ему наделу с прочими той деревни крестьянами достанется, а приобретение его зависит от его рук, досужества, проворства и рачения»65.

Из слов этого современника, по крайней мере, следует, что, будучи «крещеной собственностью», крестьянин тем не менее оставался собственником жизненных средств. Но в отличие от промысловика, земледелец редко богател именно вследствие того, что земледелие в пределах исторического ядра Российского государства имело жестко ограниченные мачехой-природой рамки.

Из сопоставления итогов предреформенного двадцатилетия четко видна тенденция к снижению размера посева в расчете на тягло, и это справедливо расценивается как следствие возросшей крепостнической эксплуатации (средний посев на тягло с 5,13 чтв. в 1841–1850 гг. снизился до 4, 83 чтв. в 1851–1866 гг.).

Но в первую очередь речь должна идти о попытке объяснения, почему в районах, не являющихся оплотом господства крепостничества, размеры посева на тягло составляют по-прежнему 2,5 или 2,9 дес. на тягло в двух полях. В пояснение приведем итоги нашей обработки данных книги В.П. Яковлевой, изучившей архивные материалы по состоянию сельского хозяйства Тамбовской губернии в конце 40-х — 50-х годах XIX в. (см. таблицу 2.5)66.

Таблица 2.5. Размер посева на душу м. п. у государственных крестьян Тамбовской губ.

Уезды

Посев на д. м. п. (в дес.)

Посев на д. м. п. (в чтв.)

Посев на тягло (в дес.)

Посев на тягло (в чтв.)

Лошадей на тягло

Елатомский и Шацкий

1,55

2,42

3,0

4,84

1,5

Темниковский

1,66

2,79

2,92

5,58

1,46

Моршанский

1,84

3,19

3,28

6,38

2,12

Козловский

1,78

2,85

3,16

5,7

1,86

Тамбовский

1,99

3,13

3,58

6,26

1,44

Кирсановский

2,45

3,61

4,9

7,22

1,86

ИТОГО в среднем

1,88

3,00

3,47

6,00

1,7

Подробные расчеты В.П. Яковлевой, сделанные с учетом каждой дачи межевания Менде, объема высева каждой культуры трехпольного севооборота на душу муж. п., позволяют, в частности, определить посевную площадь на тягло у государственных крестьян губернии, то есть населения, подвергавшегося наименьшему угнетению со стороны «централизованного феодала». Исходя из минимально нормальных норм высева (ржи — 10 четвериков, овса — 3 четверти, ячменя — 16 четвериков и. т. д.), мы рассчитали примерную площадь высева на душу муж. п. и на тягло. Полученные результаты свидетельствуют, что в Шацком и Елатомском уездах площадь высева на тягло несколько выше 2,4 дес. и доходила до 3,0 дес. в двух полях. А в пяти черноземных хлебопашенных уездах реконструируемая площадь высева достигала 3,57 дес. на тягло (по 6 уездам — 3,47 дес. при среднем высеве в 6 четвертей на тягло). Если же, скажем, высев ржи в нашей реконструкции загустить до 1,5–2,0 четвертей на десятину (а мы уже видели, что такие высевы в Черноземье были), то площадь высева сократится почти на десятину (примерно до 2,6 дес.).

В книге у В.П. Яковлевой есть очень ценный материал и по барщинным крестьянам. У этой категории крестьянства среднее количество высеваемых четвертей в расчете на тягло в 50-х годах XIX в. было: в Елатомском у. — 5,32 чтв., в Шацком у. — 5,04 чтв., в Темниковском у. — 4,54 чтв., в Спасском у. — 6,99 чтв., в Моршанском у. — 5,37 чтв., в Тамбовском у. — 6,18 чтв., в Козловском у. — 6,43 чтв. и в Кирсановском у. — 6,37 чтв.67 Опираясь на аналогичные по средним высевам в помещичьих хозяйствах, где известна и площадь пашни68, можно экстраполировать расчеты по помещичьим высевам на высевы барщинных крестьян. В среднем помещики 8 уездов имели высевов 6,34 чтв. в расчете на крестьянское тягло при посевной площади в двух полях, равной 4,36 дес. Следовательно, крестьяне, имея средний по 8 уездам высев в 5,78 чтв. на тягло, использовали под этот посев примерно 4 дес. (3,98 дес.) в двух полях. Таким образом, общая нагрузка на тягло, включая барщину, могла бы доходить до 8,34 десятины. Эта цифра, разумеется, очень велика. В реальности сумма площадей пашни была меньше, ибо на пашне помещика использовались и дворовые люди.

В связи с этим крайне важно выяснить обеспеченность крестьянского хозяйства рабочим скотом. Обычно для этой цели привлекаются данные подворных описей первой половины XIX в., но в нашем случае целесообразно использовать сведения Экономических примечаний Менде, где представлены имения и мелкие, и средние, и крупные. Материалы по государственным крестьянам Тамбовской губернии, обработанные В.П. Яковлевой, свидетельствуют о том, что на голову рабочего скота здесь приходилось не более 3,4 четверти высева (или примерно 2,3 дес. пЬшни). Такая же нагрузка на лошадь была и у оброчных крестьян губернии. По каждому из 4-х уездов, где есть данные по оброчным крестьянам, размеры высевов в расчете на тягло были следующими: в Елатомском у. — 3,95 чтв. (при 1,48 лош. на тягло), в Шацком у. — 4,84 чтв. (при 1,37 лош. на тягло), в Тем-никовском — 3,2 чтв. (при 1,29 лош. на тягло) и в Кирсановском у. — 8,14 чтв. (при 1,72 лош. на тягло)69. При условии, что из числа южных уездов в этой выборке есть лишь один Кирсановский у., средняя по 4-м уездам будет лишь грубым обобщением (5,03 чтв. при 1,46 лош. на тягло), хотя конечный итог нЬгрузки на рабочую лошадь (3,45 чтв. высева на голову тягловой силы) точно совпадает с нагрузкой у государственных крестьян. Таким образом, наши данные вполне достоверны.

По сравнению с обычной нагрузкой на рабочую лошадь у государственных и оброчных крестьян, нагрузка на лошадь у барщинных крестьян, на первый взгляд, должна быть оценена как чудовищная, а поэтому и маловероятная. Но, как уже говорилось, на барской пашне работали и дворовые люди. Их вклад в обработку барской пашни можно восстановить, хотя бы в первом приближении, пользуясь данными о количестве барских лошадей по восьми усадам губернии. В работе В.П. Яковлевой эти сведения даны в расчете на крестьянское тягло (Елатомский у. — 0,2 лош., Шацкий у. — 0,18 лош., Темниковский у. — 0,18 лош., Спасский у. — 0,33 лош., Моршанский у. — 0,19 лош… Тамбовский у. — 0,46 лош., Козловский у. — 0,24 лош., Кирсановский у. — 0,23)70. **Суммируя эту долю с общей обеспеченностью рабочим скотом барщинных крестьян этих уездов, мы получим на тягло уже не 1,7 лош., а 1,95 лош., следовательно, в совокупности с высевом на барской пашне на голову рабочего скота в итоге приходится 4,28 дес. посевной площади в двух полях. Это, разумеется, тоже очень большая нагрузка на рабочую лошадь. К тому же следует учитывать весьма скудную кормовую базу в крестьянском хозяйстве, где к весне обычно корм был на исходе.**

В книге В.П. Яковлевой есть ценнейшие данные о размерах заготовок сена для рабочего и продуктивного скота. **В пересчете на голову крупного скота у государственных крестьян в среднем по 6 уездам приходилось на стойловый период всего лишь 14,4 пуда. Цифра чисто символическая, и слабосильность крестьянских лошадей при таком корме совершенно очевидна.** Ведь это **только в Западной Европе, в частности в Англии, еще в конце XVIII в. с августа по октябрь овец пасли на молодых травах, а на зиму выгоняли на репные поля и только в сильные холода помещали в тепло, давая хорошее сено, репу и капусту. На репные поля с ноября и на всю зиму выгонялся весь скот, а весной — на лучшие пастбища. Коров за 6 месяцев до отела начинали кормить хорошим сеном, хотя, видимо, могли бы кормить и зерном (тогда считалось, что от такого корма у коров могут лопнуть сосцы)71. А рабочая лошадь, как уже говорилось, только одного овса получала в год от 22 до 25 четвертей.** Возвращаясь к рассмотрению производственных потенций крестьянской рабочей лошади, следует заметить, что посевная нагрузка, достигающая 4,28 дес. на голову, может быть объяснена только чрезвычайно примитивной обработкой земли. В описании губернии в Экономических примечаниях Менде, в частности, сказано: «Во многих местностях Тамбовской и Воронежской губерний» «высевают овес по непаханной земле, не боронуют посеянную рожь и не навозят поля, что и даетим возможность возделывать земли гораздо более»72. Не менее интересно и замечание по практике земледелия Борисоглебского уезда: «Обстоятельства нашей местности таковы, что, кто посеет больше, тот и с доходами, хотя обработка земли производилась бы и не с надлежащею тщательностью и своевременностью»73. Таким образом, если в конечном счете на тягло барщинного крестьянина приходилось 4,28 дес. посева, то усилия на их обработку было намного меньше, чем обычно.

Подводя итог нашему разбору вопроса о реальном посеве однотяглового крестьянского хозяйства, следует отметить, что **практически всюду он был ограничен площадью в 2,4–2,6 дес. в двух полях.** Там, где были богатые черноземы, площадь высева могла быть увеличена только за счет резкого снижения требований к качеству обработки почвы, за счет посевов по стерне, за счет отказа от боронования и т. п.

Возвращаясь к материалам по всем русским губерниям Европейской России, следует обратить внимание, что к середине века наибольшие высевы по-прежнему были в Смоленской (8,56 чтв.). Тульской (8,56 чтв.), а также в Орловской (7,36 чтв.). Около 7 четвертей на тягло засевали однотягловые крестьяне Тверской (6,88 чтв.) и Пензенской (6,96 чтв.) губерний. Север по-прежнему имел почти символические высевы. Очень мало высевали в Петербургской и Новгородской губерниях (4,0–4,4 чтв.). В остальных губерниях Черноземья и Нечерноземья посевы умещались в интервале от 5 до 6 четвертей на тягло (Псковская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тамбовская, Курская, Воронежская, Симбирская, Саратовская, Вятская, Пермская и Оренбургская губернии).

В предреформенное десятилетие, как уже говорилось, общая тенденция развития земледелия была связана со снижением производства. При этом в некоторых нечерноземных губерниях оно явно сопровождается переключением крестьян на промысловые занятия (в Московской губернии высевы за 50 лет упали с 5,04 чтв. до 3,84 чтв. на тягло, в Пермской губ. произошло снижение с 5 чтв. до 3,56 чтв. на тягло). Видимо, то, же происходило и в Петербургской губернии, где к 1861 году высев упал до 2,16 чтв. на тягло. Однако весьма важно, что в главнейших местах сосредоточения крестьянской промышленной деятельности (в Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Калужской губерниях) высев не снизился, а кое-где несколько вырос, хотя и очень незначительно. Это обстоятельство

весьма красноречиво, ибо оно свидетельствует о том, что в XVIII–XIX вв. процесс общественного разделения труда (отделения промышленности от земледелия) совершался в крайних, болезненных формах. Крестьяне переключались на промысловые занятия не потому, что в земледелии в итоге роста производительности труда, интенсификации агропроизводства появлялись излишние людские ресурсы, как можно было бы полагать, не зная материала. Напротив, **земледельческое производство в Промышленном Центре России оставалось по-прежнему общественно необходимым, и общество нуждалось в этой продукции. Но крайне неэффективное земледелие не способно было прокормить земледельцев, и это толкало их в города, на каналы, на фабрики, способствовало возникновению крестьянского ремесленного производства**. Товарный хлеб в России — это дар капризной Природы.

Чтобы убедиться в этом, ознакомимся с данными об урожайности зерновых в первой половине XIX в. (см таблицу 2.6) 74

Таблица 2.6. Урожайность озимых и яровых культур и чистые сборы на душу населения в первой половине XIX в. (в среднем в год в «самах»)

Годы

1802–1811

1841–1850

1851—860

Чистые сборы на душу населения

Губернии

1802–1811

1841–1850

1851–1860

1

2

3

4

5

6

7

Архангельская

4,4

4,0

3,3

1,18

1,04

0,73

Вологодская

—

3,4

3,4

—

1,67

1,71

Олонецкая

3,6

3,8

3,4

1,39

1,63

1,46

Петербургская

—

2,9

2,9

—

2,34

1,15

Новгородская

2,8

2,6

—

1,82

1,56

Псковская

2,7

2,6

3,20

2,32

2,05

Смоленская

2,6

2,5

2,3

3.21

3,30

2,67

Ярославская

2,6

2,7

2,7

2,15

2,44

2,72

Костромская

2,7

2,7

2,8

2,08

2,32

2,55

Тверская

2,5

2,5

2,5

2,36

2,55

2,50

Московская

2,3

2,8

2,3

1,60

1,79

1,39

Владимирская

2,5

2,7

2,8

2,04

2,37

2,42

Нижегородская

3,3

3,1

3,3

3,64

3,01

3,24

Калужская

2,5

2,7

2,2

1,62

2,52

1,57

Тульская

3,3

3,6

3,2

4,24

5,62

4,74

Рязанская

3,8

3,6

3,1

3,57

3,68

3,08

Орловская

—

3,5

2,9

—

4,64

3,33

Тамбовская

4,4

3,9

3,5

5,18

4,13

3,58

Курская

3,8

3,8

3,1

3,69

3,92

2,78

Воронежская

—

3,0

3,2

—

2,88

3,16

Пензенская

3,5

3,3

3,9

5,33

4,05

4,23

Симбирская

—

3,3

4,0

—

3,31

3,97

Саратовская

3,2.

3,4

3.6

3,48

3,34

3,58

Самарская

—

—

3,6

—

—

3,90

Область Войска Донского

3,8

2,10

Оренбургская

—

3,1

3,7

—

2,69

2,42

Ставропольская

4,3

4,0

—

3,24

2,25

—

Вятская

2,8

3,6

3,2

2,31

3,85

3,40

Пермская

3,0

3,8

3,5

1,6

2,71

2,59

ИТОГО

в среднем

3,23

3,2

3.1

2,82

2,90

2,68

Если в 50-х годах XIX в. расчетная потребность в продовольственном зерне достигала 138 млн чтв. (15,456 тыс. т), то реальный сбор в среднем за 10 лет достигал всего 141 млн чтв. (15,792 тыс. т). Казалось бы, одно с другим вполне совпадает. Однако, во-первых, расчет продовольственных потребностей основан был на заниженной норме употребления зерна и круп (около 17,4 пуда на взрослого едока, или 278,4 кг), составляющей без расхода на корм скоту в сутки чуть более 2000 ккал. Кроме того, никак не были учтены потребности крестьян в продаже зерна для поддержания своего хозяйства, личных потребностей в одежде, необходимых средств для уплаты налогов и податей. А ведь зерновая часть дохода земледельца играла во всем этом немалую роль. Далее, этот хлебный баланс страны не учитывал государственные закупки зерна на армию, не включал в себя расходы на винокурение и экспорт зерна. С учетом их общий баланс имел бы весьма большой дефицит.

Разумеется, это не означало, что в стране не было винокурения или товарного зерна. По расчетам И.Д. Ковальченко, объем хлебного рынка в России в 50-х годах XIX в. достигал примерно 37 млн чтв. (по другим расчетам — 43–49 млн. чтв.)75. **Но и товарное зерно и винокурение — это в существеннейшей мере итог дальнейшего снижения уровня питания.** Дореформенный рынок — это рынок продажи хлеба из нужды, хотя независимо от этих мотивов он служил ареной действия законов товарного производства.

Отсюда неизбежен главный вывод: Россия была многие столетия социумом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Особенно ярко это проявилось при изучении величины чистых сборов хлебов в расчете на душу населения. Данные на этот счет есть по трем десятилетиям первой половины XIX в.

Главное, что следует сразу же отметить, это уже знакомая нам по пятому очерку неизменность низкого уровня урожайности за полстолетия. И тем не менее, эта стабильность — итог весьма упорного труда русских крестьян, труда, как мы видели, требующего мощной концентрации физических и духовных сил народа в борьбе за средства поддержания жизни. При этом, к сожалению, как и в предыдущие столетия, в XIX в. по-прежнему не было корреляции между затратами труда и его итогами даже в масштабах протяженных периодов времени. В этом наиболее ощутимо и проявляется коварная роль нашей мачехи-природы.

Сводные, по десятилетиям, данные по урожайности скрывают от читателя отдельные взлеты урожайности в отдельных губерниях или целых группах губерний. Однако они скрывают и нередкие бедствия в сельской жизни тех же губерний и целых регионов, когда миллионы крестьян в жатву едва собирали на семена. Конечно, столь масштабные бедствия были не столь часты, но на ликвидацию их последствий уходили годы.

Из данных таблицы № 2.6 четко видно, что урожайность в нечерноземной зоне чаще всего была ниже сам-3, хотя в помещичьих хозяйствах она могла быть выше, чем в крестьянских. **Огромное количество земледельцев не могли себя прокормить ни в начале, ни в середине XIX века. Средняя по губернии урожайность в Новгородской, Псковской, Смоленской, Ярославской, Костромской, Тверской, Владимирской, Калужской губерниях колебалась от сам-2,3 до сам-2,8.** Выше сам-трех урожайность в Нижегородской губ. держалась за счет ее черноземного юга. Что же касается самого Черноземья — тогдашней житницы Европейской России, — то, как видно из данных за полвека, возможности в создании мощного постоянного потока товарного зерна были в это время очень скромными. В первое десятилетие какие-то явные излишки имели лишь Тамбовская, Рязанская, Курская, Ставропольская губернии и Область Войска Донского. По 40-м годам к таким губерниям можно отнести снова ту же Тамбовскую, Курскую, Ставропольскую и Пермскую губернии. Важно, что средняя десятилетняя урожайность в нечерноземных регионах не опускалась в эти годы ниже сам-2,7 (кроме Тверской и Смоленской губерний).

В предреформенное десятилетие происходит давно известный в историографии спад в урожайности, особенно ощутимый в черноземных регионах (Тульская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Курская губернии). Четко определена и причина этого: кризис системы крепостничества. Немаловажно, что при этом в ряде южных регионов было некоторое повышение урожайности (Пензенская, Симбирская, Оренбургская губернии). Добавим, что в более южных районах — на Украине, в Бессарабии, в Области Войска Донского — уровень урожайности был чуть выше (в 10 украинских губерниях и Бессарабии в 1801–1810 гг. он был в среднем сам-3,4, в 1841–1850 гг. — сам-4,2, в 1851–1860 гг. — сам-3,8). **В целом же в Европейской России так и не появились регионы с ритмичным и постоянным производством зерновой товарной продукции.**

Исключительно экстенсивный характер земледелия, и невозможность при тогдашнем уровне российской цивилизации развивать производство путем его интенсификации неизбежно и постоянно выдвигали проблему освоения новых территорий для увеличения валового продукта земледелия. Зерновое производство в России развивалось, таким образом, в первую очередь за счет вовлечения в него новых людских ресурсов. Нужда общества в хлебе постоянно стимулировала этот процесс.

Убедиться в этом помогают сводные данные о величине чистых сборов хлебов в расчете на душу населения по трем десятилетиям первой половины XIX в. Данные таблицы 2.6 раскрывают довольно неприглядную картину жизни народа с точки зрения душевой обеспеченности зерном. В Архангельской и Олонецкой губерниях в первом десятилетии этого века приходилось на душу населения соответственно 1,18 четверти и 1,39 четверти в год. Конечно, из этих запасов ничего продать нельзя, да и на питание не хватит, не говоря уже о подкормке скота. А коль скоро народ все же жил, то, видимо, важную роль в питании играла и рыба, и кое-какие овощи, а возможно, и мясо.

Здесь уместно напомнить факты, уже приводившиеся в одиннадцатом очерке, что в 80-х годах XVIII в. жители Олонецкой провинции во всех уездах, кроме Каргопольского, с марта или апреля

практически постоянно до нового хлеба толкли в муку сосновую кору и, «прибавя несколько ржаной и ячменной муки», пекли некие хлебы. В соседней Архангельской губ. толкли так называемый «березовый дуб» и траву вахку, а когда мука совсем кончалась, делали колобки из толченой коры, перемешав ее с рыбою и молоком. Обобщенный по десятилетиям расчет чистых сборов за первую половину XIX в. только подтверждает безысходную хлебную нужду северян-архангельцев и олончан.

Конечно, в промышленных губерниях было получше. В первом десятилетии самый скудный «хлебный паек» имели Московская (1,6 чтв. на душу) и Калужская (1,62 чтв. на душу) губернии. Однако их население, особенно в Московской губ., активнейшим образом было втянуто в промысловую и промышленную деятельность, и поэтому земледелие здесь отходило на второи план, уступая место привозному зерну, что, несомненно, содействовало удорожанию хлеба, так как абсолютная масса его становилась меньше. В остальных губерниях Промышленного Центра (Ярославской, Костромской, Владимирской, Тверской) чистые сборы на душу населения были в пределах 2,0–2,36 чтв. При таком зерновом фонде даже по 12 пудов на душу невозможно выделить на питание, так как сэкономленного все равно не хватило бы на скотину.

Конечно, народ приспосабливался, в пище было много овощей (репа, редька, капуста). Картофель еще только-только входил в рацион крестьянской пищи. Разумеется, большую роль играли «дары леса». Но нужно помнить, что ритм трудовой жизни крестьянина позволял ему делать лишь стремительные вылазки на «грибную охоту», и грибы заготавливали в основном дети. А как известно, грибы — продукт коварный, и к тому же низкокалорийный. Автор топографического описания Тверского края, обративший особое внимание на эту деталь крестьянской жизни, отмечал среди наиболее частых причин детской смертности две главных: оспу и поносы. А среди взрослых в Тверском крае нередки были случаи падучей болезни. Причиной ее, по мнению тамошних медиков, было «неумеренное потребление грибов». Что же касается мясной пищи, то, как было показано в 11-м очерке, крестьяне Нечерноземья мясо ели редко, а молоко чаще шло на «скопы» (масло, сметана), а скопы шли на рынок, хотя в однотягловом хозяйстве их собирали (копили) немного. Ведь крестьянские коровы не чета помещичьим, от которых в год можно было собрать 30–40 ф. масла (12–16 кг). В Нечерноземье веками действовал принцип: «У нас не столько масло, сколько скотина нужна» (на навоз, — *Л. М.)76.*

Разумеется, в черноземных краях хлебный достаток был выше, и это заметно по данным таблицы 2.6. В первом десятилетии XIX в. в черноземных краях хлеба получали много. В описании Тамбовского края в 80-х годах XVIII в. подчеркивалось, что у многих крестьян в скирдах хранился едва ли не весь годовой запас зерна. При условии полного потребления получаемой продукции предполагаемый суточный хлебно-крупяной «рацион» в первом десятилетии века в таких губерниях, как Тамбовская или Тульская, был бы равен соответственно 5525 ккал и 4523 ккал. А по Пензенской губ. суточная норма достигала бы 5685 ккал. Однако потребности крестьянского хозяйства были и многочисленны, и многообразны, на что и шли некоторые излишки, хотя их было и не столь уж много.

В остальных губерниях уровень чистых сборов на душу населения был 3,24—3,69 чтв., что очень незначительно превышает установленный нами минимум. А Область Войска Донского просто не была обеспечена зерном.

За десятые — тридцатые годы XIX в. массовых систематических данных о посевах и сборах хлебов по стране в целом не сохранилось ввиду отсутствия губернаторских отчетов. Таковые есть лишь по двум предреформенным десятилетиям. Первое десятилетие (1841–1850 гг.), пожалуй, выглядит наиболее благополучным, и различия с началом века не имеют сколько-нибудь кардинального характера. В редких случаях среднестатистический душевой сбор увеличился больше, чем на четверть (например, по Тульской губ.). В целом же, если средняя душевая обеспеченность по 21 губернии была на уровне 2,82 чтв. (около 3000 ккал), то в 1841–1850 гг. она повысилась лишь чисто арифметически (2,9 чтв.).

Северные регионы несколько увеличили потенциальный годовой хлебно-крупяной «рацион» (Олонецкая и Вологодская губернии имели в среднем за 10 лет на душу 1,63 чтв., или примерно 1740 ккал, и 1,67 чтв., или ок. 1780 ккал). В целом же по Нечерноземью увеличение его не превысило 0,3 чтв. на душу. В 11-ти черноземных и степных губерниях средний чистый сбор на душу населения составил 3,4 чтв., и, строго говоря, ни о каких излишках хлеба по этому региону речи не могло быть. Но путем снижения уровня потребления образовывался немалый фонд зерна на продажу. Выполнение этой задачи

облегчало наличие в крестьянском хозяйстве достаточного количества скота.

Наконец, несколько комментариев о собственно предреформенном десятилетии. Данные по чистым сборам лишь подтверждают сказанное выше. Налицо некоторый спад земледельческого производства, хотя мы опираемся на материал лишь 29 русских губерний. Правда, данные по украинским губерниям и Бессарабии не меняют общей картины. Средний душевой чистый сбор за предреформенное десятилетие в этих губерниях был равен всего 2,2 чтв. И это отнюдь не зерно лишь для продовольствия. Прибалтийско-Белорусский регион также имел средний чистый сбор хлебов в 2,3 чтв. на душу населения. Следовательно, некоторое снижение уровня зернового производства было характерно для Европейской России в целом, и снижение это было, как известно, за счет кризиса крепостничества.

По 27 русским губерниям средний чистый сбор составил всего лишь 2,68 чтв. на душу населения, или 21,4 пуда, что почти на три пуда ниже солдатского годового пайка. И вновь напомним, если бы весь этот сбор шел на питание, положение было бы по-житейски суровым, но отнюдь не угрожающим. Но нужды на хозяйство и подкормку скота резко ухудшали ситуацию. Ведь только на одну лошадь семье из 4-х человек необходимо было выделить по 3–4 пуда с души, а ведь были еще и коровы, и свиньи.

Что касается 14 нечерноземных губерний, то* здесь средний душевой чистый сбор снизился до 1,98 чтв. При условии, что все шло на питание, суточная норма достигала бы всего лишь 2,1 тыс. килокалорий. Таким образом, без дополнительных источников дохода — это уже почти суровое существование. А ведь и здесь был скот, и нужна была и подсыпка, и овес.

Конечно, жизнь была сложнее, и крестьяне сами снижали потребление, экономили на каждом шагу. Не следует забывать и о тех 20 % крестьян, которые, по словам кн. М.М. Щербатова, «питаются мякинным хлебом, живя скорее, как животные, а не как люди». Большую роль при этом играли промысловые заработки и работы на фабриках. Но тот поток товарного хлеба, который шел из более южных районов страны в Нечерноземье, и в частности в промышленные губернии, судя по данным о чистых сборах, увеличивал объем недостающего зерна до необходимого нормального уровня в 3200 ккал на душу населения лишь на треть от необходимого. **При этом увеличение товарной массы в Нечерноземье могло быть только за счет снижения уровня потребления населения собственно черноземных и степных губерний.** Что, видимо, и было в реальной действительности, так как развитое скотоводство позволяло здесь снижать хлебно-крупяные составляющие пищевого рациона.

В целом же анализ развития земледельческого производства Европейской России, и прежде всего русских губерний, свидетельствует о том, что приращение объема зерновой продукции шло только за счет расширения посевных площадей, иначе говоря, только за счет увеличения территории обитания путем постоянной колонизации и освоения земель на юге и юго-востоке Европейской России. Но объем зерновой продукции в расчете на душу населения веками держался примерно на одном и том же уровне (и так было вплоть до 1913 г.).

Удивительное **постоянство уровня зернового производства на минимальном пределе вместе с тем не препятствовало увеличению населения. Больше того, численность населения росла прежде всего по мере увеличения посевных площадей, то есть благодаря экстенсивному развитию сельского хозяйства, однако при этом практически весь народ продолжал заниматься почти исключительно хлебопашеством.**

Пожалуй, можно сказать, что весь образ жизни населения исторического ядра территории России был процессом выживания, постоянного создания условий для удовлетворения только самых необходимых, из века в век практически одних и тех же потребностей.

Лишь последние 50 лет перед реформой 1861 года свидетельствуют о нарушениях этой закономерности. Выделенные И.Д. Ковальченко по 36 губерниям Европейской России сопоставимые данные по величине чистых сборов на душу населения по трем десятилетиям **(1802–1811, 1841–1850, 1851–1860 гг.) показывают, что при росте площади посевов до 25 % (с 37965 тыс. чтв. до 47449 тыс. чтв.) объем валовых сборов увеличился лишь на 18 %, а рост населения при этом составил 48 %, что привело (в пределах этой территории) к падению чистых сборов с 4,36 чтв. до 3, 48 чтв. на душу населения77.**

После отмены крепостного права прогресс в технике, влияние новых производственных отношений

привели к некоторому сокращению затрат труда, стала расти, хотя и немного, урожайность. Это вело к некоторому росту объема зерновой продукции, хотя кардинальных изменений по-прежнему не было. Сборы хлебов на душу сельского населения с 70-х по 90-е годы XIX в. выросли по Северному региону с 9,5 до 13 пудов; по Северо-Западному — с 13 до 14 пудов; по Центрально-Промышленному региону — с 13 до 15 пудов; по Приуралью — с 21 пуда до 28 пудов; а всего по Нечерноземью — с 16 до 18 пудов. По Западному региону Европейской России сборы не выросли. Во второй половине XIX в., как известно, стала существенной роль картофеля. С учетом его (в переводе на зерно) душевой сбор в Нечерноземье вырос с 17 пудов до 20,4 пуда (зерновой сбор по-прежнему не превысил 18 пуд.). **В целом же по Европейской России душевой сбор вырос с 21 пуда до 25 пудов. Для всего населения он вырос с 19 пудов до 21,5 пуда78.**

Таким образом, сдвиги несомненно налицо, хотя в целом положение великорусского крестьянства (как и всего крестьянства страны) мало изменилось, и тот комплекс проблем, который веками стоял перед земледельцем, никуда не исчез. По-прежнему товарный рынок внутри страны и экспорт зерна росли в значительной мере за счет суровой экономии потребления. Еще в 1888 г. правительственная комиссия специального назначения фиксировала, что в России крупные и мелкие хозяйства «стали продавать свои продукты в искусственно больших размерах, не руководствуясь ни положением цен, ни уровнем собственных потребностей»79.

Больше того, в связи с реформой 1861 г. положение крестьянства сильно изменилось. Произошло резкое обеднение основной массы крестьянства. Сравнительное исследование, расслоения крестьянства в дореформенный и пореформенный периоды, проделанное И.Д. Ковальченко по трем крупным гагаринским имениям Нечерноземья, дало следующие результаты. **В Покровском имении Сапожковского у. в 1835 г. (251 двор) безлошадных и однолошадных дворов было 14,8 %, в 1856 г. (264 дв.) — 22,4 %, в 1887 г. (290 дв.) — 50,4 %. В Мануйловском имении Ржевского уезда в 1856 г. (122 дв.) безлошадных и однолошадных дворов было 10,7 %, в 1883 г. (395 дв.) — 53,4 %. В Сосновском имении Горбатовского у. в 1857 г. (203 дв.) безлошадных и однолошадных дворов было 86,7 %, а в 1869 г. — 92,1 %. Соответственно резко сокращается число зажиточных дворов. В Покровском имении в 1835 г. дворов с тремя и более лошадьми было 23,9 %, с четырьмя и более лошадьми было 29,4 %. В 1887 г. эти группы составили соответственно 12,7 % и 3,8 %. В Мануйловском имении в 1856 г. дворов с тремя и более лошадьми было 63,1 %, а в 1883 г. — 18,5 %. Наконец, в Сосновском имении в 1857 г. дворов с тремя и более лошадьми было 3 %, а в 1869 г. — 1,8%80.**

Начался новый этап в истории русского крестьянства, **этап развития капитализма, который обострил так называемое аграрное перенаселение. Однако перенаселение это было в стране, едва покрывающей своим зерновым производством самые необходимые потребности населения.**

Подводя итог развития хлебного баланса страны, **мы еще раз убеждаемся, что Россия была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Низкий уровень агрикультуры, низкая и очень низкая урожайность, весьма упрощенный уклад жизни крестьянства, вечно борющегося за выживание, — все это находится, казалось бы, в очевидном противоречии с выдающейся судьбой Русского государства, поднявшегося в конце XIV в. на борьбу с золотоордынским игом и, пройдя через жесточайшие испытания, к концу XVIII столетия ставшего одной из самых могучих держав Европы.**

Тем не менее в основе такого пути лежит специфика российского социума, заложенные в его социальной и политической структуре некие компенсационные механизмы выживания, позволявшие России, хотя и сравнительно медленно, с большими социальными издержками, двигаться по пути прогресса, имея на себе «вериги» вечной отсталости земледельческого производства.

В связи с этим представляется немаловажным попытаться раскрыть ряд особенностей исторического развития страны как общества, обладавшего из века в век лишь необходимым минимумом совокупного прибавочного продукта.

Глава II. КОМПЕНСАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЫЖИВАНИЯ

На наш взгляд, в истории российского общества наиболее ярко проявили себя два главнейших компонента механизма «выживания» — община и система крепостного права. Причем, если первый из них действовал преимущественно на микроуровне (волостная, деревенская община), то второй существеннейшим образом определял характер и структуру общества в целом, одновременно являясь орудием эксплуатации.

Крепостники и община

Литература об общине огромна, и в данной работе нет смысла затрагивать сложнейшие проблемы генезиса и типологии русской общины, эволюции системы общинного землевладения и землепользования. Подчеркнем лишь то, что в историографии, всегда уделявшей огромное внимание генезису феодализма на Руси и судьбам сельской общины, существуют различные подходы к типологии крестьянского землевладения и землепользования1. При этом практически все советские исследователи послевоенной поры пристальное внимание уделяли проблеме разложения общины, появлению крестьян — аллодистов на ранних этапах и формированию зажиточной верхушки и бедноты в позднефеодальный период. Обобщение особенностей развития русской общины на протяжении длительного исторического развития позволило ряду исследователей увидеть в ходе эволюции общины смену тенденции разложения тенденцией ее консолидации. Другие же по-прежнему придерживались оценки общины как выражения дуализма, сочетания частной и общинной собственности. При этом подчеркивалась важная роль общины в сдерживании внутриобщинной мобилизации земли с целью нейтрализации имущественного расслоения и пауперизации крестьян2.

Особое внимание в историографии уделялось эволюции общины на Европейском Севере России, где в наиболее ранний период в рамках общины-волости сосуществовали разные формы землевладения (аллод, хотя и ущемленный самой общиной и государством, складничество, порождавшее долевую форму землепользования). В какой-то период долевая форма сочеталась с практикой распоряжения землей на правах частной собственности, хотя, видимо, это преувеличение. Вместе с тем, с течением времени общинная собственность оказалась под давлением государственных правовых норм и постепенно превращалась в форму индивидуального подворного владения. Однако социальные противоречия в общине и усиление влияния феодального государства, характерные для периода XVII столетия, в конечном счете привели к превращению тягловой черносошной общины в общину с явным креном к уравнительным основам3. В условиях абсолютизма и системы развитого «государственного феодализма» община стала распоряжаться даже пахотными угодьями, что произошло примерно к концу XVIII в.

Что касается судеб общины в Центре Европейской России, то позиции исследователей здесь неоднозначны. Одни из них считают, что свободная крестьянская община в силу стремительного роста феодальной собственности на землю в XV–XVI вв. исчезла (то есть расчленение территории общины-волости на несколько феодальных владений якобы уничтожает эту общину, хотя, скажем, во Франции она из-за этого не исчезла). По мнению других, она и не исчезала. Больше того, фактический материал XVI в. свидетельствует о существовании общины-волости в Центре России. Причем на этом этапе развития она была близка к северному типу общины подворно-наследственного типа. Внутри такой волости-общины отдельные деревни могли по традиции иметь разное количество земли, так же как и каждый двор владел пашней разной величины. Тягло накладывалось на волость в целом, а внутрикрестьянские разрубы совершались общинными органами крестьянского самоуправления. При праве распоряжения крестьян своими участками в случае их запустения определение их дальнейшей судьбы принадлежало уже волости. Каких-либо существенных различий в порядках землепользования между общинами владельческих сел и деревень и черными общинами, по-видимому, еще не было. Хотя черносошные общины Центра могли самовольно принимать (с общего согласия) на свои земли новопришельцев. Однако уже в этот период (XIV — начало XVI в.) в Центре страны ни черные общины, ни отдельные дворохозяйства уже не могли отчуждать черные земли4.

Историки почти единодушны в том, что в XVI–XVII вв. при интенсивном развитии многодворных поселений внутри сельских общин фиксируются земельные переделы, хотя еще и не вполне уравнительного характера. Дальнейшая судьба общины в Центре России была связана с подчинением ее феодальной власти и возложением на нее феодальных обязательств и повинностей. Нужно отметить, что при этом община не утратила важнейшие свойства социального и экономического дуализма, а сохранила их и в условиях

крепостничества.

В XVIII — первой половине XIX в. эволюция общины становится тесно сопряженной с конкретной формой феодальной ренты, преобладающей в тех или иных регионах страны. В частности, крестьянство среднерусской полосы, оказавшееся в наиболее суровых условиях поместно-вотчинной крепостнической эксплуатации, обретает уравнительно-передельный тип общины. В то же время крестьянство, существовавшее в условиях действия системы централизованного изъятия ренты государством, развивается на основе подворно-наследственного землевладения.

Как известно, сельская община обладала феноменальной приспосабливаемостью к различным социальным условиям и к типам рент. Однако практически она всегда осуществляла и социальные и производственные функции посредством регулировки и управления механизмом перераспределения и использования надельной земли и удержания хозяйственно-бытового распорядка жизни5. При всей мощи власти помещика-крепостника община и ее решения были необходимым компонентом вотчинной системы управления. Многочисленные для XVIII — начала XIX в. «наставления», «уложения», «учреждения», инструкции помещиков практически всегда предполагали право общины решать вопросы крестьянского землепользования и обеспечения тяглом, хотя помещик стремился направлять эти решения в своих интересах. В крупных поместьях, там, где формировались сложные общины, стремление деревенских общин сохранить за собой «свои» земли сталкивалось с политикой вотчинных управителей в реализации принципа уравнительности по имущественному состоянию крестьян путем систематической тягловой переоброчки. Однако при «уравнивании» деревень перераспределения угодий чаще всего носили «временный» характер, ибо традиция всегда числила за той или иной деревней «ее» владения. Впрочем, уже в XIX в., когда прибыль от продажи хлеба стала всепоглощающей целью барина, он не всегда уже останавливался перед незыблемостью этих традиций.

В нашей литературе об общине принцип уравнительности традиционно рассматривался и как архаичный демократизм крестьянства, и как основа податной политики помещиков, заинтересованных в максимально возможной эксплуатации, в частности, барщинного крестьянства. В этом как бы олицетворялся классовый подход исследователей при анализе исторических процессов. Однако весь вышеприведенный нами материал о жизненном укладе великорусского крестьянства, проблемах хлебного баланса и крестьянского хозяйства, и страны в целом позволяет подойти к проблеме выявления основной роли общины и характера использования ее организации господствующим классом с более широких позиций.

В обществе с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, каким и была Россия, на первом месте безусловно стояла проблема увеличения объема этого прибавочного продукта. Но одновременно для господствовавшего класса не менее важна была задача удержания основной массы производителей от разорения и гибели вследствие и воздействия природно-климатического фактора, и объективно необходимого ужесточения эксплуатации. В этой связи проблема выживания крестьянского индивидуального хозяйства была актуальна и для общины, основное предназначение которой в этом и заключалось. Именно в силу этой причины и усиливались демократизм общины и ее власть на все категории земель. В работах Н.А. Горской, Л.Н. Вдовиной и В.А. Александрова приведены поразительные факты передачи личных заимок по прошествии ряда лет в «общий котел», факты вторжения системы пределов на территорию крестьянского подворья, чего в германской марке не могло быть в принципе.

Обращение к материалам помещичьих инструкций может дать вполне определенное представление о том режиме и механизме регулирования жизни и труда российских земледельцев, который в недавнем прошлом оценивался лишь как жесточайший режим крепостничества. Разумеется, такая оценка вполне справедлива, ибо крепостничество — это режим грубой и суровой эксплуатации крестьянина. Но вместе с тем подобный взгляд страдает и односторонностью.

Рассмотрим основные «зоны внимания» создателей названных инструкций, сосуществующие рядом с главной заботой помещиков: изъятием феодальной ренты в любых формах ее проявления. Во-первых, в ряде инструкций четко прослеживается борьба с бедностью. Поскольку парцелльное хозяйство в России и его благополучие зависели от тысячи разного рода обстоятельств и случайностей, то оскудение и нищета были постоянной угрозой для крестьян. **Эволюционируя многие столетия как почти чисто земледельческое общество, при слабом развитии процесса общественного разделения труда, российский социум (и прежде всего его господствующий класс) был крайне заинтересован в сохранении жизнедеятельности буквально каждого деревенского двора, ибо разорение крестьянина**

не переключало его в иную сферу производственной деятельности, а ложилось бременем на само общество. Заинтересованность в этом усиливалась низкой эффективностью земледелия, что, в свою очередь, постоянно обостряло нужду во все новых и новых рабочих руках.

Отсюда практически общий принцип верстания крестьян тяглом: «чтоб бедные тяглом отяхчены не были»6. Наиболее дальновидные помещики почувствовали эту опасность еще при проведении первой ревизии. В частности, Артемий Волынский в инструкции Ивану Немчинову (1724 г.) писал: «И хотя ныне и учинена подушная перепись, и собираются подати поголовно, однако ж есть некоторые мужики в семьях многолюдны, а зело бедны, к тому ж и детей имеют малолетних, а другие, заводные, имеют у себя мало в семье мужеска полу. Того ради, есть ли не верстая их против тягол, а платить подати с голов так, что, у кого в семье есть мужеска полу, то, конечно, семьянистые и бедные в один год пропасть могут. А то [в итоге] подать вся ляжет на одних оставших. И тако и последние принуждены будут нищими быть, и, оставя свои домы, бежать»7. Вывод был однозначным: верстать не по мужским «головам», а по тяглам.

Тот же принцип присутствует в инструкции А.П. Волконской, сестры А.П. Бестужева-Рюмина, приказчику с. Хлоповицы (ок. 1728 г.): «Перемерить землю крестьянам на нас поровну, а именно: мужу с женою, к тому ж подроски буде есть, а хотя и без подросков, по полудесятине в поле, а в дву потому ж. При детях же в возрасте начислялась четверть десятины. Главное же: «…и на работу по земле ходить, под кем сколько будет»8. В переписке с приказчиками тот же Артемий Волынский в 1735 г. более подробно мотивировал и уравнивание в тяглах: «чтоб уверенная была всем в равенстве пашня моя и их собственная крестьянская. И чтоб подати и доходы с них могли уравнительно плачены быть, дабы от неуравнения некоторые не приходили в скудость»9. В инструкции Ивана Ивановича Шувалова управителю села Мыт Владимирской губернии проводится идея уравнивания на своего рода макроуровне (1795–1797 гг.): «Землю уравнять так, чтобы одна деревня против другой не имела в излишестве земли и выплачивала бездоимочно за оную подать»10. Наконец, отметим, что и в инструкции, написанной от имени Екатерины II титулярному советнику Андрею Шестакову по управлению селом Бобрики с деревнями, что в Каширском уезде, сказано: «А крестьянские покосы отдать в раздел по тяглам… по равному числу, чтоб один перед другим обижен не был», да и тяглом здесь верстали «против одиноких ровно, по числу людей».

Стремлению помещика разверстать тягло не только по наличию мужских душ, но и по тяглоспособности активно содействовала и крестьянская община своей системой мирского расклада тягла («переверстку тягол чинить с мирского приговора между собою, самим»)12. При этом действовала система круговой поруки или ответственности общины за неплательщиков. В Учреждении гр. 11.А. Румянцева механизм этой помощи выглядел следующим образом: «За нерачительными о себе (то есть «неумехами», — *Л. М.)* кресть-яны первостатейным, соцким, пятидесяцким и десяцким накрепко смотреть, чтоб оные земель своих без посеву не покидали, или исполу сторонним не сеяли и в прочем дом свой не разоряли, в котором случае за всякой неплатеж государственных и моих доходов взыскивать с тех первостатейных, соц-ких, пятидесяцких и десяцких. И для того за два месяца до севу ярового хлеба таковым осматривать и в случае настоящих невозможностей, в чем они не сами притчиною, именныя списки с прописанием, кому что по тяглу высевать потребно, представлять первостатейным и соцким к вотчинным делам… где ж, по усмотрению моему, из моего хлеба выдать прикажу»15.

По инструкции конца XVIII в. гр. В.Г. Орлова («Уложение» для с. Поречье Ростовского у.) вызволение бедных из нищеты возложено прямо на прожиточных: «Для облегчения бедных и маломочных наблюдать следующий порядок: с семейств их снимать приличное число «душ», а земли от них за снятые «души» отнюдь не отбирать, дабы они, пользуясь оною безо всякой платы, могли поправиться». «Кто владел землею на 3 «души» и положено будет снять с него «душу», или две, или все три, в таком случае владеть ему землею на одну или на две или на все три без всякой платы за нее. И сии снятые «души» накладывать на прожиточных… Сие облегчение сделать бедным не в одном моем оброке, но и во всех податях государственных, и во всех необходимых и чрезвычайных мирских расходах»14.

Конечная цель таких мер емко сформулирована в инструкции управляющим дворцовыми волостями (1731 г.): «дабы были крестьянские тягла людством и работою удовольствованы»15.

Важнейшим моментом в системе мер по выживанию были помещичьи ссуды натурою: зерном, скотом или птицею. Это не было со стороны помещика актом некоей благотворительности, так как через год или два ссуда возвращалась, а иногда и с прибылью. Однако данная вовремя ссуда позволяла выжить попавшим в беду крестьянам. Так, в инструкции Артемия Волынского предписывается: «По вся годы (то есть в

удобных, необходимых случаях, — *Л. М.)* свидетельствовать бедных мужиков, от чего он обеднял, а ежели не от лености, не от пьянства припала ему скудость, — таких ссужать хлебом всяким», «и когда потом поспеет хлеб, оной, данной ему, от него взять, а прибыль ему отдать». «И так во всех деревнях ссужать крестьян…» «Тако же хотя которые от своего непотребства и от лености обнищали, и тех ссужать. Однако ж — с наказанием, дабы впредь даром хлеба есть не повадно было»16.

В предписании А.П. Волконской (1728 г.) приказчику с. Хлоповицы приказано для неких дворовых, переводимых в деревню на тягло, «срубить избу из рубленого леса», дать им корову, овцу «в зачет» и на семена «им хлеба в предбудущей год». А первое время давать месячину, «покамест заведутся хлебом»17. В 1725 г. Артемий Волынский предписал приказчикам:

«Велите во всех деревнях купить молодых овец и молодых свиней и раздайте на каждое тягло по одной овце и по одной свинье неимущим крестьянам. И по прошествии года брать с каждого тягла в год в декабре месяце по пуду свиного мяса, по 3 ф. масла коровья и по одному молодому барану», а в июне — по 3 ф. шерсти и по 50 арш. посконного холста18. Кстати, именно у Артемия Волынского ссуды крестьянам замышлялись как долговременные акции. В той же инструкции он пишет: «Понеже у нас мелких (то есть непородистых, — *Л. М.)* лошадей заводу нет, а в том есть крайняя нужда, как для своей работы и пашни в подмосковной и других деревнях, так и для ссуды крестьянам скудным», то необходимо закупить по торжкам в округе с. Батаево 10 кобыл и 5 жеребят и после четырехлетнего откорма «дать скудным»19.

В.Н. Татищев считал практику ссуд крестьянам обычным делом: «Крестьяном на племя давать корову, овцу, свинью, гусей пару, уток пару, индеек пару и чрез год с каждого тягла собирать масла 20 ф., барана кладеного, борова… птиц… или деньгами»20.

Наконец, в помощи бедным и оскудевшим крестьянам иногда помещик выступал вместе с крестьянской общиной. Например, в инструкции П.Б. Шереметева (и кн. А.М. Черкасского, 1719 г.) предусматривается помощь «оскудалым» крестьянам в следующей форме: «Которые крестьяне похищением воровских людей… или волею Божиею лошадьми и скотом опадут или каким-либо другим случаем придут в скудость… то велеть тою деревнею… всеми крестьянами вспахать и собрать… на семена и посееть ту, скудных, землю, дабы они, скудны, от того в пущую нищету не пришли… А где [деревня] менее 15 дворов… осеменить нечем… то дополнить тот сев ис пустовытного хлеба после беглых крестьян»21.

Во второй половине XVIII в. помещики уже организуют запасные хлебные магазины путем крестьянских и своих взносов. В частности, по инструкции И.И. Шувалова, взнос в магазин был равен с тягла по четверику ржи и с ревизской души по четверику овса. Из этих запасов управители И.И. Шувалова должны были «раздавать… неимущим крестьянам моей вотчины заимообразно, в такое время, когда еще не будет хлеб с полей снят»22. В московских селах кн. А.М. Черкасского деньги на мирские расходы собирали даже с новоросчистных земель (с десятины по гривне)23.

Совместными действия барина и крестьянской общины были в случае помощи погорельцам. Так, в «Учреждении» гр. П.А. Румянцева (1751 г.) запрещается строить тесно дома в деревенском посаде. Если же «у которого дом сгорит или от ветхости новой принужден будет строить, то для вывозки лесу от тех 100 дворов (а в румянцевских вотчинах все дворы были поделены на сотни — бригады, — *Л. М.),* в которой он сотне состоит, учинить ему вспоможение, дав с каждого венца по подводе. Есть ли то приключится не одному, но многим (то есть сгорит много домов, — *Л. М.),* то по исчислению и из других сотен таковое ж вспоможение чинить: что всякому взаимно ожидать надлежит», так как пожары бывают очень часто24. При рубке леса для этих целей в виде исключения («в случае чрезвычайной кому нужды») с согласия общины («общего того села или деревни всех крестьян согласия») могут быть сделаны и дополнительные порубки леса. Погорельцы у П.А. Румянцева на полгода освобождались от платежей. Активно помогал П.А. Румянцев своим крестьянам и при текущем ремонте жилья и построек («ежели кому случится нужда для переделки избы и прочаго домоваго нужнаго строения, то по осмотру давать, сколько самая нужда требовать будет»)25.

Весьма существенным направлением борьбы с бедностью являлся запрет вотчинником разделов крестьянских дворов. Как известно, одним из самых больших увлечений в советской историографии был поиск социального расслоения крестьянства. Причем не в XIX в., когда такое расслоение стало реальностью, а в гораздо более ранний период. Между тем, как мы видели, спецификой крестьянского общинного быта было непременное распределение земли по «душам» и тяглам. При этом многолюдная

семья (неразделенные братские и отцовские семьи) с большим числом работников (то есть крестьян-тяглецов) имела больше земли и в конечном счете имела шансы стать богатой. Да и бедная семья с большим числом детей (особенно мальчиков) с течением времени обретала солидное количество рабочих рук и также могла быть зажиточной. Однако, в конце концов, в силу тех или иных причин такие многолюдные крестьянские дворы с неразделенными семьями делились, превращаясь в несколько малых семей, однотяглых («одинаких») хозяйств. **Материал этой книги, надо полагать, с очевидностью показывает, что в условиях России и особенно Нечерноземья в XVIII–XIX вв. однотягловое хозяйство обречено было либо на прозябание, либо на разорение. Недаром большинство крестьянских дворов — это двух-, трехтягловые хозяйства, где сосредоточено необходимое число рабочего и продуктивного скота и рабочих рук. При благоприятных обстоятельствах из таких дворов формировались зажиточные хозяйства.**

Вотчинники в XVIII столетии, а может и ранее, прекрасно понимали неустойчивость и слабость «одинаких» хозяйств и всячески препятствовали делению сложных семей. «Крестьяном на особые дворы делиться не токмо не позволять, но и смотреть накрепко, чтоб того не чинили, понеже от того приходят в убожество», — так гласит наказ кн. А.М. Черкасского26. Управителям дворцовых волостей (1731 г.) в типовой инструкции строго наказывалось: «…смотреть, чтоб крестьяне из двора во двор от семей на одной тяглой земли разделов не чинили, дабы от того в зборах изронения и настоящим крестьяном обиды и разорения не было… И за такими напрасными разделами не токмо в платежах [не] имеют исправность, но приходят во Бесконечное разорение»27. В инструкции приказчику пошехонской вотчины П.М. Бестужева-Рюмина (1733 г.) запрет разделов сформулирован весьма лаконично: «Крестьянам сыну от отца и брату родному от брата делиться на велеть»28. В инструкции Андрею Шестакову от имени Екатерины II, как владелицы с. Бобрики, точно также приказано: «Всем крестьянам запретить, чтоб без позволения моего никто семьями своими не делился. А ежели кому за умножением людей… надлежит разделиться, о том крестьяном прислать ко мне челобитье, прописывая именно, сколько их в семье мужеска и женска пола душ, и каких лет, и что у них лошадей, всякого скота и хлеба…»29 Намного раньше такой порядок был введен в вотчинах гр. П.А. Румянцева30. Наконец, в Уложении графа В.Г. Орлова для с. Поречье с селами Ростовского у. заявлено столь же однозначно: От разделу семей крестьяне приходят часто в упадок и разорение, а потому оный вреден»31. Если же раздел необходим и он полезен, то разрешить. Но если выделившиеся — дураки и моты, то следует назначить опекунов. В некоторых случаях оговорена даже потенциальная опасность раздела. В частности, в инструкциях П.Б. Шереметева (и А.М. Черкасского) в с. Карачарово оговорено, что богатые семьи, берущие на себя дополнительное тягло из пустовытных земель, могли владеть запустевшими усадебными землями, но им запрещено было строить на них новые строения «и в старое строение не переходить, отделяся, а то старое строение с места продать»32.

Еще одним аспектом профилактических мер против обеднения был запрет выдачи молодых девушек в чужие владения. Наиболее развернутую аргументацию этих действий помещика и его управителей находим у В.Н. Татищева:

«Вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием, понеже от того крестьяне в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданое и тем богатятся чужие деревни». В.Н. Татищев предлагает даже запретить кумовство в своих деревнях, чтобы не было лишних препятствий для женитьбы между односельчанами33. В «Учреждении» П.А. Румянцева запрет этот категоричен: «девок своих на сторону отпущать в вотчинах не дозволять»34. В наказе Д.А. Шепелева в с. Глинки Михайловского у. приказано: «дворовых и крестьянских девок на сторону в чужие волости замуж не отдавать»35.

Постоянный дефицит рабочих рук на селе заставлял и общину и помещика «благосклонно» относиться к возврату крестьян из бегов. Так, в инструкции 1719 г. кн. А.М. Черкасского предусматривается: «После беглецов… дворовые и хоромные строения… отдать в той деревне вытчикам и десяцким и лутчим крестьянам за хранение с росписью». Через два года это имущество переходит к миру, но в случае же водворения беглецов на прежнем месте «пожитки возвратить им все в целости без утраты»36. Чуть позже Артемий Волынский в инструкции 1724 г. предписывает (имея в виду беглых): «отводить им распашные земли из моих земель или вновь распахать всеми крестьянами и посеять аржаным и яровым хлебом моим первой (беглого, — *Л. М.)* хлеб; ему ж всеми крестьянами построить двор, во всем как надлежит, и дать ему двух овец, свинью и пять кур». Если же вернувшийся готов взять на себя тягло, то ему «дать две лошади, а будет на полтягла — такому — одну лошадь из пахатных, и не взыскивать на нем… год»37. Режим выживания, так или иначе бытовавший прежде всего в крепостной барщинной деревне, подчас вызывал к жизни буквально драконовские меры по отношению к крестьянам. Так, гр. П.А. Румянцев

запрещал принимать чужих крестьян: «пришлых без печатных пашпортов крестьян [пришедших] далее 30 верст, а [из] другого уезду, хотя б и ближе ни на одну ночь не впущать»38. В инструкции Т. Текучева 1755–1757 гг. тот же жесткий режим: «Кто из людей и крестьян в посторонние деревни или куда в другое место иметь будет нужду отлучитца — тому сказав нужду свою, куда идет или едет и к кому, прикащику и старосте… А кто посвоеволничает долее того времени, на какое отпущен продлитца ил в другое место, а не туда, куда отпущен был, зайдет, того за обман и непослушание высечь»39. Контроль помещика доставал и крестьянские семьи: «Всем людям и крестьяном друк за другом прилежно смотреть, ежели кто не радея о себе станет в домашнем деле, в работе, в смотрении дому и скота своего ленитца, долго спать, лакомить, мотать, пьянствовать, отлучатца без ведома, с недобрыми людьми знатца, воровать, грабить и не проча себе хлеб, скот, одежу и протчее свое, в чем ему самому нужда, тайно продавать… тот час ему самому говорить и унимать и прикащику с старостою сказать…», «а им тово плута жестоко высечь»40. В.Н. Татищев в целях экономии крестьянского времени и сбережения продуктов труда крестьян как достояния общины в целом полагал, что «крестьянин не должен продавать хлеб, скот и птиц лишних кроме своей деревни. А когда купца нет, то должен купить помещик повольною ценою. А когда помещик купить не захочет, тогда вольно продать постороннему. А кто без ведома продает… тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двои и трои сутки»41. Граф П.А. Румянцев в «Учреждении» (1751 г.) вообще, «экономя» время крестьян, предписывает «для покупки хлеба всяких и припасов собою (то есть самостоятельно, — Л. *М.)* никого не посылать, но велеть на то миром выбрать [купца] и дать руки (взять поруку, — *Л. М.),* дабы, ежели сыщется, то он дороже настоящих цен ту покупку чинил, потерянное можно б было возвратить»42. Больше того, иногда помещик следил и ограждал от излишнего «шикования» крестьянских женок по части питания крестьянской семьи. **Таков один из наказов Т. Текучева своему приказчику: «И смотреть накрепко, чтоб все в земле, в работе, в житье, достатке и исправности были равны, друг от друга безобидны…**

Всем крестьянам приказать, чтоб они старались всегда свой готовой семенной хлеб иметь и отсыпать так, чтоб он ево в росходе не держал. А з другими ленивцами, лакомцами, мотами и плутами, кои не распологают на годовое житье свое, сколько ему надобно: дают волю бабам брать и стряпать без разбору, не ровнялись и не обманывали, и тем на свои душе греха, а нам убытку и разорения не доводили и за таковыми нерассудными смотрели их житья и о беспутствах их сказывали…

Никому из наших крепостных мужеску и женску полу без крайней нужды в посторонние деревни в празднишные и гулящие дни, где пиво варено, без зову самим собою не ходить и незваных к себе не пускать. Званых принимают, почитают, потчивают и провожают честно и порядошно. А незваных бранят, ругают, бьют и прогоняют и сверх того много клеплют, лгут, а оправдатца, что приходил не зван, не можно»43.

Все это нельзя упрощенно воспринимать как произвол помещиков, так как эти явления были вызваны безысходностью жизни крестьян.

Приведем еще один пример действий помещика и управителей в чрезвычайных обстоятельствах. «Есть ли ж паче чаяния, в случае недорода хлеба или в дороговизне, должен всякий прикащик у крестьян весь хлеб собственный их заарестовать и продавать запретить, дабы они в самую крайнюю нужду могли тем себя пропитать. Чрез то можно их удержать… от разброду»44.

Разумеется, в случае недорода или сильного неурожая крестьяне, не имевшие хлеба, разбредались по миру («сколько таких, — которые не имеют хлеба и от того ходят по миру… что с такими оскудалыми делать и какое учинить вспоможение»)45.

В великорусской деревне всегда были нищие в силу самых разных превратностей судьбы. Они также были в сфере внимания помещичьих инструкций. В частности, Артемий Волынский предписывал: «Одиноких и бестяглых холостых робят… которые от младенчества и до возраста скитаютца по миру, таких брать на мой двор (ежели крестьяне сами не возмут) в работу и велите работать им…»46 А. Волынский намеревался содержать и престарелых и сирот: «и… велеть [выявить] таких нищих престарелых и сирот, также и убогих вдов во всех деревнях… и которые явяться, что они могут работать — тех отдавать в работу своим крестьянам, которые заживные. И велеть их кормить и одевать, понеже они чужих наймуют же себе в работу. Буде же те нищие бродят для того только по миру, чтоб в туне есть хлеб, а не работать, таких насильно к работе принуждать и наказывать», «и брать на мой двор и кормить и одевать… чтоб туне никто не ел хлеба»47.

Разумеется, не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать роль крепостного хозяйства и помещиков в создании и регулировании механизма выживания. Существеннейшую часть таких функций несли сами крестьяне-общинники. Община регулярно помогала своим членам, попавшим в прорыв в силу различных обстоятельств. Древнейшую традицию имел в России обычай помочей с его принципом «все у всех», с поочередной отработкой на других помочах. Единственная награда за труд на помочах — завершающее угощение. Коллективная помощь в этой традиционной форме распространялась на все виды сельскохозяйственных работ (пахота, возка навоза, жатва, уборка льна, молотьба, сенокос, возка леса, дров, сборка и перевозка изб, постройка дома и т. п.)48.

Больше того, в XVIII в. еще сохранились прочные традиции совместной работы, не вызванной нуждою в какой-то экстренной помощи тому или иному дворохозяину. В топографическом описании по Зубцовскому уезду Тверской губ. подмечено, что «в некоторых местах в обыкновении обрабатывать господскую пашню всем миром, а потом ходят и на свою поголовно», т. е. тоже всем миром49. В Вышневолоцком у. «в марте возят из лесу бревна, поправляют свое строение или другим помогают»50. В инструкции П.М. Бестужева-Рюмина по новгородскому поместью говориться об обычае коллективной работы: «так же и в подсеках работали и чистили по вся годы, розделя по тяглам в пристойных местах»51. В другой инструкции предписано: «В стоги сено метать окало 20 июля, выслав всех по тяглам… А между тем и свое сено, помогая друг другу, сметать могут и для того уволить всех на один день» (от барской работы, — *Л.М.*)52.

Вместе с тем крепостное право играло важную роль в своего рода коррекции ментальных последствий влияния природно-климатического фактора на земледелие исторического ядра территории Российского государства.

Весьма сложные природно-климатические условия территории исторического ядра России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, связанных с высоким нервно-психологическим напряжением, имели своим следствием не только необычайное трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского характера и психологии, но и особенности, противоположные этим качествам.

Отсутствие четкой взаимозависимости между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая на протяжении столетий не могло не вызвать определенное чувство скепсиса и обреченности у части крестьян («на авось мужик и пашню пашет», «уродится не уродится, а паши» и т. д.), которые становились от этого отнюдь не проворными и трудолюбивыми.

В литературе XIX века не принято было активно обсуждать такие поведенческие особенности великорусского крестьянина, как небрежность в работе, отсутствие тщательности в ней и т. п. Между тем эта ментальность были заметным явлением, и прежде всего в среде барщинного крестьянства, то есть той категории населения страны, которая в условиях жесточайшей нехватки рабочего времени вынуждена была в первую очередь и в лучшие сроки работать на поле барина и в его усадьбе.

Приведем в пример одну из ярчайших, хотя и тенденциозных характеристик этой группы российских пахарей, написанную в середине XVIII столетия: «Должности (то есть должного уважения, — *Л. М.)* к государю (помещику, — *Л. М.)* и общей пользе не только не внимают, но и подумать не хотят. Леность, обман, ложь, воровство будто наследственно в них положено… Господина своего обманывают притворными болезнями, старостию, скудостию, ложным воздыханием, в работе — леностию. Приготовленное общими трудами — крадут, отданного для збережения прибрать, вычистить, вымазать, вымыть, высушить, починить — не хотят. В приплоде своего скота и птиц от неприсмотру поморя, вымышляя разные случаи — лгут. Определенные в начальство, в росходах — денег, а [в расходах] хлеба — меры не знают. Остатков к предбудущему времени весьма не любят и, будто как нарошно, стараютца в разорение приводить. И над теми, кто к чему приставлен, чтоб верне и в свое время исправлялось — не смотрят. В плутовстве за дружбу и почести — молчат и покрывают. А на простосердечных и добрых людей нападают, теснят и гонят. Милости, показанной к ним в награждении хлебом, деньгами, одеждою, скотом, свободою, не помнят и вместо благодарности и заслуг в грубость и хитрость входят»53.

В свое время эти многообразные явления весьма емко были охарактеризованы как «социальные проявления антагонизма производственных отношений». Но здесь помимо проявления антагонизма ярко представлены и эмоции, и восприятия, и оценки крестьян и дворовых людей.

Главное же состоит в том, что в этой среде становилось заметным явлением и безразличное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи.

Столь крайняя и болезненная реакция крестьянина-труженика зарождается в условиях, когда вместо 1–1,5 десятин (в двух полях) более или менее тщательной вспашки он вынужден (и барин понуждает к этому!) пахать вдвое — втрое больше. Но там, где нужно вспахать 3–4 раза, он вынужден пахать 2 раза, а то и единожды. Там, где, как минимум, тщательная подготовка к севу возможна лишь при пяти — шестикратном бороновании, он вынужден бороновать 1–2 раза («А обыкло боронить худу: семя едва покрывается земля»)54. Однако сознание столь вынужденной небрежности может привести, в конце концов, к нервному срыву, ожесточению, отчаянию и т. п. В итоге такие крестьяне «Божия наказания, голоду, бед, болезней и самой смерти не чувствуют», «о воскресении мертвых, о будущем Суде и о воздаянии каждому по делам подумать не хотят и смерть свою за покой (!) щитают»55. На наш взгляд, именно отсюда идет тот крестьянский «атеизм», о котором писал В.Г. Белинский в знаменитом письме к Н.В. Гоголю («годится — молиться, не годится — горшки покрывать!»). Только это в действительности не атеизм, а трагическая апатия и к жизни, и к Богу.

В инструкциях управителям вотчин крестьяне такого типа находятся постоянно в поле зрения. Причем речь идет не о барских работах, где небрежение и лень часто встречаются, а о собственном хозяйстве крестьян. Так, В. И. Татищев пишет: «…в худых экономиях то не смотрят за крестьянскою работою, когда они обращаются в собственной свой работе, понеже от лености в великую нужду приходят, а после произносят на судьбу жалобу». И кто «к работе ленив будет, тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двои и трои сутки»56. В инструкции дворецкому Ивану Немчинову Артемий Волынский (1724 г.) настоятельно предписывает, чтобы каждый крестьянин после барского урока на себя вспахал «против того вдвое», «не отговариваясь тем, что посеять нечем или не на чем пахать, понеже на то им определяется ссуда». «И тако всеми мерами ленивцев принуждать и накрепко того за ними смотреть»57. В «Учреждении» гр. П.А. Румянцева предусмотрена борьба с теми же явлениями: «За нерачительными о себе крестьянами… накрепко смотреть, чтоб оные земель своих без посеву не покидали, или исполу посторонним не сеяли и в протчем дом свой не разоряли»58.

Обычно в такой практике историки видели консервирующие уравниловку действия помещиков. Однако если не забывать, что мы имеем дело с обществом, обладающим ярко выраженным экстенсивным земледелием, требующим непрерывного расширения пашни, с обществом, где дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве был постоянным и неутолимым в течение целых столетий, несмотря на более или менее стабильный прирост населения страны, то ракурс оценки не может не измениться. Ведь в условиях, когда общество постоянно получало лишь минимум совокупного прибавочного продукта, оно объективно стремилось к максимальному использованию и земли, и рабочих рук. И суровые рычаги принуждения — для той эпохи объективная необходимость. Тот же А. Волынский, глубоко изучивший поведение крепостных крестьян разбираемой нами группы, писал: «Токмо есть еще такие плуты мужики, что нарочно, хотя бы он мог и три «лошади держать, однако держит одну, и ту бездельную, чтоб только про себя ему самую нужду вспахать, без чего прожить нельзя. И хотя бы и невейной хлеб есть, только меньше ему работать»59. В условиях безнадежной нерентабельности продукции Нечерноземья данное поведение весьма логично. В этом гигантском регионе крестьянский труд всегда был и сверхнапряженным, и непривлекательным, так как, по словам кн. М.М. Щербатова, «худым урожаем пуще огорчается и труд [свой]…«в ненависть приемлет»60.

Таким образом, система крепостного права объективно способствовала поддержанию земледельческого производства там, где условия для него были неблагоприятны, но результаты земледелия всегда были общественно-необходимым продуктом. М.М. Щербатов, вполне понимая, что большая часть тогдашней России лежит в зоне неблагоприятного климата, считал, что **внезапная отмена крепостного права (речь шла об обсуждении в 60-х годах XVIII в. вопроса о крепостном состоянии крестьян) приведет к массовому оттоку крестьян, ибо они оставят неплодородные земли и уйдут в земли плодородные.** «Центр империи, место пребывания государей, вместилище торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание, и сохранят в себе лишь ремесленников…»61

Следовательно, **крепостничество теснейшим образом связано с характером земледельческой деятельности российского крестьянства, оно органично свойственно данному типу социума, ибо для получения обществом даже минимума совокупного прибавочного продукта необходимы были**

жесткие рычаги государственного механизма, направленные на его изъятие. А для этого стал объективно необходимым и определенный тип государственности, который и стал постепенно формироваться на территории исторического ядра России.

Долгое время в нашей историографии, и прежде всего в трудах Б.Д. Грекова, проблема становления крепостного права решалась как один из вариантов «второго издания» крепостничества в странах к востоку от Эльбы. Разница была лишь в том, что страны к востоку от Эльбы действительно были втянуты в складывающийся европейский аграрный рынок, развитие которого стимулировалось развитием промышленного капитализма на Западе Европы. Что же касается Русского государства, то при отсутствии в XVI в. экспорта зерна историки выдвинули идею формирования внутреннего хлебного рынка, что вызвало к жизни такую форму феодального товарного хозяйства, как поместье. Рыночная функция поместья, в свою очередь, вызвала резкое усиление эксплуатации крестьянства в виде полевой барщины, что в конечном итоге привело к торжеству крепостного права. Отсюда происходил взгляд на крепостничество, как на «нисходящую фазу» феодализма в России, что привело к лихорадочным поискам «всероссийского рынка», начиная с XVII в., поискам капитализма и т. д. В этой связи представляется весьма необходимым уделить внимание специфике происхождения крепостничества в России.

О происхождении крепостничества

Поскольку крепостничество в России существовало в течение многих столетий, составляя одну из коренных особенностей русского феодализма, то причины возникновения крепостничества скорее всего следует искать не в пределах тех или иных конкретно-исторических ситуаций, а в факторах наиболее фундаментального характера, связанных с особенностями в становлении и развитии феодальных отношений, в частности феодальной земельной собственности и хозяйства.

К числу таких факторов мы в первую очередь должны отнести многовековое существование в России общины. Основной причиной жизнедеятельности русской общины была ее несравненно более важная, чем в Западной Европе, роль в организации земледельческого производства, что обусловило ее большую внутреннюю прочность и влияние. Главной предпосылкой к этому была, как уже говорилось, специфика природно-климатических условий.

Сравнительно большая производственная роль древнерусской общины, в отличие от германского варианта марки, давала лишь простор развитию имущественной дифференциации, основывающейся, главным образом, на накоплении движимого имущества. Пауперизация, вероятно, была обусловлена, в основном, лишь сравнительно низким уровнем развития производительных сил в сельском хозяйстве. Размах пауперизации сдерживался силами той же общины, и пошедший по миру крестьянин редко оставался без земли. В Древней Руси вследствие этих причин аллодиальное владение, на наш взгляд, как исторически значимое явление не состоялось.

Процессы классообразования в древнерусском раннефеодальном обществе характеризовались по преимуществу не разложением общины, а генезисом господствующего класса в недрах государственного аппарата (например, в лице дружинного компонента), поскольку государственность в Древней Руси, по всей вероятности, развивалась как внутренняя потребность жизнедеятельности «нации», т. е. совокупности восточнославянских племен в период завершения разложения первобытнообщинного строя.

Эволюция господствующего класса древнерусского общества — это трансформация «слуг народа» в кооперацию господ, над народом, процесс необычайно медленный, занимавший огромный многовековой период. Лишь в завершающей фазе этот процесс был осложнен и форсирован волнами завоеваний и покорении соседних союзов племен и государственных образований, шедшими из исторического ядра Киевского государства.

В силу этого и феодальная эксплуатация в Древней Руси зародилась как эксплуатация земледельцев-общинников прежде всего государством. Наиболее ярким выражением этого было полюдье62, практика которого к X в., вероятно, имела уже давнюю традицию.

Важнейшим следствием названных процессов стал феномен очень сильной государственной власти, а

отсюда — и весьма раннее обладание атрибутом верховной собственности на землю в пределах государственной территории. Личная зависимость крестьян-общинников была в тот период внешне незаметна и проявляла себя лишь в актах перераспределения земельных пространств вместе с населением из рук государства в руки тех или иных представителей господствующего класса.

Верховная собственность на землю находила свое реальное воплощение прежде всего в отчуждении определенной части совокупного прибавочного продукта общинного крестьянства, что постепенно закреплялось обычно-правовыми традициями (ив этом, на наш взгляд, одно из отличий централизованного взимания ренты от взимания дани). Вместе с тем, обычно-правовые отношения отражали и пределы господства класса эксплуататоров, опосредованного господством государственной власти. Это проявлялось, в частности, в том, что, получая феодальную ренту, государственная власть практически оставляла (была вынуждена оставлять) в руках общин всю полноту прав фактического владения (обладания) всеми земельными угодьями. Отсюда понятно, что **единственно возможной формой феодальной ренты была рента-налог или централизованная рента. Ее реальным выражением, как и всюду в раннефеодальных государствах, была валютно- денежная форма, в качестве же специфичных древнерусских форм централизованной ренты выступали валютно-натуральные формы (меха и т. п.).**

Таким образом, на этой стадии развития реализовывался лишь формационно необходимый минимум компонентов феодальных производственных отношений. Видимо, поэтому данная фаза обычно квалифицируется в историографии как раннефеодальная.

Как известно, фундаментальным признаком феодальных отношений являются рентные отношения. К. Маркс писал в свое время, что в эпоху феодализма «земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного продукта». Причем непосредственный производитель доставляет земельную, ренту «собственнику того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, то есть собственнику земли». Происходит это потому, что именно земля противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике.

Следовательно, наиболее развитая стадия феодальных отношений становится действительностью лишь тогда, когда, с точки зрения социальной, земля, на которой трудится непосредственный производитель, в его сознании «обособляется по отношению к нему». Больше того, это обособление олицетворено «персоной земельного собственника». Иначе говоря, в глазах непосредственного производителя земля уже олицетворяется фигурой феодала-собственника, т. е. стала условием труда, обособившимся по отношению к нему самому.

На наш взгляд, конкретно-исторически эта стадия превращается в реальность с того момента, когда земельный собственник обладает практической политической возможностью извлекать ренту в любой форме: отработочной, продуктовой или денежной. Подчеркнем, что речь здесь идет уже о развитой стадии феодальных отношений. В исторической действительности тех или иных государств или регионов в большинстве случаев преобладает практика одновременного применения всех форм ренты. Тенденция последовательной смены докапиталистических форм ренты от низших, какой была барщина, к высшим — в виде денежной ренты — выступает преимущественно лишь как тенденция к преобладанию той или иной формы ренты над остальными в общем объеме совокупного прибавочного продукта.

В частности, на стадии разложения феодальных отношений практически могут господствовать разные виды чистых форм ренты, что в наибольшей мере зависело прежде всего от той роли, которую экономика той или иной страны играет в складывающейся мировой системе общественного разделения труда. **В странах с развитой промышленностью и торговлей, занимавших в эпоху разложения феодализма господствующее положение на мировом рынке, это могла быть денежная рента в чистом виде (например, Англия). А в феодальных странах, оказавшихся в положении аграрных придатков в системе зарождающегося мирового капиталистического рынка, это могла быть чистая барщина (например, страны так называемого «второго издания» крепостного права) и т. д.**

На стадии становления и развития феодализма превалирование той или иной формы ренты в совокупном прибавочном продукте, охватывающем все формы ренты, было продиктовано также чисто конкретно-историческими обстоятельствами. Чаще всего преобладала в долевом отношении продуктовая

форма ренты. Чистая сельскохозяйственная барщина (особенно полевая), как это ни странно, была возможна лишь при относительно высоком уровне общественного разделения труда, поскольку она неизбежно приобретает товарный, а не натуральный характер. Барщина же в натуральном хозяйстве непременно сочетается с другими формами ренты (продуктовой и денежной).

Определенную роль в выдвижении на первый план той или иной формы ренты может сыграть способ ее изъятия и способ распределения прибавочного продукта в господствующем классе. Здесь имеются в виду различного рода централизованные формы изъятия и распределения ренты, что обычно выдвигает на первый план продуктовую, а в период позднего феодализма — денежную форму ренты. Генезис самой примитивной, но отнюдь не земледельческой барщины также связан с централизованными формами изъятия ренты. Уже на заре классового общества сумма общественно необходимых родовой общине работ по строительству дорог, мостов, храмов и т. п. была по своей потенциальной сути разновидностью барщинного труда — будущей отработочной рентой.

Специфичность древнерусского феодализма заключается в отсутствии как исторически значимого явления полевой крестьянской барщины. Причем речь не идет о барщине как преобладающей доле совокупной ренты. Вплоть до XIV в. крестьяне-земледельцы почти не знали полевой барщины. На этом поприще выступали, в сравнительно ограниченном масштабе, кабальные люди, холопы и т. д. Для выяснения этого феномена необходимо вкратце охарактеризовать некоторые специфические моменты эволюции феодальной земельной собственности.

В Древнерусском государстве становление государственного феодализма довольно рано дало возможность развития и частновотчинного земледелия. Но феодальное боярское землевладение развивалось не за счет захвата общинных земель путем внедрения в крестьянскую общину на основе скупки аллодов, а за счет интенсивной (как и во Франкском королевстве) раздачи земель вассалам князей, а также активизации системы служебных ленов и их дальнейшей трансформации в вотчинные владения различных рангов. Поэтому феодальные отношения внутри таких вотчин проявлялись в подчинении общины in corpore путем постепенной феодализации («окняжение» по Л.В. Черепнину), в данном случае «обояривания»63 общинных земель посредством развития рентных отношений. Сами рентные отношения на уровне вотчины, разумеется, не могли иметь прежнюю форму налога-ренты в ее валютном проявлении (как было на уровне государства). Тем не менее преемственность была, и выразилась она в продуктовой ренте как явно преобладающей форме.

Естественно, что сохранение продуктовой ренты как главного компонента прибавочного продукта, идущего в руки феодалов, не совершалось во имя этой преемственности. Дело, видимо, в том, что ранние формы государственного феодализма в Древней Руси исключали наиболее грубое внеэкономическое принуждение крестьянского земледельческого населения; это была лишь «личная несвобода в какой бы то ни было степени». При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Разумеется, речь идет здесь только об основном населении — о крестьянах-земледельцах.

Кроме того, хотя по сути рентных отношений номинальному собственнику земли каждый непосредственный производитель противостоял самостоятельно, феодал-вотчинник, как до него — княжеская власть, имел дело в социальной практике прежде всего с общиной in corpore, что, видимо, в условиях Древней Руси даже повышало некую самостоятельность крестьянского хозяйства. Ведь вотчиннику противостоял крестьянин, за спиной которого была сплоченная община, осколок первобытного коммунизма.

Это не мешало, впрочем, становлению самих феодальных отношений. Юридически, а главное, практически уже на ранней стадии феодал обладал полнотой прав земельного собственника вплоть до права отчуждения земель вместе с их населением. Но даже при очевидном формальном господстве отношений феодальной зависимости переход к наиболее грубой форме эксплуатации крестьян был делом далеко не простым64. Крестьянин-общинник в это время еще не воспринимал феодала-вотчинника как «олицетворение собственника земли», которую он пахал. Поэтому господство продуктовой ренты обусловлено было отнюдь не тем, что отработочная рента была социально и экономически изжита.

На Руси почти исключительное развитие **продуктовой ренты**, скорее всего, объясняется как проявление реального политического насилия. В то же время реальные условия для укрепления феодальной

собственности на землю, как экономические, так и социальные, постоянно обнаруживали потребность в полном освоении земли в собственность феодала. **Вслед за этим могла уже развиваться отработочная** рента.

Немногочисленные, но все же весьма убедительные факты свидетельствуют, что эта потребность (прежде всего в господской барской запашке и продукции своих полей лучшего качества) в Древней Руси все же удовлетворялась. Но такая барская пашня обрабатывалась холопами, а не крестьянами-общинниками. Иначе говоря, господствующий класс феодальной Руси удовлетворял свои нужды в собственной пашне, во-первых, минуя крестьянский мир общины и неизбежные в этом случае сложности общинного землеустройства, и, во-вторых, компенсируя неизбежный дефицит рабочего времени крестьянина холопьим земледельческим трудом, т. е. трудом пауперизованных элементов и пленников.

Общеизвестно, что отработочная рента политэкономически является наиболее примитивным и грубым способом изъятия прибавочного продукта у непосредственного производителя. Однако вплоть до начала XVI в. господствующий класс при получении ренты в форме натуральных оброков был вынужден иметь дело прежде всего с мирской организацией общины, а не с личностью каждого крестьянина. Поскольку община как средство классового сопротивления и локальной сплоченности крестьян была, как уже говорилось, неискоренима в силу прежде всего экономических условий, то укрепление личной зависимости крестьян было всегда актуальной и желанной перспективой для господствующего класса. Социальное противостояние (не политэкономическое!) феодала-вотчинника общине in corpore не придавало производственным отношениям земельного собственника и непосредственного производителя должной прочности (гарантии) внеэкономического принуждения, поскольку **феодал в социальной практике должен был постоянно чувствовать сплоченность крестьянского мира. На Западе эта проблема на разных этапах осуществлялась либо объективно-исторически (путем естественного, а стало быть, более или менее замедленного разложения общины), либо субъективно-исторически (путем разгрома общины). На Руси одним из возможных практических решений подобной задачи стало внедрение отработочной ренты**, независимо от ее размера неизбежно ставящей крестьянина-общинника в условия наиболее грубой формы внеэкономического принуждения.

*** * ***

Специфичность развития феодальных отношений в условиях существования общины маркового типа наиболее ярко, хотя и опосредованно, проявилась в XIV–XV вв., а отчасти и в первой половине XVI в., в системе сельского расселения. **Новейший исследователь истории сельского расселения до XVII столетия А.Я. Дегтярев пришел к выводу о полном господстве в Русском государстве вплоть до конца XVI в. мелких одно-двухдворных поселений. По обработанным А.Я. Дегтяревым данным по 17149 поселениям, в Северо-Западной Руси было 70,6 % одно- и двухдворных поселений. Видимо, вплоть до конца XV в. этот тип сельского расселения был характерен и для Центра страны. Однако уже с конца XV в. в центральных районах эта система сельского расселения постепенно сменяется другой, с преобладающим типом более крупного поселения (6 дворов и более)65.**

Причиной господства мельчайших поселений А.Я. Дегтярев считает, главным образом, политику класса феодалов и феодального государства, выразившуюся в **массовом распространении в XIV–XV вв. налоговых льгот для новопоселенцев, садящихся на новые, неокультуренные земли. Освобождение от различного рода государственных налогов и повинностей, а также повинностей и платежей в пользу феодала-землевладельца достигало 5—10 лет, а в отдельных случаях и более длительного срока. Это служило сильнейшим стимулом для заведения новых поселений.** Такой ход рассуждений автора представляется в целом вполне убедительным.

Следует отметить, что социально-экономические факторы, и в частности политика льгот, непосредственно стимулировала лишь сам процесс расселения, процесс возникновения все новых и новых поселений, но отнюдь не определяли их размеры. Льготчику, а отчасти и землевладельцу, в принципе было безразлично, будет ли новое поселение одно-двухдворным или четырех-пятидворным. А.Я. Дегтярев здесь несколько недооценил природно-географический фактор, воздействующий на тип поселения, хотя приводит в своей работе довольно убедительный материал, доказывающий весьма существенное влияние качества почв на размер поселений66. Заметим, что природно-географический фактор, вероятно, имел уже в XIV–XV вв. отнюдь не всеобъемлющий характер и в принципе допускал сосуществование разных типов поселений.

В исследовании А.Я. Дегтярева важнейшим для нас является не столько наблюдение о господствующем типе поселения, сколько убедительные факты стремительности роста новых поселений. Тип расселения на Руси свидетельствует о постоянном мощном форсировании этого процесса (поселения заводились при первой же и малейшей возможности, а потому и были только мельчайшими). Стремительность нарастания лавины новых поселений служит самым твердым обоснованием именно этой особенности.

Отсюда, на наш взгляд, можно сделать заключение, что политика массового насаждения новых льготных поселений в сущности была конкретно-исторической формой проявления процесса укрепления феодальной собственности на землю в условиях существования крестьянской общины. Этот процесс равноценен по своей объективно-исторической сути существенно значимому в основных западноевропейских странах варианту развития и укрепления феодальной земельной собственности на землю путем разложения общины и превращения аллодиального землевладения в крупную земельную собственность. **Вероятнее всего, именно на основе аллода возник феодальный общественный и государственный строй с господством феодальной аристократии. Разница состоит в том, что если в Западной Европе этот процесс протекал на стадии вызревания феодализма как способа производства и общественного строя, то на Руси он проходил уже в период укрепления и развития феодализма.**

Само укрепление и развитие феодальной земельной собственности в условиях неизбежного сохранения крестьянской общины было чрезвычайно сложно и многогранно. **Одним из средств такого укрепления был процесс превращения исконного общинного крестьянского населения в «новоприходцев», садившихся на чужую землю, на землю феодала. При этом крестьянин воспринимал феодала уже не как внешнюю силу, которой он вынужден был покоряться, а как подлинного земельного собственника, собственника отчужденного от непосредственного производителя основного условия труда.** Вероятно, только с этого момента входит в действие вся совокупность законов феодального способа производства. С этой точки зрения, режим насильственного внедрения феодальной ренты путем внеэкономического принуждения, а также элементов политической неполноправности можно, пожалуй, назвать лишь раннефеодальной стадией развития. Здесь уместно вспомнить, что именно в этой связи Ф. Энгельс в письме к К. Марксу довольно едко писал: «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю, — в Фессалии, например, это имело место очень рано. Факт этот даже сбил меня и кое-кого другого в вопросе о средневековом крепостничестве; слишком легко склонялись к объяснению его простым завоеванием. Это так легко и просто решало дело…»67 **Как известно, во Франкском государстве с момента прихода германцев до становления подлинно феодальных отношений прошло четыре столетия, а в центре процессов этой эпохи было превращение феодалов в подлинных земельных собственников, так или иначе дающих крестьянам землю на условиях выполнения повинностей и платежей.**

На наш взгляд, серьезным доказательством того, что политика массового насаждения новых поселений была попыткой расшатать общину, нейтрализовать обычно-правовые убеждения исконности общинного землевладения, сломить сопротивление общины и превратить феодалов в подлинных земельных собственников, служит актовый материал о так называемых «старожильцах».

Традиция старой историографии, рассматривавшей «старожильцев» только в аспекте вызревания крепостничества (работы М.Ф. Владимирского-Буданова, М.А. Дьяконова, Ф.И. Леонтовича и др.), была воспринята и советской историографией. С этих же позиций подходили к изучению «старожильцев» Б.Д. Греков и Л.В. Черепнин. По Грекову, «старожильцы» были первой категорией крестьянского населения, увязшей в путах зарождавшегося крепостничества: «Старожильство определяется не сроком прожитых за землевладельцем лет, а характером отношении между старожильцем и землевладельцем либо старожильцем и государством»68. Сам термин «старожильцы», по мнению ученого, появился тогда, когда возникла потребность отмежевать категорию старых, зависимых от землевладельцев тяглецов от увеличивавшейся массы «новоприходцев» (термин, предложенный Грековым)69.

Л.В. Черепнин обратил внимание на весьма важное обстоятельство:

«Крестьяне-старожильцы, ушедшие из феодальных владений, не перестают рассматриваться как старожильцы, и если они возвращаются на те участки, где жили раньше, то феодалы не смешивают их с крестьянами, приходящими из других княжений»70. Это наблюдение послужило автору основой для более широких выводов. Их сущность сводится к тому, что «основная часть крестьян — старожильцы —

начинает рассматриваться как крепкая земле, связанная с определенными земельными участками. Возврат старожильцев считается приходом на свои старые места. «Это… понятие старое место» крестьянина-старожильца сыграло большую роль в дальнейшем юридическом оформлении крепостнических отношений… Закон постановил, что ушедшие из феодальной вотчины старожильцы не перестают рассматриваться в качестве крестьян-старожильцев своего феодала»71.

Концепции старожильчества Б.Д. Грекова и Л.В. Черепнина были подвергнуты критике Г.Е. Кочиным и И.Я. Фрояновым. Г.Е. Кочин, подробно разобрав взгляды Б.Д. Грекова, на основе актового материала пытался (и небезуспешно) доказать, что «старожилец» — термин, равно как и явление, чисто житейское, бытовое. «Старожильцем» называли человека, издавна жившего в данной местности72. Был подвергнут критике и тезис Л.В. Черепнина о связи «старожильца» со «старым местом», причем связи, видимо, хозяйственной и житейской73.

На наш взгляд, эти критические замечания в целом справедливы, так как действительно «старожилец» — явление чисто житейское, что и отразилось в термине. Это, однако, не означает, что на материалах о «старожильцах» нельзя выявить процессы, имеющие прямое отношение к развитию феодализма. Именно это имели в виду и Б.Д. Греков, и Л.В. Черепнин. Правда, на наш взгляд, в этом случае точнее говорить не о развитии крепостничества, а о развитии феодальных производственных отношений.

Думается, что дело не в том, что ушедшие из своих сел и деревень старожильцы продолжают рассматриваться как старинные крестьяне своего прежнего феодала, как полагал Л.В. Черепнин74, а в изменении самого статуса крестьян, вернувшихся на свои «старые места». Б.Д. Греков вполне справедлив, когда объясняет появление термина «старожилец» необходимостью отличать старых, исконных жителей феодального владения от вновь пришедших и севших на льготу крестьян. Однако когда речь идет о «новоприходцах» особого рода, т. е. крестьянах-возвращенцах, то квалификация их как «старожильцев» связана с необходимостью фиксировать их более низкий по сравнению с подлинными новопоселенцами социальный статус75.

По условиям льгот в налогах и повинностях старожильцы-возвращенцы резко отличаются от новопоселенцев. Так, в жалованной грамоте 1447 года Троице-Сергиеву монастырю великого князя Василия Васильевича о льготах сказано следующее: «…или кого к себе в то село и в деревни призовут жити людей старожильцев, который переж сего туго живали», — им льгота в налогах и повинностях 7 лет, собственно «старожильцам», т. е. старинным крестьянам троицкой вотчины, — 5 лет, а вновь пришедшим в троицкое село Нефедьевское и в деревни Угличского уезда — 10 лет76. Таким образом, льгота старожильцам-возвращенцам на 2 года больше, чем собственно старожильцам, но на целых 3 года меньше, чем у обычных пришлых новопоселенцев, В льготной и несудимой грамоте 1453 года великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на деревни Ростовского уезда дана 10-летняя льгота «старожильцам, который будут и переже того на них жывали», «а кого к себе перезовут людей жити на те пустоши из иных княжений» — льгота дана в 15 лет77. В других грамотах разница в льготах с обычными новопоселенцами гораздо более сильная. В жалованной грамоте великого князя Василия Васильевича митрополиту Фотию на владения Царевоконстантинова монастыря от 1426 года льготные сроки были следующими: «Хто будет из того монастыря и из сел того монастыря разошлись куды люди по которым местом, и придут опять на свои места, ино им на 5 лет не надобе ни которая моя дань… А кто придет в тот монастырь и в села того монастыря людей из иных княжений, а не из моей отчины из великого княжения, и тем людям пришлым на 10 лет не надобе никоторая моя дань…»78 Здесь срок льготы для пришлых старожильцев вдвое короче, чем срок для новопоселенцев. В жалованной (льготной) грамоте великого князя Василия Васильевича Чудову монастырю 1436 года на села Переяславского уезда льгота для тех, кто «ис тех сел и из деревень и из с пустошей разошлися по иным местом, а придут жити на те свои места в те село и в деревни на те пустоши», — 5 лет, а для «людей из иных княжений» — 10 лет79. В льготной великого князя Василия Васильевича вдове Копнина 1442 года на пустоши; пустующие 10 лет, льгота для тех, «кого к себе перезовут людей на те пустоши тутошних старожильцев, которые переже того туго жывали», — 5 лет. В то же время льгота для «инокняженцев», пришлых людей — 10 лет 82. В жалованной (льготной и несудимой) грамоте великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе, датируемой в пределах 1448–1461 гг., в частности, сказано: «И яз князь великий пожаловал его, что которые люди ныне остались в тех селах или которые будут старожильцы из них разошлись по иным местом, а приедут в те села церковные жити опять на свои места, ино тем людем, которые ныне в тех селах живут, да и тем пришлым старожильцам не надобе моя никоторая дань на 3 годы», а для тех, кого «призовут жити из иных княжений», — «на 10 лет не надобе моя дань»81. В этом случае старожильцы и «пришлые старожильцы»

уравнены, а льгота вновь пришедшим «людям» в 3 раза больше по своим срокам. В более ранней (1423 г.) льготной и несудимой грамоте великого князя Василия Дмитриевича нижегородскому Спасо-Благовещенскому монастырю на пустоши в Лыскове и Курмыше льгота «тутошним старожильцам», кого иперезовут на те пустоши, — 5 года, а тем, кого перезовут из иных княжений», — 10 лет82. В льготной и несудимой грамоте 1424 года того же Василия Дмитриевича некоему И. Кафтыреву в Костромском уезде «перезыв» на земли, что «у него нынеча опустели мором и межениною», для «тутошних старожильцев» дает льготу в 3 года, а «перезыв» «из иных княжений» «пришлых людей» — 10 лет льготы83. В жалованной льготной и несудимой грамоте Спасо-Ефимьеву монастырю великого князя Василия Васильевича от 1451 года текст о льготах гласит следующее: «А хто будет старожильцов моих людей ис тех деревень разошлися, а придут опять на свои места, ино что давали мои оброк в дань весне 10 алтын, а в осеннюю дань 10 алтын, ино им не надобе тот оброк на 2 году, а уйдут 2 году — и они дают по-старому… А кого к себе призовет людей из-ыного княжения, а не из моей вотчины, и тем людям пришлым не надобе им моя дань на 10 лет»84. Таким образом, в этом случае разница срока льготы «пришлых старожильцев» от обычных новопоселенцев пятикратная, поскольку им дана была льгота лишь на 2 года.

Таким образом, налицо очень сильная разница в сроках льготы новопоселенцев и «пришлых старожильцев». Л.В. Черепнин считает эту разницу естественной. «Ведь у них, — пишет ученый, — как старых поселенцев, было больше возможности наладить заброшенное хозяйство»85. Думается, что ситуация была сложнее, и далеко не всегда меньшая льгота была напрямую обусловлена меньшими трудностями в восстановлении хозяйства. Меньшая льгота в большинстве своем отражает более низкий социальный статус «пришлых старожильцев»86.

В актовом материале этой поры главное внимание акцентировано на том, кем является поселенец: «инокняжцем», «пришлым старожильцем» или собственно «старожильцем». Вместе с тем фиксация хозяйственной специфики мест поселения неопределенна. Наоборот, в более поздних материалах начала XVII в., в частности в писцовых наказах, при рассмотрении заселения запустевших в течение 10–15 лет земель главный упор был сделан на учет специфики хозяйственных трудностей и условий заселения и совсем не обращалось внимание на происхождение некрепостных, «охочих людей»: приходят ли они «со стороны» или являются «тутошними», здешних волостей людьми87. Разницы в податной льготе между «тутошними», волостными и «охочими» людьми «со стороны» как таковыми не существует. Все зависит от конкретных хозяйственных условий. Напротив, актовый материал XV в. рисует совсем иную ситуацию. Здесь часто льгота не столь определенно зависит от условий хозяйствования новопоселенцев. Так, в жалованной льготной тверского великого князя Михаила Борисовича 1483 г. сказано: «А кого перезовут людей, а посадят на лесе на стари. И тем льгота на 20 лет. А на пустошах посадят людей, и тем льгота на 20 лет»88. Хозяйственные условия освоения различны (девственный лес и просто заросшая пашня), а срок льготы одинаков. В грамоте великого князя Василия Ивановича 1497 г., в частности, говорится о поселении на лес на старь: а льгота… на 15 лет»89, а в грамоте 1493 г. грамотчикам дана просто пустошь, при этом срок льготы — «под двор на 15 лет»90 и т. д.

Следовательно, главная особенность состоит в том, что в актах XV в. при явно одинаковых хозяйственных условиях для разных новопоселенцев льготы были резко различны по срокам, и главной целью перезывов были люди, пришедшие на чужую землю, а не собственно освоение земель, ибо тогда было бы невозможно уравнивать по льготе легкую пустошь и девственный лес.

Продолжая наше обсуждение позиции Л.В. Черепнина, следует сказать, что в большом числе случаев старожильцев «тутошних мест» перезывали вообще на пустые места, как и «инокняженцев». Кроме того, ушедшие из «своих мест» старожильцы могли вернуться и через 5, и через 10, 15 и 20 лет, и в этом случае их хозяйственные задачи восстановления «старых», запустевших мест были не менее сложными, чем создание нового хозяйства, расчистка под пашню леса и т. п.

На наш взгляд, резкое уменьшение льготных сроков для «пришлых старожильцев» имело своей задачей четкое обозначение факта полного отчуждения у них «старых мест» феодалом, конец иллюзиям бывших исконных жителей на право владения «старыми местами». У обычных новопоселенцев, пришедших «из иных княжений», таких иллюзий не было, они садились на чужую для них землю и пришли специально на льготу, хотя несомненно, что с течением времени в силу экономической необходимости они снова врастали в систему общинного землепользования. Но это другой вопрос.

Стало быть, стержнем политики создания массовых новых поселений на льготных основаниях было не столько стремление привлечь из «иных княжений» рабочие руки для освоения новых земель, хотя такая задача действительно имела место, сколько стремление укрепить положение феодалов как полных земельных собственников. К этой мысли довольно близко подошел А.Я. Дегтярев, который пишет: «Окончательно стать собственником земли можно было, только застолбив ее деревнями, в которых посажены «свои» крестьяне»91. Автор лишь имеет в виду задачу хозяйственного освоения феодалом пустых земельных пожалований, куплей и непосредственных захватов. Но, если взглянуть на проблему шире, то станет ясно, что людские ресурсы страны перераспределялись столь сложным, ухищренным и несомненно дорогостоящим способом92 не столько во имя освоения новых земель, сколько во имя завершения процесса отчуждения от непосредственного производителя основного условия труда — земли. И.Я. Фроянов прав в том отношении, что «старожильцы» вовсе не прикреплялись к земле («они часто срывались с места», — пишет он)93. Однако явление «старожильства» позволяет вскрыть указанный нами сложный глубинный процесс.

Изменение ракурса подхода к проблеме «старожильцев» позволяет иначе, чем прежде, оценить и сущность явления крестьянских переходов. Совсем не обязательно для столь ранней поры, как XIII–XIV вв. и даже первая половина XV века, рассматривать их в жесткой альтернативе «свобода — крепостничество»94. Из сказанного выше следует, что крестьянские переходы (от одного землевладельца к другому) в значительной своей части обязаны инициативе феодалов-землевладельцев. Очевидно, нецелесообразно вследствие этого и постоянно рассматривать их как непременный атрибут свободы.

Крестьянские расселения в рамках маркового строя свободных общин вещь обычная, но она исторически и социально не равнозначна переходам, так как механизм миграций был совсем иным. Крестьянские расселения лишь укрепляли такие основы обычного права, как принцип наследственности и трудового права, лежавшие в основе крестьянских общинных представлений о земельной собственности. В условиях необычайно краткого сезона земледельческих работ, когда земледелец мог в любой момент остро нуждаться в помощи соседей, это не было колонизацией западноевропейского типа. Целью инициативы феодалов в области крестьянских переходов была как раз борьба за уничтожение или сокращение сферы действия крестьянского общинного наследственного права и сужение сферы действия принципа общинного трудового права до уровня одних лишь межкрестьянских отношений. Разумеется, в конкретно-исторической действительности все это проявлялось не столь однозначно, но общая тенденция, на наш взгляд, именно такова.

Традиционный подход к крестьянским переходам как элементу крестьянской исконной свободы лишает историков возможности не только определить начало таких переходов, но и объяснить социальный механизм их возникновения. Л.В. Черепнин прямо заявлял: «Мы не знаем, как и когда возникло это право» (крестьянских переходов, — Л. М.)95. В свое время И.И. Смирнов писал о том, что «Киевская Русь не знала права крестьянского перехода. Этот вывод вытекает… прежде всего из наличия такого социального института, как «изгойство»96. Думается, что с точки зрения социально-экономического развития феодальной вотчины момент возникновения переходов был прежде всего следствием сопротивления крестьянской общины процессу становления вотчины как полнокровной ячейки феодального общественного производства, когда развитие рентных отношений в вотчине миновало свою простейшую стадию повторения отношений института кормлений, хотя, в свою очередь, уже лишенные своей земли крестьяне могли использовать переходы, протестуя против политики хозяина их земли.

Переходы возникали, таким образом, как орудие борьбы с общиной, хотя само явление переходов на практике оказалось значительно сложнее. В какой-то момент переходы стали уже препятствием укреплению феодального способа производства. Больше того, с определенного этапа они действительно стали и элементом крестьянской свободы. Хотя если взглянуть глубже в сущность процессов более поздней поры, второй половины XV в. и XVI в., то придется признать, что и в это время крестьянские переходы все еще оставались в значительной мере порождением прежней необходимости расшатывания общины и укрепления права собственности феодала на землю. Поэтому, соглашаясь с И.Я. Фрояновым в том, что «едва ли возникновение переходов означало закрепощение крестьян»97, в то же время необходимо со всей силой подчеркнуть социальную функцию переходов, используемых феодалами как орудие укрепления феодальной собственности на землю в борьбе с общиной.

При этом необходимо иметь в виду, что конкретно-исторически явление переходов обрастало и рядом сопутствующих функций. Среди них историки раньше всего увидели функцию борьбы за рабочие руки.

Однако, на наш взгляд, существенное значение эта функция приобретает много позже, примерно с середины XVI века, но и тогда она остается производной.

Примерно к середине XV в. в некоторых районах страны интенсивность переходов уже была, видимо, необычайно высокой. В водоворот массовых переселений на льготу были вовлечены широкие массы крестьянского населения. Здесь представляется существенным уточнить понимание терминологии актового материала, касающейся определения группы крестьян-льготчиков, фигурирующих под названием «инокняженцев». Л.В. Черепнин склонен к буквальной трактовке термина «инокняженцы» как обозначающего крестьян, вышедших «из иных княжений»98. На наш взгляд, этот термин несет вместе с тем и более широкую нагрузку. Его социальная функция подобна термину «государь» Псковской судной грамоты и ряда других документов. «Иное княжение» — это не только территория, не входящая в пределы княжеской юрисдикции и фискального обложения системы «государственного феодализма». Сюда же входят и территории частновладельческих вотчин, где «вотчич» был «государем», а следовательно, «князем». Данную интерпретацию, на наш взгляд, подтверждает формуляр актовой документации, вышедшей из-под пера великого князя Тверского Михаила Борисовича. В жалованной льготной и несудимой грамоте Троицкому Калязину монастырю 1483 года на устройство новой слободки на Верхней Жабне, в частности, сказано: «Звати ему людей из зарубежья и из-за бояр здешних, а не з выти моее, великого князя»99. Понятие «великое княжение» уточнено здесь не в смысле государственного образования как политического организма, а лишь в фискально-юридическом плане («моя выть»). Таким образом, формула грамот московских великих князей и ряда княжений Северо-Восточной Руси носящая негативный аспект: не из моее вотчины, великого княжения, может допускать право перезыва «из иных вотчин». Такой ход рассуждений подтверждается и формуляром грамот великого Рязанского княжения. В ряде вариантов формуляра, аналогичного вышеприведенным, в рязанских жалованных грамотах неоднократно встречается и такой (1501 г.): «А кого к себе призовет из зарубежья… а из здешних неписьменных кого к себе призовет и тем людем не надобе им моя дань и ям и никоторая тягль…»100 Этот или очень близкий формуляр встречается еще в четырех жалованных грамотах 1502–1519 гг.10! Не останавливаясь сейчас на термине «неписьменные люди», обратим внимание на то, что формуляр по сути своего смысла идентичен тверскому и в какой-то мере московскому и иным формулярам Северо-Восточной Руси. Перезываются крестьяне двух категорий: 1) жители «иных княжений» («из зарубежья») в буквальном смысле этого слова и 2) крестьяне «тутошние», «здешние», местных вотчичей-бояр. Формуляр грамот князей Северо-Восточной Руси представляется наиболее разработанным и детальным, поскольку из «здешних» и «тутошних» выделялись, как было показано выше, еще и крестьяне, вернувшиеся на свои «старые места». Но вместе с тем, этот формуляр путем «негативных» конструкций («а не из моее вотчины, великого княжения») допускал, на наш взгляд, перезыв тех же категорий крестьян, что и в рязанских и тверских актах. В правомерности такой трактовки убеждает текст жалованной грамоты вологодского князя Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю на с. Ивановское Вологодского уезда. Здесь обычно лаконичная негативная формула «а не из моего княжения» передана следующим образом: «или кого к себе в то село перезовут людей и в деревни из-ыного княжения, а не из моих волостей, ни ис сел»102.

Таким образом, подлинные крестьяне-льготчики, перезываемые от владельца к владельцу, вовсе не ограничивались числом пришедших из «иных княжений» в буквальном смысле этого слова, а потенциально охватывали большую массу крестьян внутри каждого княжения. И, что очень важно, они отнюдь не исчезали по мере образования единого Русского государства, как полагал Л.В. Черепнин.

Возможно, дело тут в другом. По мере развития процесса «перезывов» крестьян от одних землевладельцев к другим он начинает обретать иные исторические черты. Помимо социальной функции укрепления земельной собственности феодалов процесс «перезывов», перерастая свои оптимальные рамки, стал, правда, очень медленно, превращаться в борьбу феодалов за рабочие руки. Тот и другой моменты оказались теперь слитыми воедино.

Далее. Объективная логика развития этого процесса привела к тому, что стал нарушаться другой параллельно протекавший процесс в общем потоке противоборства феодалов с общинным крестьянством — процесс привлечения крестьян к выполнению полевой земледельческой барщины.

Вопрос о характере и темпах развития полевой барщины крестьян имеет принципиальное значение для оценки роли общинного землепользования и землеустройства в период до появления первых юридических актов, связанных с упорядочиванием крестьянских переходов103.

* * *

В последние десятилетия в историографии появились суждения о существенном значении отработочной ренты в системе феодальной эксплуатации крестьянства в Древней Руси XIV–XV вв. Собран довольно большой фактический материал в работах А.П. Пьянкова, А.Д. Горского и Л.В. Черепнина104. Больше того, авторы этих работ с большей или меньшей уверенностью утверждают тезис о распространении в этот период полевой крестьянской барщины.

С возражением в адрес подобного утверждения выступил Г.Е. Кочин105. Суть его возражений сводится к критичной оценке уровня производительных сил в XIV–XV вв. «Земледелие, — пишет Кочин, — как особый раздел владельческого предпринимательства требовало таких сил и средств, каких не было у землевладельцев XIV–XV вв., особенно в тех удаленных от владельческого центра волостях — селах, из которых состояла основная масса земельных владений феодалов»106. Автор в итоге исследования приходит к выводу о том, что «производство зерновых хлебов в собственном хозяйстве феодалов-землевладельцев в изучаемое время занимало скромное место»107. Источниковедческие работы своих оппонентов Г.Е. Кочин практически не рассматривает. Основной упрек автора сводится к следующему:

«Л.В. Черепнин и А.Д. Горский не отличают десятинной пашни, шестого и пятого снопа… от барщины»108.

Надо сказать, что упрек этот явно излишне полемичен. И только лишь А.П. Пьянков весьма категорично отстаивает тезис о традиционности практики полевой барщины начиная с XIV века109.

Тем не менее вопрос о степени распространения и характере полевой барщины в феодальных вотчинах XIV–XV вв. заслуживает внимания. Поскольку светские владельцы на этих работах все еще использовали труд холопов, то процесс становления полевой барщины можно проследить лишь на актах монастырей.

Наиболее раннее свидетельство уставной грамоты 1391 года о пашне на монастырь в свое время даже Б.Д. Греков расценил как полевую барщину110. Это мнение, как и суждения Л.В. Черепнина и А.Д. Горского, оспорил Г.Е. Кочин, который увидел в документе лишь отражение практики так называемой «жеребьевой» или десятинной пашни111. По мнению ученого, при десятинной пашне господского поля как такового не существовало, феодал ни сам, ни через свой аппарат хозяйственными полевыми работами не ведал:

«Землевладелец использовал не самую рабочую силу крестьянина, а получал ее результат — готовую продукцию — зерновой хлеб на полях» 112. Цитируя грамоту, Г.Е. Кочин обращает внимание, что речь в ней идет не о господских особых полях, а всего лишь о «игумновом жеребии» в общем клину крестьянских полей. На первый взгляд кажется, что речь идет о тонкости, о второстепенной детали. Однако суть дела сложнее. При упрощенном подходе к явлению, когда улавливается лишь главное — «на кого» пашут, и опускаются нюансы обстоятельств пахоты, исследователь проходит мимо свидетельств конкретного механизма зарождения полевой барщины. А за этим могут скрываться реальные особенности зарождающегося господского феодального хозяйства.

Напомним контекст интересующего нас сюжета грамоты, где тяглоспособные крестьяне монастырских сел и деревень обязывались: «церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставити, игумнов жеребей весь рольи орать взгоном, и сеяти, и пожати, и свести, сено косити десятинами и в двор ввести, ез бити и вешней и зимней»113 и т. д. Действительно, в тексте речь идет лишь о «жеребии», а не об особых господских полях. Позднее, в XVI веке, необходимость говорить о «жеребии» отпала, так как во многих монастырях заводилась особая господская запашка. Была она, как правило, в селе, где было боярское или монастырское хозяйство (скотные дворы, конюшни и т. п.). К селу «тянули» ближайшие деревни, крестьяне которых пахали монастырскую или боярскую пашню в селе.

Наиболее ранний пример организации особого комплекса господских полей мы видим в ссылках судного списка о тяжбе Симонова монастыря с крестьянами с. Шипинского о землях Бежецкого Верха и Углича (1540 г.). В ссылках старожильцев на писцовое описание конца XV — начала XVI в. фигурирует угличский князь Андрей Васильевич, который «выменял то село у сына боярского… а дал ему государь противо того черные деревни во Княжеской волости. И приежщал… в то село пашню на государя наряжати дияк княж

Ондреев — Митею звали Демидов. Да выменял… князь Ондрей Васильевич деревню Чюрилово… да выменял… деревню Степанское… и припустил, господине, те деревни к селу к пашне; да к тому… припускал к селу в пашню черные деревни; и сколько… к селу он припустил деревень в пашню, и тем… всем деревням давал дияк княж… траву по реке по Кестме… а под двором… у пашенных деревень ни у одное травы нет»114. Здесь процесс выделения комплекса барских полей в селе и придача к нему рабочей силы крестьян окрестных великокняжеских деревень отражены довольно четко. Общепринятый характер такой процедуры выявляется из ответа царя Федора Ивановича на письмо митрополита Варлаама о хозяйственных неурядицах Софийского дома (1592 г.). Совет царя сводился к тому, чтобы «лутчие места, которые ныне в поместьях розданы, поймать на себя и устроить села и пашни на себя»115.

Что же касается «жеребия», то в принципе вполне ясное понятие как доли в общем целом хорошо иллюстрируется материалами одного из земельных споров конца XV века (спор И.А. Носова с Я. И. Бессониевым и Ф.И. Кривым о церковной земле в Переяславском уезде — 1485–1490 гг.)116. Обе стороны сошлись здесь на том, что спорный участок находится в общем массиве полей церкви Воскресенья. Расхождение спорщиков лишь в юридическом оформлении прав на участок, долю в общем массиве полей. Свидетели одной из сторон, Я.И. Бессониева и Ф.И. Кривого, утверждали на суде: «Давали, господине, отцы их игумену или попу, — кой будет игумен или поп силен, много всхочет пахати, и отцы их, господине, по четверти или по две дадут в поле вспахати, чего сами не возмогут попахати, а к церкви, господине, земли не придавывали». Другой спорщик — «вотчич» Ивашко (И.А. Носов) заявил: «И как яз… бил челом Григорию Васильевичу (более раннему владельцу, — Л. *М.)* и Григорей то мое селцо Олексеев-ское взял за собя, а мне… дал тут жеребей земли у церкви с попом по половинам. И как Григорей… постригся, так меня… отпустил и с тем с моим жеребием с церковным». Возможно, Ивашко держал поместье от Григория Васильевича (не исключено, что он вообще вышел из холопов). Главное же заключается в том, что жеребей как доля юридически был не оформлен, не имел межевых границ и т. п. Это было лишь долевое участие.

Значение жеребия как доли хорошо выясняется из текста двух купчих 1525–1526 гг., по которым митрополичий боярин Р.Ф. Фомин скупил «в дом» по частям село Степановское, принадлежавшее различным представителям рода Елдегиных в Московском уезде. В одной купчей оформлена «половина сельца, состоящая из трех жеребиев, с всем с тем, что к тому полусельцу… к трем жеребьем из старины потягло, с лесы, с луги, с пожнями, и с всему угодьи, куды ис того полусельца трех жеребьев соха и топор и коса ходили»117. В другой купчей оформлена треть сельца Степановского и «шестой жеребей». В итоге у Р.Ф. Фомина оказалось все сельцо. Треть в грамоте именуется «Онтонидин жеребей». Купля оговаривает условия: «и с всем с тем, что к тому к Онтонидину жеребью и ее детей Сувора з братьею изстари потягло и к Злобину шестому жеребью Елдегина изстари ж потягло пашни, и пожень, и лесу, и всяких угодей во всех трех полех, куда коса и топор и соха ходила»118. К каждому жеребию относились определенные участки в пашне, пожнях, лесу и т. д. при общем делении на три поля. В купчей грамоте митрополичьего дьяка на деревню, селище и пустоши, купленные митрополитом у детей Микулы Соболева (1495–1511 гг.), соотношение долей еще более сложное119. У двух сыновей в двух жеребьях имела жеребей свой их мать («да и тот жеребей, что у них пахала мати их Марья у обеих вь их жеребьех в Володимерском уезде, в Холопье Луке, с луга, и с лесы, и з борным лесом, и с всякими угодьи — и с всем тем, что к той деревне… потягло изстарины»).

Наконец, еще один немаловажный момент. В уставной 1391 г. сказано:

«Игуменов жеребей весь рольи орать вагоном». Поголовное участие крестьян в обработке пашни («взгоном», «згоном») в эту эпоху могло означать лишь одно: очень небольшой размер «игумнова жеребия». Видимо, в XIV веке, да и в значительной мере в XV веке, господская запашка была очень невелика. Именно мизерность ее размера позволяла монастырям просить крестьян в порядке зачета в их повинности или по иным мотивам обрабатывать их на монастырь. В середине XVIII в., когда уже появилась урочная система барщинных работ, при окончании работ небольшой остаток поля всегда обрабатывали згоном. Отголосок именно таких архаичных отношений можно видеть в одном из нормативных хозяйственных документов второй половины XVI века, т. е. времени, когда господская запашка стала уже повсеместным явлением, а величина ее постепенно становилась заметным бременем для крестьян**. В жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Кирилле-Белозерскому монастырю господская запашка заводилась в обмен на льготы крестьянам в государственных налогах и повинностях. Запашка была еще весьма скромной по своим размерам.** Тягловое распределение барщины организовывалось по вытям (по одной десятине запашки на выть). Самое же главное для нас заключено в

оговорке: «А изоидутся в котором поле за десятинами пашня, и им бога ради спахати згоном» (т. е. если в каком-либо селе конкретные размеры господского поля не уложатся в повытный расклад по одной десятине на выть и окажется лишний участок, то крестьянам предлагается вспахать его на добровольных началах «во имя бога»)120.

Г.Е. Кочин, обосновывая характер жеребьевой пашни Константиново-Еленинского монастыря, обращается к более позднему (на 100 лет) хозяйственно-нормативному документу по тому же монастырю. Это грамота митрополита Симона некоему Юрке Масленицкому (1495–1511 гг.)121. В ней в ответ на жалобу о том, что монастырские крестьяне (сураломицы и добросельцы) мало пашут на монастырь, дается подробная инструкция Ю. Масленицкому по организации пахотных работ на монастырь: «Дал бы еси христианом в тех селех в всех трех полех по 5 десятин, а на монастырь бы еси указал им пахать шестую десятину. А будет земли обильно, а кому будет земли надобе более того, и он бы по тому ж пахал и монастырскую пашню шестой жеребей. А кому не будет силы пахать 5 десятин, и он бы по тому пахал и монастырскую пашню и всякое дело делал по своей пашне».

На наш взгляд, в данном случае трудно прийти к однозначному выводу. В документе уже дается подесятинный расчет, но ведется он лишь в общем соотношении. Исходной точкой расчета является сумма участков по каждому полю (5 десятин на двор), что в итоге должно составить во всех трех полях по 15 десятин на хозяйство. На монастырь рекомендуется пахать шестую часть или одну десятину в поле на двор. Далее в инструкции предусмотрено сохранение этого соотношения в случаях, когда дворовая площадь пашни будет в сумме трех полей больше или меньше 15-ти десятин. Здесь в равной мере можно предположить как жеребьевый принцип распределения господской запашки, так и бытование особых участков монастырской пашни. Поскольку на данном этапе здесь еще не появилась расчетная единица тяглового обложения («выть»), то можно считать, что текст отражает все еще архаичную систему «жеребиев». В отсутствии расчетной единицы, подобной выти, система расчета особого господского поля делается очень сложной процедурой. В позднейшей практике господского барщинного хозяйства, как это мы отчасти видели по актам XVI века, все было наоборот: определялся размер господского поля с ориентацией на общее представление производственных возможностей деревни (а чаще с ориентацией на довольно еще скромные запросы самого помещика), и уже потом шла разверстка конкретного размера поля по тяглам, т. е. пропорционально тяглу или доле тягла устанавливался физический объем барщинного «урока». Здесь же демонстрируется полная подвижность размеров господского поля в зависимости от ежегодных намерений крестьян. Норма, установленная Юрке Масленицкому в 5 десятин крестьянской пашни в поле на хозяйство, сугубо ориентировочна. В грамоте сказано: «а будет земли обильно» (т. е. если окажется, что угодья пашни гораздо больше ожидаемых), «а кому будет земли надобе боле того» (т. е. если кто захочет иметь пашню больше ориентировочной нормы), «и он бы потому ж пахал и монастырскую пашню шестой жеребей». И наоборот, там, где нет силы, — пусть пашет меньше 5 десятин, но все равно «шестой жеребей» должен быть распахан на монастырь. Таким образом, величина всех господских полей слагается из многих составных элементов, расположенных в разных местах общего массива полей. Причем их конкретная локализация могла изменяться.

На основании уставной грамоты 1391 года Царевоконстантинову монастырю можно сделать, на наш взгляд, наиболее важное наблюдение: в отношениях с феодалом с точки зрения организации хозяйственной связи община выступала in corpore. Огромная часть работ велась массой крестьян в целом, крестьянским коллективом, под руководством представителей крестьянского мира. Особенно четко это видно на пахоте (и всех видах работ, к ней примыкающих). У Г.Е. Кочина есть очень важная параллель уставной грамоты 1391 года с «рядной грамотой» крестьян Робичанской волости с новгородским Юрьевым монастырем 1460 года122. И в том, и в другом случае перед нами договорные отношения феодала с общиной о норме и характере крестьянских повинностей. Думается, что именно эти факты с наибольшей убедительностью **выявляют главное препятствие для полного торжества феодального способа производства, которым была общинная организация крестьян. Этот фактор в первую очередь обусловил трудный, растянутый во времени путь генезиса полевой барщины крестьян, первым этапом которой были лишь переходные к собственно барщине формы, которые, по мнению Г.Е. Кочина, были еще гораздо более близки к традиционной крестьянской издольщине, т. е. хлебному натуральному оброку.**

Думается, что в контексте данной работы не нужны особые усилия, чтобы доказать рано сформировавшееся стремление феодалов (в том числе и монастырей) к организации собственного земледельческого хозяйства. Напомним, что лишь концентрация сравнительно больших объемов труда на относительно небольших площадях в короткий сезон работ позволяла поднять агрикультуру и получать качественные продукты

земледелия. Ведь веками, вплоть до XX столетия, крестьянин никогда не пропалывал всходы яровых или озимых, да и сами всходы (и урожай) частенько не были лучшими. Нет нужды и напоминать, что высококачественная продукция крупного земледельческого хозяйства в конечном счете составляла важную часть совокупного прибавочного продукта, многообразная трансформация которого в более отдаленной перспективе давала основу для удовлетворения разнообразных потребностей государства и ведущих компонентов государственного механизма.

Поскольку вопрос о характере господской запашки в XIV–XV веках имеет принципиальное значение, затронем источниковую базу исследователей и ознакомимся с типами источников, несущих необходимую нам информацию.

Сразу же надо сказать, что бесспорных фактических данных, на основе которых можно с уверенностью судить о существовании (главным образом во второй половине XV века) полевой крестьянской барщины в различного рода феодальных владениях, значительно меньше, чем полагают некоторые авторы.

Во многих актах XV века указания на крестьянскую барщину слишком неопределенны и могут быть оспорены. К ним прежде всего относятся свидетельства правых грамот различных монастырей (в первую очередь Троице-Сергиева и Симонова монастырей). Протоколы разбирательств земельных споров дают прежде всего материалы и факты по вопросу о принадлежности спорной земли (пашни или луга) монастырю или черным крестьянам («земля великого князя»). Поэтому язык правых грамот весьма специфичен в том смысле, что многие выражения в их текстах настолько «ориентированы» на проблему принадлежности, что их нельзя понимать буквально. Так, в частности, в группе грамот, отражающих земельные споры Троице-Сергиева монастыря123, фигурирует некий заказник (т. е. управитель) «старец» Афанасий. От его лица в правых грамотах идут формулировки: «а делал есмь на монастырь» (№ 586), «яз живу на том заказе семь лет и ту землю… пашу на монастырь» (№ 590). Или: «тот же Афонасей рек: ту землю… наперед мене ведал прикащик старец Касьян — пахал ее на монастырь, а земля монастырская» (№ 591). Перед нами формулировки слишком обобщенного характера. Когда «старец»-управитель (Касьян или Афанасий) говорят, что они «пашут», то это не значит, что они именно сами пахали. В грамоте № 594 заказник «старец» Афанасий сам же дает более ясные формулировки: «а наперед мене… было туго на заказе старец Касьян семь годов, а ту… землю пахали на монастырь крестьяне монастырские». Таким образом, если в грамоте № 591 «Касьян пахал ее на монастырь», то на самом деле землю пашут монастырские крестьяне. В правой грамоте Симонова монастыря (№ 368) «старец»-чернец Семен также говорит: «а были… переже мене приказники… а тее земли и пустоши пахали на монастырь изстарины, а нынеча… после их яз пашу тее земли и пустошь на монастырь лет за 20». В другой правой грамоте Симонова монастыря упоминается, что «посольские (т. е. тоже управители, — *Л. М.)* те земли пахали на монастырь» (№ 375).

В правых грамотах также речь идет и о том, что «пашут пашню» сами «старцы» монастырские. В правой грамоте Симонова монастыря о спорных землях селищ Куземкино и Дернково (Московского уезда) судья употребляет такие формулировки в вопросах следствия: «сколь паки той давно, как почали се пустоши старцы пахать?». В грамоте № 374 судья также спрашивает черных крестьян: «сколь пак[и] то дано, как учали вашу землю старцы пахати?» В ответах же употреблены такие выражения: «а нынеча пашут те старцы… из своего села Быловского» (№ 375), т. е. выясняется, что практически пашут крестьяне села Былова, принадлежащего монастырю. «Старцы», «заказники», «посельские» и приказчики «пашут землю» в текстах названных грамот только потому, что эти выражения служат формой доказательства принадлежности тех или иных территорий монастырям. Вместе с тем, казалось бы, и в этих выражениях тексты грамот передают самую суть: крестьяне пашут на монастырь, т. е. выполняют полевую барщину. Однако именно этот факт далеко не бесспорен, и здесь, думается, правые грамоты также дают очень условные формулировки, которые понимать буквально было бы слишком рискованно. В одной из правых грамот (№ 594) упомянутый нами заказник Афанасий заявляет следующее: «А яз… после Касьяна ту землю пашу семь же годов, да и деревню… на той земле монастырской поставил монастырской крестьянин, а уж тому шестой год». Казалось бы, условность личного участия Афанасия в пахоте на монастырь сводится к тому, что на этой земле появилась деревня монастырского крестьянина, и на самом деле именно данный крестьянин «пашет на монастырь». Однако в том же документе есть совсем иное свидетельство как раз этого крестьянина (Ивашки Михалева): «Яз… на той земле на монастырской на Шипулине деревню поставил, уж тому шестой год, а тянул… всеми пошлинами с монастырскими крестьяны». Таким образом, сам Ивашка Михалев, видимо, на монастырь не пашет тянет пошлинами).

Думается, что формулировки правых грамот о пахоте «на монастырь» можно понимать, по крайней мере, по-разному. Здесь возможна и полевая барщина, но гораздо более возможна традиционная издольщина. Судя по словам Ивашки Михалева, в разбираемой правой грамоте124 речь идет о ней, хотя в то же время есть общая исходная формула: «пахать на монастырь». Осторожность в оценке формул правых грамот необходима даже тогда, когда есть, казалось бы, прямые заявления о барщине крестьян («А Ивашко Васильев тако рек: яз… жил в монастырской земле в Подкосове, а ту… пустошь Шипулинскую яз косил и пахал на монастырь, а тому лет с 15»), так как они часто соседствуют с более неопределенными формулировками по тому же сюжету. Например, Фегнаст: «а делали и косили ту пустошь из монастырской земли Подкосова», т. е. пахали и косили ту пустошь крестьяне монастырского села Подкосова. Здесь даже не сказано «на монастырь»125.

Наиболее ярко и убедительно условность формулировок правых грамот, судных списков и иной подобного рода актовой документации, на наш взгляд, доказывает материал судного списка, датируемого около 1499–1502 гг., по поводу земельного спора черных крестьян Мишутинского стана Переяславского уезда с Троице-Сергиевым монастырем. На первый взгляд, в грамоте есть наиболее неоспоримые свидетельства существования особого монастырского господского поля, обрабатываемого барщинным трудом крестьян. Один из свидетелей (крестьян-старожильцев) прямо заявил: «Да жил… в той деревне (спорной деревне, — *Л. М.)* отец мой за монастырем 30 лет и десятины, господине, на монастырь в селе Бебякове пахал, а яз… после отца своего живу в той деревне 10 лет, да пахал есми… десятины на монастырь в селе Бебякове 8 лет»126. Потом дворский великого князя перевел его тяглом в Мишутинский стан и «на монастырь» пахать не велел, говорит старожилец, «и яз… от тех мест (т. е. с того момента, — *Л. М.)* и не пашу десятин» в течение двух лет. Можно предполагать, что, как черный крестьянин, он был льготчиком и не пахал «десятины» на великого князя, и 2 года назад его льгота кончилась. Во всяком случае, в ходе разбирательства выяснилось, что земля спорной деревни уже 60 лет пашется «на монастырь», будучи фактически великокняжеской территорией Мишутинского стана. Судья в естественном недоумении спрашивает черных крестьян, претендующих на спорную деревню: ваши старожильцы пахали «на монастырь» уже 60 лет назад, «и вы о чем монастырю за только лет молчали» (что в переводе означает: почему, если ваши, т. е. черные крестьяне-старожильцы Мишутинского стана, вот уже 60 лет пахали «черную землю» «на монастырь, не предъявляли иска монастырю):'

Ответ был несомненно правдивым и горестным: «пахали, господине, те земли на монастырь за пусто». Этот ответ, на наш взгляд, полностью проясняет ситуацию. Земля деревни, послужившая предметом спора, в течение многих десятилетий числилась в Мишутинском стане «в пусте», т. е. не была распахана и не была сенокосом. А «пустые» земли в традициях писцовых описаний, которые, по крайней мере, во второй половине XV века уже проводились, «в тягло» не входили, т. е. с них черные крестьяне не несли повинностей. Видимо, по инициативе старцев, хозяйствующих в селе Бебякове, эта «пустая» земля стала обрабатываться «на монастырь». Сделать это можно было, лишь прельстив черных крестьян какими-либо льготными условиями. Тут, к сожалению, можно лишь гадать, было ли это «заемное серебро» «издельное» либо «заемное жито», что менее вероятно. Но факт несомненный: черная «пустая» земля неофициально обрабатывалась черными крестьянами «на монастырь». В этой ситуации форма отношений могла быть только издольщиной. Можно предполагать, что размер ее был крестьянам выгоден, т. е. был минимальным. Возможность столь длительной практики обработки «на монастырь» никого не смущала (даже дворских!), ибо земля полностью обрабатывалась черными крестьянами, а момент выдачи урожая «из пятого» или «из шестого» снопа практически трудноуловим. Можно даже предположить, что в более ранний период крестьяне-мишутинцы одновременно несли все повинности черных крестьян, и только в самые последние годы монастырь, пользуясь сложившейся «стариной», стал обрабатывать землю «ис половья», но по-прежнему черными крестьянами. В этом случае земля и хозяйство оставались за крестьянином, но, как бывало часто, такой крестьянин при согласии волости мог на время освободиться от государственных повинностей.

На этот счет есть характерный пример, когда в середине XV века некий Кирилл Юрьевич заключил ряд с Емецкой слободой об освобождении одного-двух слобожан, поступивших в половничество в купленное им село, от несения волостных повинностей («А хто половник или два на том селе, а на тых сочскому и всем слобожаном ръзруби не класти… ни во ктьторый протор, ни въ что»)127. Разумеется, таких соглашений могло и не быть, и в этом случае крестьянин продолжал выполнять государственные повинности «с слобожаны». В разбираемом случае старожилец, пахавший «на монастырь», не нес волостного тягла, пока дворский не прекратил эту практику.

Таким образом, «пустая» земля обрабатывалась старцами неофициально посредством монастырской политики отработок за займы. Это знали дворские, считавшие такую практику временным состоянием. Феодальный суд великого князя при том, что давал отпор стремлению старцев захватить ряд пустошей Мишутинского стана128, здесь встал на сторону могучего землевладельца — монастыря не потому, что была доказана принадлежность ему земли, а потому, что она обрабатывалась в течение многих десятилетий практически «на монастырь», и черные крестьяне, зная это, «молчали монастырю». Следовательно, поскольку земля официально монастырю не принадлежала, господского монастырского поля там не было, да и черных крестьян заставить работать на своей земле полностью в пользу монастыря было делом нереальным.

Лишь в редких случаях материал правых грамот дает бесспорные факты о господской пашне. Так, в правой грамоте 1485—«1490 гг. о споре мелкого держателя великого князя и Симонова монастыря этот держатель (Ивашка Саврасов) заявляет, что в самые последние годы его землю «пахали… ту землю хрестьяне Симонова монастыря на монастырь, а и нынеча… на той земле Симонова монастыря сеяна рожь. А яз… сее весны ее под ярь взорил»129.

Число свидетельств в пользу бесспорного существования господской запашки и полевой барщины сокращается и при более внимательном чтении текстов различного рода меновых, данных, купчих, а также духовных грамот.

А.Д. Горский, Л.В. Черепнин и особенно А.П. Пьянков, опираясь на упоминания в них о хлебе «стоячем» и «земном», считают их также свидетельством существования господской пашни130. Правда, А.Д. Горский по поводу показаний купчих грамот делает весьма существенную оговорку: «не исключено, что… речь идет не о хлебе на господской, а о хлебе на крестьянской пашне»131. Если эту оговорку доводить до логического завершения, то можно сказать, что в документации перечисленного типа речь всегда идет о хлебе, приходящемся на долю господина. Л.В. Черепнин же трактует сведения такого типа весьма однозначно как упоминание о посевах господского хлеба. Хлеб «в земле» или «земной» и хлеб «стоячий» — это, по мнению ученого, «посевы и всходы зерновых культур»132.

Между тем хлеба «стоячие» не являются «всходами»; это всего лишь сжатый хлеб, но не обмолоченный и убранный в житницы феодала, а оставленный на полях (или в гумнах) в скирдах, что было лучшим в средневековье способом хранения хлеба в зерне. Это в свое время убедительно отметил Г.Е. Кочин133. Справедливость такого понимания термина «стоячий» видна из текста духовной грамоты 1472 года дмитровского князя Юрия Васильевича, который раздал свои села по монастырям с «хлебом, что в земле, опроче стоячего хлеба»134, т. е. сжатого, но оставленного стоять в скирдах. Считать, что посевы без всходов отдавались монастырям, а посевы со всходами не отдавались, было бы бессмысленно. Что хлеб «стоячий» — это хлеб в скирдах, четко следует из духовной князя И.Ю. Патрикеева (ок. 1499 г.), где весь наличный запас сжатого хлеба охарактеризован как хлеб «в житницах и стоячий». Во всех подобных случаях речь идет о хлебных запасах, а не о хлебных полях135. Больше того, во всех таких актах даны, как правило, лишь самые общие упоминания о господских запасах хлеба. Ведь даже в случае упоминания хлеба в земле нет никакой гарантии, что речь идет именно о господских полях с посевом хлеба, а не о господской доле в крестьянских полях. Необходимо быть осторожным даже в тех случаях, когда в текстах купчих есть прямые указания принадлежности хлеба. Здесь так же, как и в правых грамотах, встречаются слишком обобщенные, символические формулировки принадлежности. Так, в купчей Симонова монастыря, сделанной от имени архимандрита Геронтия, на село Старое Богородское на р. Рузе говорится: «А купил есмь его (т. е. село, — *Д. М.) со* всем тем, с лесом… куды его (т. е. продавца) соха ходила ис того села Богородицкого ис деревень. А что хлеб его сеян в земли, а то нам с ним наполы»136. Здесь традиционная формула «куды соха ходила» сопряжена с принадлежностью («его соха»), как и посевы хлеба («его хлеб»). Однако из текста ясно, что владелец села и деревень сам не пахал, а пахали его крестьяне. Выражение «его соха» чисто символическое, оно выражает прежде всего принадлежность хозяйства землевладельцу**. То же мы можем сказать и о выражении «его хлеб», но, к сожалению, не можем узнать более точно наиболее существенную для нас деталь: посеян ли хлеб в особом господском поле или это хлеб «господского жеребия», т. е. делянки в крестьянском поле.** Для подобных документов, видимо, прежде всего важна была констатация конечной принадлежности продукции, а не буквальная фиксация процесса хозяйствования. В этом нас убеждает формулировка одной из духовных грамот на пустое сельцо (ясельничего Ф.М. Викентьева митрополиту Симону 1496 г.), где говорится: «а что яз, Федор, в то сельцо примыслю серебра и хлеба и животины и по моем животе то сельцо… в дом Пречистой Богородицы…»137 Следовательно, речь идет просто о нажитом феодалом хлебе.

Еще одна деталь позволяет думать, что в актах преимущественно речь идет о доле господского хлеба, а не об урожае с господских особых полей. Деталь эта касается слишком глухого и неопределенного указания места хранения снопов сжатого хлеба («хлеб на поле», «хлеб на полях»). Столь индифферентное отношение к определению места хранения хлеба может свидетельствовать также в пользу преобладания «жеребьевого» принципа выделения господских участков в общем поле. На наш взгляд, довольно убедительно подтверждает это предположение духовная Семена Наквасы, где завещатель называет самые разные места хранения его хлебных запасов в селе, где, видимо, была его усадьба138: «А своим людем всем дал есми два одонья на поле за гумном» (т. е., возможно, за барским гумном); «А дал есми Олек-сею Клементьеву одонье ржи за двором за Бурцевым, опричь того что ся остало моего хлеба в поле и в гумне — а то моим братаничем». Здесь ориентир места хранения — определенный крестьянский двор. Больше того, акцент на выделение из массы хлеба, что стояла в окрестностях этого двора, на поле и чьем-то гумне, одоний именно Семена Наквасы («что ся остало моего хлеба») подтверждает мысль о наличии господского «жеребия» в общей массе крестьянских полей.

Заведение «жеребьевой» пашни господина, возможно, обязано было (чисто внешне) случаям неиспользования крестьянами тех или иных загонок пашни. Такую практику хорошо отражает инструктивное указание уставной грамоты 1590 года Новинскому монастырю. В соответствии с практикой сроков выхода в Юрьев день в грамоте предписывается следующее: «А который крестьянин выдет за волость по сроку с отказом, и та выть пахати того села крестьяном, а тягло… монастырские подати давати всякие и дело делати покаместа крестьянин будет на ту выть; а игумену в ту выть не вступатися»139. Здесь уже отчетливо проясняется практика круговой поруки: крестьяне и пашут, и «дело делают» (выполняют натуральные повинности), и подати платят за выбывшего из данной общины крестьянина. Однако для нас наиболее важна последняя часть текста, где монастырской администрации запрещается занимать «пустую выть», т. е. пашню под свою запашку. Следовательно, такая практика или обычай не были редкостью.

Есть и прямые свидетельства такой практики» **Так, в тексте отписной книги 1588–1589 гг. на поместья кн. Ф. Шестакова сказано: «пашни пахано на помещика крестьянских пустых вытей в разных местах»140**. Думается, что практикой жеребьевого или долевого выделения господского посева порождена формула, встретившаяся в грамоте от 1494 года волоцкого князя Бориса Васильевича в с. Шарапове на Клязьме. Интересующий нас фрагмент текста гласит: «А которые земли пахали мои крестьяне изстарины, сена косили на меня и на себя»141. **Так повествовать, на наш взгляд, можно лишь об общих полях, в которых каждый раз выделяется доля посевов для господина-феодала.** Поэтому о пашнях и говорят, что их пашут «и на меня и на себя».

Пожалуй, твердо предполагать наличие господского поля по материалам данного типа можно лишь в тех редких случаях, когда наряду с запасами хлеба и зерновыми посевами есть сведения о семенах как элементе господского имущества. Так, в частности, в одной из купчих грамот конца XIV века (1397–1427 гг.) продавец деревни, видимо, мелкий вотчинник, деля деревню между двумя покупателями, специально оговаривает сохранение за собой семян от обеих половин продаваемой деревни142. Вполне вероятно и наличие господской запашки во многих селах великой княгини Софьи Витовтовны, так как в ее духовной упомянуты господские семена «яри» в качестве имущества, не подлежащего раздаче и продаже на «помин души»143. В известной купчей 1483–1484 гг. на деревню в Белозерском уезде также фигурируют семена («Се яз… купил есми… деревню… с хлебом и с семяны…»144). Здесь, видимо, есть все основания видеть косвенное свидетельство существования господского поля, где хозяйство ведет сам феодал.

Есть и иные достаточно ясные свидетельства конца XV века о существовании особых господских полей. Так, в одной из грамот конца XV века отражен момент заведения во владениях митрополита Симона господского хозяйства с особыми господскими полями. Для этого в митрополичий домен возвращают земли от одного из держателей (Н.И. Юрьева). В документе указаны размеры митрополичьих полей («в одном поле митрополичи Петровские земли двадцать десятин, а в другом поле митрополичи земли Лихо-радовские полчетвертатцать десятин, а в деревне в Лихорадове, что была за Невером же за Ивановым сыном Юрьева, митрополиче жалованье, в всех трех полех земли двадцать десятин с десятиною, а всее пашни, и что на сечах сено косили — восемьдесят десятин без четырех десятин. И приказал тое землю митрополичю волостелю селецкому ведати и пахати на государя на митрополита»)145. Есть и другая аналогичная грамота 1499 года, где также для заведения господского хозяйства село возвращается в домен митрополита от держателя и дано указание: «то сельцо митрополичю волостелю селецкому… ведать и пахать на государя на митрополита»146. Сохранившаяся выпись из писцовых книг Заболотцкого 90-х гг.

XV в. дает конкретные размеры великокняжеских господских полей, которые ко времени писцового описания были отданы на оброк крестьянам147.

Таким образом, проделанный нами разбор текстов актового материала свидетельствует о том, что более или менее уверенно о существовании господской запашки в виде особых массивов полей, вычлененных из общей системы крестьянского общинного землепользования и землеустройства, можно говорить лишь в очень немногих случаях. Точно так же крайне немногочисленно и количество случаев «жеребьевых» запашек на феодала. Вместе с тем, совершенно ясно, что практика заведения господской пашни крайне медленно, но все же пробивала себе дорогу.

Необычайно замедленный генезис господской запашки, обрабатываемой крестьянами в порядке полевой барщины, доказывается тем, что только в рамках очень больших временных периодов можно уловить какие-то изменения, фиксирующие сколько-нибудь заметную эволюцию от стадии «жеребьевой» пашни, очень близкой к издольщине, к стадии господской пашни, где семена и навоз для пашни крестьяне берут из господского же хозяйства, от стадии пашни «взгоном» в силу крайне незначительных ее размеров к солидной господской пашне, разверстанной десятинами (или ее долями) на каждую крестьянскую выть.

В селах великой княгини Софьи Витовтовны (1451 г.) мы видим следы господского фонда семян, но, видимо, при десятинном характере пашни. **По сотной грамоте 1543–1544 гг. на дворцовое село Буйгород и Буйгородскую волость (67 деревень и село Палкино) «сельчане» и «деревеньщики» пашут на каждые 6 десятин «хрестьянской пашни» одну десятину на великого князя.** Наказ сотной грамоты: «а навоз им возити на великого князя пашню своих дворов 148 дает основание предполагать, что великокняжеский жеребии уже выделен из общего массива полей, хотя твердой уверенности в этом нет.

Процесс выделения господской запашки из общего массива крестьянских полей ощутим лишь только где-то с середины XVI века, когда в формуляре послушных, ввозных и ряда других актов, выдаваемых новым помещикам, появляется очень многозначительная оговорка: «и вы б все крестьяне… пашню его пахали, где собе учинит (подчеркнуто мной, — *Л. М.)* и оброк платили, чем ваз изоброчит»149. Но даже во второй половине XVI века мы встречаемся с данными о господской пашне, позволяющими предполагать, что и в это время далеко не повсюду господские поля стали обособленными, а не входили отдельными загонками в участки крестьянских полей150. Наиболее завершенный этап выделения господской пашни из пут «же-ребьевого» крестьянского землепользования можно видеть, на наш взгляд, в жалованной уставной грамоте 1590 года Нижегородскому Благовещенскому монастырю и Цареконстантинову монастырю Владимирского уезда, где, в частности, предписано: «А пашня монастырская пахати на выть по полуторы десятины ржи и овса, а сеять Семены монастырскими и жати и класти и молотити и в житницы сыпати и навоз на пашню возити с монастырских конюшенных и з животинных дворов… А как крестьяне монастырскую пашню пашут и изделье всякое монастырское делают — и крестьяном свои хлеб. ести»151. Здесь настолько все обособлено от элементов крестьянского хозяйства, что можно предполагать и обособление пашни, поскольку монастырские поля расположены в селах, где есть монастырские хозяйства. Таким образом, перед нами двухвековая, чрезвычайно замедленная эволюция барщинного монастырского хозяйства, хозяйства, где холопский труд, столь широко распространенный в светском вотчинном хозяйстве, не применялся (повинности в великокняжеских селах — это другой тип развития).

Факт преобладания в большей части этого двухсотлетнего периода долевой господской запашки свидетельствует о громадной роли общинной корпорации в определении характера отношений крестьянина с феодалом. Больше того, этот факт свидетельствует о явном бессилии феодала преодолеть традиции общинного землепользования и землеустройства, наконец, о практической невозможности при данном уровне соотношения классовых сил ввести в хозяйственную практику отработочную ренту в ее наиболее грубой форме — форме полевой барщины. Думается, что обычные мотивировки историков о том, что такая форма эксплуатации еще «не назрела», что феодал не был заинтересован в заведении собственно господского хозяйства, в свете приведенных здесь доводов и соображений могут быть поколеблены. Нужда феодала в собственном хозяйстве подтверждается фактами существования в вотчинах, «боярщинах», «волостках» господской пашни, обрабатываемой холопами. Желание феодала расширить круг своих потребностей, выйдя за рамки потребительских стоимостей, создаваемых в крестьянском хозяйстве, косвенно отражают формуляры кормленых грамот, где очень рано появляется клаузула: «А не люб будет волостелем корм, и они емлють за полоть мяса 10 денег», «А не люб будет доводчикам корм, и они емлют за ковригу деньги» (здесь фигурируют крестьянские продукты) и т. д.152

Этот столь мучительный и многовековой путь развития полевой крестьянской барщины не был, да и не мог быть стимулирован такими факторами, как развитие внутреннего или внешнего рынка. Кроме того, в случае воздействия такого фактора, как рынок, барщина неизбежно должна была бы приобретать характер господствующей формы ренты. Однако резкое увеличение господских запашек (в том числе и монастырских) в связи с совсем иными обстоятельствами отмечено исследователями лишь примерно с середины XVI в. Стало быть, большая часть периода указанной эволюции не была обусловлена этими причинами. Думается, что в данную эпоху действовали лишь механизмы укрепления феодальной собственности на землю. И феноменально медленные темпы эволюции полевой барщины обусловлены фактором существования именно общинного строя частновладельческой деревни.

Данное положение, на наш взгляд, находит подтверждение в выявлении взаимоотношений феодала с крестьянским населением своих владений по поводу полевых барщинных работ. Эволюция и трансформация «жеребьевой» пашни — это лишь хозяйственный аспект проблемы.

Актовый материал позволяет уяснить некоторые моменты и социальной стороны этой проблемы.

* * *

Здесь мы снова вернемся к интереснейшему тексту купчей 1483–1484 гг. на деревню в Белозерском уезде, где говорится: «Се яз… купил есми… деревню… с хлебом и с семяны, опрочь половничьи половины да их собины, и с пустошми, и с лесы, и с пожнями»153. Помимо довольно твердого свидетельства существования здесь господского поля как элемента собственно господского хозяйства, в тексте грамоты есть чрезвычайно интересный материал о путях привлечения рабочей силы для обработки этих полей. Продавец оговаривает, что запасы хлеба продаются за исключением «половничьей половины». Во-первых, отсюда следует, что продается хлеб и убранный в стога или в житницы, и «хлеб в земле». Последнее означает, что поле было действительно целиком господским, поскольку оговорена «половничья половина», а не господская «половина». Во-вторых, факт упоминания половников в сочетании с фактом упоминания господских семян дает нам возможность подтвердить предположение, что половники работали здесь на господском поле. По материалам XVI–XVII веков половники всегда отдавали семенагосподину, а остальное делили «на полы»154. В-третьих, упоминание так называемых «собин», на наш взгляд, доказывает, что перед нами половники, сеющие именно на господском поле и имеющие в данной деревне не земельные наделы полевой пашни, как полагал Л.В. Черепнин, а лишь нерегулярную пашню в росчистях, займищах и т. п. Оговаривать в грамоте, представляющей акт купли Деревни как хозяйственного комплекса, непричастие к объектам этой купли крестьянских наделов полевой пашни, по нашему мнению, бессмысленно. И вот почему.

В этой грамоте речь идет о местных половниках, т. е. живущих в этой деревне, но, вероятно, продавших свои участки феодалу. Если бы половники сохранили свои наделы, то они бы на них и выращивали господскую долю хлеба, но тогда в грамоте не упоминались бы господские семена, так как в крестьянском хозяйстве они и так должны быть.

Такие половники, лишившиеся своей земли, известны и по другим документам. Л.В. Черепнин приводит в пример купчую от середины XV века крестьян, приобретших для волостной церкви землю у некоего Харитона Родивонова. При этом Харитон порядился в церковные половники за право пользоваться проданным участком. Больше того, Харитон оговорил половничество не только для себя, но и для своих потомков («до ево роду поло-вья до исхода»)155. Такие же половники отмечены в писцовых новгородских книгах конца XV века в деревнях своеземцев близ г. Орешка156. Видимо, о таком же безземельном половнике идет речь в известном судном списке 1495–1499 гг. Троице-Сергиева монастыря с крестьянами во главе со Степаном Панафидиным, где, в частности, говорится: «На том Маткове жил Федор слободчик, а половничал на монастырь Троицкой, и жито делил на гумне с ключники монастырскими»157. Здесь половник по бывшему или, точнее, постоянному месту жительства «слободчик», т. е. черный крестьянин, хотя живет на монастырской земле, а следовательно, и пашет «исполу» монастырское поле. Количество таких примеров можно увеличить.

Если Б.Д. Греков, пользуясь в основном материалами второй половины XVI–XVII вв., был склонен видеть В половниках совершенно определенную категорию сельских жителей, что для этого периода в целом, видимо, справедливо, то Л.В. Черепнин для эпохи XIV–XV вв. вполне обосновал социальную

неопределенность и расплывчатость так называемых половников. Их название обусловлено лишь размером отчислений от полученного урожая в пользу «работодателя». Это и крестьяне, потерявшие земельный надел и попавшие в долговую зависимость, это и черные крестьяне с наделом, однако попавшие в силу обстоятельств во временное положение половника к соседнему феодалу158. Состояние половничества по временной протяженности могло быть самым различным — от наследственного и пожизненного до краткосрочного в 1–3 года. Некоторые вариации половничества были сопряжены с потерей тех или иных прав и обязанностей в общине и т. д.

Вместе с тем, в число половников входила, пожалуй наибольшая по численности группа крестьян-издольщиков, т. е. крестьян, уплачивающих натуральный зерновой оброк, равный половине чистого урожая (т. е. без семян)159. Наиболее важно, что этот вид половников был полноправным крестьянством160. Они имели все права и обязанности общинника и, что самое главное, владели земельным наделом. В документах эта категория половников по общему положению стоит в одном ряду с третниками, т. е. с крестьянами, платящими оброк хлебом «из третьего снопа», и, очевидно, с другими группами крестьян. Во всяком случае, в духовной митрополита Алексея сказано: «А все те села дано с серебром и с половники и с третники и с животиною»161. Такие крестьяне-общинники, уплачивающие зерновой оброк «ис половья», очень многочисленны в Водской, Шелонской пятинах, в Шунгском погосте Заонежья и др., что выявляется по материалам новгородских писцовых книг конца XV века162. Из сказанного, на наш взгляд, можно сделать весьма существенный вывод. **В XIV–XV вв. заставить крестьянина-общинника пахать господское поле было необычайно трудно. Можно было довести размер продуктовой ренты до максимума той эпохи, т. е. изъять в форме оброка 50 % «приполонного» хлеба, не считая других компонентов ренты, но заставить крестьянина работать на господском поле при той же норме эксплуатации реально было лишь в условиях потери им земельного надела или иных чрезвычайных экономических обстоятельств.** В условиях напряженного и чрезвычайно короткого цикла земледельческих работ сила и характер внеэкономического принуждения должны были быть кардинально иными. Крестьянин-общинник, за спиной которого была поддержка сельского мира, должен был лишиться этой поддержки, должен был быть посредством политических рычагов непосредственно зависимым от феодала. Следовательно, вопрос о полевой барщине был непосредственно связан с проблемой коренной перестройки характера внеэкономического принуждения.

Итак, помимо робкого внедрения, в частности в монастырских владениях Севере-Восточной Руси, полевой барщины в виде переходной к собственно барщине формы «жеребьевой» пашни, мы можем выделить еще и окольные пути ее развития. Первым таким окольным путем был генезис крестьянской полевой барщины в виде одной из разновидностей половничества.

Другим, так сказать, окольным путем было серебреничество, или путь экономического закабаления.

Наиболее активно вопрос о серебреничестве в последние два десятилетия обсуждался И.И. Смирновым и Л.В. Черепниным. Опираясь на источники, И.И. Смирнов пришел к выводу, что серебреничество — это «определенная форма феодально-крепостнической зависимости крестьянства XV века»163. Причем «серебро» никогда, по мнению ученого, не означало ренту, это исключительно кабальная ссуда. «Серебреничество» как разновидность долга служило мощным инструментом втягивания в сферу феодальной зависимости новых слоев крестьянства164. Л.В. Черепнин подходит к «серебреничеству» крестьян как к более широкому и многообразному явлению, которое обнимало не только кабальные отношения на основе денежной ссуды, но и включало крестьян, обязанных внести денежный оброк165. Г.Е. Кочин в целом занял позицию, которая близка к концепции И.И. Смирнова. Вместе с тем, Г.Е. Кочин сделал более резкое уточнение сущности «серебреничества». Он считает отношения «серебреничества» отношениями крестьян и феодалов, «вышедшими за пределы обычного круга отношений: выплаты оброков и отбывания отработочной ренты»166. Л.В. Черепнин как будто бы не согласился с подобной трактовкой («нельзя принять безоговорочно»)167.Думается, что в оценке «серебреничества» ближе к искомой истине И.И. Смирнов и Г.Е. Кочин. Вплоть до конца XV века денежный оброк был лишь незначительной частью феодальной ренты. Это прекрасно видно на материалах новгородских писцовых книг, а ведь этот регион, видимо, отличался более активным развитием товарно-денежных отношений. Наиболее обобщенным свидетельством этому является норма ссудного процента, точнее, ростовщического процента. В новгородских землях она составляла «на рубль гривна и 2 деньги». В центральных районах страны ростовщический процент был намного выше (20 % от суммы займа или «на пять шестой»).

Кроме того, «серебро оброчное» не связано с уплатой процентов, а это глубоко принципиальное отличие от

кабальной ростовщической ссуды. Вряд ли социальная функция терминологии актов была настолько неразвита, чтобы не отличать в квалификации один вид платежа от другого. Думается, что не прав Л.В. Черепнин, когда считает возможным упоминания о «серебрениках» интерпретировать как упоминания крестьян, обязанных денежным оброком. Для этого нужна социально значимая практика существования денежной ренты в чистом виде, т. е. как самостоятельного явления, а это противоречит данным источников.

Л.В. Черепнин считает возможной наиболее широкую трактовку функций упоминаемого в духовных и данных грамотах XIV–XV вв. «серебра» прежде всего потому, что упоминания о нем слишком «глухи», неопределенны, что дает свободу трактовки. Однако в текстах, на которые ссылается ученый, хотя и с трудом, но социальную определенность «серебра в селах» увидеть все-таки можно. Наиболее лаконичные клаузулы в грамотах такого рода имеют следующий вид: «…дал… в дом… село… и з деревнями, и с серебром, и с хлебом, и с животиною и со всем тем… что… потягло изстарины» (1480 г.)168. На наш взгляд, упоминания «серебра» в подобном контексте не могут быть денежным оброком по следующим причинам.

Надо иметь в виду, что в такого рода текстах все завещаемое или даруемое разделено на две категории. К первой из них относится источник доходов. В качестве него в грамотах фигурируют «села» и «деревни» с угодьями (пашни, пожни, леса и т. д.). **Термины «село» («села») и «деревни» в данном конкретном контексте имеют обобщенный смысл объектов эксплуатации, и они включают в себя такие компоненты, как «крестьянское население», и всю совокупность доходов с этого населения.** Ко второй категории относится личное имущество феодала, накопленное им в итоге эксплуатации источника дохода: сел и деревень. Это прежде всего хлебные запасы господского хлеба, вплоть до доли господского хлеба в несжатых посевах. Это страдный и иной господский скот («животины») как элемент собственно господского хозяйства (в то же время постройки, например, ни в купчих, ни в духовных никогда не фигурируют, так как они поглощены совокупным термином «село»). Наконец, это личные денежные «сбережения» (т. е. «серебро, нажитое в ходе эксплуатации сел и деревень либо путем ростовщических операций). В духовных грамотах специально оговорены долги завещателя. «Серебро», находящееся в «росте», в духовных обычно идет по двум разделам. К первому относятся займы, сделанные, как правило, такими же, как завещатели, землевладельцами и вообще представителями феодального сословия. Во втором разделе идет «серебро в людях» или «серебро в селах, т. е. займы крестьянам собственного села и деревень, в редких случаях упомянуты займы «заволостных» крестьян (не из своего владения)169. «Серебро в людях» или просто «серебро» в селах и деревнях обычно фигурирует и в данных грамотах, поскольку феодал дарует не только объект эксплуатации, но и свое личное имущество, функционирующее в селах и деревнях (серебро, хлеб, скот).

Наиболее сложный текст из тех, на которые ссылается Л.В. Черепнин как на «глухие», — духовная И.Н. Салтыкова-Травина (1483 г.)170. Здесь в начале документа перечислены долги и займы различным феодалам. Они сделаны и как денежные займы, и как заклад драгоценных мехов. Затем идут распоряжения по «селам» и «деревням». Здесь «серебро» упомянуто в двух различных функциях. Завещатель оценивает стоимость сел, передаваемых Троице-Сергиеву монастырю (цену села Спасского он определяет сам, так как его оценил еще отец И.Н. Салтыкова-Травина, а цену села Шерепово поручает определить своим приказчикам). Кроме того, по Спасскому даны распоряжения о личном имуществе «в селах и деревнях». Это «жито Спасского села, да и деревенское» и «што в моем селе серебро на Водозе в Спасском да и в деревнях». То и другое завещано жене, видимо, ввиду тяжелого финансового положения, и не передается старцам Троице-Сергиева монастыря. Таким образом, текстологически совершенно очевидно, что речь идет о займах, а не об оброке, собираемом обычно в строго определенные сроки дважды в год и который не передать старцам завещатель не мог.

Другой документ, на который сослался Л.В. Черепнин, — духовная В. Б. Тучки-Морозова (предположительно), датируемая 1497 годом171. Здесь текст проще для понимания, поскольку о селах и деревнях, завещаемых сыну, в грамоте говорится дважды. Первый фрагмент таков: «а что мои села… и яз теми селы и з деревнями благословил — дал сыну своему… со всем, как те села и деревни были за мною, и з серебром, и з с хлебом з земным и стоячим, и з животиною». «Глухое», по мнению Л.В. Черепнина, упоминание в этом фрагменте «серебра» дальше комментируется: «и сын мой… ис тех сел что серебро на людех вымет, да испродаст хлеба… и приказники мои теми денгами… долг мой заплатят». Таким образом, «серебро» — это «серебро на людях», которое очень трудно истолковать как денежный оброк.

Очень часты «глухие» упоминания серебра и в данных грамотах. Приведем несколько типичных клаузул из

таких грамот. В данной княгине Елены Спасо-Евфимьеву монастырю (ок. 1463–1470 гг.)172: «…се яз… дала есмь в дом… село… и с деревнями, и с пустошми, и с водами, и с лесы, и во всем, что потягло к ним изстарины… и с серебром, и со всем с тем, что в (селах, — *Л. М.)*… ни было княжа». Из текста совершенно четко выделяются первая и вторая категории завещаемого. Причем специфичность второй категории подчеркивается как личное имущество князя княгини) — и с серебром, и со всем с тем, что… ни было княжа». В данной суздальско-ни-жегородского князя И.Б. Тугого Лука (предположительно) Спасо-Евфимьеву монастырю (1424–1425 гг.)173: «се яз… дал… в дом монастырски… село… со всем с тем, што х тому селу потягло по старине, земля и пожни, да с серебром, и с скотом, и з житом».

Здесь еще более резко отделены указанные нами две категории завещаемого. «Серебро» в названных типах актового материала фигурирует в строго определенной функции, которая ясна при всей кажущейся «глухоте» текста. Передача в составе дара или завещаемого состояния долговых ссуд была четко соблюдаемым обычаем. Это убедительно доказывается подробным комментарием духовной Г.М. Валуева 1543–1544 гг.174, где после первой части описания займов и долгов феодалам следует текст: Да что за мною государево жалованье село Мишютино; и мне в том селе досталось государева серебра во крестьянах 6 рублев с четвертию — и те деньги все во крестиянех по кабалам и по списку в Мишютине. Да взяти мне в Ми-шютине ж на крестьянех по своим кабалишкам 5 рублев». Г.М. Валуев детализирует традиционный «глухой» пункт завещаний и даров («сел с серебром»), и выясняется, что помимо займов под «рост» серебра, которыми ссудил крестьян он сам, у него были займы, полученные по жалованной данной грамоте от государя, когда ему было пожаловано село Мишутино. Не исключено, что именно там, в той данной, и была клаузула «село… и с серебром, и с хлебом, и с животиною», которая теперь в духовной самого Г.М. Валуева раскрыта в отношении серебра как ссуды, данной крестьянам села по кабалам от имени государя, вероятно, его посельскими или сотскими.

Наконец, еще два документальных свидетельства, делающие, на наш взгляд, невозможным упоминания «серебра в селах» трактовать как денежный оброк крестьян. Одно из них в духовной вологодского князя Андрея Васильевича 1481 года, где после упоминаний «серебра в селах» упомянуты «которые мои села и деревни за моими детми боярскими с моим серебром»175. Здесь речь идет о кабальных ссудах, данных князем крестьянам этих сел, возможно, до того момента, когда эти села он пожаловал в поместье или вотчину своим детям боярским. Правда, более правдоподобно предположить, что ссуды сделаны были просто крестьянам этих сел уже в то время, когда князь их роздал. Во всяком случае, полностью очевидно, что «мое серебро» никак не могло быть рентой, ибо ренту получали его «дети боярские». Другой пример — духовная И.Д. Курчева (середина XVI века)176. В ней сначала упомянуто «серебро» в своих селах («А што взята мне на своих хрестьянах на вотчиных и на поместных по коболам — хлеб, рожь и овес, и деньги»). Потом идет пункт о его «серебре» в селах других владельцев («А што мне взяти по коболам хлеб и деньги на заволостных хрестьянах»). «Заволостные» крестьяне, как уже говорилось, — крестьяне сел вне данной вотчины. Таким образом, и здесь ясно, что «серебро» не может быть денежной рентой**. Думается, что значение «серебра» в указанных контекстах бесспорно: это кабальные ссуды за «рост».**

Явление «серебреничества», во всяком случае в XV веке, было широко распространенным. Оно превращается в массовое явление (тут И.И. Смирнов также прав). Упоминание о серебре как «серебре в людях» присутствует не только в духовных и данных грамотах177. Оно проникает в жалованные, льготные, тарханные, что особенно важно, так как именно в этих текстах «серебреничество» отражается как общественно значимое явление178 **. Наиболее выразительным подтверждением сравнительной массовости серебреничества являются крупные размеры сумм, находящихся «в людях».** В данной, тарханной и несудимой звенигородского князя Юрия Дмитриевича Саввино-Сторожевскому монастырю (1402–1403 гг.) в селе Белгино с деревнями было 30 рублев «серебра, что на людех»179. В духовной А.М. Плещеева (1491 г.) в трех селах и двух сельцах с деревнями, расположенных в трех центральных уездах страны (Переяславском, Ростовском и Дмитровском), в займах под проценты «в людях» были очень крупные суммы- денег (40, 20, 40 и 25 руб.)»».

В практике серебреничества особое внимание привлекает «издельное серебро». Упоминания актов об «издельном серебре» широко известны в нашей литературе. Это данная 30–40 гг. XV в. Анны Ильиной («отдала в дом… село Городище… да и Перхурьевское… да и которые… деревни… и с житом и с ызделным серебром, а издельного серебра 7 рублев…»)181, духовная В.В. Галицкого 1433 года («…мои брат вберет серебро делное с людей ис того села из Озерецкого и из деревень…»)182, духовная великой княгини Софьи Витовтовны 1453 г., где наиболее важны следующие фрагменты: 1) села… «с серебром, что на людях», 2) «а половину издельного серебра велела семь христианом-серебреником отдавати», 3) «а кто

будет от тех из-дельников охудал, а и половины того издельного серебра заплатити не возможет, и сын мой… тому велит отдати… все издельное серебро»183. Указания на «издельное серебро» есть в духовной вологодского князя Андрея Васильевича 1481 г. («на хрестиянех мое серебро издельное и ростовое, и мое жито на них заемное и оброчное, и которые мои села и деревни за моими детми боярскими с моим серебром»)184, данной черницы Анны на село Кур-лагинское с деревнями 1450–1454 гг. («а что в нем серебра делного на людех»)185, духовной Андриана Ярлыка 1460 г. («и што в тех селцех и в деревнях на людех мое серебро делное и ростовое»)186. В духовной князя Михаила Андреевича (1486 г.) фигурирует «серебро издельное» «в пашне» и «в земле» и др.187

Здесь снова необходимо коснуться спора Л.В. Черепнина и И.И. Смирнова. Л.В. Черепнин, логически развивая охарактеризованную выше точку зрения на «серебро в селах» и «серебро в людях» не только как на долговую кабалу, но и как на эксплуатацию крестьян путем денежного оброка, приходит к выводу, что «издельник серебреник» — это «человек, работающий из денежного оброка»188. Неправомерность подобной трактовки «издельного серебра», равно как и «издельников Серебрениковъ», вполне очевидна в свете приведенных нами аргументов. Типологически комплекс терминов «серебро издельное», «серебро дельное» и «серебро ростовое» выступает лишь в функции детализации понятия «серебро в селах» и «серебро в людях». Больше того, общие представления о характере эпохи XIV–XV вв., да и ряд фактических данных позволяют предполагать, что в серебреничестве крестьян-земледельцев основной формой займа было не «ростовое серебро», когда проценты выплачиваются деньгами, а именно форма «дельного серебра» или, что точнее, «издельного серебра», когда процент или «рост» оплачивается трудом крестьян189. То, что под «серебром в людех» чаще всего разумеется «дельное серебро» в виде оплаты «роста» каким-либо видом земледельческих работ, особенно четко видно из данной Степана Окулова сына Теврюкова Спасо-Евфимьеву монастырю на село Борисовское в Новгородской земле190. У этого феодала была своя господская запашка, что явствует из данных о размере высева ржи, пшеницы, овса, проса и гороха. В перечне имущества Степана в селе указало, в частности: «да в селе на людех 200 алтын денег», т. е. в займах под проценты. Но в конце текста автор комментирует эти займы более подробно («а што будь моего серебра долгу — по моем животе половина людем тем, хто его косил, а половина великому Спасу»). Таким образом, общая безличная формула «на людех 200 алтын» (т. е. «серебро в людех») фактически подразумевает целиком «издельное серебро». Степан половину основной суммы долга (исто, истина) прощает крестьянам, а половину завещает взыскать монастырю. **Главное же — из текста видно, что «рост» (проценты) восполнялись трудом крестьян: они косили на феодала. Косьба за «рост» называлась «искос». Отсюда прямая аналогия к «изделью» как земледельческим работам за проценты по обработке пашни, жатве и обмолоту зерна191**.

Дефицит денег из-за слабого развития товарно-денежных отношений сказывался и на форме уплаты процентов по займам, совершаемым феодалами, вплоть до эксплуатации вотчины за эти проценты192.

Таким образом, предположение, что в «серебреничестве» крестьян преобладала «издельная форма» уплаты процентов («роста»), имеет серьезные основания.

Наиболее частым видом работ за «рост» была косьба сена и пахота. В правой грамоте 1462–1505 гг., фиксирующей решение спора крестьян села Милятина Переяславского у. с великокняжескими крестьянами, сказано: «а те селища… пахали крестьяне милятинские и на серебро… на монастырское тех селищ… христиане милятинские пожни косили»193. Из уставной митрополичьей грамоты монастырям, т. е. материала по характеру своему являющемуся типовой инструкцией, можно заметить, что господская пашня (монастырская в данном случае) была только двух видов: 1) «жеребьевая» или десятинная и 2) пашня «на серебро»: «а что идет им (старцам, — *Л. М.)* хлеб из сел монастырских, что на них крестьяне пашут, или на серебро монастырское пашуть», то хлеб этот делится между старцами194.

Не менее важным выводом, вытекающим из наблюдений над актовым материалом такого рода, является утверждение, что пахота земли феодала и весь комплекс работ по севу, жатве и уборке урожая были основным содержанием серебреничества.

Наиболее доказательные аргументы большого удельного веса в отработках за рост крестьян-серебрениковъ цикла земледельческих работ по севу, жатве, уборке и обмолоту хлебов содержатся в широко известной серии актов, касающихся ограничения сроков «перезыва» крестьян-серебрениковъ Юрьевым днем (2 неделями до Юрьева дня и неделей после него)195. Приурочивание права перехода крестьян-серебрениковъ ко времени, когда кончается поздняя осень и наступает зима, связано с окончанием земледельческих

сельскохозяйственных работ. Расплата Серебреников не «издольных» приурочивалась также к этому сроку196.

На наш взгляд, «издельное» серебреничество было вызвано к жизни явной неудовлетворенностью стремлений духовных феодалов выйти из тупика, который создавало взимание продуктовой ренты, с помощью ничтожных по размерам «жеребьевых пашен», а светских феодалов — все уменьшающимися возможностями расширения сферы холопского земледельческого труда. «Серебреничество», так же как и политика льгот, своей объективной целью имело укрепление феодальной собственности на землю и власти над крестьянами.

Следовательно, нужда в расширении сферы барщинного земледельческого труда была продиктована отнюдь не только хозяйственными мотивами, но и мотивами социальными. Именно этим обстоятельством можно лучше всего объяснить явное несоответствие между реальной возможностью широко практикующегося получения феодальной ренты в виде оброчного хлеба («треть», «четверть», а часто и «половье») и настойчивым, скаредным внедрением «изделья» на пашне.

При господстве общинного землепользования, а главное, корпоративных традиций общинного владения землей, превратить «жеребьевый» участок запашки, который был лишь модификацией издольщины, в прямую барщину было делом далеко не простым. **Поэтому полевая барщина в своем непосредственном виде как акт феодальной эксплуатации в наиболее грубой форме появилась лишь как итог долговой кабалы197.**Это был не столько процесс втягивания в сферу феодальной зависимости слоев крестьянства, как полагал И.И. Смирнов198, сколько процесс установления полного господства феодального собственника над трудом непосредственных производителей, сидящих на его земле. Подобные процессы, вероятнее всего, проходили вне и сверх обычного круга повинностей крестьян, что очень тонко было подмечено Г.Е. Кочиным.

Таким был чрезвычайно сложный окольный путь развития господского

хозяйства не с помощью рабочих рук холопов, а дополнительного труда крестьян, попавших в денежную кабалу.

Свое логическое завершение этот путь получает в тех случаях, когда общинник-серебреник, работавший на земле господина, «сажался» феодалом заново на какую-либо землю199. По-видимому, в таких случаях сумма «роста» могла быть в новых условиях трансформирована в земельное соотношение крестьянской пашни и пашни, обрабатываемой в пользу феодала. **В этой связи чрезвычайно знаменательно, что фактические данные о размерах монастырской и вообще господской феодальной запашки в конце XV в. — начале XVI в. соотносятся с крестьянской запашкой точно в такой же пропорции (или очень близкой к ней), как «рост» соотносится с «исто», т. е. сумма процентов за займ с основной суммой займа. В документах центральных районов страны это соотношение передается обычно как «на пять — шестой», т. е. 20 % к 100 % основной суммы займа (1:5)200.**

Размеры господских запашек в названной пропорции (1:5) к крестьянской пашне встречаются в конце XV в. в грамоте митрополита Симона Юрке Масленицкому (1495–1511), а также в целом ряде документов XVI в.201

Следовательно, на начальных этапах заведения барской запашки в центральных районах страны ее величина, как правило, соотносилась с величиной процентов по займам. Этот факт может указывать на типичный генезис господской запашки из «издольного» серебреничества**. Так зарождался один из видов отработочной ренты — полевая барщина.**

Подобная сложность, а главное, длительность генезиса полевой барщины крестьян на протяжении целых столетий, думается, может быть объяснена, во-первых, спецификой природно-климатических условий, ибо крестьянину и на свою пашню не хватало времени, если в семье было мало рабочих рук, а во-вторых, таким фундаментальным фактором, как существование в силу этих условий общинной организации крестьянства, делавшей переход к низшим формам феодальной ренты необычайно трудновыполнимым.

Объективная потребность укрепления феодальной собственности на землю и полновластного господства над земледельческим трудом крестьян нашла отражение в стремлении к перемещению крестьян на новые,

чужие для них земли. При этом олицетворением земельной собственности на землю становился сам феодал, но тем не менее феодалы-землевладельцы не достигли желаемых результатов в приобретении всей полноты власти как над землей, так и над трудом непосредственных производителей.

Поэтому неслучайно, что логика развития процесса укрепления феодальной собственности на землю и на подвластное население при осуществлении политики «перезывов» крестьян заставляет феодалов включать в орбиту «переходов» те слои крестьянства, которые попали в чрезвычайные обстоятельства временной долговой кабалы.

В актовой документации это находит отражение в виде появления в качестве «перезываемых» таких групп крестьянства, как «серебреники», «половники», а также так называемые «окупленные люди». Они четко отделяются от основной массы крестьян. Л.В. Черепнин прав, когда видит в источниках различение этой группы людей от так называемых «рядовых людей юрьевских», понимая под последними («рядовыми людьми») обычных крестьян, переход которых от одного землевладельца к другому не был осложнен выплатой долгов и иных обязательств202.

Примерно с середины XV в. в обстановке, когда «перезывы» стали перерастать в «отказы», т. е. в практику расчета со старым «вотчичем» по общему крестьянскому «ряду» и долгам за уходящего крестьянина новым «вотчичем», резко проявилась тенденция к общему запрету переходов. На это обращали внимание почти все советские исследователи истории крепостного права (Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, И.И. Смирнов, А.Д. Горский и др.). В этой ситуации традиционная формула о «тутошних людях», «становых», или волостных, или тяглых становится формулировкой, означающей общий запрет перехода великокняжеских крестьян, хотя поначалу эти запреты детализируются203.

Говоря о развитии политики «перезывов» крестьян, **следует отметить вообще особую специфичность позиции князя в отношении черных и даже собственно княжеских (будущих дворцовых) крестьянских волостей.** Проблема расшатывания и ослабления общины во имя укрепления статуса феодального земельного собственника не была здесь столь актуальна, как в частновладельческом секторе, ибо княжеская собственность в эту эпоху все еще развивалась, главным образом, в русле «государственного феодализма», для которого общинная организация крестьян была естественной и традиционной социально-экономической опорой. Это проявлялось, в частности, в отсутствии у княжеской власти (исключая какие-либо чрезвычайные обстоятельства) острой заинтересованности в перетасовке людских ресурсов путем крестьянских «перезывов». Отсюда проистекают и ранние проявления политики князей, препятствующей переходам черных и княжеских крестьян. Однако это отнюдь не было проявлением каких-либо закрепостительных тенденций.

С середины XV в. политика перемещения крестьянских масс на новые земли, видимо, начинает приходить в противоречие со своей конечной целью — появлением непосредственного производителя, сидящего на земле феодала и вырванного из среды общинного крестьянства личным экономическим закабалением сверх нормативных рентных платежей и повинностей.

С этого момента и даже несколько раньше пробуждаются к жизни тенденции полного отказа от практики переходов. К проявлению этой тенденции относятся запреты великого князя московского и ряда других перезывать в равной мере так называемых «письменных» и «неписьменных» людей. В отдельных случаях и феодалы (в первую очередь, духовные) получают такие санкции от великого князя московского204. Другая тенденция связана лишь с целью ограничения сроков переходов205.

Упорядочивание в юридических документах практики «перезыва» серебреников, а особенно трансформация «перезыва» в «отказ» крестьян-серебреников, принципиально было важным шагом в укреплении феодальной собственности на землю и власти боярина и вотчича над крестьянством. Тем самым для феодала несколько увеличилась возможность увеличения численности зависимых крестьян, находившихся, кроме того, в состоянии чрезвычайной экономической задолженности. «Отказ» крестьян-серебреников позволял феодалам путем уплаты за серебреника его долга и вывоза его на свои земли сразу же поставить бывшего «серебреника» в условия выполнения (помимо обычного круга крестьянских повинностей) полевой земледельческой барщины в соотношении 1:5, т. е. господская запашка была «ростом» (процентом) за предоставленную бывшему «серебренику» новую землю. Ситуация с «посаженными серебрениками» и «окупленными людьми» как будто бы получает возможность распространения на новый круг крестьян.

Вместе с тем в грамотах, вводящих срок перехода в Юрьев день, почти сразу же появляется тенденция к ограничению этим сроком переходов и остального крестьянства206.

В конце XV в. Судебником 1497 г. было, как известно, установлено общее ограничение крестьянских переходов одним сроком — в Юрьев день (за неделю до 26 ноября и в течение недели после него). Таким образом, у господствующего класса и государства еще не было реальной силы и могущества, чтобы пойти на решительное наступление и на черную, и на владельческую общину.

А необходимость дальнейшего ослабления, расшатывания или нейтрализации общины была вполне очевидной. Первая половина XVI столетия, сопровождавшаяся относительно благоприятными экономическими и внутриполитическими условиями развития страны, показала сравнительную слабость процесса социальной дифференциации крестьянства, ограниченные масштабы разложения общины. Для класса феодалов это оборачивалось слишком малыми возможностями вовлечения крестьянства в путы чрезвычайной кабальной (личной) зависимости, полновластного маневрирования любыми формами ренты. Больше того, начатый когда-то самим господствующим классом процесс крестьянских переходов стал теперь еще более ощутимой угрозой подрыва основ взимания феодальной ренты.

Таким образом, все, так сказать, частные методы борьбы с владельческой общиной были исчерпаны.

Для подавления активизации и сопротивления общинного крестьянства, для извлечения необходимого объема совокупного прибавочного продукта нужна была весьма сильная, реальная власть господствующего класса в целом. Иначе говоря, на первый план исторически выдвигались задачи укрепления и консолидации феодального класса.

В Западной Европе могучим рычагом консолидации класса феодалов была система сложной феодальной иерархии.

В условиях Древней Руси ограниченный размер совокупного прибавочного продукта общества делал нереальным создание сколько-нибудь сложной многоступенчатой феодальной иерархии в качестве ассоциации, направленной против производящего класса. Однако исторически эквивалентом этому был путь консолидации господствующего класса посредством усиления центральной власти, путем резкого возрастания вассальной (служебной) зависимости от нее каждого феодала. По сути это разновидность Феодальной иерархии.

Как известно, такая **цель была достигнута созданием московской великокняжеской властью статуса служилой вотчины, а главное, учреждением широкой системы поместных держании. Немалую роль сыграли при этом внешнеполитические и оборонные задачи складывающегося единого Русского государства**.

Итак, развитие поместной системы и установление статуса служилой вотчины имели своей целью создание монолитного, могущественного господствующего класса, способного в процессе повседневной эксплуатации крестьянства обескровить или нейтрализовать защитные механизмы общины.

В данной работе мы пытались показать, что глубинной основой закрепостительных тенденций явилась в силу природно-климатических условий неизбежность существования сильной общинной организации крестьянства с ее землеустройством и землепользованием. Ход развития феодальной собственности на землю и эволюция рентных отношений уже к концу XV в. объективно толкали господствующий класс на меры закрепостительного характера. Однако реализация их стала фактом лишь после длительных усилий государства по укреплению своего могущества и консолидации господствующего класса.

Подчеркнем, что в нейтрализации защитных функций общины нуждалась прежде всего вотчина, причем вотчина того статуса, который был ей свойственен до конца XV в.

Сравнительное исследование методами количественного анализа социальной и экономической структуры поместья и вотчины 30—40-х гг. XVII в. впервые позволило узнать, что они даже в это время представляли собой разные типы хозяйства, а не только разные юридические формы владения. В поместье этого времени глубочайшего хозяйственного упадка организационно-экономическая роль самого помещика почти незаметна, низка агрикультурная активность, высок уровень эксплуатации, остро ощущается нехватка рабочей силы. Всю тяжесть восстановления хозяйства несут бобыли и часть крестьянства. В господском

секторе роль холопов и «деловых людей» невелика. В крестьянском хозяйстве нет сильных тенденций к росту. Преобладают признаки запустения.

В вотчине, наоборот, очень активна деятельность господского сектора хозяйства и организующая роль самого вотчинника. Положение бобыльского населения существенно лучше, активно восстанавливается крестьянская пашня. Очень существенна роль холопов и «населения людских дворов». Более высокая агрикультурная активность, связанная с энергичным расширением пашен. Запустение проявляет себя слабее, чем в поместье. При меньшем размере площади хозяйственных угодий средней вотчины, чем у поместья, вотчина населена гораздо больше, чем поместье.

Стало быть, в условиях уже совершившегося первичного закрепощения крестьян вотчинная форма хозяйства обнаруживает гораздо более мощные потенции развития, чем поместье207. Это, на наш взгляд, является сильнейшим подкреплением той логики развития событий, которая предложена данной работой. Вотчинник как наследственный владелец крепостного населения наиболее эффективно сочетал функции эксплуатации с поддержкой слабеющих хозяйств. В совокупности с воздействием общинной организации это была сложная антагонистически-патрональная система производства в неблагоприятных природно-климатических условиях России.

Предложенная схема происхождения крепостничества в России отнюдь не исключает роли тех факторов, которые наиболее тщательно изучены в нашей историографии208. Однако широкое развитие поместной системы, создавшее предпосылки к резкому повышению нормы эксплуатации, стремительный рост налогов, хозяйственный кризис и борьба за рабочие руки служили конкретно-историческими условиями, лишь форсировавшими процесс закрепощения. Основной же глубинной причиной была борьба господствующего класса за укрепление феодальной собственности на землю в условиях общинного строя непосредственных производителей. Так создалось своеобразное единство противоположностей: неизбежность существования общины уравновешивалась противовесом в форме наиболее грубого и жесткого варианта личной зависимости каждого отдельного члена этого организма. В то же время исходным моментом, породившим это единство противоположностей, был комплекс специфичных природно-географических условий, серьезно осложнявший пути извлечения совокупного прибавочного продукта.

Таким образом, исторически назревала необходимость резкого изменения характера и силы внеэкономического принуждения в целях окончательного укрепления собственности феодалов на землю и на труд непосредственного производителя. То и другое дала эпоха XVI столетия с ее стремительным развитием помещичьей системы, резким сокращением числа вотчин, трансформацией самой вотчины в вотчину служилую и, наконец, системой заповедных лет и указом царя Федора об отмене крестьянских переходов и крестьянской «крепости земле».

Глава III НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

Сразу же оговоримся, что в настоящей работе затронута лишь тема влияния природно-климатического фактора на зарождение в России промышленного производства, ибо проблема генезиса капитализма — особая проблема, имеющая большую историографию.

В советской исторической литературе проблема генезиса капитализма в России всегда находилась в центре внимания исследователей. Причем в очень многих работах предлагались концепции раннего и сверхраннего развития капиталистических отношений. Особенно много некорректного было в изучении XVII столетия, пожалуй, наиболее многострадального времени в истории Русского государства со времени татаро-монгольского ига. Как известно, в Западной Европе генезис капитализма связан с периодом расцвета цеховой промышленности и городов. Иное положение было в земледельческой стране, как Россия, где примерно с 60-х гг. XVI в. шли (с незначительной паузой) волны многочисленных социальных потрясений и, что для нас сейчас особенно важно, хозяйственных разорении. В стране в конечном счете стал реальностью глубокий упадок земледелия, резко сократилась численность населения (особенно крестьянства), о чем свидетельствуют массовые данные писцовых книг.

Начало XVII столетия ознаменовалось новой волной ужасающего разорения, которым сопровождалась

Смута. **Описания писцов 20–30 годов XVII в. засвидетельствовали даже для этого времени огромное количество запустевших, едва заселенных территорий с распаханными клочками земли посреди перелогов, залежей и пашни, поросшей лесом. В ряде районов к 20–40 гг. XVII в. населенность была ниже уровня XVI века**. Сплошной подсчет данных по пяти уездам Русского государства (Тверскому, Чернскому. Тульскому, Лихвинскому и Курмышскому) показал, что **на 100 десятин бывшей и действующей пашни** в 358 поместно-вотчинных владениях среднего для 20–40 гг. XVII в. размера (100–300 дес. «четвертной земли**») приходилось максимум 7–8 душ муж. пола1.** Это в 4–5 раз превышало необходимый для более или менее нормального воспроизводства крестьянского хозяйства душевой размер площади пашенных угодий. По 12 центральным уездам на 20 тыс. крестьянских и бобыльских дворов приходилось 600 тыс. четвертной земли, куда входили пашня действующая, запущенная и сенокос. Такова была глубина спада и земледелия, и плотности населения. Ориентировочные подсчеты показывают, что даже к концу первой четверти XVIII в. населенность имений увеличилась лишь вдвое.

После изгнания интервентов и замирения казацких приставств государство столкнулось лицом к лицу с пустой казной и разоренной страной. Ликвидация последствий Смуты и восстановление хозяйства были главной задачей общества вплоть до второй половины XVII в. И тем не менее в нашей историографии уже по отношению к 40-м годам давались весьма оптимистические оценки уровня развития общества, ставились вопросы о развитии капиталистических отношений, о начале мануфактурной стадии в развитии промышленности, о начале формирования всероссийского рынка и т. д.

На самом же деле **глубокий спад земледелия и резкое уменьшение земледельческого населения страны не могли не сказаться на уровне и темпах развития городов. Процесс общественного разделения труда едва себя проявлял, так как его активизация напрямую зависела от восстановления земледелия, роста плотности населения, создания условий для увеличения прибавочного продукта в земледелии и скотоводстве, для появления избытка сельского населения и переключения его в другие сферы жизнедеятельности. Лишь интенсивность таких процессов могла привести и к зарождению крупного производства с разделением труда внутри него.** К сожалению, в первой половине XVII в. никаких естественно-исторических предпосылок ни для мануфактуры, ни для резкого роста ремесла в стране не было.

Русское правительство, понимая, что в любой момент страна может вновь стать жертвой сильных агрессоров в лице Швеции и Польши, лихорадочно предпринимало любые меры для восстановления армии, снабжения ее оружием и т. п. Отсюда жесткая финансовая политика и нажим фиска на города. В первой половине XVII в. они несли тягчайшее бремя регулярных налогов и повинностей, к которым систематически добавлялись чрезвычайные поборы. Это вызвало в середине века волну городских восстаний, направленных главным образом на борьбу за восстановление равномерности тяглового обложения черной посадской общины и так называемых беломестцев. **Таким образом, лишь к середине XVII в. истощенная страна стала постепенно восстанавливать феодальную экономику.** Однако впереди был еще нелегкий путь к подъему этой экономики. Правда, уже в 20-е годы XVII в. единичные районы, в определенной мере избежавшие опустошительных разорении в «смутное время», стабилизировали и развивали хозяйство. К ним частично можно отнести районы торгового пути от Ярославля на Вологду и далее водой до Архангельска. Но главным образом это было Нижегородское и Казанское Поволжье. Здесь активизировался процесс отделения промышленности от земледелия, на базе домашних промыслов развивалось мелкотоварное производство, формировались неземледельческие торгово-промысловые населения. Однако это развитие еще не могло компенсировать общего упадка экономики. Больше того, формирование торгово-промышленных поселений этого края в значительной мере было стимулировано перемещением в них посадского населения городов, бежавшего от непосильного гнета фиска. Во второй половине XVII в. восстановление экономики не привело еще к сколько-нибудь существенным сдвигам в натурально-патриархальном укладе сельскохозяйственной экономики. Об этом, в частности, убедительно свидетельствует соотношение форм феодальной ренты в XVII — начале XVIII в. по данным о 365 имениях, главным образом междуречья Оки и Волги2. В I половине XVII в. отработочная рента была здесь в 2,9 % имений, чисто денежная — в 14,7 %, сочетания разных форм ренты с непременным элементом барщины — в 82,4 % (28 имений). В третьей четверти XVII в. чистая барщина была в 4 % имений, денежная всего лишь в 2,3 % имений, а в 94,7 % имений (70 владений) было сочетание разных форм ренты с непременной барщиной. Наконец, в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. чистая барщина была в 11,6 % владений, чистый денежный оброк — в 8,2 %, а сочетание разных форм ренты — в 80,2 % имений. Следовательно, в XVII в. и даже в начале XVIII в. еще не было дифференциации владений по формам изъятия прибавочного продукта, которое могло быть продиктовано

экономической конъюнктурой того или иного района, т. е. крутыми сдвигами в системе общественного разделения труда, а главное, ролью крестьянского хозяйства в изменении этой конъюнктуры.

В условиях России, где от 6 до 8 месяцев в году жители были свободны от непосредственных занятий земледелием, основная масса крестьянства издавна занималась домашними промыслами. Их разнообразие, а главное, продажа на рынке излишков явились не менее важным фактором в развитии процесса общественного разделения труда, чем фактор ремесленной промышленности городов (в этом состоит одно из важнейших отличий развития экономики России от экономики Западной Европы). В данном контексте распространение денежной ренты есть отражение не столько потребности феодала в деньгах, сколько реальной возможности удовлетворить эту потребность. **Необычайный по длительности период хозяйственного упадка второй половины XVI — первой четверти XVII в. не мог не вызвать усиления натурального характера всей системы хозяйства. Однако восстановление экономики не свидетельствует о том, что к концу XVII в. произошли качественные сдвиги в системе общественного разделения труда**, хотя стремительное развитие городов ряда районов страны дает нам примеры перерастания городского ремесла в мелкотоварное производство.

Как известно, **капитал появляется главным образом в формах крупного производства только при особо благоприятных обстоятельствах, какие, например, сложились в конце XV — начале XVI в. в некоторых странах Западной Европы. Там же, где таких условий не было, его появление связано прежде всего с необычайно медленным разложением ремесла и развитием мелкотоварного производства. Этот процесс порождает почти исключительно так называемые неадекватные формы капитала, т. е. такие формы, в которых он выступает не в противоположность труду: в мелком капитале и в промежуточных формах между прежними способами и классическим способом производства самого капитала. Формы мелкого капитала крайне неустойчивы и слабы прежде всего в силу дороговизны наемного труда, что лишает мелкого хозяйчика возможности капиталистического накопления, т. е. получения всего объема прибавочной стоимости при минимуме заработной платы наемного рабочего.**

Именно такой характер развития, видимо, был свойственен России со второй половины XVII в. **И здесь можно увидеть некоторое сходство процесса зарождения неадекватных форм капитала в России с аналогичным процессом в Англии второй половины XIV–XV вв., т. е. того времени, когда Англии еще не были присущи черты форсированного процесса первоначального накопления, обусловленного, главным образом, резким расширением рынка, интенсивным развитием экспорта, массовым развитием мануфактуры и т. п.** В указанные нами периоды в той и другой стране зарождение капитализма носило спорадический, а следовательно, по выражению К. Маркса, «более или менее подчиненный» характер. Такая квалификация обусловлена тем, что неадекватные формы капитала не обладали качественной определенностью. Иными словами, он еще не породил адекватные ему законы капиталистического производства. Поэтому названные формы отношений в силу отсутствия их качественной определенности являются неразвитыми или «среднеразвитыми» формами. Спорадическое появление их в толще феодальной системы производственных отношений не сказывается сколько-нибудь существенно на развитии старого способа производства; они, так сказать, уживаются с ним. Разложение «старых экономически» отношений земельной собственности» происходит лишь на микроуровне. **Именно вследствие названных свойств неадекватных форм капитала хозяин и рабочий были социально близки друг к другу. Больше того, часть прибавочной стоимости попадала в руки рабочего и составляла традиционный фонд его потребления.**

Начало же капиталистической эры практически связано лишь с появлением крупного производства в форме централизованной мануфактуры, ибо именно эта форма в конечном счете вызвала к жизни основные законы капиталистического способа производства, которые сначала были исторически ограничены и лишь с переворотом в механизме ценообразования получили полный простор действий.

В России второй половины XVII — начала XVIII в. неадекватные формы капитала, создающие социальную близость хозяйчика и рабочего, т. е. отсутствие противоположности труда и капитала, были обусловлены тремя важнейшими моментами. Во-первых, отсутствием сколько-нибудь существенных проявлений процесса экспроприации непосредственных производителей, следствием чего явился острый дефицит свободной рабочей силы. Во-вторых, господством краткосрочной системы вольного найма (поденщины) как в ремесленном, так и в мелкотоварном производстве. В-третьих, высоким уровнем оплаты труда свободного рабочего, оплаты, покрывающей или почти

покрывающей всю стоимость его труда.

Начнем с того, **что наиболее распространенный в XVII в. размер поденной оплаты малоквалифицированного, а чаще неквалифицированного труда (черной работы) достигал одного алтына (3 коп.)3. Этот уровень заработной платы даже при приближенной оценке отнюдь не сводился к оплате необходимого труда, а включал в себя и оплату доли прибавочного рабочего времени4. Этот уровень поденной оплаты бывал при обмене дохода на живой труд, т. е. когда наемный труд служил лишь внешним проявлением обмена услугами5. Этот уровень оплаты встречался и при эпизодическом найме, предпринимаемом ремесленниками, оплачивающими свободный труд по его стоимости.**

Достаточно сказать, **что в середине и второй половине XVII в. 5–6 кг ржаной муки или 20-фунтовый каравай хлеба (9 кг) стоили один алтын. На эту сумму можно было купить 4 кг дорогой гречневой крупы, или 9 кг яшного солода, или пять-шесть десятков яиц, или 1,7 кг свиного мяса. На алтын в районах, отдаленных от богатых рыбой волжских берегов, можно было купить 1,5 кг свежей осетрины или семги. В Нижнем Новгороде «за грош можно купить… столько рыбы, сколько не в состоянии съесть четыре человека». В районе Белоозера алтын стоила крупная щука или 4–5 крупных лещей или судаков. Алтын стоили 2 с небольшим аршина холста, или аршин полотна, или 6 пар лаптей. За ту же цену можно было купить около аршина сукна «мирского вального», аршин простого сермяжного сукна, пару верхних или исподних рукавиц и т. д.6**

В идеале, трудясь еженедельно только по 5 дней, поденщик мог заработать в год на алтынной оплате примерно 7 руб. 50 коп. А годовой прожиточный минимум (на питание) одного работника мог быть равным 2–2,5 руб. (по явно завышенным подсчетам С.Т. Струмилина, он достигает 3 руб.)7. В то же время комплект летне-зимней одежды стоил ориентировочно 1,5–1,8 руб. Телега, упряжь и хорошая лошадь стоили примерно 6 руб., а с дешевой лошадью около 3,25 руб. Сани-дровни стоили около 17 коп., топор — 5–7 коп. Готовый сруб большого дома (около 70 м) стоил 8—10 руб., а дом поскромнее вдвое дешевле, амбар стоил 5–6 руб. и т. д.8

Годовой условный уровень заработной платы малоквалифицированного или неквалифицированного рабочего был не ниже стоимости того круга потребностей, которые были, например, у монастырских ремесленников, так называемых «шваленных» мастеров (кузнецы, кожевники, сапожники, суконники, портные, коновалы и т. д.), которые имели бесплатное питание и одежду и получали годовое жалование 0,7–1 руб., редко 2–2,5 руб.9

Таким образом, алтынный поденный заработок во всех видах труда не был оплатой лишь необходимого труда. Проработав день, поденщик мог жить на заработок в течение 3–5 дней, следовательно, ему доставалась оплата доли его прибавочного рабочего времени. Разумеется, все это характеризует лишь уровень поденной оплаты, но вовсе не реальные заработки. Реальная действительность была более сложна. При отсутствии однозначной тенденции роста спроса на рабочие руки поденщик часто не имел работы и был вынужден питаться «христовым именем», т. е. нищенствовать.

Уровень оплаты квалифицированного свободного ремесленного труда был значительно выше. И это обстоятельство представляется наиболее важным в анализе тенденций развития мелкого капитала в его неадекватных или промежуточных формах, ибо центральной фигурой свободного найма в мелких предприятиях (не говоря уже о первых предприятиях мануфактурного типа) оставался квалифицированный работник.

В Москве в 1613–1614 гг. рядовые ремесленники поденно зарабатывали 3–4 коп.10, что по ценам II половины XVII в. равнялось 4,2–5,6 коп. Таким образом, условный годовой оклад (250 рабочих дней) составил бы от 10,5 руб. до 14 руб. В начале XVII в. сапожник получал за шитье («за дело») пары добротных сапог один алтын11. Принимая его производительность на уровне производительности сапожника в I четверти XVIII в. (т. е. в среднем 8—10 пар в неделю), получим суммарный идеальный итог стоимости его работы за год в 12 руб. (за 400 пар). Иногда заработок мог доходить и до 18 руб., но, видимо, при шитье дорогой обуви12. По сведениям Кильбургера, на подмосковных каменоломнях поденная плата каменщику — 8 коп. (в год около «20 руб.), а носильщику — алтын13. В условиях нехватки свободной рабочей силы в отдельных случаях резко возрастал уровень оплаты даже неквалифицированного труда. Так, на будных майданах Б.И. Морозова в условиях применения промышленного барщинного труда

крестьян, стоящих «у корыт», приходили временные добровольные подмены барщинно-обязанных крестьян «охочими людьми», труд которых на условиях свободного найма, выступающего в. форме так называемых услуг, оплачивался самими крестьянами. Оплата достигала 40 алтын в месяц, что в год могло составить 14,4 руб.14 **В Сибири при разведке руд на реке Томи в 1623 г., организованной властями, на рубку дров и их «пожог» на уголь нанимали гулящих людей, платя им баснословные суммы по 4 и 5 алтын в день (в год 30–37,5 руб.)».**

В металлообработке, наиболее важной отрасли хозяйства страны, уровень оплаты свободного труда городских ремесленников был также высоким. При срочных казенных заказах оплата могла быть очень высокой. **Так, в 1632 г., по сведениям о двух казенных заказах тотемским кузнецам, их поденная оплата в первом случае равнялась 6 коп., а во втором — 6–9 коп.16 В переводе на годовой 250-дневный заработок это составит от 14 руб. 76 коп. до 24 руб. 60 коп.** В кузнецкой слободе Тулы в 1612 г. кузнецы получали поденно по 4 коп., а ярыги — по 2,5 коп., что на цены II половины XVII в. составит 5,6 коп. и 3,5 коп. (соответственно в год это составило бы 14 руб. и 8 руб. 75 коп.)17.

Однако все это условные уровни годового заработка, поскольку и у казенных кузнецов, и у городских кузнецов в XVII в. не было в течение года бесперебойной работы. В Тихвине, например, кузнецы у «государева дела» получали за год всего около 4 руб.18 Исключением, пожалуй, были лишь тульские казенные кузнецы, которые иногда получали правительственные заказы, близкие к годовому объему работы. Так, в 1671 г. казенный годовой заказ достигал 2 тыс. пищалей. При оплате 67 коп. за пищаль на каждого из 90 мастеров-кузнецов пришлось около 15 руб.19 (не считая частичного участия подсобных работников). Как известно, казенные кузнецы имели и другие формы дохода, привилегии и т. п.

Обычно же работа ремесленников-кузнецов отнюдь не занимала все потенциальное годовое рабочее время. Устюженские «сказки» 1702 г. хорошо показывают это формулами о характере работы: «хто что принесет сковать», «из найму на людей, кто их когда наймет»20. Для пояснения этого положения приведем следующий пример. В начале XVII в. 1 тыс. однотесных гвоздей стоила примерно 60 коп., а двоетесные — 84 коп.21 На цены II половины XVII в. это составит около 85 коп. и 1 рубля. Если считать производительность кузнеца с подсобным работником, а главное, годовое рабочее время равным тому, что было в конце XVIII в. (от 270 до 800 гвоздей разных сортов в день, т. е. в среднем 535 шт.)22, то их дневной валовой доход составил бы 49 коп. Следовательно, за 42 рабочие недели это составило бы свыше 120 руб. При производственных расходах, равных примерно 58–60 %, чистый доход составил бы 50 руб. Принимая соотношение долей кузнеца-хозяйчика и молотового как 3:1, получим годовой доход кузнеца около 37 руб., а молотового около 12 руб. В работе К.Н. Сербиной по Тихвину есть данные о производительности кузнеца с 2 подсобными работниками на обработке так называемого связного железа23. Делая, видимо, по одной связи за 2 дня, они за 30 дней изготовляли до 75 пудов (по 5 пудов в связи). При цене за 10 пудов 3 руб. их валовой доход в год мог достигать 180 руб. А чистый доход (считая, что 60 % составляли производственные расходы) мог быть равным 72 руб. (на кузнеца примерно 43 руб., а молотовым — по 14,4 руб.).

Реальные же заработки были во много раз ниже. Устюженский кузнец-сковородник, т. е. представитель наиболее доходного ремесла, имел в год 9 руб., а молотовой еще меньше24. В Тихвине кузнец получал в год 8,5 руб. (молотовые по 4 р. 25 к.)25. В Кунгурском у. годовая заработная плата кузнеца в кузнице достигала также 9 руб. и т. д.26

Названный разрыв был обусловлен многими причинами. Но среди них, видимо, важнейшая состоит в неполной занятости и ремесленника, и мелкого товаропроизводителя. Весьма существенную роль играло и непостоянство спроса (особенно при производстве такой специфичной продукции, как низкосортная сталь или уклад). Это нередко вело к тяжелой зависимости ремесленников от торгово-ростовщического капитала.

В данном случае мы выделяем лишь факт весьма высокого уровня оплаты труда ремесленника, причем прежде всего в форме сдельной и поденной оплаты. **Это принципиально важно, так как фиксирует неблагоприятные условия присвоения мелким хозяйчиком прибавочного рабочего времени квалифицированного и малоквалифицированного непосредственного производителя. Эти невыгодные хозяйчику условия продиктованы двумя обстоятельствами:**

дефицитом рабочей силы, обусловливающим высоту заработка, и краткосрочностью работ. Традиционный поденный найм всегда был обусловлен ограниченным реальным объемом работы, т. е.

заказом, полученным ремесленником. Поэтому в кузнечном промысле, как, очевидно, и в других отраслях экономики, господствовала сдельная формы оплаты. В «сказках» 1702 г. по Устюжне Е.И. Заозерская встретила поденный найм всего лишь в трех случаях, остальные же были сдельными, т. е. определены реальным объемом заказа. Эпизодический характер найма иллюстрируется и формулой «сказок»: «в иное время (т. е. иногда, — Л. *М.)* в помощь наймуют»27. При крупных срочных заказах, естественно, количество наймитов могло возрасти (в сковородном промысле могло быть, например, до 6 молотовых работников на одного «середового» и кузнеца)28. Но, подчеркиваем, реальные заработки свидетельствуют о непостоянстве таких тенденций. В Тихвине XVII в. бытовала практика, когда к кузнецам «приходя наймуются на малое время временем ис пашенных людей, поряживаютца молотом по какому кузлу побить дни на 2, и на 3, и на неделю или на две, волею, бес порядных записей»29. Последнее замечание источника весьма важно, т. к. годовой найм по порядным записям в XVII в. был не вольным, а широко практикуемым в том же Тихвине и других городах кабальным наймом.

Подытожить наши наблюдения помогает результат расчетов, проведенных на основе сведений о расценках поденной оплаты кузнеца, подсобных рабочих, цен на сырье, материалы и готовую продукцию в XVII в. (по устюженскому сковородному промыслу), а также сведений о производительности их труда (по данным того же промысла в конце XVIII в.)30. **Этот результат показывает, что при том уровне оплаты свободного труда, который существовал в XVII в. (примерно 34–35 % валового дохода), и потенциальная, и практическая прибыль эксплуататора-хозяйчика как формального капиталиста была значительно меньше обычной торговой прибыли (8 % при 10–12 % торговой прибыли).** Эти расчеты вполне согласуются с наблюдениями о стоимости живого труда в других кузнечных промыслах. Ковка топора (работа) составляла 40–50 % от стоимости готового изделия, а ковка ножей — 35–45 %31. А ведь обработка металла — одна из немногих отраслей ремесла, где стоимость живого труда составляла наибольшую долю в стоимости изделия и, следовательно, норма прибыли могла быть наиболее высокой. В портняжном деле, обработке овчин, мерлушек, сапожном мастерстве доля живого труда составляла соответственно 13 %, 9—18 %, 20 % и 25 %32. **Таким образом, вполне понятно, что даже в кузнечном промысле в XVII в., в частности в Тихвине, практически отсутствовали тенденции к укрупнению производства.** Здесь лишь одна кузница была на 5 горнов, а 18 чел. кузнецов (ок. 25 %) владели только долями кузниц33. По наблюдениям К.Н. Сербиной, удачливые кузнецы стремились прежде всего пойти в торговлю34. В Устюжне в конце века лишь один из 60 владельцев имел три, а трое — по две кузницы. Тремя-четырьмя горнами владели 13 чел., однако последнее было связано главным образом с особенностями технологии обработки металла из болотных руд35. Зарождение мелкого капитала во всех этих формах опиралось на условия, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к производителям, которые работают сами.

Итак, отсутствие непрерывного производства в мелкотоварном производстве в сочетании с высоким уровнем оплаты свободного наемного труда создавало условия, неблагоприятные для самого важного процесса — накопления мелкого капитала. Это отнюдь не мешало широкому развитию ремесел и промыслов. Однако низкая прибыль в мелкотоварном производстве, в свою очередь, вела не к вложению торгового капитала в производство, а лишь к закабалению разного рода мелких ремесленников и промышленников торгово-ростовщическим капиталом36.

Подобная **ситуация лишала страну возможности удовлетворения ее государственных потребностей. Необходим был резкий скачок в техническом уровне производства. Он был, как известно, достигнут в XVII в. путем правительственных усилий по созданию концессионных предприятий с привлечением иностранных капиталов.**

Таким образом, закономерность появления крупного железоделательного производства несомненна, поскольку оно было порождено хозяйственно-политическими потребностями страны.

Крупное производство под опекой государства. Тульские заводы XVII века

Исходя из вышеизложенного, можно определить мануфактуры XVII в. как явление спорадического характера, понимая под спорадичностью не столько их численность, сколько изолированность их появления от общего уровня экономики страны. Они еще не были органическим порождением процесса

общественного разделения труда внутри данного общества. Например, бумажные или стекольные предприятия работали на узкий рынок и способны были существовать только как крупные заведения. Что касается металлургических заводов, то ведь «кузнечная мельница» или «самоков» на казенном Пушечном дворе, созданный в 1624 г. иноземными мастерами, а также железоделательный доменно-молотовый комплекс Андрея Виниуса были построены еще в разоренной стране. Завод А. Виниуса, как и другие крупные железоделательные, т. е. доменно-молотовме комплексы XVII в., основаны были на капиталы иноземцев-концессионеров (Петра Марселиса, Андрея Бутенанта и Филимона Акемы) при мощной финансовой и государственной поддержке правительства и были явлениями особого рода.

В нашей литературе доменный и молотовой комплекс Тульских и Каширских заводов, основанных в 1637 г. голландцем Андреем Виниусом, а потом в 1648 г. перешедших во владение Ф. Акемы и П. Марселиса, а затем взятых в казну, довольно мифологизирован. Разумеется, основание крупного металлургического производства в разоренной стране имело громаднейшее значение и положило начало целой серии таких заводов. Но вместе с тем эта акция государства, призванная укрепить прежде всего обороноспособность страны, стала расцениваться как индикатор общего уровня развития экономики. В ряде работ давалась заведомо завышенная оценка общего состояния страны. Поэтому в данном очерке уделено внимание прежде всего технологической организации производства и его экономическим параметрам.

Давным-давно опубликованный комплекс документальных материалов в виде описей и приходно-расходных записей 1647 г. и 1662–1664 гг. при всей своей фрагментарности дает возможность, хотя бы в первом приближении, поставить и в ряде случаев решить указанные проблемы37.

В 1662 г. зафиксирована мощность плавильного горна или доменной печи. Суточная производительность ее достигала 100–120 пудов чугуна. Материалы 1647 г. свидетельствуют, что таких домен на заводе было две, хотя продолжительность их работы неясна.

Главным фактором режима работы металлургического комплекса был наш климат. Вододействующие машины — боевые ковальные молоты — приводились в движение мельничным колесом. Энергия падающей воды накапливалась плотинами, а напор воды и ее уровень в запрудах в зависимости от сезона менялся. В итоге «в вешнее и в осеннее время за большою, а в летнее и в зимнее время за малою водою бывают на заводах прогульные многие дни»38. К тому же часто выходила из строя домна, и «тот доменный горн в году топится треть и половина года»39.

Исходя из этого, попытаемся уточнить реальный режим заводов, взяв несколько расчетов режима работы специалистов разной квалификации.

Например, дощатый мастер мог иметь разную выработку: от 50 до 80 досок в день40. В 80 досках было 28 пудов. Следовательно, в 50 досках — 17,5 пудов. Таким образом, в среднем мастер на водяном молоте делал 23 пуда. Наш расчет имеет конкретное подтверждение. Так, Яков Бланк с первого по 23 февраля, т. е. примерно за 18 рабочих дней, сделал 410 пудов, т. е. по 23,1 пуда в день41. Оплата ковки прутового железа в доски, видимо, была разной (8 денег и 10 денег за пуд). Дороже, очевидно, стоили тонкие доски для лат. О цене досок на пищали есть конкретное указание на оплату в 8 денег за пуд42. Таким образом, на пищальных досках мастер мог зарабатывать в день по 92 коп., в расчетный год (300 раб. дн.) — 276 руб., а в реальный годовой цикл (130 раб. дн.) — 119 руб. Видимо, расчет этот точен, т. к. в 1662 г. дощатый мастер Нилис Персон получал в год по 125 руб. серебром43. На тонких досках заработок был, видимо, несколько выше. Так, мастер Яков Бланк, делая по 23,1 пуд. в сутки, в расчетный год имел бы 346 р. 50 коп., а в реальный годовой цикл — 150 руб. 15 к. При меньшей выработке, как у мастера Мартина Клерета (по 18,8 пуда в день по 10 денег пуд), заработок в реальный годовой цикл мог быть, например, 122 р. 20 коп. Между тем годовой оклад его был равен 105 руб.44 Попудная или сдельная оплата могла быть выше годового оклада, но могла быть и существенно ниже его. Так, мастер Нилис Петерс за 5 недель сделал всего 89 пудов с оплатой по 10 денег пуд, т. е. с выработкой всего по 3 пуда в день. Даже в расчетный год (300 раб. дней) при этой выработке его зарплата составила всего 45 руб., а в реальный год — 19 р. 50 к., в то же время годовой оклад его был равен 85 р.45 Такого рода невыгодные работы были, вероятнее всего, временными. Массовой продукцией были доски как полуфабрикат для мушкетных стволов, пищалей и лат. Какая-то часть продукции была в виде кровельных и дверных досок и т. д. Для 1668 года есть сведения, что ежегодно для казны необходимо было поставлять по 5 тыс. пудов кованых досок46. Таким образом, основные заработки при сдельной работе составляли 120–150 руб., а реальный рабочий годовой цикл — 130 рабочих дней.

Наши источники позволяют более или менее точно определить суточную производительность на ковальной работе. Как известно, в XVIII в. на уральских заводах из 12 пудов чугуна выковывалось около 8 пудов **кричного губчатого железа**[1]. Видимо, то же соотношение было и в XVII веке. Разница была лишь в качестве руды, а не собственно чугуна. Исходное его количество было в той же пропорции к железу, как и на Урале.

Вес железной заготовки в виде бруса «на французское дело» длиною в пол-аршина (36 см), шириною и высотою в 3 вершка (ок. 13,5 см) на Тульских заводах был в одном случае 1,54 пуда (74 бруса общим весом в 114 пудов 5 гривен), а в другом случае 1,62 пуда (336 брусов общим весом 555 пудов 10 гривен)47. Следовательно, в среднем брус железной заготовки весил 1,58 пуда. Известно, что за сутки из 3 выплавленных криц выковывали 16 брусов, что составляет 25,28 пудов железа48.

На так называемом «четвертом» Тульском или Городищенском заводе бригада иноземца Я. Бланка плавила в сутки по 3 **крицы**[2], а из этих криц выковывала 12 прутьев «саженного прутового железа»49. Вес этих прутьев составлял, по-видимому, 2,16 пуда (4019 прутов общим весом 8683 пуда 30 фунтов или гривен)50. Тогда суточный объем кованого железа составит цифру, очень близкую к названной, — 25,92 пуда. Поскольку даже опытные мастера делали и прутья, и брусы «на глазок», то небольшие отклонения, разумеется, были. Так, 499 прутов железа весили в целом 1041 пуд 5 гривен51, т. е. каждый из них весил 2,09 пуда, что в сутки (т. е. 12 прутов) составило бы 25,08 пуда.

Наконец, есть еще одна возможность установить объем суточного производства на молоте. На Ведменском (Каширском) заводе иноземец Н. Хиникс с бригадой ковал под большим молотом из «готовова тянутово саженного железа» мушкетные доски по 80 штук, а «весом де в них 28 пуд и больши»52. Каждая мушкетная доска весила, таким образом, 0,35 пуда. Если саженное ствольное железо весило 2,16 пуда прут, то из одного прута выбивали 6 досок, а из 12 прутов — 72 доски, что практически очень близко к объявленной в переписной книге норме. Но более реален другой расчет. Мушкетные доски также колебались по весу. Так, 62 мушкетных доски весили в целом 20 пуд. 10 гривен, т. е. каждая по 0,327 пуда53. В этом случае из прута в 2,16 пуда выходило 6,6 доски, а из 12 прутов — 79,2 доски, что практически полностью совпадает с нормой проковки Н.Хиникса в 80 досок. Следовательно, в среднем из 3-х криц выходило 25,43 пуда или 8,47 пуда из крицы.

Опираясь на установленные факты длительности рабочего цикла мастеров ключевых специальностей, мы можем теперь оценить общий режим работы заводов и их производительность в двух наиболее вероятных вариантах. Первый из них учитывает воскресные дни как дни отдыха. Формальное чередование сутки — работа, а сутки — отдых здесь нарушается воскресными днями. В итоге при скользящем недельном графике в каждую неделю был бы один двухдневный отдых и два однодневных (без учета церковных праздников). Этот расчет дает в год примерно 157 рабочих суток. При суточной производительности в 120 пудов чугуна с **домны**[3] каждая из двух домен при таком режиме давала бы в год 18792 пуда, а обе — 37 584 пуда чугуна. Если при этом 4 кричных горна работали бы в режиме сутки — работа, а двое суток — отдых, то их годовая потребность в чугуне оставалась бы прежней — 19008 пудов (или 12672 пуда железа). На литье же шло бы 18576 пудов чугуна. В итоге общий объем продукции был бы равен 31 248 пудов железа и литья. При суточной плавке домны в 100 пудов чугуна на литье шло бы 12312 пудов чугуна при прежних 19008 пудах чугуна, необходимых для ковки. В итоге это давало бы 24984 пуда продукции (т. е. ковки и литья).

Наконец, возможен и другой расчет, учитывающий режим работы каждой из домен в ритме: сутки — работа, двое — отдых. Такой режим ближе к реальности еще и потому, что литейный мастер и его подмастерья тратили немалое время еще и на подготовку литейных форм (в 1647 г. для них специально месили глину четверо вспомогательных работников). Хотя большая часть этой работы могла выполняться в период плавки руды, но, видимо, какая-то часть ее (особенно сложные изложницы для пушек) требовала и дополнительного времени. Итак, беря за основу расчета этот условный режим: сутки — работа, двое суток — отдых, мы получаем следующие результаты. За 12-дневный цикл на крицы, как обычно, тратилось 633,6 пуда чугуна, но на литье шло только 326,4 пуда. Таким образом, в год на литье использовалось лишь 9792 пуда чугуна. При этом на крицы по-прежнему шло 19008 пудов чугуна, из которого выковывалось бы 12672 пуда железа[4]. В итоге в год получалось бы 22464 пуда ковки и литья.

Мы не будем настаивать на точности наших расчетов. Тем не менее, следует отметить, что режим работы

двух плавильных печей, имеющих две бригады квалифицированных работников и вспомогательный персонал, а также две бригады литейщиков (в 1647 г. работало две бригады), был в реальной действительности ближе к двум последним вариантам. Больше того, в переписной книге 1662 г. Аф. Фонвизиным прямо заявлено, что если случатся перебои из-за вешней воды, т. е. половодья, из-за нехватки угля или руды, не говоря об авариях домны («горн попортитца»), то «тот доменной горн в году топится треть и половина года»54. Наши последние два расчета условно реконструируют именно эти два варианта (годовой объем в 22,5 тыс. пудов и 31 тыс. пудов). Чаще годовая продукция была ближе к первой цифре, ибо в документации есть упоминание о сдаче с 15 марта 1670 г. по конец 1671 г. 41265 пудов ковки и литья55. Годовая производительность будет в этом случае 23580 пудов, что очень близко к последнему расчетному варианту.

Наши конкретные расчеты по поводу проверки реальности суточной производительности очень важны, поскольку они лежат в основе изучения всей организации основных работ на Тульских и Каширских заводах. Если работа на ковке металла шла суточными циклами, то появляется возможность выяснить и реальный режим работы за год в целом.

Как мы знаем, на Тульских и Каширских заводах в 1662–1664 гг. помимо действующей домны и одной запасной работало еще и 6 больших вододействующих «ковальных молотов». В 1662 г. функционировало также 8 кричных горнов, два горна стояли пустыми, а один строился.

В идеале, как уже говорилось, на каждом большом молоте при ресурсе в 5 тыс. пудов в год56 должно было работать посменно 2 бригады по 3 чел. в каждой (мастер, подмастерье и работник). Следовательно, всего нужно было 12 молотовых мастеров, 12 подмастерьев и столько же вспомогательных работников.

Однако по неполной описи 1662 г. (по Елкинскому заводу опись не окончена) на 6 больших молотов приходилось всего 9 мастеров. Было, правда, еще 3 запасных мастера, но они лишь подменяли основных. Такая обеспеченность кадрами предусматривает либо отсутствие ряда производственных операций, либо недогрузку оборудования.

Попытаемся восстановить организацию работ на этот период времени. На Городищенских заводах наибольшее число мастеров было сосредоточено в первой молотовой кузнице, где на одном большом молоте и двух кричных горнах работало 3 мастера (Франц Стром, Степан Буд и Филька Онтонов) с тремя подмастерьями (Вилим Авар, Лаврин Мартинов — он же Лоронс Мартын и Павлик Игнатьев). Переписная книга 1662 г. очень нечетко передает технологию плавки криц и ковки металла в этой группе**. Прежде всего источник указывает, что «2 человека мастеров… 2 человека подмастерье… делают на одном горну…: чюгунное железо плавят в крицы и из криц тянут в толстое брусье… а тех брусьев в сутки зделают по 16-ти57**. Вполне очевидно, что это самостоятельный суточный цикл работ. Но справиться с ним может бригада из 3-х человек (мастер, подмастерье и работник). Так как нам известен вес такого бруса (1,24 пуда; 1,54 пуда; 1,62 пуда)58, в среднем достигавшего 1,58 пуда, то, стало быть, суточная продукция составляет 25,28 пуда, что вполне под силу бригаде из трех человек. Тем не менее в источнике при описании других производственных операций этой же бригады снова говорится о совместной работе двух мастеров и двух подмастерьев: «да они ж иноземцы 4 человека, покинув крицы, плавят и тянут брусья, в-ыныя дни у готоваго тянутого связнова железа заваривают обухи по 30-ти в день»59. Вполне очевидно, что прежде всего здесь речь идет о ковке из брусьев связного железа (больше нигде на Тульских и Каширских заводах его не делали). Хотя мы и не знаем, сколько его выковывали за сутки, но вполне очевидно, что разогрев заготовок (брусьев) и ковку прутов связного железа также могла делать бригада из трех человек60. Кроме того, переписная книга указывает, что на том же молоте работала бригада из трех человек (мастер Филька Онтонов, подмастерье Павел Игнатьев и, видимо, один работник), которая тянула из брусьев «саженное прутовое железо» по 30-ти сажен61. Отсюда неизбежно следует, что каждая из бригад работала циклами: сутки работа, двое — отдых. Если предположить, что бригада Фильки Онтонова обрабатывала за сутки все 16 брусьев, то на нее должна была работать по их заготовке постоянно целая бригада из трех человек. Таким образом, 4 человека иноземцев, которые согласно переписной книге работали вместе, скорее всего, фактически работали двумя бригадами. Одна из них выходила каждые третьи сутки на работу, плавила крицы и обрабатывала их, разрубая на 16 прутьев-заготовок для бригады Фильки Онтонова. А другая работала сложнее, хотя держалась того же режима: сутки — работа, двое — отдых. В первый цикл она, видимо, плавила крицы и делала брусья, а во второй свой цикл она из брусьев ковала связное железо. Иначе говоря, из каждых шести суток бригада одних рабочих сутки плавила крицы и ковала брусья, а вторые рабочие сутки ковала связное железо. Наконец, в какой-то момент этот двойной

процесс прерывался, и все четверо заваривали, видимо, также целые сутки, обухи у связного железа.

Если это так, то молот, находясь в пользовании трех бригад, фактически должен был работать непрерывно весь год. Однако мы знаем, что еще А. Виниус утверждал, что технический ресурс водяного ковального молота таков, что более 5 тыс. пудов ковки в год на нем сделать нельзя. Объяснение же в итоге может быть следующим.

Вероятно, перепись застала это заводское звено во временной экстремальной ситуации, когда водяной «большой ковальный молот» заставили работать непрерывно.

Прояснить эту ситуацию отчасти помогают иные данные той же описи. Дело в том, что к 1662 году Городищенские заводы были в тяжелом состоянии. Так называемый «Первый завод» был брошен, т. е. запустел, скорее всего, из-за износа оборудования, еще в 1655 г. На «Втором заводе» действовала лишь доменная печь и стояла еще одна печь — запасная, которую нужно было дооборудовать. Что касается молотовой кузницы, то здесь также все было уже изношено («кузница молотовая вся испорчена и ветха гораздо, запустела тому ныне 5 лет»)62. Так называемый «Третий» Городищенский завод «запустел тому ныне 7 лет», т. е. в 1655 году (здесь была прежняя старая домна)63.

Таким образом, действовал только «Четвертый» завод. Здесь в первой молотовой, где было 2 горна и один «большой ковальный молот», работали названные выше 4 иноземца и бригада Фильки Онтонова, а во второй молотовой кузнице, где был другой большой молот и один действующий горн (второй стоял пустым), работала бригада молотового мастера Якова Бланка (Блеуса). Причем опись отмечает, что «те обе мельницы (т. е. водяные колеса и приводы, — Л. М.) и в них завод (т. е. прочее оборудование, включая и молоты, — Л. М.) весь ветх»64. Иначе говоря, и здесь оборудование было также сильно изношенным. На том же «Четвертом» заводе раньше была третья молотовая кузница, но она сгнила и опустела еще в 1656 годуб5.

Данные приходно-расходной книги 1663–1664 гг. позволяют считать, что молотовая кузница, где работала бригада Я. Бланка, все-таки действовала весь сезон с сентября 1663 г. по сентябрь 1664 г. Что же касается первой молотовой кузницы, то можно полагать, что с сентября 1663 г. она уже вышла из строя. В сведениях приходно-расходной книги А.Д. Фонвизина она уже, так сказать, не просматривается.

Вот почему вполне допустимо, что в декабре 1662 г. первая молотовая кузница работала в необычном режиме. Видимо, владельцы решили выжать из погибающего оборудования, охваченного гнилью и в любое время подверженного возможности разрушения, все, что можно, в кратчайший срок, пока есть руда, уголь, вода и рабочая сила.

На Городищенском «Четвертом» заводе, как уже говорилось, во второй молотовой на большом молоте и одном кричном горне (второй стоял пуст) работал мастер Яков Блеус, он же — Яков Бланк (Jakop Blane, Jaque Blac, Jakov Bleue, Jak Blen и т. п.) с подмастерьем Нелисом и работником. Плавя чугун в крицы, они обрабатывали крицу, разрубая ее на части, и ковали «саженное железо». За сутки делалось 12 прутов. Я. Бланк с бригадой ковал не просто «саженное железо», а ствольное железо, т. е. заготовки для мушкетов. Прут этой заготовки весил 2,16 пуда. Из 3-х криц, т. е. примерно 25,43 пуда, выходило 12 прутов такого веса за сутки работы.

В приходо-расходной книге 1662 г. работа Якова Бланка рассчитана формально по дням. Но, опираясь на реальные данные производительности, можно выяснить и режим работы, и степень загруженности этого мастера.

До января 1664 г. его оплата была повременной из расчета 100 руб. в год- С первого января 1664 г. все молотовые бригады перешли на попудную оплату, т. е. на сдельщину. При этом формальный расчет по дням в книге остался. Так, за работу с 1 января по 1 февраля за 254 пуда ему заплачено 12 р. 23 алт. 2 деньги66. Это примерно 27 рабочих дней. При ежедневной работе выходило бы приблизительно около 9—10 пудов в день. Однако, помня, что фактически работа шла суточными циклами и за сутки делалось 25,43 пуда, мы убеждаемся, что 254 пуда сделаны примерно за 10 суток. Иначе говоря, бригада Якова Бланка сутки работала, а двое суток отдыхала. В неделю выходило 2–3 рабочих суток. Иначе говоря, при таком режиме воскресных дней не было. Вторая запись сделана 22 марта. С 1 февраля по 23 марта Я. Бланку заплатили за 410 пудов — 20 руб. 16 алт. 4 деньги67. Это означает, что работал он фактически 16 суток,

вернее, расчет дает нам 16,7 циклов по трое суток, но эта приближенность вполне удовлетворяет. При более сложных работах на ковке выработка могла быть ниже указанной, а при менее сложных — выше. Так, в записи от 3 апреля мастеру Я. Бланку с 23 марта по 3 апреля (в публикации стоит явная опечатка — 30 апреля, — Л. М-)68 за 165 пудов ковки плачено 5 руб. 10 алт. Если за 11 суток было 3,67 трехсуточных циклов (т. е. реально — 4 цикла), то получается, что в сутки этот мастер делал по 41 пуду. Разумеется, для бригады обычного состава производительность эта фантастична. Поэтому реальнее предположить здесь срочный характер заказа, что привело к изменению постоянного режима работы (сутки — работа, двое суток — отдых). Вероятно, бригада Я. Бланка работала в эти дни через сутки. При средней норме выработки в 25,43 пуда 165 пудов могли быть прокованы из криц за 6,5 суток. Причем здесь была и реальная возможность изменения режима, так как большой ковальный молот был полностью в их распоряжении, т. е. не было других смен, режим которых они могли бы нарушить.

Общий построчный подсчет по записям приходо-расходных книг 1663–1664 гг. данных по всем работам молотового мастера Я. Бланка показывает, что он реально за год заработал 107 руб. 93 коп.69 при годовом жаловании в 1663 году в 100 руб. серебром. Иначе говоря, перед нами пример почти идеального по загрузке года работы молотового мастера. Просчет по дням работы, правда, на основе записей приходо-расходной книги он может быть лишь примерным, показывает, что Я. Бланк не работал 3 недели мая, 5 дней июня и весь август. Считая по 6 рабочих дней в неделе, мы получим примерно 49 рабочих «прогульных» дней. Поскольку характер работ различен, то вообще очень сложно точно установить число реальных рабочих дней. Условно говоря, если Яков Бланк весь год ковал ствольное прутовое железо, т. е. выполнял свою главную нагрузку, то он работал сутки и двое отдыхал. Таких суток на 365 реальных дней года, без выделения праздников, было бы около 122. Практически их было, конечно, меньше. Надо еще учесть, что молотовые мастера часто выполняли и другую работу. Тот же Я. Бланк в июне — июле ковал тонкое железо («тянуто натонко под большим молотом ис криц на колесные крепи»)70. Целый месяц он «прогулял за угольем, т. е. работал на жжении и доставке древесного угля и т. д.71

Продукция бригады мастера Я. Бланка перевозилась для ковки из нее ствольных (мушкетных, карабинных, пищальных) досок на Ведменский завод. Работавший здесь в 1662 г. иноземец дощатый мастер Нилис Хиникс, как уже говорилось, ковал за сутки около 80 досок. При исходном весе одной доски в 0,327 пуда72 вес суточной продукции мастера составит 26,16 пуда, что очень близко к весу заготовок, которые делала за сутки бригада мастера Я. Бланка. Правда, мы не учитываем неизбежных обрезков и прочих отходов. В переписной 1662 г. назван вес суточной продукции Н. Хи-никса в 28 пудов и больше. В этом случае каждая доска должна быть несколько тяжелее (0,35 пуда).

Жесткая связь обоих звеньев вполне очевидна. Отсюда ясен и рабочий режим. Я. Бланк и Нилис Хиникс сутки работали и двое суток отдыхали, т. е. каждый из них работал по трехсуточному циклу. Важно отметить при этом, что в 1662 г. у большого молота, на котором работала бригада Я. Бланка, соседний кричный горн пустовал. Это означает, что данный молот работал лишь каждые третьи сутки, т. е. использовался вполовину своей мощности. То же самое и с молотом Ведменского завода. Соседний с Нилисом Хиниксом кричный горн был в 1662 г. тоже пуст. Следовательно, и здесь молот работал вполсилы.

Следующим из серии Каширских заводов был Саломыковский завод. Здесь было 2 кричных горна и один большой водяной ковальный молот. Работало две бригады. В каждой из них мастер, подмастерье и работник. Обе бригады плавили чугунные штыки в крицы, а из криц ковали заготовки на дверные и латные доски. Это были толстые пруты. Каждая бригада за сутки изготовляла по 8 таких прутов. Если взять обычный вес суточной ковки бригады из 3-х человек в 25,43 пуда, то вес каждого из 8-ми прутов будет около 3,18 пуда.

Одну из бригад возглавлял иноземец молотовой мастер Мартин Клерет (Marten Cleiret, Martain Cleyre, Martin Kleriatt и т. п.). Работал он с сыном, подмастерьем Исаем Мартыновым, и с работником. Мартину Клерету помогал и другой сын, Ян. Он работал в 1662 г. молотовым мастером с тем же окладом в 125 руб. серебром, что и у отца, но работал, «с отцом своим переменясь»73. Поскольку речь идет об одной и той же бригаде, то налицо весьма льготное положение иностранных мастеров. Видимо, они не согласились работать круглые сутки, даже имея двое суток отдыха. В итоге бригада в течение рабочих суток попеременно возглавлялась двумя мастерами с одинаково высокими окладами. Не исключено, что Ян Мартынов частично был занят где-то в ином месте производства. После исчезновения его имени из приходо-расходной книги 1663–1664 гг. на Саломыковском заводе продолжали работать Мартин Клерет и

Исай Мартынов. Причем, как выяснилось, Мартин не мог работать в полную силу. Его оклад со 125 руб. серебром в 1662 г. снизился до 105 руб. в 1663 г., а при переходе на сдельную оплату, он стал получать по 10 денег с пуда. С сентября 1663 г. по июль 1664 г. он заработал всего 84 руб. 90 коп.74 А работая полные 122 суток при выполнении нормы в 25,43 пуда в сутки, он имел бы 125 руб. 5 коп. серебром. В июле — августе он уже не работал.

На том же молоте, но в другую смену работала бригада Петра Андреева в составе Якова Андреева и работника. Оба Андреевых были холопами боярина И.Д. Милославского, которому заводовладельцы платили за них по 20 руб. за каждого в год, а им самим давали 160 руб. медных денег (то есть около 13 руб. серебром)75. Но в 1663–1664 гг. положение изменилось. У Петра уже был оклад в 90 руб. серебром, а у Якова — 40 руб. серебром. Режим работы бригады был тот же: сутки — работа, двое суток — отдых. Реально Петр заработал 81 руб. 41 коп.76, прогуляв лишь май месяц.

Таким образом, 2 горна Саломыковского завода действовали сутки из каждых трех, а молот — двое суток из каждых трех.

Продукцию Саломыковского завода в виде толстых прутов перевозили на Елкинский завод, видимо, недавно созданный. Здесь была молотовая кузница, «а в той кузнице 2 горна большие, кладены кирпичом, с проводными трубами. В одном работают, а в другом нет работы, потому вал не накачен и колеса не навешены, и мехи не поставлены». Вторая молотовая кузница в 1662 г. только лишь «почета строить (начата строительством, — .Л. М.)»77.

Таким образом, здесь могла работать лишь одна бригада. Она занималась ковкой дверных, а иногда и латных досок, так как латных мастеров вообще было мало. Из приходо-расходной книги вполне очевидно, что здесь работала большая бригада иноземца дощатого мастера Индрика Клаусова (Hendricke Cloes) с тремя взрослыми сыновьями подмастерьями. Получали они на четверых огромный оклад в 280 руб. серебром в год78.

Судя по всему, производительность бригады была очень высокой благодаря высокому классу мастерства Индрика. Когда в марте 1665 г. встал вопрос о том, что «Индрик ныне устарел и делать не сможет», то выяснилось, что сыновья его Иван и Индрик, хотя работают в подмастерьях 7–9 лет, но «совершенно делать против отца не навычны»79. Тогда администрация решила подключить к мастеру учеников из волостных крестьян. Но мастер посмотрел на это как на безнадежную затею («оне де в 10 лет не выучатца»)80. Тогда было решено переквалифицировать Петра Андреева, бывшего холопа, опытного молотового мастера, делавшего заготовки к дверным и латным доскам.

При режиме работы в 122 суток в год суточная ковка колебалась, по оценке, от 73 до 77 досок. На бригаду Индрика полностью работали 2 бригады Саломыковского завода. Но в мае 1664 г. большой елкинский молот был в ремонте и стоял 2–3 недели, хотя выйти из строя мог и раньше81. Кроме того, бригаде Индрика не платили с марта по середину июня 1664 г. Всего бригада за год получила 186 руб. 61 коп. вместо 280 руб. Иначе говоря, годовой цикл в 122 дня был резко нарушен.

На Елкинском заводе с декабря 1663 г. вступает в строй новый кричный горн и, вероятно, большой ковальный молот82. Во всяком случае, в записях приходо-расходной книги появляется молотовой мастер иноземец Петр Петров, который кует попудно железо без постоянного подмастерья. В январе — начале февраля 1664 г. с ним работал подмастерьем доменный мастер Городищенской домны Ян Лоронс83, но с 1 апреля до начала августа Петр Петров находится все время на ремонтных и монтажных работах. Не исключено, что молот и горн этот период простаивают. Правда, 24 марта П. Андреев и подмастерье Я. Андреев, видимо, по Саломыковскому заводу получили деньги за февраль — март 1664 г.84 В записи же от 16 апреля они уже идут по Елкинскому заводу и получают дополнительно за работу в феврале и долю из годового оклада за апрель и май85. Иначе говоря, с апреля они уже работали на Елкинском заводе, возможно, вместо бригады Петра Петрова.

Что же касается работы самого Петра Петрова, то он очень большую часть года был занят в 1664 г. на ремонтных и монтажных работах. В сентябре — начале декабря 1663 г. он работал на Поротовских заводах с месячной дачей в 9 руб. 30 коп. С декабря 1663 г. Петр Петров появляется на Елкинском заводе. После 3-х месяцев работы на ковке металла он с 1 по 24 апреля вместе с Матысом Юнсеном оковывал Ченцовский большой молот (оплата за 3 недели 7 руб. 50 коп.). Правда, с 24 апреля эту работу записали им вплоть до

19 мая (оплата П. Петрову за эти 4 недели — 10 руб.), а с 1-го мая Петр Петров, как мы видели, работал уже на Елкинском заводе. Но при аккордной, а не повременной оплате так могло и быть. Далее, запись от 16 августа свидетельствует о том, что с 26 июня по 7 августа, т. е. в течение 6 недель86, Петр Петров также был на ремонте либо монтажных работах, поскольку получал 15 руб. Обычно за ковку железа, то есть за свою основную работу, он получал меньше (в среднем за неделю 1 руб. 48 коп., а за месяц 5 руб. 92 коп.). Следовательно, всего на ремонте и монтаже Петр Петров был 18 недель, или 4,5 месяца. Хотя монтаж и ремонт оплачивались почти вдвое выше его попудной зарплаты на ковке железа, вместо 96 руб. годового оклада Петр Петров заработал с октября 1663 г. по август 1664 г. всего 61 руб. 18 коп.87 Видимо, по основной «ковальной работе» было много простоев.

Наконец, несколько слов еще об одном Каширском заводе — Ченцовском. Здесь была молотовая кузница, где действовал большой водяной ковальный молот и был кричный горн. Кроме большого ковального молота переписная книга 1662 г. указывает еще один водяной молот, под которым тянули сталь на шпаги, но совсем нет упоминаний о горне, в котором бы эту сталь варили. Вполне возможно, что сталь готовили в одном из многих ручных горнов, так как этот металл варили в небольших количествах.

На большом молоте ковали мушкетные доски. Точнее, в переписной книге от декабря 1662 г. о ковке мушкетных досок сказано как о прошлой работе. «А ныне, — говорится в источнике, — молотовой мастер иноземец Матыс Юнсен (Mateis Jonassen, Matteis Jensen, Matteis Jonas Mateis Jonjensen)88 отсекает с работником шурупы для мушкетов и пищалей по 50 штук в смену»89. В прошлом Матыс Юнсен на большом молоте ковал по 50 досок в сутки, т. е. примерно 16,35 пуда. Это значительно меньше производительности Нилиса Хиникса, поэтому и годовой оклад у Матыса Юнсена был очень скромен — 50 руб. серебром в год90. Добавим, что и в прошлом М. Юнсен работал не только на ковке досок: «в-ыные дни тянул тонкие прутья на всякие мелкие кузнечные дела по 5 пудов в день». Операции менялись, очевидно, в зависимости от обстановки. Впрочем, Нилис Хи-никс на Ведменском заводе тоже время от времени бросал основную работу и ковал на малом молоте тонкие прутья по 8-ми пудов в день (т. е. в сутки)91.

У нас нет причин сомневаться в том, что на ковке досок или протягивании тонких прутьев мастер работал в обычном режиме: сутки или около этого — работа и двое суток — отдых. Ведь вес тонкого прута 0,134 пуда (320 штук весили 43 пуда). Таким образом, на 8 пудов выходило около 60 штук, а на 5 пудов — 37 штук «тонкого прутья», что представляло очень большой объем работы92.

Из описи 1662 г. остается неясным, кто готовил Матысу Юнсену, когда он ковал мушкетные доски, заготовки в виде «саженного ствольного железа», хотя этот мастер ковал в сутки всего 16,35 пуда. На 1662 год, судя по описи, такой бригады уже не было. Ее, видимо, распустили, да и у самого мастера Матыса Юнсена срок договора заканчивался 1 апреля 1663 г.93

Таким образом, мы вынуждены фиксировать, что на Ченцовском заводе основные работы по ковке металла в 1662 г. были прекращены94.

Судя по приходно-расходной книге 1663–1664 г., не было работ на Ченцовском заводе и в дальнейшем.

В 1663–1664 гг. в расстановке кадров, судя по приходо-расходной книге, произошли существенные изменения. Личный состав первой молотовой «Четвертого» завода практически исчезает. Из шести названных выше мастеров и подмастерьев в 1663–1664 гг. в записях книги однажды встретился Вилим Адор (Авар), получивший рубль за прогул95. Если считать Лаврина Мартинова и Лоронса Мартина за одно лицо, то последний в 1663–1664 гг. стал работать подмастерьем в бригаде молотового мастера Якова Бланка. Павел Игнатьев фигурирует как молотовой подмастерье Городищенских заводов до января 1664 г., потом он исчезает. В период с сентября по декабрь 1663 г. он был на жаловании, но, где он работал, сказать трудно96. На Городищенских заводах появился некто Федор Кузов — молотовой подмастерье, но работал он, видимо, не у большого молота, поскольку при переводе на сдельную оплату в 1664 г. остался на годовом окладе97.

Итак, на Городищенских заводах, по приходо-расходной книге, постоянно работали молотовой мастер Яков Бланк с подмастерьем Лоренсом Мартином и молотовой мастер Нилис Персон с подмастерьем Клаусом Даниловым (Nicolas Dandenel).

На Сало мы ко вс ком заводе постоянно работали молотовой мастер Мартин Клерет (до июня 1664 г.) с подмастерьем сыном Исаем Мартыновым98, а также молотовой мастер поляк Петр Андреев с подмастерьем Яковом Андреевым (тоже поляком). Примерно с февраля 1664 г. эта бригада поляков переводится на Елкинский завод.

Вместо Нилиса Хиникса в 1663–1664 гг. на Ведменском заводе работает молотовой мастер Матыс Юнсен99. Но, как мы видели, работы здесь уже не было. С марта М. Юнсен переведен в подмастерья и работает главным образом по ремонту оборудования.

На Елкинском заводе постоянно работает бригада дощатого молотового мастера Индрика Клаусова с 3-мя сыновьями-подмастерьями. С января 1664 г. на Елкинском заводе стал работать на новом горне и молоте иноземец молотовой мастер Петр Петров (Meister Peter Pietersen)100, который раньше (с сентября 1663 г.) работал на Поротовских заводах101. Однако уже с апреля и практически до сентября 1664 г. он занят был на ремонтных и монтажных работах. С февраля 1664 г. подмастерье Исай Мартынов стал молотовым мастером. Это еще не означает, что он уже возглавляет бригаду, т. к. работал еще с Мартином Клеретом-отцом. Но с мая он явно работает сам, а подмастерьем у него — Мартын Мартынов. В июне же сам Мартын Мартынов тоже мастер102.

Вероятнее всего, с остановки работ в апреле большая часть бригад нарушает свой состав, так как многие заняты на ремонте и в перерывах куют металл на случайных участках. Так, Петр Петров и Исай Мартынов чинили большой Ченцовский молот в мае — июне, но им же заплачено и за 333 пуда ковки, т. е. работали они в паре103. С ними же на Ченцовском молоте работали Мартин Мартынов и Матыс Юнсен и Лоронс Мартын104. В июне Мартин Клерет чинил Ведменский молот и ставил где-то новый молот. В мае Лоронс Мартын ковал водяной вал на Саломыковском заводе и т. д.105 В связи с этим на заводах появляются новые фигуры: молотовой подмастерье Петр Пулин, мастер Мартин Мартинов, которые в конце концов займут лишь место ушедших работников.

В итоге остается неясным, работал ли кто-нибудь на Ченцовском дощатом и стальном молотах. Поскольку в апреле — июле здесь шли ремонтные работы106, постольку можно предположить, что зимою и осенью здесь никто не работал.

Подводя некоторые итоги изучению реального режима работы Тульских и Каширских железных заводов, мы должны отметить следующее.

Молотовые бригады работали на заводах, как правило, в режиме: сутки — работа, двое суток — отдых.

Следует оговориться, что этот режим отнюдь не всегда соблюдался. Работать сутки было тяжело, поэтому мастера-иноземцы, видимо, с согласия владельцев заводов стремились избавиться от переплавки чугуна в кричное железо, выделив этот процесс в отдельную операцию.

Делали это по-разному. Но чаще всего выделяли для этого оказавшихся свободными по каким-либо причинам мастера и подмастерья. Часто на эту работу посылались подмастерья. Так, иноземец молотовой подмастерье Клаус Данилов в мае 1664 г. «чюгунное железо гонит на латное железо»107. Иноземец Нилис Персон также в мае «на Елкинском заводе чюгун гнал на латное железо»108. Молотовой мастер иноземец Лоронс Мартын в конце августа 1664 г. 2 недели «гнал из чюгунного железа» «в крицы»109. Подмастерье Петер Пулин в мае 1664 г. «работает с мастером, гонит чюгунное железо»110. В июле 1664 г. мастер Мартын Клерет 2 недели «чюгун гнал»111. В конце июля — начале августа молотовой подмастерье Мартын Мартынов «переплавливал ис штык в крицы чюгунное железо» и т. д.112 Все эти случаи оплачивались особо, как самостоятельная работа, хотя такие операции были возможны и в рамках бригады.

Создавая таким способом известный запас кричного железа, молотовые бригады могли, используя готовые крицы, работать иногда меньше суток, поскольку на плавку крицы уходило примерно 8 часов, а разогрев, «размягчение» крицы занимали меньшее время. Подобная практика была все-таки не правилом, а исключением. В целом же в оценке производства следует ориентироваться на режим: сутки — работа, двое суток — отдых. В году набиралось около 122 рабочих суток. Эта идеальная норма. Реальная же была существенно меньше, и приведенные нами конкретные примеры годовой занятости молотовых мастеров и подмастерьев подтверждают это. Помимо поломок число «прогульных дней» увеличивали неизбежные остановки из-за нарушения водного режима: «в вешнее и в осеннее время за большою, и в летнее и в

зимнее время за малою водою бывает на заводах прогульные многие дни»113. Даже беря чисто условно по 2 недели простоя из-за малой или большой воды, получаем в год уменьшение количества рабочих суток до 100.

Здесь необходимо напомнить, что при попудной оплате мастер, как и остальные, получал плату лишь за «деловые дни», а при годовом окладе оплачивались и «прогульные дни», которых за год набиралось от 150 до 170 дней. Такая система оплаты весьма далека от капиталистических распорядков.

Часто «прогульные дни» оплачивались наравне с рабочими днями. Так, молотовой подмастерье за прогульную неделю получил 1 руб., что соответствует годовому окладу в 50 руб. А подмастерье часто получал именно такой годовой оклад114. Молотовой подмастерье Матыс Юнсен за прогульные 2 недели получил 3 руб., т. е. из расчета годовой дачи в 75 руб., что соответствовало его годовому окладу115. Вместе с тем молотовой мастер Нилис Персон за 3 прогульные недели получал всего по 1,5 руб., что, видимо, ниже его годового оклада. Та же ситуация с молотовым мастером Лоронсом Мартыном116 и т. д.

Необходимо отметить, что в прогульные дни шли ремонтные работы, которые оплачивались отдельно. Так, молотовой мастер Мартин Клерет за 2 недели «от дела больших ковальных молотов» получил 5 руб., т. е. по 2 р. 50 коп. в неделю (а по окладу в неделю ему полагалось 2 руб. 10 коп.). Молотовой подмастерье Клаус Данилов в прогульные дни был отправлен на жжение угля («на уголье») и за неделю получил 2 руб., вместо полагающихся по его окладу (49 руб.) — 98 коп. В другой раз этот же подмастерье за обычную «прогульную» неделю получил в точном соответствии с окладом — один руб. за неделю117.

Очень важно отметить, что при переходе к «попудной» оплате за основную производственную работу всякого рода ремонтные работы уже оплачивались отдельно и при этом аккордно. Крайне важно подчеркнуть, что при «попудной» оплате из рамок таксы также выходили и разного рода неординарные работы. Молотовые мастера и подмастерья, ковавшие под большим молотом связное и прутовое железо, доски и т. п., часто в авральном порядке заменяли работников других звеньев заводского комплекса.

В этих случаях оплата производилась также аккордно, то есть произвольно под влиянием срочности, что больше соответствует реалиям неадекватных форм капитала. Так, молотовой мастер Лоронс Мартин плавил 2 недели на другом заводе чугун в железные крицы (хотя этим занимались чаще всего, как мы видели, молотовые подмастерья). Оплата была 4 руб.118 Молотовой мастер Мартин Клерет 2 недели «чюгун гнал» в железные крицы. Оплата также 4 руб. А за пушечные оси он получил 2,5 руб. в неделю. За починку хомута к молоту на Ведменском заводе и за пушечные оси, на что затрачено 6 дней, он получил также 2 р. 50 коп.119 Городищенского завода молотовой мастер Нилис Персон 2 недели «чюгун гнал на латное железо» на Елкинском заводе. Оплата за 3 недели 5 р. 13 алт. 2 д. Молотовой подмастерье Клаус Данилов 3 недели «чюгуное железо гонит на латное железо». Оплата 3 руб. 20 алт.120 Он же неделю делал пушечные оси, за что получил 1 руб. 13 алт.121 Молотовой мастер Лоронс Мартын 2 недели переплавлял «из чюгуна в крицы». Оплата 4 руб. Молотовой подмастерье Мартын Мартынов с 24 июля по 11 августа 1663 г. делал колокольные связи и переплавлял чугунные штыки в крицы на колокольные связи. Еще одну неделю потратил он на те же колокольные связи. Всего за 24 дня оплата 5 руб. 26 алт. 4 д.122 Аккордная оплата предполагает, что за год он получал бы 72 руб., в то время как его реальный оклад составлял всего 45 руб. Молотовой мастер Исай Мартынов неделю «перегонял из чюгуных штыков в крицы на латное дело». Оплата 1 руб. 26 алт. 4 деньги (из расчета в год по 90 руб.). Он же три недели делал пушечные оси и колокольные связи. Оплата 6 руб. 25 алт. (из расчета 112 р. 50 коп. в год). Он же 3 дня переплавлял чугунные штыки. Оплата 30 алт. (из расчета 90 руб. в год)123. Годовой же оклад этого подмастерья — 75 руб. Заняты были посторонними работами и другие специалисты. Так, ствольный заварщик за осмотр плотины (2 недели работы) получил 4 руб. 16 алт. 4 деньги. Он же под малым молотом «тянул» железо (за 100 пудов — 4 руб.). Иногда оплата была и поденной. Так, молотовой мастер иноземец за «меховые снасти» получал в день по 20 коп.124

Особый вопрос об эффективности использования оборудования. В 1662 г. лишь в одном звене — в первой молотовой кузнице Четвертого Тульского (Городищенского) завода — там, где делали брусья на «францоское дело», а из них — связное и саженное железо, оборудование непрерывно находилось в работе, и эксплуатация перекрывала технический ресурс (речь идет о водяном молоте). Во второй молотовой кузнице, там, где работал молотовой мастер Яков Бланк, в 1662 г. большой молот использовался лишь вполовину своего технического ресурса. Можно предполагать, что только в 1663–1664 гг. он стал

действовать на полную мощность (двое суток — работа, сутки — простой).

На Саломыковском заводе большой ковальный молот тоже находился в оптимальном режиме работы (двое суток работы, сутки — простой).

Вместе с тем большой молот на Ведменском заводе в 1662 г. работал в половину ресурса (сутки — работа, двое суток — простой). В 1663–1664 гг. режим работы молота либо остался тот же, либо нагрузка стала еще меньше. На Ченцовсом заводе в 1662 г. большой молот был почти не загружен, а в 1663–1664 г., видимо, простаивал, так же простаивал и молот для ковки стали.

Наконец, на Елкинском заводе большой водяной молот работал, вероятнее всего, на полную мощность. Не исключено, что молот мог работать по 1,5 суток при 1,5 суток простоя.

С января 1664 г. на Елкинском заводе появился еще один большой молот, но работал он, скорее всего, в половину своей мощности (сутки работа, двое суток — простой).

Итак, в 1662 г. из восьми больших водяных ковальных молотов три молота работали в половину мощности, а один стоял. В 1663–1664 гг. три молота стояли, два работали в половину мощности, и лишь три работали в оптимальном режиме. Иначе говоря, уровень использования самого производительного молотового оборудования не превышал 57 % «молотового парка». Если же учесть нагрузку в течение года, то степень эффективности упадет еще ниже.

Попытаемся теперь ответить на вопрос: почему в 1662–1664 гг. на заводах по существу практически прекратилось производство «саженного ствольного железа» и мушкетных досок? Материалы описи 1662 г. и приходо-расходной книги 1663–1664 гг. помогают ответить на этот вопрос.

Дело в том, что производство на Тульских и Каширских заводах мушкетов, карабинов и малых пищалей не было сбалансированным во всех своих звеньях. Иначе говоря, **внутрипроизводственная организация труда имела такие изъяны, из-за которых производство мушкетных стволов время от времени практически прекращалось.**

Мануфактурное производство мушкетов, по замыслу его организаторов, должно было проходить следующие стадии. Сначала из чугуна плавили крицы, которые разрубали и выковывали заготовки («ствольное саженное железо») в виде прутов. Затем из прутов ковали мушкетные доски. Из досок специальные мастера-заварщики делали заготовку ствола (загибая доски в трубы и сваривая шов). Далее, в ней сверлили дуло. Потом обтачивали на станке, т. е. шлифовали «вдоль» и «поперег». Потом окончательно зачищали. Наконец, на готовый ствол монтировали ложе и замок.

На Тульских и Каширских заводах ситуация сложилась так, что в XVII в. заварка, а еще более операции сверления и шлифования стволов были самым узким местом производства. Что касается изготовления готовых мушкетов, то из стен заводов готовыми выходила лишь их ничтожная часть.

До декабря 1662 г. на Ченцовском заводе было сосредоточено все заварочное производство. Здесь работало 6 квалифицированных иноземных мастеров-заварщиков. Трое из них с шестью работниками делали по 4 ствола в день, работая ежедневно все 6 рабочих дней в неделю. Другие трое с девятью работниками заваривали по 6 стволов в день, работая в том же режиме. По описи А.Д. Фонвизина, все мастера-заварщики с подсобными рабочими (вместе с пятью мобилизованными тульскими кузнецами-заварщиками и десятью работниками) в расчетный год (300 рабочих дней) могли заварить 13,5 тыс. стволов125. Но это лишь максимально возможная норма. Она технически обоснована, поскольку 2 дощатых мастера (Нилис Хиникс и Матыс Юнсен), работая в год по 122 суток, могли дать 15860 мушкетных досок.

Однако реальность была другой. Уже опись 1662 г. отмечает, что 5 тульских кузнецов-заварщиков уже год как отосланы обратно в Тулу «для тово, что на том заводе плотина испортилась»126. Поломка плотины принадлежит к числу таких аварий, на ликвидацию которых нужно очень большое время (год и более). Отсюда становится ясным, что Матыс Юнсен (дощатый мастер Ченцовского завода) в 1662 г. на мушкетных досках не работал. Видимо, в связи с плотиной не работал и большой молот (правда, не исключена поломка и самого молота). Таким образом, число изготавливаемых мушкетных досок резко сократилось.

К тому же и Нилис Хиникс на Ведменском заводе в 1662 г. работал на досках только лишь какую-то часть своего рабочего времени. А в следующие 1663–1664 гг. он уже уехал, скорее всего, потому, что на заводах образовалось перепроизводство заготовок для мушкетных стволов, т. е. ствольных мушкетных досок. Судя по приходо-расходной книге, на его месте стал работать иноземец Матыс Юнсен с Ченцовского завода. Во всяком случае, по книге он называется теперь «Ведменского заводу мелкого дела молотовой мастер»127. Название его профессии изменено, видимо, не случайно. В 1663–1664 гг. М. Юнсен почти не кует мушкетные доски. Он либо отсекает шурупы к мушкетам и пищалям, либо «тянет» железо на «мелкие дела к заводному делу», либо заваривает пушки, либо кует пушечные оси, либо — прутовое железо и железо «на колесные крепи»128. С марта 1664 г. М. Юнсен вообще переводится в подмастерья, что подтверждает наше предположение о том, что мушкетные доски на заводах прекратили делать. Вместо этого М. Юнсен много занимается ремонтными работами («оковывал воденой Ченцовский вал», «делал» «ковальной большой» Ченцовский молот, «уставлял» его)129. За все эти работы М. Юнсен получал аккордную плату. Всего за год он заработал 62 руб. 97 коп. при расчетной зарплате 75 руб.130

Полная остановка производства мушкетных досок привела к тому, что в 1663–1664 гг. на Тульских и Каширских заводах почти не осталось мастеров-заварщиков. Их по приходо-расходной книге теперь всего трое: иноземец Герберт (Габорт, Арбат) Андрисов (Андреев), его сын Энгель и русский мастер Яков Плотников.

Можно проследить, сколько они в году имели рабочих дней. Изучение приходо-расходной книги показывает, что Арбат Андреев с сыном Энгелем работали большею частью по заварке стволов, но заработали всего 106 руб. 25 коп. на двоих131. Это много ниже расчетной нормы, ибо, заваривая вдвоем в день по 8 стволов, они должны были получить 144 руб. (по 2 алт. за штуку)132. Иначе говоря, за год они не работали 154 раб. дня (при этом учтено, что месяц и 10 дней заварщики заняты были на иной работе и получили за это 13 руб. 50 коп.)133. Третий заварщик Яков Плотников фактически работал 186 рабочих дней из 300. При оплате 4 алтына за день он в год получил всего лишь 22 руб. 32 коп. (вместо 36 руб.)134. Кроме своей работы он делал еще шурупы к пищалям135. Таким образом, и этот заварщик не работал за год 114 рабочих дней (около 4 месяцев и 3 недель).

Следовательно, заварное производство в 1663–1664 гг. было практически свернуто, ибо было всего заварено около 2770 стволов, т. е. ничтожно малая часть от того, что делалось по штату 1662 г. Ведь штат заварщиков 1662 г. работал целый ряд (4–5—6) лет при двух дощатых мастерах, делая около 10–13 тыс. стволов ежегодно.

Однако дальнейшие звенья производства с этим количеством заготовок не справлялись. Даже чисто теоретически (за 300 рабочих дней) на вертельне Ченцовского завода могли просверлить в год всего 8,4 тыс. стволов. Правда, на Бакинском заводе в 1662 г. сделали еще одну вертельню для мушкетных стволов, но, видимо, она еще не работала или работала лишь какую-то часть годового рабочего времени. Вполне возможно, что на новой вертельне руководил некий Сенька Михайлов, «вертельного дела работник». Но за 1663–1664 гг. он работал всего 131,3 дня (из расчета поденной оплаты в 2 алт. он заработал всего 7 руб. 88 коп.)136. На Ченцовской вертельне работал мастером иноземец Арбат Андрисов, который, как мы видели, работал главным образом как ствольный заварщик. Естественно, что в те дни, когда он работал заварщиком, вертельня стояла («в вертельные стволов не сверлет»)137. Таким образом, с вводом новой вертельни в 1663–1664 гг. объем работы существенно не увеличился.

Кроме того, дальнейшая операция по обработке стволов — так называемая «поперечная отделка» — в расчетный год могла достигать всего лишь 7,8 тыс. стволов, и только «продольная точка» в расчетный год могла составить 9 тыс. стволов. Это лишь немного превышало ежегодное количество сверленых стволов.

Данные приходо-расходной книги за 1663–1664 гг. позволяют выяснить, как практически обстояли дела с отделкой стволов. Так, иноземец Иверт Де Бакор, «который стволы мушкетные точит поперег по 10-ти стволов в день», работал всего 187 дней за год и заработал 34 руб. 44 коп.138 Поскольку ствольный точильщик Иверт Де Бакор 21 июня 1664 г. был отпущен за рубеж, то он не работал полный год. Но, добавив условно заработок для июля — августа на уровне среднемесячного, мы общую сумму повысили до 42 руб. 44 коп., а число обработанных им стволов достигнет 1872 шт. вместо 3 тыс. шт. по расчетной норме (тогда заработок в год достиг бы 60 руб.). Таким образом, и здесь реально в работе были огромные перерывы, и общий объем продукции на данной операции был заметно ниже расчетной нормы. Это

усугубляет буквально нелепую ситуацию несоответствия темпов заготовки заваренных стволов темпам их сверления, шлифования и т. п. Несоответствия такого рода и привели к тому, что в 1662 г. на декабрь скопился запас несверленых и нешлифованных мушкетных стволов до 20 тыс. штук139, что составляет, по крайней мере, полуторагодовой объем заводской продукции.

Еще хуже обстояло дело со сборкой мушкетов и пищалей. По переписной книге 1662 г., на заводе был всего один замочный мастер и 2 «ложных» мастера. Первый по идеальной расчетной норме (300 раб. дней) делал по 1200 жагров в год (мастер с 3 работниками делал 24 жагра в неделю)140. Реально в 1663–1664 гг. также работал лишь один замочный мастер иноземец Кашпир Ост. За сентябрь — ноябрь 1663 г. он получал повременную оплату по 10 руб. в месяц (из расчета 120 руб. в год). С декабря 1663 г. оклад ему был понижен до 96 руб. в год. Таким образом, с сентября 1663 г. по август 1664 г. Кашпир Ост получал 102 руб.141 Несомненно, что снижение оклада было связано со снижением производительности труда (до 1008 штук в год).

Что касается ложных мастеров, то в 1662 г. их было двое (Ян и Питер Францевы). В неделю они делали «по 30 станков к мушкетным стволам и жаграм». В год каждый из них должен был делать 1500 станков (по 2 алтына за штуку) с годовым заработком в 90 руб. Договор у них был заключен до 1665 г.142 Однако в приходно-расходной книге 1663–1664 гг. записей о работе ложных мастеров практически нет. За 1663 г. есть две записи об уплате за 50 и за 20 лож Питеру Францеву, а Яну Францеву в январе 1664 г. уплатили за 2 недели прошлых «прогульных дней» — 50 коп.143 Видимо, все производство лож перенесено было в Тульскую слободу и Оружейную палату.

На Тульских и Каширских заводах для ликвидации запаса несверленых 20 тыс. стволов необходимы были еще одна мушкетная вертельня и, по крайней мере, 16 мастеров по мушкетньш замкам и более 11-ти мастеров по мушкетным ложам. Но их не было, а те, что были (например, ложные мастера), работали не в полную силу.

Таким образом, острейшая нехватка квалифицированных кадров влекла за собой нарушение элементарной сбалансированности во внутрипроизводственных операциях, что лишало производство свойств, присущих мануфактуре. В итоге **Тульские и Каширские заводы готовых мушкетов и карабинов практически не выпускали. В казну, как правило, сдавали полуфабрикат — мушкетные стволы.** Так, в 1669 г. в одном из челобитий сдача полуфабриката выглядит как довольно обычная процедура: «у нас… железных досок и железных стволов и шпажных полос и рейтарских лат много изготовлено, а в… казну не принимают, лежа ржавеют»144. В деле об установлении новых цен на сдаваемую в казну продукцию (июль — сентябрь 1668 г.) также фигурируют лишь «мушкетные и карабинные стволы»145. Даже на внешний рынок заводчики отправляли не готовые изделия, а полуфабрикаты. Так, в 1675 г. П. Марселис отправил за рубеж через Архангельский порт среди прочей продукции Тульских и Каширских заводов — 2356 мушкетных стволов146.

Таким образом, острый непреодолимый дефицит кадров на заводах приводил к тому, что заводы были неспособны выпускать готовую продукцию и по существу кооперировались с казенным ремесленным производством, т. к. мушкетные стволы, видимо, посылались в Москву в Оружейную палату и т. п.

То же самое происходило и с изготовлением шпаг. В описи 1662 г. на Ченцовском заводе помимо большого ковального молота, на котором делали доски на мушкетные и карабинные стволы», был еще один водяной молот, под которым «тянут сталь на шпаги»147. Но в той части описи, где речь идет о конкретных исполнителях работ на Ченцовском заводе, нет ни слова о тех, кто тянет сталь на шпаги. Иначе говоря, в 1662 г. такие работы уже не велись, ибо на заводском дворе уже лежало 13 тыс. шпажных полос, которые нужно было оттачивать, насаживать рукоять крыжем и пуговицами. Вот эти-то работы в 1662 г. и продолжались. Иноземец Вилим Герман точил шпаги и «в лице ставил» шпажные готовые полосы по 12–14 полос в день (т. е. в год 3900 полос). Иными словами, запаса полос хватало ему еще на 3,33 года. Мастер по рукояткам и крыжам для шпаг Ян Схам с одним волостным работником делал в неделю по 30 крыжей, но срок его истекал 1 мая 1663 г.148 Но если бы он работал и далее, то запаса шпаг ему хватило бы на 8,6 года. Реально же на заводах в 1663–1664 гг., судя по данным приходо-расходной книги, никто из них уже не работал. Поэтому вместе с полуфабрикатом для мушкета — мушкетным стволом — владельцы заводов и казна, в те периоды, когда заводы были казенными, сдавали полуфабрикат шпаги — шпажные полосы. Как уже упоминалось, в 1669 г. наряду с мушкетными стволами дожидались сдачи в казну и шпажные полосы. В 1675 г. П. Марселис отправил за рубеж через Архангельск не только

стволы мушкетов, но и 2700 шпажных полос.

На Ченцовском заводе делали и латы. По описи 1662 г., здесь работало двое мастеров-иноземцев (Ламберт и Паксей). Каждый из них делал в неделю по 8 лат рейтарских «с шишаки совсем в одделки», т. е. в год по 400 комплектов. Оплата была сдельной — по 10 алт. серебром за латы149. В год — 120 руб. В 1663–1664 гг., по данным приходо-расходной книги, на Ченцове работало 3 иноземных латных мастера, а с января 1664 г. еще один. Однако их выработка продукции была далека от указанной нормы. Мастер Ламберт Ламбот (тот, что указан в описи 1662 г.) за сентябрь 1663 — август 1664 г. сделал 194 комплекта лат с шишаками, 100 нагрудников и 400 пар наконечников. Всего он получил за работу 106 руб. 70 коп., что близко к расчетному окладу150. Однако другой мастер — Петер Ном за год сделал всего 147 комплектов лат и получил всего лишь 44 руб. 10 коп.151 Сведения приходо-расходной книги в данном случае подтверждаются материалами дела об отпуске Петера Ноя (Петера Нома) во Францию от 28 апреля 1665 г. Из него явствует, что этот мастер — Петер Ной «устарел и латное дело делает за старостию худо». С 15 мая 1664 г. по 28 апреля 1665 г., то есть за год, он сделал всего лишь «200 лат рейтарских с шишаки»152. Третий мастер — Нилис Вальдор сделал 20 лат и 52 нагрудника и получил за них 45 руб. 20 коп.153 Четвертый мастер Нилис Персон значится всего в двух записях, где фигурирует 33 комплекта лат (9 руб. 90 коп.)154. Трудно ответить на вопрос, почему эти работы велись столь вяло. Видимо, дело не только в старости одних, но и просто в плохой квалификации других.

Из челобития кузнецов Тульской Оружейной слободы, поданного вскоре после постройки завода на р. Скниге, следует, что правительство постоянно мобилизует их для работы на Тульских и Каширских заводах («нас же холопей емлют к твоему… к железному и пушечному и гранатному делу в Тульский уезд на Городище»). В челобитной подчеркивается: «и по се число ходим… человека по 2 и по 3 безпристанно лет с 20 и больше»155. А с постройкой завода на р. Скниге число мобилизованных резко возросло. С годами практика таких мобилизации расширялась. В перепись 1662 г. попал факт постоянного пребывания тульских кузнецов на заводах. Тульские ствольные казенные кузнецы работали на заварке стволов, «переменяясь помесячно», т. е. круглый год. Их 5 человек (каждый с 2 работниками), делали они в день каждый по 3 ствола, т. е. в год 4500 стволов156. К моменту описи они в связи с перепроизводством заваренных стволов уже не работали один год. В приходо-расходной книге 1663–1664 гг. часто встречаются записи о выдаче прокорма (по 8 денег в день) тем или иным группам тульских кузнецов (3 партии кузнецов для «подковного дела», группа в 11 чел. для изготовления «пушечных станов колесных снастей»)157. **В 1665 г. снова были посланы на Тульские и Каширские заводы «кузнецы добрые мастера ствольные заварщики и отдельщики», «которым ныне мочно работать… у разных дел», в количестве 20 человек (4 тверича, 2 переяславца, 2 галичанина, 3 елчанина, 3 вологжанина, 2 углечанина, 2 суздальца, один шуенин и один устюжец), а также еще 10 человек «к латному делу в ученики и. к ствольной отделке» (2 тверича, 2 костромича, 2 вологжанина, по одному человеку из Ростова, Углича, Нижнего Новгорода и Мурома)158.** Кроме того, из Оружейной палаты «довелось послать на Коширские заводы в ученики» еще 4 человека. За каждого ученика иноземцу платили сверх оклада 30 руб.159

По приходо-расходной книге 1662 г., на заводах постоянно находились 2 группы казенных кузнецов, мобилизованных московскими приказами для работы по отделке пушек.

Первая группа в 8—16 человек тульских кузнецов, возглавлявшаяся Васькой Филипповым, проработала за год на изготовлении «пушечных станков колесных снастей» 1194 человеко-дня160. И это только минимум, не ускользнувший от учета. Работа по монтированию колесных крепей и станка состояла из множества мельчайших кузнечных работ. Вот их примерный перечень: «а делать крепей на всякой станок с колесы по 24 шины, по 24 обоймицы одинаких, да двойных по тому ж, по 260 гвоздей, по 16 обручей, по 4 закрутья, по 4 наконешника к осям, по 2 поддоски во всю ось, по 4 стремяни, по 2 полосы на станок длиных, по 2 полосы поперек станка, по 4 полосы, чем станок перевязать, по 250 гвоздей, чем станошные полосы прибивать, да под исподь во весь станок под вертлюг по полосе, по 4 веретена связных, по 8 втулок, по 4 чеки, по 2 полосы сверху да с-ысподи на переднюю ось, на чем станок станет ходить, по 2 крюка да по 2 конца с пробоями и с репьями, по 2 кольца с обоимицами в брус, по полосе на дышло клепаных да по наконешнику с крюком и с чепью х коромыслом и к борон-кам по 2 крючка по сторонам к дышлу, по 3 веретена, по 4 гнезда петель да под ручки по 2 кольца, по 2 клепани да по ушам на вертлюгах, а под ними по тарели, на дышло по 3 обруча, к лисице по 2 веретена, по стремяни на лисицу, по наконешнику заварному, по середнику к станку»161.

Отметим, что в массе своей это самостоятельная кузнечная работа. Можно лишь предположить, да и то с большим сомнением, что 8—16 человек могли разделить между собой некоторые работы. В источниках нет сведений о том, чье оборудование использовали эти кузнецы. Не исключено, что и наковальни, и меха (ручные), и инструмент — все привозилось с собой.

Вторая группа в 8—10 чел. состояла из московских кузнецов во главе с Федькой Степановым. Она проработала на заварке пушечных стволов еще большее суммарное время — 1940 человеко-дней162.

Таким образом регулярно, в течение всего года на заводах только на отделке и монтаже пушек — важнейшего вида военной продукции — ежедневно работало в среднем 10,2 чел. Эта цифра намного выше, чем, например, заводской штат по квалифицированным работникам-литейщикам. Изучение материалов давно известной публикации позволяет, на наш взгляд, несколько иначе, чем прежде, посмотреть, **что же собой представляли знаменитые Тульские и Каширские заводы XVII в. Разумеется, это крупное производство мануфактурного типа, поскольку там было внутрипроизводственное разделение труда. Однако весь механизм этот действовал с многочисленными сбоями и остановками. Перенесенный к нам из краев с ровным климатом, практически постоянным водным режимом (ведь в Западной Европе не бывает весенних половодий, не бывает зимнего падения уровня вод, не бывает и летнего падения этого уровня), этот механизм работал едва ли вполсилы. В итоге обычный годовой цикл состоял из 120–130 рабочих дней. При громоздком, дорогостоящем и сложном оборудовании, требующем огромных средств на ремонт и постоянное обновление, такая производительность изначально была убыточной. Непрерывные поломки, ремонт, ввод в действие новых блоков постоянно нарушали ритмичную работу основных высококвалифицированных специалистов**. Главное же состоит в том, что технологическая линия производства так и не была налажена. На завершающих стадиях изготовления изделий был постоянный дефицит специалистов. Ведь не только крестьяне Соломенской волости в порядке феодальных повинностей копали руду и рубили дрова. В порядке отбывания тех же повинностей на заводах трудились и тульские кузнецы-оружейники и московские мастера. Задействована была и Оружейная палата. Единого слаженного комплекса, работающего на вольном найме, не получилось.

Важнейшим моментом, определяющим природу подобного производственного организма, была оплата труда. Уровень оплаты в области зарождающегося крупного производства был намного выше оплаты обычного ремесленника или простого поденщика. Так, в 1647 г. самые элементарные операции «черной работы» оплачивались не ниже 5 коп. в день («в анбаре глину толкли работников 4 чел., а имели найму по 2 алтына в день», «пожеги готовили и дрова на пожег носили и руду с возов на пожег сыпали и по пожегу уравнивали и от огня оберегали», «найму им по 10 денег человеку», «да на лесу работали с угольными мастерами у угольного зженья, русские ж люди, 22 человека, а найму де на сутки давано им по 2 алтына», «руду железную били и в горы носили и всякую работу работали, а имели де найму на сутки по 2 алтына»). При постоянной занятости в течение 50 недель, это могло бы составить для каждого годовой заработок в 15 руб. В России такой заработок имел квалифицированный ремесленник, да и то удачливый.

Работники с минимальным профессиональным навыком имели оплату еще выше. Так, «в вертельных пушки сверлили работные люди… имывали по уговору» от пушки по 25 коп., и по 18 коп., и по 15 коп.163 При обработке двух пушек в день дневной заработок составлял от 10 до 16 алт. (30–50 коп.). Это очень немалые деньги. При сверлении запалов уровень оплаты колебался от 10,5 коп. до 21 коп. в день164. Подсобные работники у плавильного горна, у чана для пушечного и ядерного литья получали в сутки по 8 коп. Подсобные кузнецы — в день по 10 коп. Плотник на заводах получал в год огромные для этой профессии деньги — от 30 до 45 руб.165 Занятость на всех подобных работах была 120–150 дней в году.

Наконец, труд специалистов высокой квалификации, выписанных из-за рубежа, оплачивался по невероятно высоким тарифам. Доменный мастер имел годовой оклад в 150 руб. (это, в частности, стоимость 15–19 срубов больших деревянных домов). Молотовые и кричные мастера получали, как мы видели, 100–120 руб. серебром в год166. Доменные подмастерья, дощатые мастера и подмастерья, меховые мастера, угольные мастера имели гарантированное годовое жалованье, размеры которого колебались от 30 до 120 руб. Управители, приказчики получали, естественно, еще больше (на 4-х человек 590 руб.)167. По сведениям Кильбургера, П. Марселис главному управителю сверх годового жалования приплачивал еще 300 руб.168 (баснословные деньги!).

Причина столь высокой оплаты труда, видимо, не только в том, что на крупном, оснащенном

вододействующими устройствами, производстве эффективность работы была много выше, чем в обычном ремесле. Сказывалась и острая заинтересованность государства в форсированном развитии такой промышленности, что позволяло завышать здесь оплату любого труда.

Вспомним для сравнения заработки ремесленников-кузнецов XVII–XVIII вв., которые работали «из найму на людей, кто их когда наймет». Если бы кузнец-гвоздарь с подручным работал в год 42 недели (кроме праздников), то имел бы годовой доход в 37 руб. (подручный — около 12 руб.). Кузнец, обрабатывающий крицы в полуфабрикат, за 250 рабочих дней имел бы 43 руб. (подручный около 14 руб.). При идеальной годовой загрузке кузнец из Тихвина с подручным мог сделать 750 пудов связного железа, а на молоте Каширских заводов он делал за цикл в 120 суток 3 тыс. пудов, т. е. в 4 раза больше, а низкосортных толстых связей до 5 тыс. пудов (то есть почти в 6 раз больше).

Однако заводская производительность была реальной, а у тихвинского кузнеца — это лишь итог условной идеальной занятости. Практическая же его занятость была раз в пять меньше. Таким образом, реальная разница в заработке чуть ли не десятикратная (9 руб. в год, с одной стороны, и 85— 120 руб., с другой). В этой связи, конечно, ни о какой органичности в появлении таких предприятий в стране говорить не приходится.

Кроме того, необходимо напомнить, что до перехода на попудную оплату труда система годовых окладов предусматривала вознаграждение и «прогульных дней». С введением сдельной оплаты вместо компенсаций за вынужденные прогулы появилась система аккордной платы за работы в «прогульные дни и за всякого рода внеочередные и посторонние работы. В иных случаях мастера больше зарабатывали на аккордных проплатах, чем на основном месте работы. Подобная система плохо согласуется с принципами капиталистической экономики.

Важно помнить также и о своего рода концессионном характере заводов. Выписанные из-за рубежа специалисты обладали монополией на свое мастерство, выступали здесь как собственники своего мастерства и имели немалую материальную компенсацию именно как собственники. Русские молотовые мастера и особенно подмастерья получали лишь около 70 % от ставки иностранцев. Остальную же разницу с «идеальным» уровнем оплаты простого кузнеца-ремесленника можно отнести за счет поощрения крупного производства.

Но при всем этом необходимо помнить и о финале хозяйственной деятельности Петра Марселиса. По истечении 37 лет работы он в своем челобитии властям писал: «…многие тысячи… великому государю прибыли учинил и себя разорил и отца своего пожитки больши 60 тысяч руб. в заводы положил и больше 20 тыс. долгу на себя наложил»169. Общий итог таков: «а ему великому государю от тех железных заводов ныне прибыли нет и разорены и многи крестьяне оскудали и врознь разбрелись»170. Разумеется, это был лишь тяжелый эпизод в жизни заводов, работа их в конечном счете возобновилась, ибо государство Российское очень в этом нуждалось. **Строительство таких заводов было продолжено и в XVII в., и в XVIII в. К старым «железным заводам», действовавшим под Тулой и Каширой, добавились заводы в Олонецком крае, под Москвой и Малоярославцем, заводы Избранта и Акемы в Подмосковье, Никиты Демидова под Тулой, заводы Борина и Аристова в Романовском уезде. С 1696 г. уже велись разведочные работы на Урале.**

С началом Северной войны **в 1702–1707 гг. в Воронежской провинции были построены казенные адмиралтейские «железные заводы»:** Липецкие, Козминские и Боринские. К ним было приписано население Романова, Белоколодцка и Сокольска. К концу правления Петра I это был мощный металлургический комплекс: одних только мастеровых людей на заводах было свыше 170 чел. при общей численности занятых свыше 530 чел. Здесь делали пушки, ружья, якоря, полосное и «восьмигранное» железо, сталь и т. п. **С 1703 г. в Карелии в 133 верстах от Олонца стал работать Петровский завод.** Тут также было и литье пушек, и производство оружия, которое с окончанием Северной войны в конечном счете было **переведено в Сестрорецк**. Общее число работающих здесь также превышало полутысячный рубеж. В том же **1703 г. в устье Повенца в 300 верстах от Олонца был построен еще один «железный завод» с непременным литьем** пушек и производством ряда других изделий. Чуть позже, в **1704–1705 гг., в Карелии возник еще один «железный завод» — Кончезерский. В Белозерском уезде были построены Тырпицкие заводы, где делали только боеприпасы (ядра, бомбы, дробь и т. п.). Устрецкие заводы Бутенанта в Обонежье были переведены в казну. В Карелии удалось найти и медные месторождения (а медь важна не только для производства пушек и колоколов, но крайне нужна была для поддержки**

и развития денежной системы). Еще в конце XVII в. медные разработки начались в Фоймогубской волости. Крупные медеплавильни были и на Кончезерских заводах. Таким образом, в Европейской части России удалось уже в первый период Северной войны создать серьезную производственную основу для оснащения армии и «тяжелым» артиллерийским, и пехотным оружием. Правда, все эти предприятия использовали в основном небогатые рудные месторождения и давали железный и чугунный полуфабрикат не самого лучшего качества, но зато их большая или меньшая близость к театру военных действий имела неоценимое значение.

В первые четыре года XVIII в. началось энергичное строительство «железных заводов» на Урале. В 1700 г. начато строительство Невьянского и Каменского заводов. С 1702 г. стал действовать Уктусский завод (в 7 верстах от Екатеринбурга), чуть позднее, в 1704 г., Алапаевский «железный завод». На Уктусском заводе наряду с производством чугуна и железа была и выплавка меди. В 1704 г. в далеком Нерчинске был основан завод по добыче серебра из свинцовых руд, что имело громадное значение для развития экономики страны.

Железоделательные заводы Урала были гораздо эффективнее, чем заводы Центра. Особенно ощутима разница в производительности уральских заодов, построенных государством в 1723–1725 гг. (Екатеринбургский «железный завод» на р. Исеть, Аннинский «железный завод». Толмачевский «железный завод»). Если на Олонецких заводах в домне в течение суток переплавляли около 200 пудов руды и получали около 50 пудов чугуна (а на тульских 100–120 пудов), то на Урале домна принимала за сутки около 500 пудов руды, получая при этом от 240 до 270 и более пудов чугуна. **Секрет этого не только в увеличении размера доменных печей (вместо 4х4 саж. — 5х5 саженей), но и в качестве руды, которая на Урале была как минимум вдвое богаче железом олонецкой.** Если в 1715 г. на Петровских заводах Карелии при 4-х домнах в год получали около 35,5 тыс. пудов чугуна, то на старейшем уральском Каменском заводе в 1704 г. при 2 домнах в год выходило 56,5 тыс. пудов чугуна.

К концу первой четверти века уральские заводы строились уже как сложные комбинаты. Так, на Екатеринбургском заводе помимо двух домен и фурмовых установок для механического дутья было три молотовых «фабрики» или цеха, стальной цех, железорезальный цех, плющильный цех (прообраз прокатного стана), проволочный цех, две якорных «фабрики», лудильный цех, меховой цех, пильная мельница и разные вспомогательные службы. Кроме того, тут же было и медеплавильное производство (четыре печи, «платной двор», «прорезная фабрика», делавшая заготовки пятикопеечных монет).

В первые годы строительства крупных металлургических предприятий основным резервом неквалифицированной рабочей силы был свободный наемный труд. К 20-м годам резервы для свободного наемного труда были исчерпаны: ведь в стране, получающей низкие валовые урожаи, почти всегда существовала постоянная острая потребность расширения сферы земледелия и увеличения числа земледельцев-крестьян. Рынок труда в области промышленности практически отсутствовал. Во время строительства уральских заводов в 1723–1725 гг. генерал-лейтенант В. де-Геннин, ведший и возглавлявший это строительство, привлекал к нему военные подразделения и наемных рабочих. В итоге «как оные солдаты, так и работники сперва много от работы бегали, и дошло было до того, что оного генерал-лейтенанта в том пустом месте при строении едва не одного оставили»17!.

Ведь в Западной Европе первые мануфактуры появились в крупных эмпориях, огромные торговые обороты которых способствовали концентрации больших масс индивидов, выброшенных судьбой из привычной колеи жизни. В крупнейших портах зарождалась сложная инфраструктура, стимулирующая развитие промышленности и общественное разделение труда.

В **России же само строительство огромного по тому времени числа металлургических заводов велось не в местах сосредоточения паупер изированных масс (крупные речные пристани и города), а в местах, где были залежи железной руды, причем часто глухих и весьма отдаленных. Форсированное строительство заводов на Урале и в Европейской России, вложение огромных средств, в конце концов, пришло в тупик, ибо имевшийся в стране резервный слой маргиналов, «гулящих людей» и т. п. был исчерпан примерно за два десятилетия. Поэтому вполне логичным был тот момент в развитии событий, когда под напором требований заводовладельцев в 1721 г. им было разрешено покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян, а в 1736 г. все вольнонаемные заводские работные люди превращены были государством в «вечноотданные» к фабрикам и заводам (много позже, в XIX в., они получили название «посессионных»).**

Вместе с тем в металлургической промышленности не менее важную роль играли так называемые подсобные работы. **Огромного объема работы должны были производиться по заготовке руды, леса, угля. Еще с XVII столетия для выполнения их были использованы государственные крестьяне. Они стали делать эту работу на условиях несения феодальных повинностей. Появилось новое сословие государственных крестьян — «приписные» крестьяне. Работали они главным образом на уральских заводах (по 100–150 дворов на доменную печь, по 30 дворов на молоте и по 50 дворов на медеплавильной печи). Огромные массы людей были заняты на заготовке дров и жжении угля.**

Уральская домна размером не 4 х 4 саж., а 5 х 5 саж. в непрерывном режиме работы требовала около 500 пудов руды в сутки и не меньшее количество угля, заготовка которого была достаточно сложным делом. Рубка леса на Урале занимала 4 месяца (март — апрель и октябрь — ноябрь). Не сумевшие выполнить вовремя свою норму работали в лесу и тогда, когда уже нужно было пахать, косить сено, жать хлеб и т. д. Срубленный лес крестьяне складывали в гигантские круглые кучи в диаметре не менее 16 метров, а по окружности у основания не менее 50 м. В центре такой кучи устраивалась своего рода «труба» — пустой огромный колодец. Вся куча обкладывалась дерном и засыпалась землей, в трубе зажигался огонь, и медленное горение при слабом доступе воздуха превращало дрова в уголь. Из кучи выходило примерно 1200–1600 пудов угля.

В домну за один раз засыпалось не менее 26 пудов руды и столько же угля, а в течение суток — до тысячи пудов угля и руды. Подавали все это практически непрерывно (до 40 засыпок в сутки). Чугун выпускали 2–3 раза в сутки. Это была тяжелейшая работа, занимавшая огромные массы людей.

А были еще кричные горны при молотах. На 8 молотов за 240 рабочих дней шло 96 тысяч пудов чугуна и сжигалось 288 тыс. пудов угля (а для них необходимо было 115 тыс. м- дров). Проработав 20–30 лет, завод закрывался, ибо весь лес на десятки верст кругом бывал уничтожен. А на Урале леса «весьма туго растут и едва чрез 50 лет выростают ли годные на угольные дрова»172.

Позволим себе изложить версию режима работы крепостных мастеровых на Уральских заводах казенного ведомства на кричных горнах и молотах.

Изготовление крицы в кричных горнах начиналось с того, что чугун и уголь закладывали в горн с воздушным дутьем для «жжения чугуна». Причем в период, «когда сгорит чугун, бывает 2 или 3 раза ломка, во время которой кидают в него для мягкости соку «173. Сок этот иначе именуется «молотовой сок» или «кричный сок» («мелкий кричный сок»)174 и представляет собой окалину или троску, отскакивающую при ковке от крицы. При плавлении уже жидкого чугуна образуются так называемые «жуки», то есть куски слипшегося готового железа175. Примерно в это же время «садится полукрица», то есть образуется основная глыба спекшегося кричного железа. Далее, оставшийся чугун перемешивают ломами, «спелые жуки вытягиваются под молотом на железо», а негодные «жуки» «жжигаются в полукрице»176. Для этого полукрицу «оборачивают на фурму»177, то есть перевертывают нижней стороной вверх и кладут под прямое дутье сопла меха, то есть фурмы. При этом ее обкладывают негодными «жуками» и «осыпают углем»178. Так получается готовое кричное железо, глыбу которого рассекают под молотом на куски, и из них сразу же делали «полосовое» или связное железо.

На изготовление крицы уходило семь, семь с половиной, иногда — восемь с половиной — десять часов179. С разгрузкой крицы это занимало 12 часов, т. е. одну смену180. Прямое подтверждение такого порядка находим в источниках. «При каждом молоте в одну смену находится мастер, подмастерье и работник, а по зделании и разрубке крицы сменяются другими» — так охарактеризован труд на Златоустовском и Кусинском заводах181. Этот же порядок был и на других заводах Вятской и Пермской губерний. При описании Нытвинского завода есть уточнение, отражающее специфику всего цикла работы: «при работе сей находится людей при каждой крице по три, а на двух огнях (т. е. горнах, — Л… М.) под одним молотом — по 6 человек»182. Разница могла быть главным образом в оснащении кричными горнами. На Очерском, Тисовском, Кыновском, Екатериносюзвинском, Елизавет-Нердвинском и Эзагашском заводах на один молот приходилось 2 горна, но рабочая сила была ориентирована на молот (под одним молотом при 2-х горнах — 2 мастера, 2 подмастерья, 2 работника на суточный цикл работ)183. Работали через сутки. В других случаях, как, например, на Саткинском, Златоустовском, Кусинском, Залазинском, Омутинском, Буйском, Шурминском, Шурма-Никольском, Архангело-Пашинском, Нытвинском заводах, на один молот и один горн также приходилось на суточный цикл по 2 мастера, 2 подмастерья и 2 работника184.

Несмотря на эту разницу в оборудовании, реальная производительность на заводах и той и другой группы была примерно равной, т. е. 24–25 пудов в сутки на 6 человек. В отдельных случаях и в той, и в другой группе производительность снижалась до 10–15 пудов в сутки (Нытвинский, Архангело-Пашинский и Тисовский заводы). Реально второй горн, видимо, использовался только для размягчения криц из запасов предыдущих суток («приводится оное в мягкость при деле на тех же кричных горнах»)185. А при наличии одного горна запасы полуфабриката разогревались либо во время плавления чугуна в том же кричном горне, либо на специальных таганах (на что уходило, как правило, 6 час. времени)186. Так или иначе, но вполне очевидно, что суточная производительность в 24–25 пудов была и тогда, когда не только плавили чугун, готовя крицу, но и когда просто разогревали полуфабрикаты, заготовленные заранее.

Итак, работа первой смены, как правило, уходила на изготовление крицы и ее разруб. Проковка же реально приходилась на вторые 12 часов, т. е. выковывала 24–25 пудов практически одна бригада (мастер, подмастерье и работник) при условии непрерывности действия одного горна, передаваемого из смены в смену. Таким образом, 2 бригады в идеале сменяли друг друга каждые 12 часов в течение 6 суток недели. Это был тяжелейший труд подневольных крепостных мастеров, из года в год работавших в таком режиме.

Судя по итоговым данным объема годовой продукции за 1797–1800 гг., такой режим работы был на Омутинском, Буйском, Очерском, Екатернносюзвинском и некоторых других заводах. Однако два крупнейших завода (Саткинский и Златоустовский) работали в ином режиме. На них каждые 2 мастера на одном молоте (при одном горне), делая в сутки 24 пуда полосового железа, в неделю давали лишь от 70 до 90 пудов187. Иначе говоря, у молота и горна работали трое суток в неделю. Отработав 12 часов, каждая из двух смен отдыхала сутки, и оборудование также стояло сутки через каждые 12 часов, не считая двух суток чистого простоя каждую неделю. На Кусинском заводе расчет данных свидетельствует о 4 рабочих сутках в неделю, но реально в 1797 г. работали больше, а в 1798 г. — около 3 суток в неделю, в 1802 г. работали ежесуточно. Фактически в 1797–1800 гг. Шурма-Никольский завод работал, судя по итоговым годовым цифрам продукции, не 6, а трое суток в неделю. Крупнейший Лысвенский завод (12 горнов и 24 молота) при непрерывной работе за 300 рабочих суток мог дать 134,4 тыс. пудов полосового железа, а в 1797 г. он дал фактически 65,5 тыс. пудов, а в 1798 г. — 67 тыс. пудов, в 1799 г. — 56 тыс. пудов, в 1803 г. — 62,5 тыс. пудов, то есть рабочий цикл занимал максимум 150 суток188. Разумеется, на двух заводах какие-то простои могли быть и из-за аварий. Но аварии, вероятно, на других заводах отнимали гораздо меньше времени. Так, на Буйском заводе при идеальном расчете объем ежегодно производимого железа составил 35 тыс. пудов. Реально же в 1797 г. он дал 32,5 тыс. пудов, в 1798 г. — 34,7 тыс. пудов, в 1799 г. — 30 тыс. пудов, в 1800 г. — 28 тыс. пудов189.

Такие заводы, как Очерский и Екатериносюзвинский, в те же годы работали практически без перебоев. Правда, расчеты наши опираются на режим работы с полосовым железом, то есть наиболее массовым видом продукции. Выпуск сортового железа требовал, как мы знаем, значительно больших затрат. Впрочем, основная масса продукции — полосовое железо.

Таким образом, непрерывный производственный процесс на уральских заводах конца XVIII — начала XIX в. был на большинстве средних и мелких чугуноплавильных и железных заводов, но вместе с тем на значительной их части, особенно на крупных, рабочий процесс не был непрерывным: кричные горны и молотовые работали через сутки. Однако, если в далеком XVII в. иностранцы не желали работать сутки, имея двое суток на отдых, то в конце XVIII в. на Урале оба режима были тяжелейшими, так как сопровождали работных людей всю жизнь.

Итак, форсированное строительство крупного производства путем заимствования «западных технологий» таким социумом, как Россия, дало вместе с тем суровый социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем самые «варварские» формы феодальной зависимости. Эпоха преобразований породила огромный контингент людей, являющихся принадлежностью фабрики и продающихся из поколения в поколение вместе с этой фабрикой. От классического рабства это, не классическое, отличалось лишь тем, что фабрикант не мог убить «посессионного крестьянина», В сущности же можно сказать, что в конечном счете **«производственные отношения» в каком-то отношении пришли в соответствие с «производительными силами», так как производительные силы — это не машина или оборудование, а социум на определенном этапе развития. Этот социум, в основе жизнедеятельности которого лежало земледелие и скотоводство, едва покрывающие потребности страны, обречен был выжимать совокупный прибавочный продукт жесточайшими политическими рычагами насилия, этот социум**

неизбежно «усвоил» (подмял) и новые технологии под господствующий уклад хозяйственных отношений. К такого рода процессам абсолютно неприменимы понятия «реакционный», «консервативный» и т. п., так как они были проявлением объективной необходимости, логикой развития данного общества.

Важно отметить, что **применение промышленного труда на крепостной основе, совершающееся путем резкого возрастания эксплуатации крестьян при непременном сохранении за ними земледельческого производства, открыло возможности для своеобразного варианта развития процесса общественного разделения труда. Сочетание земледельческого и промышленного труда стало не временным переходным состоянием для крестьянина, как это обычно бывало в Европе, а утвердилось более чем на вековой период и сохранилось даже после 1861 г. Такова важнейшая специфика развития социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.**

Неслучайно, что промышленный труд на крепостной основе, впервые появившись по инициативе государства, быстро проник в сферу вотчинного промышленного производства. В частности, **во второй половине XVIII в. промышленный труд на крепостной основе был на многих вотчинных заводах и фабриках.** Так, в Тамбовской губернии в 80-х годах «при фабриках и заводах состояло 2397 душ муж. п. и 2538 д. ж. п. (в том числе в Тамбовском у. 972 д. м. п. и 1049 д. ж. п. и в Темниковском у. 778 д. м. п. и 780 д. ж. п.)190. В Липецке на казенном железном заводе находилось 1020 казенных мастеров191. В Нижегородской губ. в Ардатовском у. находились металлургические заводы Ивана и Андрея Баташевых (Ильевский, Выксун-ский и Велетинский). На 75 рудников приходилось 17 молотов и 5 домен. «Оба завода состоят в крепостных их дачах, в коих за ними по 4 ревизии мастеровых и работных людей в написании значится при Ильевском — 217, при Выксунском и Велетинском — 1194 души»192. В Пензенской губ. в 80-х годах XVIII в. дворянам принадлежало немало промышленных заведений, где работали крепостные. Это парусные и суконные фабрики в селах Инсар-ского уезда, Леплейка, Знаменское, Богородское, Покровское (св. 180 станов, св. 400 работников), поташные заводики (по 6 казаков и по 6 работникое в каждом) сел Тресвятского и Хованщины, суконная фабрика майора Гл. Орлова, раскинувшаяся по трем селениям Мокшанского уезда (села Анзыбой, Чертково и д. Рудаковка, 15 станов, 200 крепостных работников), суконная фабрика генерала Шепелева в с. Аргамаково Чембарского у. (20 станов, 250 крепостных мастеровых людей), хрустальный завод прокурорши А. Бахметевой в с. Пестровка Мокшанского у. (6 печей, 164 работника), кожевенный завод гр. А.П. Шувалова в с. Скафта того же уезда (40 крепостных работников). Возможно, это десять винокуренных помещичьих заводов Мокшанского у. (в общей сложности на 165 кубов и 354 работника, хотя то, что это наемные люди, оговорено лишь в одном случае)193. Два помещичьих винокуренных завода было в Керенском уезде (с. Никольское, Поливанове 20 и 16 кубов и 72 чел. и 45 чел. работников)194. В Землянском у. Воронежской губ. действовала суконная фабрика помещика Ф.А. Грибоедова в сельце Долгуша (410 крепостных работников обоего пола). В Задонском уезде работал железный завод М.И. Морено-Терпугова и П.И. Зыкова195. **В Подмосковье в г. Алексине и уезде было два железных завода, суконная фабрика на 10 станов, две шелковые — на 70 станов и парусно-полотняная фабрика на 225 станов**196. В г. Коломна в 80-х годах XVIII в. работала суконная фабрика Д.Д. Мещанинова (крепостных и вольных работников 80 чел.), полотняная фабрика была в г. Боровске (70 станов)197. Даже в крупнейшем промышленном центре оброчного Нечерноземья, в г. Ярославле на крупнейшей полотняной и бумажной мануфактуре Яковлева было 1357 приписных мастеров и работных людей муж. пола и 2084 жен. пола. И лишь зимою по вольному найму работало до 500 чел.198 На полотняной фабрике Г.П. Углечанинова работало 513 приписных муж. пола и 165 жен. пола, и вновь только зимой работало 300 чел. вольнонаемных. Приписные работали и на трех небольших шелковых мануфактурах (95 станов, 202 приписных муж. пола и 213 жен. пола)199.

В конце XVIII в. на полотняных фабриках все еще было 10 тыс. покупных работников (при 19095 вольнонаемных). На шелковых мануфактурах в конце XVIII в. работало 9161 чел., то есть в полтора раза больше, чем в 50-х годах (а тогда из них было св. 2 тыс. покупных мастеровых). В 1805 г. в горной, металлургической и золотодобывающей промышленности работало 106254 крепостных мастеровых и 319,3 тыс. приписных крестьян (при 14,9 тыс. вольнонаемных).

В заключение этого раздела коснемся проблемы так называемого принудительного найма. В историографии одно время эта проблема довольно активно обсуждалась (З.К. Янель и др.). Ряд исследователей считает выплату вознаграждения «вечноотданным» (посессионным) работникам заводов и фабрик признаком разложения феодализма и развития капиталистических отношений.

Однако к рассмотрению данной проблемы можно подойти и иначе. Дело в том, что феодальный (крепостнический) способ производства подразумевает непосредственного производителя в качестве непременного собственника жизненных средств. Отсюда формы изъятия прибавочного продукта неизбежно имеют характер внеэкономического принуждения. **Но если крестьянин в силу самой сути феодального способа производства имеет необходимый продукт в виде жизненных средств уже изначально, в рамках своего хозяйства, то крепостной ремесленник лишен его. Между тем при феодализме ремесленник также является собственником своих жизненных средств, хотя эта собственность предстает не в непосредственном виде (как у крестьянина), а в опосредованном и выступает как собственность на орудие труда, как собственность на мастерство.**

Такая форма собственности исключает возможность наступления крепостной зависимости только тогда, когда достигает своей высшей стадии развития в виде корпоративной организации ремесла. Это, как известно, получило широкое развитие в странах Западной Европы и достигло своей высшей точки в виде городов-коммун. **Когда же исторические условия для создания такой формы защиты собственности ремесленника на мастерство неблагоприятны, то он может и утратить свою свободу. Однако его собственность на мастерство, на способность владеть орудием ремесленного труда не исчезает и в крепостном состоянии (точно так же, как и крепостной крестьянин остается собственником своих жизненных средств**).

Отсюда становится ясной и **ситуация, когда крепостной ремесленник получает жалование (денежное или натуральное). Оно является здесь средством реализации особой формы его собственности. Поскольку квалифицированный ремесленник в качестве феодально-зависимого, крепостного работника крупной мастерской не имеет необходимого продукта в его изначальной натуральной форме, то он получает его в виде «корма», в виде жалования, в виде городского участка земли, в виде дома и хозяйственных построек. В этом его отличие от раба**, и именно это обстоятельство не учитывают многие исследователи.

При развитии промышленного труда на крепостной основе по сути образуется аналогичная ситуация. Если участие в промышленном труде позволяет непосредственному производителю не отрываться от ведения крестьянского хозяйства, то он остается владельцем жизненных средств в их изначальной форме и отрабатывает в форме промышленного труда лишь свои феодальные повинности. Эта классическая форма крепостного промышленного труда, отражающая экономическое равновесие между крестьянскими занятиями и промышленным трудом, была широко развита в текстильной и некоторых других отраслях хозяйства России. Если же характер промышленного труда нарушает эту связь с крестьянским хозяйством или совсем отрывает от него в силу необходимости достижения высшего мастерства, то работный человек получает свои жизненные средства (как их собственник) в виде оплаты труда (годовое, месячное и т. п. жалование, повременная оплата «корма» и т. д.). Чем искуснее мастерство, чем ценнее и дефицитнее специальность, тем прочнее реализуется собственность на мастерство. Высококвалифицированные ремесленники и мастера, естественно, имели гораздо больший объем жизненных средств (а стало быть, и оплату), чем малоквалифицированные. Иногда оплата их труда не отличалась от оплаты наемных работников такой же квалификации. Крепостное состояние не может элиминировать этот момент, хотя в рядовых случаях низводит жизненные средства крепостного промышленного мастерового до минимума. Мастер же высокой квалификации мог иметь и больший размер оплаты, и большую свободу распоряжения временем, возможности частичной работы в качестве свободного ремесленника и т. д. и т. п. Думается, что именно в этом, а не в так называемой эволюции в сторону капиталистических отношений суть проблемы принудительного найма.

Реальное воздействие системы крепостного промышленного труда на уровень развития производительных сил страны не только в том, что она способствовала углублению общественного разделения труда, становлению товарного рынка, созданию новых меновых (товарных) стоимостей и т. п. Система крепостного промышленного труда существенно повлияла на процесс развития рынка рабочей силы.

Поскольку крепостной рабочий как собственник жизненных средств, как обладатель особой формы собственности, т. е. собственности на сноровку, на мастерство, получал компенсацию за свой квалифицированный труд в форме, напоминающей внешне заработную плату, то ее сравнительно низкий уровень при массовом масштабе применения этой формы труда в промышленности стал постоянным фактором давления на уровень оплаты вольнонаемного труда, т. е. в конечном счете

способствовал ее снижению, непропорциональному самим размерам сравнительно узкого рынка рабочей (свободной) силы. Этот фактор стал появляться, видимо, к периоду 50-х — начала 60-х годов XVIII в., когда крепостная мануфактура стала массовым повсеместным явлением, а главное, когда в ней экономически важное место стал занимать малоквалифицированный рабочий. Думается, что именно к этому моменту уровень оплаты вольнонаемного труда снизился столь существенно, что позволил, хотя лишь мало-мальски, создать условия, благоприятные капиталистическому накоплению. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что после двукратного закрепощения (в 30-х и 50-х годах XVIII в.) свободных рабочих мануфактурных предприятий примерно с конца 50-х гг. XVIII в. доля вольнонаемного труда стала вновь расти.

Неадекватные формы капитала

В некоторых исследованиях настойчиво проводится мысль о том, что в ряде отраслей, где производство имело чисто сезонный характер, в XVII — начале XVIII в. также появлялись предприятия типа капиталистической мануфактуры. Однако если разобраться по существу, то станет ясным, что сезонные работы приобретают подлинно капиталистический характер (по степени эксплуатации труда) тогда, когда в стране, по крайней мере, сложился промышленный капитализм, когда налицо развитая система конкуренции рабочих на рынке труда. Именно последнее обстоятельство делало возможным существование столь низкого уровня максимальной заработной платы, что это позволяло осуществлять капиталистическое накопление и в этих отраслях хозяйства. Совсем, на наш взгляд, иная ситуация складывалась в большинстве районов страны в тот период русской истории, когда капиталистические отношения только зарождались. В этих условиях предприятия сезонного типа менее всего были подвержены проникновению зрелого капитализма, а тем более его специфических законов.

Возьмем, к примеру, наиболее важный и массовый тип сезонных работ — речной транспорт. В литературе уже давно встречаются утверждения, что **именно в этой отрасли хозяйства страны очень рано появляются капиталистические отношения, создается капиталистическое транспортное предприятие200, иногда определяемое как предприятие мануфактурного типа201.** Этот вопрос должен быть рассмотрен более обстоятельно, чем это делалось до сих пор.

Главное же для обсуждения нашей проблемы состоит в том, что **промышленная капиталистическая прибыль впервые зарождается лишь в регулярном морском судоходстве, а не в сезонном речном транспорте. Правда, М.Я. Волков, приводя сравнительные данные совокупной стоимости фрахта судна в 1720 г. от Казани до Астрахани (87 р. 90 к.) и оплаты рейса судовым работникам (49 р. 75 к.), считает, что «какая-то часть разницы» и составляла неоплаченную стоимость живого труда рабочих202.** Но в данном случае речь должна идти только о фрахте, высокий уровень стоимости которого связан с катастрофически быстрой изнашиваемостью строящихся в Поволжье речных судов203. К тому же практика фрахта не была в тот период сколько-нибудь постоянна и являлась лишь делом случая.

Специфика транспорта состоит в том, что рабочий не работает здесь дольше, чем требует того доставка груза. А в речном судоходстве работные люди нанимались как раз чаще всего на один лишь рейс204. Поэтому в речном сезонном судоходстве фактор присвоения прибавочного труда появляется, во-первых, лишь в условиях острой конкуренции среди рабочих, т. е. в условиях громадного избытка свободной рабочей силы, во-вторых, при уровне оплаты труда ниже его стоимости, т. е. когда часть затраченного рабочим труда не находит стоимостного вознаграждения. Однако таких условий в начале и вплоть до второй половины XVIII в. в России еще не было. Подчеркнем, что необходимый труд (необходимое рабочее время) охватывает, как известно, лишь ту сумму потребительных стоимостей, которая необходима для сохранения рабочей силы. Следовательно, транспортный рабочий, работающий, к примеру, на подъеме судов в XVII в. от Астрахани до Нижнего Новгорода в течение 80 дней205, должен заработать средства для своего существования на этот период (в 80 дней) за гораздо меньшее время (например, за 40 или 50 дней) и вследствие этого значительную часть названного срока, т. е. 40 или 30 дней, работать по существу даром. В практике сезонного судоходства в XVII и, по крайней мере, начале XVIII в. этого не существовало, да и не могло существовать, т. к. неоплаченное прибавочное рабочее время в период генезиса и развития капитализма было реальностью лишь в регулярном морском судоходстве, в условиях, так сказать, непрерывного производства. Ведь только работая весь год, моряк на жизнь зарабатывает за полгода

рабочего времени.

В конце XVII — начале XVIII в. ситуация была прямо противоположной. По расчетам Н. А. Баклановой, на питание приказчиков, т. е. торговых агентов купцов, на Волге шла одна копейка в день206. Думается, что на питание работного человека тратилось значительно меньше. По свидетельству Я.Я. Стрейса (1668 г.), в Нижнем Новгороде «за грош можно… купить столько рыбы, сколько не в состоянии съесть 4 человека»207. А в Астрахани крупный осетр или карп (сазан, — Л. М.) в 30 фунтов весом (12 кг, — Л. М.) или 25 жирных сельдей» стоили 2 деньги, т. е. один штювер208. Недаром в рейсе все работные обычно питались рыбой бесплатно209. Таким образом, в рейсе на питание шло значительно меньше копейки в день, и за весь рейс тратилось 50–60 коп. Зимне-летний комплект одежды, как мы видели, стоил примерно 1,6–1,8 руб., а летняя одежда была во много раз дешевле зимней. В то же время размер типичной заработной платы работного человека за рейс Астрахань — Нижний Новгород, по данным Н.А. Баклановой, составлял 5 руб. 30 коп.210 На эту сумму денег работный человек мог питаться не только 80 дней рейса, но и еще примерно 300–320 дней. Таким образом**, в рейсе действительно не было времени, которое работный человек отрабатывал бы на купца-судовладельца даром.** Подчеркнем, что купечество предпочитало нанимать работных людей на один рейс (и это сопровождалось риском не найти рабочую силу на следующий рейс!). Объяснение этому кроется в практике частых уходов работных людей с судна по окончании или даже во время рейса, т. к. их переманивали другие купцы или их приказчики (для этого даже существовали специальные «закликальщики»)211. А это грозило гораздо большими убытками, чем новый поиск рабочей силы. В итоге краткосрочный найм на суда оказывал экономическое давление на уровень оплаты труда и при сезонном найме. **Дефицит рабочей силы, полное отсутствие конкуренции на рынках труда вообще приводили к появлению тенденции к повышению цен на рабочий труд, т. е. к практике системы надбавок, которые сами купеческие приказчики называли «великими передачами»212**. В рейсы доставляли также большие партии вина для «задабривания» работных213, устраивали регулярные контрольные переклички, вводили систему поручительства как средство частичной компенсации убытков при побегах с судна и т. д. Например, приказчики купцов Калмыковых, будучи в рейсах, были постоянно озабочены предстоящим на стоянке отсутствием «выгружальщиков». В марте 1682 г. случилось так, что на судно, идущее вниз по Волге из Нижнего Новгорода, этого крупнейшего рынка рабочей силы для водного транспорта, было «нанять неково»214. В 1698 г. из письма приказчика Калмыковых, посланного по пути в Казань, явствовало, что он предвидит там затруднения с рабочей силой («знатно изскать будем там выгружальщиков»)215.

«Сплавной рейс», т. е. от Нижнего Новгорода до Астрахани, был значительно легче и намного короче (всего 25 дней). Однако оплата свободного труда была (из расчета на день) лишь немного ниже (5,4 коп. вместо 6,5 коп.). В итоге двух рейсов (до Астрахани и обратно вверх по течению) работный человек (не считая времени пребывания на астраханских промыслах) получал весьма большую сумму (от 5 до 7 руб.). Что же касается высококвалифицированного свободного труда, то он стоил еще больше. Волжский кормщик, например, мог иметь годовой (сезонный) заработок в 20–21 руб. (при этом на хозяйских харчах и с правом вывоза 10 пудов рыбы)216.

Таким образом**, работа на судах была настолько высоко оплачиваема, что не приходится сомневаться в отсутствии на водном транспорте (за исключением мелких перевозок местного характера) системы капиталистической эксплуатации свободного наемного труда. Разумеется, спорадически встречались и случаи, когда купец присваивал прибавочный труд транспортного рабочего, но они чаще связаны с различными формами кабалы**. Как правило, транспортный рабочий получал оплату труда по его стоимости и, возвращаясь домой, мог даже вести мелкую торговлю или промысел217. Выгода же купца-судовладельца основывалась, как известно, на принципах, противоположных понятию закона стоимости. Это «священный» принцип: купить дешевле — продать дороже, это спекуляция и даже обман («обман как базис торговли»).

В условиях колоссальных транспортных издержек на водных путях России выгоду для купца-судовладельца составляло не прибавочное рабочее время наемных судовых работников (для присвоения которого в сезонном режиме плавания не было условий), а неэквивалентный обмен. Как известно, средства сообщения и транспорт сами могут быть сферой увеличения стоимости, сферой труда, применяемого капиталом, только при наличии массового обмена. А массовый обмен был необходим для сокращения транспортных издержек и для рентабельности средств сообщения. Эпоха массового обмена, как известно, это эпоха капитализма. Только на основе развитых производительных сил капитализма возможно создание дешевых средств транспорта, а с ними и создание условий для эксплуатации

прибавочного рабочего времени транспортного рабочего.

Особое внимание в работах о генезисе капитализма в России обращается на сезонное производство по выделке кож-юфтей.

В этой отрасли хозяйства ряд исследователей также находят капиталистическую мануфактуру (где были предприятия с числом рабочих до 100–120 чел.)211.

Для кожевенного производства свойственна необычайная длительность «фазы производства», связанной с процессами «квашения», «дубления» и другими операциями, где живой труд почти не принимает участия, а собственно период обработки кож с помощью живого труда представляет собой лишь отдельные вкрапления в основную «фазу производства». Видимо, в силу этих причин кожевенное производство становится непрерывным производством в собственном смысле слова (т. е. непрерывности применения живого труда) лишь в период общего высокого уровня капитализма в стране.

Поэтому мнение о том, что в конце XVII — начале XVIII в. купеческие кожевни были мануфактурами, было оспорено. Однако ряд авторов продолжает настаивать, правда, без какой-либо аргументации, на этой оценке кожевенных «заводов» по выделке юфтевых кож.

В сложном ремесле кожевника-юфтевика в технологии обработки кож до стадии заключительного выглаживания и крашения кож существовало еще свыше 20 операций химической и «механической» обработки219. Вместе с тем внутрипроизводственного разделения труда у ремесленников не существовало, хотя на трудоемких операциях иногда практиковался найм дополнительной рабочей силы. Так, в XVII в. в Кирилло-Белозерском монастыре кожевники нанимали «дуб толчи» или мять кожи (плата «от кож от мятья 6 алт. 1 деньга», «от 10 кож от мятья дано наймы казакам 3 алт. 2 деньги»)220, а суконники нанимали топтать сукна («казак топтал сукна — 7 алтын», «Рыжку от сукон от топтанья — 4 алт. 1 деньга»)221. В кожевнях купцов и крупных торговцев главным образом поволжских городов М.Я. Волков усмотрел не только факт резкого укрупнения, по сравнению с ремесленниками, суммы производства, но и многократное увеличение наемной рабочей силы с применением внутрипроизводственного разделения труда. Последнее обстоятельство, т. е. появление частичных рабочих (хотя это было уже у ремесленников) в лице топталей, дуботолков, строгальщиков, и позволило М.Я. Волкову квалифицировать данный тип производства как купеческую капиталистическую мануфактуру.

На наш взгляд, этот весьма важный вывод слабо аргументирован. Во-первых, производство кож было сезонным производством, охватывающим период в 130–150 дней222. Следовательно, здесь уже нет в наличии наиболее важного признака промышленного производства — его непрерывности. Отсутствие такого фактора лишает, как уже говорилось, предпринимателя возможности присваивать в необходимом размере прибавочный труд наемного работника. Хотя Волков и полагает, что на кожевенных «заводах» при длительности периода их работы всего лишь в один производственный цикл могли встречаться и заводы, работавшие 2 цикла, но фактических данных для этого утверждения пока нет223. В дубильном деле в Европе воздействие дубильной кислоты на кожу длилось 6—18 месяцев. Технология в России XVII–XVIII вв., видимо, была более краткосрочная благодаря эффекту «квашения» кож в киселе из ржаного «кваса» с овсяной мукой, а также применению так называемой «какши» и т. д.224, но она, видимо, была не настолько быстрой, чтобы за срок 6–8 месяцев дать 2 цикла. Этот вопрос нуждается в уточнении.

Главное же заключается в ином. Сохраняющееся резкое несоответствие длительности общей «фазы производства», с одной стороны, и рабочего времени, т. е. времени применения живого труда, с другой, создавало ситуацию, крайне невыгодную владельцу кожевни. Она состояла в том, что длительные фазы химической обработки, чередующиеся с моментами применения живого труда, приводили при наличии постоянной рабочей силы к необходимости искусственно завышать долю необходимого труда за счет прямой потери возможности присвоить прибавочный труд наемного работника.

В конце XVII — начале XVIII в. русские купцы приспособились к неумолимым требованиям технологии кожевенного дела другим способом. Они, как и ремесленники, прибегали к более или менее краткосрочному найму, но найму массовому и лишь на определенный вид работ (толчение корья, промывка и мятье кож, «мязрильная» работа, топтанье кож и т. д.). На кожевенных дворах, видимо, лишь минимум работников был занят более или менее постоянно (прежде всего это мастера-«завотчики», «ломовые работники», т. е. чернорабочие и т. д.). Для завершающей отделки кож нанимали так называемых

«строгальников» (иногда их называли «гладильщиками»), которые выглаживали кожи, делали последние скобления мездры, красили и т. д.225

Однако краткосрочный найм с точки зрения экономической означал лишь эпизодическую связь работника с хозяином даже очень крупной кожевни, где нанималось одновременно по 40–70 чел. В условиях конца XVII — начала XVIII в. это способствовало оплате не только необходимого труда (благодаря чему наемный рабочий воспроизводил себя лишь как работника), но и существенной доли труда прибавочного226. Между тем на купеческих кожевенных дворах подобный труд был, видимо, основным. У И.А. Микляева, крупнейшего казанского купца, на кожевни «во время работы нанимаютца… помесячно, понедельно и поденно, в которое время кожа делается и корье бьют»227. У П.Д. Коновалова на «заводах» в Саранске работали поденно и понедельно»228. Поденная, понедельная и даже помесячная форма труда могла быть эффективна лишь в условиях острой конкуренции на рынке труда и, как следствие этого, существования низкого уровня оплаты труда. Однако такой ситуации в конце XVII — первой четверти XVIII в. (да и позже) просто не существовало. Наоборот, ведь **недаром почти все купеческие кожевни Ярославля работали не в наиболее благоприятное для кожевенного дела летне-осеннее время, когда упрощались и ускорялись многочисленные процедуры промывки сырых и дубящихся кож и т. п., а в зимний — самый неблагоприятный период. Одна из важнейших причин такого положения кроется в конъюнктуре рынка труда, ибо зимой в России легче было найти наемных на короткий срок работников.** Другая причина, видимо, заключалась в обусловленности временем закупки шкур забиваемого скота (осень и зима).

Однако уровень оплаты краткосрочных наймитов был достаточно высок, чтобы существенно снизить (если не свести на нет) выгоду поденного, понедельного и помесячного труда. Хотя точные расчеты пока провести нельзя, но имеющиеся данные позволяют полагать, что работники «кожевенных дворов» получали оплату своего труда не ниже уровня оплаты ремесленника. Иначе говоря, наряду с оплатой так называемого необходимого труда к ним переходила существеннейшая доля оплаты труда прибавочного.

Убедиться в том, что такое предположение имеет основание, помогают следующие расчеты. Во-первых, уровень оплаты кожевников различных «специальностей» был очень высок. Так, «топтали» получали с чана по 6 коп., а по данным И.И. Лепехина, эта работа (включая полоскание кож) занимала максимум один день, поскольку в чане было, как правило, около сотни кож, а 2 «топталя» могли сделать за день около 300 кож229. Далее, так называемые строгальники работали, как правило, довольно короткий срок, так как купцы нанимали их большими группами из расчета, определявшего каждому чаще всего объем работ в 100 кож230. Средняя взвешенная оплата по данным 15 записей крепостных книг Ярославля за 1727 г., опубликованных М.Я. Волковым, составляет 2 р. 64 коп.231 Эта работа по заключительной отделке кож, пожалуй, самая квалифицированная. Если считать длительность ее равной 30 дням, то дневной заработок составит около 9 коп. При условии, что на питание в год, по существенно завышенным расчетам С.Г. Струмилина, шло около 3 руб. (в день соответственно около 0,8 коп.)232, это очень высокий уровень оплаты. Допуская срок работы строгальников продолжительностью в 50 дней, мы получим дневной заработок 5,3 коп., существенно превышающий традиционный заработок поденщика в один алтын.

Так называемые «дуботолки», часто, видимо, не только бившие корье, но и ведшие какие-то работы в первой половине процесса, получали в среднем 7 руб. 92 коп. (средняя взвешенная по 11 записям в крепостных книгах 1727 г.)233. Срок их работы, как уже говорилось, был примерно 3 мес., но даже при его удвоении сумма заработка оставалась очень высокой по уровню поденной оплаты труда. Наконец, вспомогательные работники («ломовые») за весь цикл обработки кож (в среднем 4 мес. 10 дней) могли получать 6 руб.234

В заключение приведем еще один небольшой расчет, основанный целиком на данных М.Я. Волкова235. В Каргополе на заводике И. и А. Прибытковых работало 11 человек в течение 130 дней (с 20 мая по 1 октября). Сделано было ок. 2 тыс. кож. В итоге «завотчик» получил 10 руб., шесть человек (видимо, строгальники) заработали по 2 р. 50 коп. с сотни кож, а 4 чел. (вспомогательные работники) за сезон получили по 30 алтын (90 коп.) человеку с каждой сотни кож. В итоге получается, что 11 человек получили за 130 дней 83,5 руб. или по 7,6 руб. на человека. При этом неквалифицированные работники получили по 6 руб. (т. е. в день по 4,62 коп.), а квалифицированные — по 8—10 руб. Для воспроизводства их как работников нужна была сумма вдвое-втрое меньшая. Одинокий человек мог существовать на этот заработок в течение целого года, если не более.

Следовательно, и здесь, и в других случаях высоких заработков на кожевенных предприятиях нанимающийся имеет возможность «выжать» из хозяина какую-то часть создаваемой им прибавочной стоимости. И часть эта, судя по всему, была немалой.

Таким образом, мы видим, что в кожевенном производстве сезонный характер отрасли создает на этапе генезиса капиталистических отношений ситуацию, крайне неблагоприятную для становления адекватных форм капитала, т. е. его более или менее зрелых форм, при которых ощущается действие законов капиталистического способа производства (закона прибавочной стоимости, капиталистического накопления, конкуренции и т. д.). В сезонное производство адекватные формы капитала проникают лишь тогда, когда общее развитие капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве создали резерв наемной рабочей силы, острую конкуренцию на рынке труда и низкий уровень оплаты поденного труда.

В кожевнях купцов конца XVII — начала XVIII в. сезонность производства усугублялась практикой эпизодического более или менее краткосрочного найма, что создавало отсутствие непрерывности участия рабочих в производственном цикле, т. е. непрерывности в экономическом смысле. Здесь частичный рабочий, сделав свою часть работы, увольняется, т. е. прерывает производственную связь с предприятием. Иначе говоря, он лишает предпринимателя возможности пользоваться экономическим эффектом мануфактуры как капиталистического предприятия: присвоением прибавочного труда. Бели бы на кожевенных дворах с точки зрения экономической главную роль играла так называемая относительная прибавочная стоимость, отрицательный эффект увольнения частичных рабочих был бы не столь велик. Однако на данной стадии развития ключ к капиталистическому накоплению — длительность найма, накопление абсолютной прибавочной стоимости. В погоне за абсолютным прибавочным временем в странах Западной Европы практиковалось, как известно, так называемое «рабочее законодательство», цель которого максимальное удлинение рабочего времени. Прерывность капиталистического производства, его расчлененность в пространстве и времени, если она встречается, связана лишь с продуктом труда, претерпевающим разные стадии производства. Расчлененность в пространстве и времени никогда не касалась живого труда. Если выше были приведены расчеты, свидетельствующие о том, что уровень оплаты рабочих кожевенных заводов был настолько высоким, что включал существенную часть прибавочного труда, то, учитывая общий низкий удельный вес прибавочного труда в ранних капиталистических предприятиях, приходится вообще усомниться в выгодности такой экономической организации труда для владельца кожевни.

Чтобы проверить данное предположение, приведем еще ряд расчетов, цель которых — раскрыть в самых общих и приблизительных показателях экономическую эффективность «переделки» кож. В «сказке 1704 г. ярославский купец И.П. Топленинов дал своеобразный отчет о своих основных торгово-экономических операциях. В частности, он закупил в Ярославле сырые кожи на 474 р. 90 коп. «и зделал кожи», и продал их в том же Ярославле московскому купцу А.Г. Борину за 733 р. 33 коп. При этом И.П. Топленинов указал вес выделанных кож (276 пудов 28 ф.) и цену за пуд (2 руб. 21 алт.)236. Производственные затраты мы можем ориентировочно оценить в 120 руб.237 Таким образом, чистый доход составил около 138,4 руб., или 23,3 % ко всей сумме затрат на покупки и выделку кож (примерно по 594,9 р.). Этот доход в данном случае не связан ни с какими транспортными расходами, и, следовательно, здесь возможна оценка прибыли в качестве торговой прибыли, хотя и без учета некоторых расходов на производство.

Реальность данных расчетов можно проверить еще на одном примере. Брянский купец Никита Чамов закупил 1935 кож сырья по цене 677 р. 18 алт. «И с того числа 1543 кожи переделаны в юфть в своем товаре, а из дела той юфти вышло 272 пуда по цене с передельными харчами на 675 рублев»238. Данный текст, как мы видим, принципиально важен, ибо торговец дает здесь сведения о себестоимости продукции. Итак, в «сказке» приведены точные данные о количестве исходного сырья, его стоимости и стоимости обработки кож. Штука кожи при закупке стоила в среднем 35 коп.

В «передел» пошло 1543 шт. стоимостью в 540 р. 5 коп. Готовая продукция (272 пуда) по себестоимости стала в 2 р. 48 коп. за пуд. Иначе говоря, затраты на «передел» составили 134 р. 95 коп., или 25 % к стоимости исходного сырья. В расчетах операции по переделке кож ярославского купца И.П. Топленинова затраты на производство, реконструируемые нами, составили 27 %. Таким образом, степень совпадения расчетов вполне приемлема.

Далее, Никита Чамов реализовал готовые кожи «в малороссийских городах» по цене на 756 р. 20 алт., т. е. с прибылью в 81 р. 60 к. (возможно, за вычетом стоимости провоза и пошлин), что составило около 11,2 %

торговой прибыли. Отсюда становится ясно, что у И.П. Топленинова сбыт готовой кожи в Ярославле произведен был с учетом торговой прибыли, которая была больше, чем в Брянске. Следовательно, купцы, перерабатывая на своих «заводах» кожи, тратили на переработку 25–27 % стоимости исходного сырья, а получали в конечном счете лишь торговую прибыль. У И.П. Топленинова чистая прибыль к стоимости одного сырья составила 27 %, а у Н. Чамова всего лишь 15,1 %. Если вспомнить, что у них были производственные затраты, то первый из предпринимателей остался без убытка (или с мизерной прибылью в 2–3 %), а второй — с убытком.

В материалах «сказок» по Н. Чамову есть данные о другой операции по переделке кож и продаже готовой продукции. Он изготовил 308 пудов юфти, «брянская цена» которым 770 руб.239 Видимо, это стоимость выделки, ибо цена за пуд юфти примерно та же, что и в первом случае (2,5 руб. за пуд). Партия кож была продана в «малороссийских городах» за 857 р. 26 алт. 4 деньги. Если полагать, что выручка в «сказке» дана уже с учетом вычета стоимости провоза и пошлин (80 руб.), то торговая прибыль составит 87 р. 79 к., т. е. 11,2 %. Рассчитав стоимость сырья (603 р. 68 к.), получим, что доход этой суммы составит 12,8 %. Результат очень близок к первому.

Таким образом, перед нами резкая разница в доходности. «Передел» кожи в Ярославле, крупнейшем торговом центре на пути к Архангельскому порту, был, по крайней мере, не убыточен. При 27,2 % производственных затрат купец мог получить вместо 120 руб. (затраченных на производство) около 138 руб. прибыли, т. е. 29,1 %, или на 18 руб. больше, чем производственные траты. Доход, конечно, скромный.

В «сказке» суздальских купцов Д. и Г. Лихониных есть сведения об операции по выделке кож в 1701 г.240 Закупив в Москве «и в иных городах яловичные кожи, они переделывали их в Суздале «на своих кожевенных заводах» и в Ярославле, куда, видимо, отдавали «в дело» на другие заводы. Партия кож была огромной и составила 1817 пудов 20 ф., а «ценою стало выздeлье» по 2 р. 6 алт. 4 д. (т. е. 2 р. 20 коп.) за пуд. В итоге общая цена по себестоимости 3998 р. 16 алт. 4 д. Считая ярославскую цену сырью по 1 р. 71 коп. за «пуд»241, то при цене 2 р. 20 коп. за пуд готовых кож производственный расход составит 1166 р. 18 коп. при стоимости сырья 4060 р. 96 к. Следовательно, и здесь доля производственных расходов примерно та же (23,5 %). Небольшое их снижение могло быть за счет укрупнения объема работ. Если бы Лихонины продали кожи в Ярославле по той же цене, как и И.П. Топленинов (2 р. 63 к. за пуд), то торговая прибыль составила бы 19,5 %. Но Лихонины сбыли свой товар в Архангельске, потратив на пошлины и провоз 20 % от себестоимости выделанных кож.

Поскольку в источнике архангельская выручка ими точно не названа, то для расчета можно использовать материал другой торговой операции. В частности, П. и К. Топлениновы закупили в Ярославле кож на 1340 р., а продали их в Архангельске на 2836 р.242 Вычитая затраты на выделку (т. е. 25 % от исходной цены сырья), а также провоз и пошлины (20 % от стоимости готовой продукции), то в итоге прибыль купца составит огромную цифру (около 50 % стоимости готовой продукции). Таким образом, стремясь к прибыли столь высокого уровня, купец мог и, видимо, вел свое кожевенное производство на принципе оплаты и необходимого, и как минимум значительной доли прибавочного труда. По отдельным же операциям обработки кож оплата могла, вероятно, включать и стоимость всего рабочего труда.

Совсем по-иному выглядит баланс торгово-промышленных операций у брянского купца Н. Чамова. Здесь при 25 % производственных затрат (134 р. 95 коп.) к стоимости исходного сырья чистая торговая прибыль составила всего 81,6 руб., или 15,1 %. Это намного меньше, чем исходная сумма производственных затрат. Естественно, что такой результат настораживает, так как производство получается убыточным. И все же, делая определенную скидку на фрагментарный характер данных и их неточность, основная тенденция проясняется достаточно четко. Обработка юфтей могла оправдывать себя с точки зрения экономической только как составная часть внешнеторговых оборотов купечества, приносящих огромные прибыли. Сбыт передельных кож на внутреннем рынке был практически убыточным. И главным фактором, определяющим этот убыток, была ничтожная, чисто символическая величина той части прибавочного труда рабочих, которую присваивал владелец кожевни.

Думается, что приведенный нами анализ не позволяет квалифицировать кожевенные дворы, кожевни и «заводы» купцов конца XVII — начала XVIII в. как мануфактурные предприятия, ибо им не были свойственны основные экономические характеристики капиталистического производства. Несмотря на крупный массовый найм рабочих для выполнения отдельных операций, позволяющий полагать, что на

определенных этапах перед нами тип кооперации, основанной на вольном найме, сезонный характер производства исключал возможность проявления главного признака специфически капиталистического производства — прибавочная стоимость определенного уровня, минимально допустимого для существования капиталиста как капиталиста. Владельцы кожевен конца XVII — начала XVIII в. могли существовать только как купцы.

Для крупного купечества кожевни были скорее средством некоторого сокращения накладных расходов, неизбежных при скупке готовых кож у многочисленных мелких ремесленников-товаропроизводителей.

Таким образом, перед нами образец, хотя и не типичный, отношений «средневекового» капитализма, функционирования так называемых неадекватных форм капитала, в которых еще не созрела противоположность труда и капитала, больше того, не действуют специфические закономерности капиталистического способа производства. Такие формы в эпоху феодализма носили спорадический характер, были обратимы и в сущности не могли влиять на судьбы старого господствующего способа производства.

Важнейшая черта эволюции кожевенного производства с применением наемного труда, на наш взгляд, заключается в том, что сбыт продуктов обработки животного сырья за рубеж объективно требовал появления крупного капиталистического производства мануфактурного типа, но объективные условия социально-экономического развития страны и специфика технологии производства ставили непреодолимые для того времени препятствия. Но дело не только в этом. **В противоположность английскому производству шерсти, первоначально предназначавшейся для иностранных суконных мануфактур, обработка кож и сбыт их за рубеж не привела и не смогла привести к тем гигантским преобразованиям экономики страны и резким смещениям общественных слоев, которые в Англии ознаменовали бурное развитие капитализма.** Кожевенный юфотный товар не имел этой перспективы, и реальное весьма скромное место кожевенных «заводов» в экономике второй половины XVIII в. лишний раз свидетельствует об этом (в стране общее число кожевенных, в основном мелких по объему производства, заведений к концу века достигло более 800).

Указанные особенности были характерны и для такой весьма специфичной отрасли хозяйства, как винокурение, социальная организация которого практически не влияла ни на процесс общественного разделения труда, ни на механизм ценообразования. В XVII в. казенные винокурни в большинстве своем работали на 10 % мощности, т. е. потенциального объема продукции при условии бесперебойной непрерывной работы в течение года243. Это означает, что почти все винокурни работали лишь эпизодически. Только немногие более крупные казенные винокурни работали несколько более систематично (в Орлове на 12–15 %, в Устюжне — на 26 %, в Бежецке — на 30 %, в Вятке — на 37–43 %, в Можайске — на 46 % от потенциальной мощности)244. Даже самая крупная для XVII в. нижегородская винокурня работала на 60 % мощности245. Таким образом, эпизодичность или большие перерывы в работе были типичны для всех предприятий этого столетия. Тем более это можно отнести к работе мелких винокурен частного владения, в том числе и немногих в XVII в. купеческих предприятий246.

Господство краткосрочных форм найма вело к нерегулярности производственных циклов, неравномерности загрузки оборудования не только в XVII в., но и в более поздний период. В 1719 г. купцы, владеющие винокурнями в Казанской губернии, в одном из челобитий специально оговаривали, что «у них на тех заводах с крепосми (т. е. с оформлением найма на длительный срок, — Л. М.) работных людей держать невозможно, понеже бывают у них в найме, в работе человек по неделе и дни по три, и по два, а по последней мере (т. е. в крайнем случае, — Л. М.) самое малое число (таких работников, — Л. М.), что по месяцу (работают, — Л. М.)…; годовые (же, — Л- М.) никогда не наймуютца…»247

В XVII в. краткосрочный найм одновременно сопровождался высокой по своему уровню оплатой. Так, в 1658–1659 гг. в Дмитрове винокур получал «с браги» 10–11 алт. (30–33 коп.), а подсобный работник — 7 алт. или 8 алт. 2 деньги (21–25 коп.), в Козлове в 1670–1671 гг. винокур получал 15 алт. 2 д. с «вари» (46 коп.), а подсобный работник 8 алт. (24 коп.)248. Столь высокий уровень оплаты как-то не согласуется с данными монографии М.Я. Волкова о реальной итоговой оплате в 50—70-е гг. XVII в. по 13 винокуренным центрам страны249. В шести случаях оплата за сезон была около 2 руб. в среднем на работника, а в остальных — 5–6 руб. Думается, что данная оплата начислялась не за сезон, а за дни работы, которых, видимо, было очень немного, т. к. винокурение было эпизодическим.

Для проверки этих предположений используем данные по Талицкой (Вятской) винокурне, одной из крупнейших в стране в период 30—50-х гг. XVIII в. Здесь оплата была повременной, и винокуру платили за месяц 2 руб., а подкурку — 1 руб. Случай этот исключительно редкий, так как всюду платили сдельно250.

Причина, видимо, кроется в том, что при непрерывном производстве на столь крупном предприятии (примерно 89 котлов винокуренных да 2 котла браговарных)251 производительность была более чем вдвое выше обычных винокурен. Расчет показывает, что при «варе» в 45 ведер252 на Вятской винокурне за 12 месяцев было примерно 488 «варь» или «браг», за которые при сдельной оплате по 15 коп. за брагу винокур должен был получать в год огромные деньги (св. 73 руб.); столь же велик был бы заработок и полуквалифицированного «жегана» (св. 36 руб.)253. В реальной же действительности винокур на Талицком заводе получал 24 руб. в год? и даже эта, втрое меньшая, чем расчетная сумма была вполне на уровне заработка высококвалифицированного специалиста-ремесленника 20—30-х гг. XVIII в.254 Таким образом, перед нами яркий пример того, как резкое повышение производительности труда позволяет предпринимателю (в данном случае это государство) присвоить громадную долю так называемого прибавочного рабочего времени и лишь незначительной его частью делиться с работником.

Совсем иное положение было при сезонных работах на более мелких винокурнях. Данные по Талицкой (Вятской) винокурне за 30—50-е гг. XVIII в. предоставляют редкую возможность рассчитать длительность браговарения (при среднем объеме годовой продукции в 22 тыс. ведер в год было 488 «браг» на 2 котла, откуда в конечном счете следует, что при непрерывном процессе на одном котле на «брагу» шло примерно полтора дня или 2 «браги» делали за 3 дня)255. Конечно, разница в объемах котлов влияла на срок варки (на Талицкой винокурне браговарные котлы должны были быть очень большого объема), и в котлах меньшего объема варка могла быть несколько короче по длительности, но разница не была существенной.

При той же технологии в XVII в. дмитровский винокур, имея на одном котле одну варю в неделю, мог получать в месяц 1 руб. 20 коп., а за 6 месяцев — 7 руб. 20 коп. Работая вдвое больше, он получал бы соответственно за месяц 2 руб. 40 коп., за 6 месяцев — 14 руб. 40 коп. (за год 28 руб. 80 коп.). В Козлове при тех же условиях в первом случае винокур получал бы за 6 месяцев 11 руб. 04 коп., а во втором — 22 руб. 08 коп. (за год 44 руб. 16 коп.). Подсобный работник — жеган в обеих винокурнях получал бы одинаково: в первом случае — 5 руб. 76 коп., а во втором — 11 руб. 52 коп, (в год 22 руб. 52 коп.). Реально же в Дмитрове работники в среднем за сезон получали около 5 руб. 80 коп., и если считать, что винокур действительно получал 7 руб. 20 коп., а подсобные рабочие — по 5 руб. 04 коп. (т. е. по 7 алт. за «варю»), то это соответствует периодичности «вари примерно один раз в неделю в течение 6 месяцев. Как видим, работа была действительно сугубо эпизодическая, и для XVII в. она была характерной для всех винокурен.

Отсюда прямая заинтересованность в поденной оплате, хотя и весьма высокой по своему уровню (подсобный рабочий имел 21–24 коп. в неделю, т. е. традиционный алтын в день или чуть больше, хотя реально он работал не неделю, а вполовину меньше).

Следовательно, в XVII — начале XVIII в. в винокурении оплата была, скорее всего, по стоимости труда, или, во всяком случае, оплачивалось не только необходимое рабочее время, но и существеннейшая часть прибавочного рабочего времени. Это было возможно в условиях монопольной государственной торговли вином и, следовательно, монопольной цены, которая всегда максимально завышалась, поскольку определялась, как известно, только спросом населения.

Неслучайно поэтому даже во второй половине XVIII в. владельцы винокуренных заводов при малейшей возможности приобретали либо «приписных» работных людей, либо использовали своих крепостных крестьян.

В России в XVII столетии зарождались спорадически лишь так называемые неадекватные формы капитала. Будучи типично «средневековыми», они не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на старый способ производства. Поэтому в равной мере их спорадическое появление, как и исчезновение, могло произойти и происходило и в более раннее время.

В России сезонный характер имело довольно внушительное количество отраслей хозяйственной деятельности. Организованные, как правило, в мелкие мастерские, они работали либо в теплое время года, либо, наоборот, зимой. В Макарьеве-на-Унже Костромской губ. в 80-х годах действовал заводик ярославского купца Свешникова, в нем «варили» серу, купорос и красную краску «мумие» из

колчедана. Работало всего 6 чел. наемных, но действовала эта мастерская лишь с февраля по май256. Как мы уже видели, зимой работали кожевенные заведения. В теплое время работали гончарные, горшечные, кирпичные заводики. В летне-осенний сезон работали салотопни, мыловарни, свечные, клеевые, крахмальные, солодовенные заведения. В теплое время работали винокуренные заводы и т. д. Как правило, в такого рода предприятиях занято было от 2 до 10 человек. Так, в Саранске мыльные заводики на 1–2 котла имели по 3 или 4 человека работников. Кожевенные заводы на 2–3 шайки (чана) также имели не более 3–4 чел. работных людей257. В Пензе мыльный заводик на один котел производил 1500 пудов мыла в сезон, имея четырех работников. Три заводика, мощностью по 2 котла каждый и делающие 2–3 тыс. пудов мыла в сезон, также имели по 4 человека работников. А завод на 4 котла и 8 работников в силу краткости рабочего времени делал всего 3 тыс. пудов мыла258.

Изредка среди подобных заведений встречались более крупные (до 30–40 работных людей).

Тот или иной набор подобных небольших заводиков был во второй половине XVIII в., да и в XIX в., во многих, но далеко не во всех городах Центра России. Так, в Ярославле было два белильных «завода», 14 заведений, изготавливающих медную и оловянную посуду, 18 кожевенных, скорняжных, «баранных», сыромятных «завода», четыре солодовенных, три клеевых, один крахмальный, два свечных, два пивоваренных завода, работающих на вольном найме. В то же время четыре небольших купоросных, суриковых и белильных заведения имели 10 приписных работных259. В городе были полотняные и шелковые фабрики и плющильный и волочильный завод. В соседнем г. Романове было 4 солодовни, один кирпичный, один кожевенный завод260. В Угличе было шесть солодовенных, шесть кожевенных заводов и три бумагоделательных фабрики. А 17 кирпичных заводиков работали на строительство церквей261. На одном таком заводике 4–6 работников могли выработать до 100 тыс. кирпичей. В Ростове купоросный «завод» имел четырех работников, а суриковый и белильный — 9 человек. Кроме них в городе была и полотняная фабрика262. В г. Шуе действовало восемь кожевенных, один мыловаренный, шесть кирпичных «заводов», две воскобойных избы, два набоечных дома, две полотняные фабрики263. В Костроме в конце века было 11 солодовен (работников до 16 чел.), 11 масляных «заводов» (работников до 21 чел.), один завод красной юфти (работников 36 чел.), 13 скорняжных «заводиков» (работников до 56 чел.), три овчинных (работников 6 чел.), два клеевых (работников 6 чел.), два уксусных (работников 4 чел.), десять квасоварен, семь пивоварен, 30 кузниц, 18 кирпичных «заводов» (работников 186 чел.), один гончарный (7 чел.) и один колоколенный «завод»(5 человек, а при больших колоколах до 20 чел.)264. В 80-х годах здесь было 7 полотняных фабрик, а к концу века число их почти удвоилось265.

В Кинешме наряду с шестью кирпичными заводами действовало два кожевенных и полотняная фабрика266. В соседней Нерехте было шесть солодовенных и пять кирпичных «заводов» и полотняная фабрика267. В Дмитрове работало пять солодовенных, пять кожевенных, один гончарный, один мишурный «заводы», одна набойчатая «фабрика» и восемь суконных станов. В уезде была фарфоровая фабрика, представлявшая собою классическую мануфактуру, где каждое изделие проходило до 20 операций производства268.

В Коломне мы встречаем тот же, так сказать, классический набор этих заводиков (десять солодовенных, девять кожевенных, два клеевых, шесть гончарных, три кафельных, два сыромятных и 24 кирпичных «завода»). Специфика здешней городской мелкой промышленности заключалась в изобилии салотопен (34 завода), что связано с ежегодным прогоном скота269. В Кашире тот же набор: 14 солодовен, 15 кожевенных заводов, 27 кирпичных, девять горшечных и 4 кафельных «завода»270.

В Серпухове, так же как и всюду, те же солодовни (три) с 11 наемными работниками, те же кожевенные заводы (5), где было соответственно 6, 7, 5, 2 и 10 наемных рабочих, две бумажных «фабрики», одна суконная и 6 парусно-полотняных (о них несколько позже)271. В Боровске помимо двух полотняных фабрик было пять кожевенных и шесть кирпичных заводов272. В Алексине была большая парусно-полотняная фабрика, одна шелковая (70 станов), а также суконная и каразейная на 10 станов. И, конечно, одна солодовня и два кирпичных «завода»273. Венев — небольшой городок имел шесть горшечных и девять кирпичных заводов, одну солодовню (всего на сто четвертей солода) и одну полотняную фабрику274. В Козельске мы снова видим четыре солодовни, один кирпичный, девять горшечных и три кожевенных «завода»275. И, наконец, в Рязани было семь солодовен, три кожевенных, четыре кирпичных, пять горшечных заводов, одна шелковая и одна полотняная фабрика276.

Обзор мелкой промышленности городов Центра России завершим Арзамасом и Нижним Новгородом. Как

везде, в городе Арзамасе были кожевенные заводы. Их было двенадцать, на них выделывали «юфтяной красный и черный товар»277. Нанимают на них людей по мере надобности («работных людей на них бывает от пяти до 20 человек»)278. В городе было также пять мыльных «заводов», каждый из них на один или два котла. Иначе говоря, это мелкие заведения: «а работных людей бывает на них по два и по три человека». Общая производительность — всего 2,9 тыс. пудов в сезон279. В Нижнем Новгороде было всего два кожевенных завода на 2 тысячи и на 500 кож. Был также очень большой кирпичный завод (до 1 млн штук кирпичей). На нем было до 40 работных людей. В центре страны (кроме Москвы) таких предприятий источники не фиксируют. Главное же в городе — это восемь прядильных (канатных, бечевых, смольных и бельных) заводов общей производительностью в 40,6 тыс. пудов. Что же касается рабочей силы на них, то, как и всюду, сезонность и колебания в загрузке приводили к тому, что «рабочих людей употребляется неравно, а по мере надобности»280. Характерен пример по канатному заводу в г. Павловске Воронежской губ. Здесь поденно бывает найм в общей сложности до 80 чел.281 В Нижегородской округе в г. Балахне был соледобывающий комплекс (21 корпус, по 4 цpена в каждом с сушильнями, 6 соляных амбаров и 30 соляных труб). В г. Городце была небольшая купеческая «фабрика» для производства лазури и сальных свечей282. В с. Дарьине помещичий кирпичный заводик. Такой же заводик был в г. Василь, а в с. Спасском — кожевенный заводик на 3 тыс. кож283. Два маленьких кожевенных завода были в г. Семенове284.

Наш довольно однообразный перечень можно было бы продолжить, но не столь уж долго, так как большое количество городов Центра России, не говоря о Черноземье, подобных промышленных заведений не имело совсем. Их функции выполняли ремесленники, которые занимались многообразнейшей деятельностью в пределах Промышленного Центра страны. А для мелких заведений характерны краткосрочный найм, сезонность в работе, постоянные колебания в объеме производства, сравнительно высокая оплата. Все это не создавало благоприятных условий для капиталистического накопления. Подобная мелкая промышленность могла существовать веками, не меняя уклада провинциальной городской жизни, ибо это были так называемые неадекватные формы капитала.

Экономически сюда же следовало бы отнести такой вид сезонной деятельности, как речное судостроение. Здесь также господствовал краткосрочный найм, аккордные формы оплаты труда, здесь были весьма не оптимальные условия капиталистического накопления, не было реального влияния на прибыль предпринимателя фактора так называемого постоянного капитала. Больше того, едва ли не половина создаваемых транспортных средств предназначалась всего лишь для одного-двух рейсов. Это был один из моментов губительного влияния на экономику страны природно-климатического фактора, приводившего к громадной растрате сырьевых и людских ресурсов.

Прогресс экономики России был, скорее всего, связан с иными процессами.

Здесь речь должна идти о промысловой деятельности крестьянства. **Как уже говорилось, крестьянство Нечерноземья, имея основной своей базой воспроизводства земледелие, не сводило концы с концами. На примере крестьянства Тверской губернии было довольно четко показано, что даже в 80-е годы XVIII в. среднее хозяйство получало доход от продажи своих продуктов и изделий на сумму 6—10 руб., в то время как для нормального воспроизводства необходимо было иметь 23–26 руб.** Видимо, такая же ситуация была во многих губерниях Центра. Крестьянину были крайне необходимы заработки в области промысловых занятий, ремесла и торговли. Между тем со времени петровских преобразований экономическая стратегия правительственных кругов строилась по западному стандарту: ремесло — это городская привилегия, как и торговля. **Однако в условиях России город развивался чрезвычайно трудно, земледелие веками удерживало население в деревнях и селах, ибо объем совокупного прибавочного продукта был далек от оптимума, да и продукция Нечерноземья оставалась общественно необходимой. Режим крепостного права содействовал этому сдерживанию.** Но при Петре, Анне Ивановне, Елизавете Петровне власти традиционно охраняли монопольные права городского посада на торговую и ремесленную деятельность. В 1745 г. крестьянам разрешили мелочную торговлю предметами ремесла лишь в «знатных селах и деревнях», расположенных «не в ближнем расстоянии» от городов. Это было подтверждено и таможенным уставом 1745 г. Крестьянам была запрещена не только торговля в городе, но и устройство промышленных заведений (борьба с «неуказными» заведениями).

И только в 50-е годы XVIII в. намечается постепенный отказ от этой политики, а **решительный переход к поощрению крестьянской промышленной деятельности произошел при Екатерине II. Запрещая промысловые монополии и откупа, правительство Елизаветы еще в конце 50-х — начале 60-х годов стало поощрять именно мелкие промыслы**. В одном из сенатских указов об этом заявлено со всей

откровенностью: **«а в заведении для того фабрик не позволять, дабы чрез то у мастеровых людей пропитание отъемлемо не было»285. Таким образом, прямое поощрение вовлечения основной массы крестьянства в торгово-промышленную деятельность было продиктовано суровой необходимостью помочь выживанию громадной массы населения Нечернозем**ья. Это была чисто прагматическая линия правительственной политики. И эта политика принесла плоды уже в ближайшие 15–20 лет. Об этом, в частности, свидетельствуют данные об уровне оброчной эксплуатации помещичьих крестьян и обеспеченности этих же крестьян пашней. Так, сведения о 3759 душ муж. п. крестьян Егорьевского у. Московской губ. свидетельствуют о том, что в 1769–1773 гг. их хозяйство носило чисто земледельческий характер (что следует из четко проступающей закономерности: чем больше у крестьянина пашни, тем выше сумма оброка с души м. п., который он платит). Спустя примерно 15–20 лет у тех же 3759 д. м. п., живущих в тех же селах, характер соотношения размера оброка и размера пашни резко меняется: **наибольший оброк платят уже те крестьяне, у которых пашни меньше. И наоборот, наименьший оброк платят те крестьяне, у которых пашни больше286. Произошел, таким образом, своеобразный «промысловый переворот».** Центр тяжести хозяйственной деятельности крестьян этого региона перемещается в промысловую деятельность, и от нее в первую очередь зависит размер дохода крестьянина (а значит, и размер оброка). В 80-х гг. этот процесс коснулся всех крестьян этого уезда (15868 д. м. п.), ибо 4490 д. м. п. платили оброк в 5 руб., имея в среднем на душу м. п. 3,0 дес. пашни, а 2574 д. м. п. платили оброк в 8 руб., имея в среднем на душу м. п. 0,1 дес. пашни287. То же самое наблюдается и по другим районам. Так, в Костромском у. в 80-е гг. 4008 д. м. п. платили оброк в 3 руб., имея в среднем на душу м. п. 3 дес. пашни, а 3225 д. м. п. платили 4 руб., имея в среднем на д. м. п. 2,65 дес. пашни288. В Вяземском у. 7481 д. м. п. платили оброк по 2 руб., имея в среднем на д. м. п. по 3,9 дес. пашни, а 5098 д. м. п. платили оброк в 4 руб., имея в среднем на д. м. п. 3,2 дес. пашни289. **Уже в конце столетия современник пишет о крестьянстве Ярославской губернии: «почти все генерально отходят по пашпортам» в зимнее время для промыслов290. Уже в 1773 г. в Московской губернии из 960 мелких ткацких мастерских с 1–4 станами 825 принадлежали крестьянам и отчасти купцам.**

Таким образом, преследуя чисто практические цели**, дворянское правительство Екатерины II сумело создать условия для крутого поворота путей развития крестьянского хозяйства обширнейшего региона России в сторону промышленной внеземледельческой деятельности.**

Между тем **традиционно бедствующее земледелие мгновенно ощутило даже самые незначительные перемещения центра тяжести крестьянского труда в область торговли и промышленности. Больше того, определенная часть крестьянства явно тяготилась земледелием. Отлучаясь на долгое время из деревни, эти крестьяне «то не только приобыкают к излишеству, вводящему их в разные преступления, но и теряют охоту к земледелию»291. В этих условиях хоть как-то удержать былой уровень развития земледелия в Нечерноземье можно было только внеэкономическим принуждением, то есть общим ужесточением режима крепостного права.** Запрет крестьянам жаловаться на помещиков был установлен еще в 1649 г. и с тех пор многократно подтверждался. Но при Екатерине II за это крестьяне уже жестоко наказывались вплоть до ссылки в Нерчинск292. **В январе 1765 г. «за предерзостное состояние» «вредных обществу людей» помещикам разрешено было не только ссылать в Сибирь (а это было узаконено еще в 1760 г.), но и отдавать в каторжные работы. Порядку и регламентации процедур отправления крестьян в ссылку и их содержанию посвящена была целая серия указов293. Легализована была практика продажи крестьян оптом и в розницу.** Помещичьи крестьяне лишены были права присяги государю. Их также лишили права брать откупа и подряды, вступать в вексельные отношения294. Крайне суровыми были меры по ссылке беглого крестьянства295.

И тем не менее **итогом экономической правительственной политики было не только массовое развитие крестьянских промыслов и отходничества, что резко расширило рынок труда и способствовало быстрому росту общего количества предприятий.** Выход крестьянства на рынок труда являлся важным фактором давления на уровень оплаты вольнонаемного труда. Феномен этого явления можно свести к следующему. **Как уже говорилось, крестьянин выходил на рынок труда, оставаясь владельцем хозяйства и собственником своих жизненных средств. Отходническая деятельность была призвана лишь компенсировать нехватку этих средств. Поэтому крестьянин-отходник как продавец рабочей силы мог продавать ее ниже ее действительной стоимости, создавая конкуренцию предпролетарским слоям города, «гулящим людям» и прочим маргиналам. Массовый выход, даже кратковременный, именно такого продавца рабочей силы был мощным фактором снижения цен на рабочую силу и, стало быть, способствовал накоплению капитала.** Процесс этого, впрочем, в силу особых условий России был очень протяженным во времени.

Так или иначе, но расширение рынка рабочей силы способствовало росту крупного производства.

Если в конце 60-х годов в текстильной промышленности было 231 крупное предприятие, в том числе 73 суконных мануфактуры, 85 полотняных и 60 шелковых, то в конце XVIII в. число предприятий достигло 1082, из них суконных — 158, полотняных — 318, а шелковых — 357. За три с небольшим десятилетия рост более чем в 4,5 раза. В области металлургического производства и металлообработки в конце 60-х годов насчитывалось 182 предприятия, а в конце XVIII в. — около 200. Рост небольшой, однако теперь это было более крупное производство. Общее число вольнонаемных за вторую половину века выросло с 25 тыс. до 50 тыс. чел. В судостроении эта цифра возросла до 30 тыс. В горной промышленности — до 15 тыс. чел. На предприятиях Мануфактур-Коллегии число вольнонаемных к концу века составило около 60 тыс. чел. Если к этому добавить, что судоходный промысел собирал ежегодно к концу века до 200 тыс. наемных296, то общее количество лиц наемного труда приблизится к 0,5 млн чел. Таким образом, в итоге сложнейшей эволюции к концу XVIII в., по всей вероятности, вполне сформировался тот тип производственных отношений, который в историографии именуют капиталистическим.

Причем наиболее адекватными формами капитала были те, что складывались в текстильной промышленности, как том типе производственной функции капитала, которая гибко приспособилась к крепостному земледельческому обществу, обеспечив при этом оптимальный в условиях России вариант накопления. Это были системообразующие элементы будущего капитализма.

В качестве примера могут служить полотняные предприятия Серпухова. В 80-х годах XVIII в. их было 14 с общим числом до 970 ткацких станов. Причем в каждом из них число рабочих было непостоянным в зависимости «от надобности». Крупнейшая из фабрик Серпухова некоего Серикова на 192 стана (до 300 чел. наемных и до 2 тыс. кусков ткани). Вторая фабрика (его же) на 120 станов (до 250 чел. наемных и 948 кусков ткани в год). Две фабрики были у некоего Плотникова: на 150 и 128 станов (до 150 чел. и до 128 чел. наемных) с производством на обеих до 3 тыс. кусков ткани. У Черницына было 110 станов (до 90 чел. наемных и 3 тыс. кусков объем производства). Некто Окороков имел фабрику на 104 стана (до 95 чел. наемных и 2 тыс. кусков ткани в год). Медведев и Коншин имели по 88 станов (соответственно по 90 чел. наемных и по 2,2 тыс. кусков ткани в год)297.

Как уже говорилось, в Костроме было 13 полотняных фабрик. Предприятие на 500 станов и 600 вольнонаемных рабочих было у Петра и Григория Углечаниновых («фламское» полотно, каламенок, равендук — всего до 10500 кусков). Братья Григорий, Василий и Борис Стриголевы держали 450 станов, делая до 8 тыс. кусков тех же тканей с помощью 500 вольнонаемных. Братья Дуругины (Алексей, Иван, Михаил и Дмитрий) имели фабрику на 450 станов с 550-ю вольнонаемными (до 9,5 тыс. кусков ткани). Братья Иван и Илья Волковы, нанимая 200 человек на 200 станов, производили до 4,5 тыс. кусков ткани. Василий Ашастин имел 250 станов (300 чел. наемных) и имел в год до 5 тыс. кусков ткани. Его брат Яков Ашастин имел 150 станов (165 чел. наемных), производя до 2,5 тыс. кусков ткани. Некие Пыпины владели до сотни станов и, нанимая до 120 человек, вырабатывали до 1825 кусков ткани298. Заметим, что выражение «до 120 человек в тексте источника неслучайно: оно отражает непостоянство в числе нанимаемых в связи с краткосрочностью традиционного вольного найма. Итак, владели разным количеством станов и такие костромичи, как Алексей Колоткин (до 100 ст.), Степан Углеченинов (до 85 ст.), некто Ознобихин (до 80 ст.), Масленикова (25 ст.) и поручик Старошаршавин (40 ст.). Общее число наемных на их предприятиях достигало 400 чел., а продукции — 6050 кусков ткани299.

Пожалуй, самое любопытное состоит в том, что далеко не все эти фабрики были типичными централизованными мануфактурами. Немалая часть их одновременно служила центрами рассеянных мануфактур. Причем объединяли они не просто крестьян — светелочников, работавших в своих избах. Производство таких тканей, как фламское полотно, равендук и прочее, требовало широких ткацких станов, не умещающихся в избе. Поэтому в деревнях множились своеобразные филиалы центрального производства. «Ткачи, на них из найма работающие, состоят из поселян Костромской и соседних округ и охотнее принимаются сие рукоделие отправлять в своих селениях. И для того имеют особо построенные по деревням корпусы, и ткацкими станами и бердами снабжаются от фабрикантов. В таком случае фабриканты на своих заводах, разобрав по сортам пряжу и вычистив от суровости посредством выварки щелоком, приготовляют из нее основы и раздают крестьянам в их селении ткать фландские полотна, равендук и каламинки за договорную плату. Таковых по Костромской и Нерехотской округам в селениях казенного ведомства находится 190 корпусов. В них до 1382 станов. Да в помещичьих селениях у крестьян — 600

станов»300. Иначе говоря, в деревнях и селениях производится почти столько же тканей, что в централизованной мануфактуре.

Точно такая же ситуация в с. Опалиха Костромского у., где действовала фабрика гр. А.Р. Воронцова (одно время сдаваемая в аренду купцу Пастухову за 1200–1400 руб.). На фабрике в каменном корпусе было 150 станов. Работали здесь и крепостные и вольнонаемные — до 180 чел., делая до 3 тыс. кусков фландского полотна и равендука. Главное же — рассеянная мануфактура: крестьяне в селениях казенного ведомства «в особых корпусах» числом 188 ткут на 1367 ткацких станах, «немало и в помещичьих деревнях». «Ткачи сии от содержателей фабрик снабжаются станами и бердами и, получив приготовленную основу, на уток — пряжу, ткут по договору, что из помянутых сортов потребно»301.

В Юрьевецком у. в слободе Пучеж работала полотняная фабрика слободского человека Петра Иконникова. В ней было до 130 станов и работало в общей сложности до 150 чел., делая 2,7 тыс. кусков фландского полотна, каламенку и равендук302. **Вместе с тем и здесь работали по селам: «из них некоторые, не отлучаясь от своего хозяйства, в построенных в своих селениях корпусах, получая с фабрики пряжу, ткут за договорную плату фландское полотно, каламинки и равендук»303.** «При том из своего материалу по найму ткут в двух… Ячменской волости. Верхней половине, в селениях, тех селениев жители на 6 станах»304. Пряжу на фабрику «покупают по торгам в сей слободе и в других ближних селениях». А золу — «в низовых на Волге местах»305.

В заключение отметим, что именно такие формы развития промышленности при преимущественном бытовании неадекватных, переходных форм создавали базу для подлинного капиталистического накопления. **Именно текстильная промышленность дала России перспективу ее капиталистического накопления, так как она быстро овладевала внутренним рынком, не нуждаясь в особом периоде первоначального накопления капитала, который, кстати сказать, в социуме с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта был бы вряд ли возможен.**

Заключение

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. Итак, природно-климатический фактор имел *важнейшее* влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития тех или иных его социальных формирований, охватывающих племена или народы, или целостные государственные образования и государства. Причем это влияние прослеживается не только в том случае, когда разница в природно-климатических условиях резко контрастна и поэтому вполне очевидна (например, страны долин Нила, Двуречья, с одной стороны, и страны Европы, с другой), но и при отсутствии столь резкого контраста (например. Запад Европы и Восток Европы). В последнем случае влияние это не столь грандиозно, как в первом случае, когда речь идет о зарождении древнейших цивилизаций в условиях Двуречья, на многие тысячелетия обгонявшем темпы и характер развития первых цивилизаций на Севере Европы и т. д. Разница в темпах развития человеческих сообществ на Западе и Востоке Европы прослеживается хотя и в рамках одной общественно-экономической формации, но вместе с тем она глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер. Речь идет о разных типах феодального общества, о разных темпах их развития.

2. Как было показано в нашей книге, важнейшей особенностью сельского хозяйства большей части Российского государства всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября), не отличаясь при этом сколько-нибудь солидной суммой накопленных температур. В то же время на Западе Европы на полях не работали лишь декабрь и январь. Это не бросающееся в глаза в суете повседневной жизни различие носит между тем фундаментальный характер, поскольку столь серьезная разница производственных условий и, следовательно, открывшихся для человека возможностей в удовлетворении потребностей радикальным образом влияла на экономическое, политическое, культурное развитие Запада и

Востока Европы.

На Западе Европы это обстоятельство обусловило на заре цивилизации интенсивный процесс трансформации общины как формы производственного сотрудничества коллектива индивидов в общину лишь как социальную организацию мелких земельных собственников-земледельцев. **Раннее упрочение индивидуального крестьянского хозяйства стимулировало раннее появление частной собственности на землю, активное вовлечение земли в сферу купли-продажи, появление возможности концентрации земельной собственности, формирование крупной феодальной земельной собственности.**

Результатом подобной эволюции было **становление своеобразного типа государственности, которому практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Роль такого государства даже в создании так называемых *всеобщих условии производства* всегда была минимальной. При подобном типе эволюции центр тяжести развития всегда был как бы «внизу»: в крестьянском хозяйстве, в хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Феодальной сеньории и городской коммуне была свойственна максимальная активность их административной, социальной и социокультурной функции.**

В конечном счете, именно отсюда проистекало удивительное богатство и разнообразие форм индивидуальной деятельности, бурное развитие культуры, искусства, сравнительно раннее развитие науки. Нет необходимости упоминать о фундаментальном основании этих процессов: быстром и широком развитии ремесла и торговли, раннем формировании капитализма и т. д.

Разумеется, мы, выделяя лишь основную тенденцию подобного типа развития, не должны забывать и о конфликтности ситуаций, возникавших в разное время в сложном переплетении национальных, конфессиональных и политических интересов групп, сословий, слоев и народов.

3. **В пределах Восточно-европейской равнины необычайная кратковременность цикла земледельческих работ русских крестьян усугубляется преобладанием малоплодородных почв. В таких условиях для получения минимального результата необходима была наибольшая концентрация труда в относительно небольшой отрезок времени. Однако индивидуальное крестьянское хозяйство не могло достигнуть необходимого уровня концентрации трудовых усилий в объективно существовавшие здесь сроки сельскохозяйственных работ.** Так называемые «ритмы климата» в виде относительного потепления или, наоборот, сравнительного похолодания не могли существенно влиять на веками утвердившиеся сроки тех или иных работ. Они всегда были необычайно краткими.

Отсюда необходимость для российского крестьянина высоких темпов работ, крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования детского труда и труда стариков. Однако и при этом чаще всего русский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда. Усугубляло ситуацию и отсутствие необходимого времени для обязательной заготовки корма для скота, необходимые объемы которого намного превышали подобные заготовки других регионов и были обусловлены длительностью стойлового содержания животных.

Следствием этого была невысокая агрикультура, низкая урожайность и низкий, в конечном счете, объем совокупного прибавочного продукта общества вплоть до эпохи механизации и машинизации этого вида труда. Все это, казалось бы, создавало условия для многовекового существования в этом регионе лишь сравнительно примитивного земледельческого общества.

4. Вместе с тем потребности более или менее гармоничного развития социума выдвигали к жизни, порождали своего рода **компенсационные механизмы выживания.**

Крайняя слабость индивидуального парцелльного хозяйства в условиях Восточно-европейской равнины была компенсирована громадной ролью крестьянской общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности.

Ограниченный объем совокупного прибавочного продукта в конечном счете создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного разделения труда. Однако задача гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества. Но на путях этой «оптимизации», т. е. объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община — оплот локальной сплоченности и средство крестьянского сопротивления.

Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее жестокие и грубые механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда появление режима крепостничества, сумевшего нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В свою очередь, режим крепостничества стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти — российского самодержавия.

5. **Российское самодержавие имеет глубокие исторические корни. Суровые природно-климатические условия сделали процесс разложения первобытного общества у восточных славян необычайно длительным, растянутым на многие столетия. Существенная ограниченность объема совокупного прибавочного продукта в конечном счете диктовала и сравнительно ограниченную на первых этапах численность складывающегося господствующего класса. Больше того, сам облик этого класса на ранних этапах древнерусской государственности был военизированным. Ведь чем меньше объем прибавочного продукта, создаваемого обществом на ранних его этапах, тем сильнее проявляется роль насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта.** Кроме того, длительное время даже в условиях существования раннеклассового общества и государства война все еще продолжала сохранять функции своеобразного «средства производства». Больше того, она в этом качестве спорадически выступала много позже даже у казачьих общин, сотрудничающих с обществом, обладающим минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. На ранних этапах государственности для обычных налогово-управленческих и даже полицейских форм время еще не пришло. **И потребности управления вызвали к жизни такое явление, как полюдье.**

Полюдье как форма бескомпромиссного военного господства при систематическом изъятии прибавочного продукта, видимо, очень рано обнаружило тенденцию к универсальности своих функций, к перерастанию их из чисто налоговых в общегосударственные. Отсюда, вероятно, можно предположить и раннее зарождение судебных функций полюдья, и исключительность даннических видов взимания ренты на ранних этапах развития феодальной государственности, когда рента и налог слиты вместе в единое целое. Вполне возможно, что полюдье представляет собой и наиболее раннюю, зародышевую форму проявления верховной собственности на землю.

В то же время сама форма полюдья как форма «странствующей» государственной машины также была непосредственным следствием общей ограниченности объема совокупного прибавочного продукта. К тому же общая его ограниченность усугублялась специфически экспортной формой его весьма существенной по объему части (воск, мед, меха и т. п.), что вызывало громадные государственные и людские издержки при его сбыте, превращающемся, по словам Константина Багрянородного, в «многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание» в Византию.

Динамичность «странствующей» государственной машины в немалой степени содействовала становлению такого типа феодального государства, в котором, по крайней мере в период полюдья, глава его был конкретным вершителем дел на местах. Подобное положение явно способствовало сосредоточению в его руках огромной власти и энергичному совершенствованию механизма изъятия и централизованного перераспределения ограниченного по объему совокупного прибавочного продукта. Видимо, так же как и в центральноевропейских государствах, важную роль сыграла при этом созданная раннефеодальным государством система, получившая в новейшей историографии название служебной организации», важнейшей функцией которой было обслуживание потребностей господствующего класса. Такого рода структуры были призваны создать альтернативу системе крупного феодального землевладения и укрепить тот тип государственности, где дуализм, то есть соотношение частнособственнических тенденций и элементов общественного землепользования, был в относительном равновесии. Итогом всех этих существенных особенностей развития восточнославянского социума был тот специфический строй, который в нашей литературе получил определение «государственного феодализма».

Важнейшим элементом такого строя был институт власти-собственности», обнаруживающий себя, в частности, в синкретизме институции «князь» (с одной стороны, это глава государства, персона, а с другой стороны, это само государство, его казна и т. д.). Видимо, в Киевском государстве в первый период его существования в силу этого не было и княжеского домена. Передача наследства сыновьям киевского князя — это передача власти-собственности в виде удела, во главе которого наследник становился суверенным главой, со всеми имущественными следствиями. Это обстоятельство и вызвало столь странную так называемую феодальную раздробленность», при которой сложилась иерархия удельных князей, очередность восхождения их на киевский стол, единое законодательство.

И только спустя столетия, после укоренения киевских наследников в Севере-Восточной Руси, в механизм деления «власти-собственности» включаются и элементы действительного процесса феодальной раздробленности, в конце концов погубившего Древнюю Русь.

6. **Возрождение русской государственности проходило в многовековой и мучительной борьбе как с иноземным тягчайшим игом, так и бурно развившейся феодальной раздробленностью.**

И **вновь объективная реальность существования русского социума в суровых природно-климатических условиях Восточной Европы включила в действие по сути дела те же механизмы самоорганизации общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.**

Частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности. В системе «государственного феодализма» верховная собственность на землю оставалась у государства, а крестьяне были «держателями» земли, обязанными перед государством: налогами, оброком и натуральными повинностями. В отдельных регионах в определенные эпохи такая «государственная земля» могла превращаться в фактическую собственность «государственных крестьян», оставаясь при этом всегда в орбите экономических отношений внутри этого сословия. И даже в XIX веке государь особо не различал домен и государственные земли (например, «симбирский обмен» 1835 г.).

Что же касается феодалов, то в их распоряжении всегда была лишь часть территории Русского государства, хотя и важнейшая часть. **На заре государственности длительный период времени они имели на правах частной собственности лишь села-усадьбы, то есть основные резиденции, где были жилище и хозяйственный комплекс. Большая же часть средств к существованию феодала поступала через государственные каналы.**

В послемонгольский период феодальное землевладение развивалось, видимо, быстрыми темпами, но обладало малым запасом прочности**. Будучи, как правило, дарованным феодалу государством, население того или иного села или деревни относилось к нему не как к хозяину, а как к господину, насильно владеющему землей и строениями и вынуждающему крестьян платить ему оброк и нести повинности. На Руси долгие столетия владельческие крестьяне, объединенные в общину, считали землю, на которой живут, платят с нее налоги и выполняют повинности, по сути дела, своей землей, а не землей феодала, на которую они бы добровольно пришли и которую обрабатывали бы, вознаграждая феодала-хозяина за кров и ту же землю.** Следовательно, здесь не было своего рода равновесия отношений крестьянина и вотчинника. Именно это равновесие и создавало на Западе Европы тот баланс взаимных интересов крестьянина и феодала, который придавал сеньории известную прочность. И эта прочность была тем выше, чем тверже были права феодала на землю.

Наследники Ивана Калиты вполне понимали непрочность результатов многотрудной деятельности московских князей по приращению территории Великого княжества Московского, по созданию единого государства. Видимо, не следует переоценивать и такой фактор, стимулирующий объединение княжеств, как рост торгово-экономических связей, хотя, безусловно, он имел немалое значение. Решающим же обстоятельством, стимулировавшим объединение княжений, конечно, были задачи политического характера: свержение ордынского ига и воссоздание Русского государства. Однако по достижении этой цели в конце XV — начале XVI века (разумеется, в первом приближении к ней) политическая элита, видимо, осознала реальную ограниченность во времени действенности этих факторов: ведь их влияние как стимулов к объединительной деятельности для тысяч феодалов неизбежно ослаблялось по мере реализации этих целей. **На первый план резко выдвинулись задачи упрочения, цементирования нового**

политического формирования, в котором по-прежнему общество оставалось внутренне рыхлым, непрочным, как любое феодальное общество, где еще не созрели условия для внутренней относительной прочности каждой вотчины, где еще не возникла новая система феодальной иерархии, которая сплотила бы господствующий класс.

7. Исторически выход был найден в **форсировании развития условной формы феодального землевладения — той формы, которая, будучи конституированной государством, влекла за собой резкое усиление политико-экономической роли этого государства, ставила каждого помещика в прямую зависимость от государя, от центральных властей, сделав факт обладания землей лишь следствием его верной службы (и прежде всего военной и государственной) великому князю Московскому, а позднее царю. Больше того, примерно с середины XVI века и обладание вотчиной было для каждого феодала обусловлено службой царю, хотя вотчина по-прежнему была несравненно более полной формой собственности, чем поместье.**

Наиболее **стремительные темпы преобразования земельной собственности феодалов характерны, с одной стороны, для последней трети XV века, с другой — для эпохи правления Ивана IV. Присоединение к Москве Великого Новгорода закончилось массовой ликвидацией огромного количества вотчин, выселением их бывших владельцев в другие районы страны и насаждением в новгородских землях почти сплошь поместной формы землевладения, хотя на первых порах обладатели этих поместий не всегда ощущали себя уже не как вотчинники. Точно так же и в правление Ивана Грозного феодальное землевладение, принципы которого были теперь укреплены и упорядочены реформами 1550-х годов, стремительно развивалось именно как поместное землевладение.** Думается, что столь скоротечные и широкомасштабные преобразования были бы где-нибудь на Западе Европы просто невозможны. И не потому, что Западу была несвойственна жестокость Грозного, а потому, что там сильнее была сословная корпоративность дворянства и прочнее была внутренняя устойчивость сеньории. Кроме того, за плечами грозного царя была и могучая система «государственного феодализма».

8. **Энергичный, насильственный характер указанных реформ земельной собственности, проводившихся, в частности, во второй половине XVI века с особой жестокостью, повлек за собой серьезные осложнения внутриполитической и экономической жизни страны. В свою очередь, и сами они были усугублены войнами, которые вел Иван Грозный. В итоге страна шаг за шагом вползала в тяжелый экономический и социальный кризис, сопровождавшийся упадком хозяйства, голодом, запустением и т. п.**

Резкое и стремительное выдвижение помещичьего класса на ведущую роль в государстве подогрело политические амбиции казачьей прослойки общества. С прекращением царствующей династии Рюриковичей в конечном счете в стране в начале XVII века началась жестокая борьба за место в среде господствующего класса-сословия, отягощенная бурным выступлением социальных низов. Это была своего рода «гражданская война», известная в литературе как эпоха «Смуты».

Тяжелейшее для страны время кончилось **наступлением мира в 1618 г., когда вероломные интервенты ушли с русской земли. Однако народ остался один на один с чудовищными последствиями смуты, с громадным оскудением населения, катастрофическим падением его численности, и не менее катастрофическим сокращением пашни и т. д. Лишь к 50—70-м годам XVII века основные последствия разрухи страны были преодолены. Однако печать этой трагедии русского народа оставила неизгладимый след, ибо уровень духовного развития России в XVII в. был уже иным.**

И тем не менее, **кардинальные цели господствующего класса даже в условиях жесточайшего кризиса были решены. Созданы были основы жестокого механизма извлечения совокупного прибавочного продукта. Внедрена была система поместной формы землевладения. К первой половине XVII в., по мнению ряда исследователей, поместья составляли уже около 60 % всего частновладельческого фонда земель.**

Несмотря на явное стремление владельцев поместий превратить их в вотчины и избавиться от экономической неэффективности поместий как формы хозяйства, ярко обнаружившей себя в годы кризиса, буквально все правительства России, оберегая общество от новых потрясений, явно уклонялись от каких-либо кардинальных решений и не форсировали обратного преобразования поместий в вотчины.

Слишком **важна была условная система землевладения для политического укрепления системы самодержавной неограниченной власти монарха, для формирования дворянства как основы незыблемого государственного единства. В конечном счете переход поместий на статус вотчины был растянут на период, занявший более столетия.** Более мощные хозяйственные потенции вотчины, обнаружившие себя в период упадка экономики после Смуты, и прежде всего явные предпочтения крестьян, отдаваемые этой форме хозяйства**, стали основой крепостничества не только как жестокой формы эксплуатации, но и вместе с тем как системы выживания на основе отношений патернализма в неблагоприятных условиях жизни российского социума. Будучи слитой с крестьянской общиной, она положила начало прочнейшему режиму самодержавного государства.**

9. Характернейшей **особенностью российской государственности являются ее хозяйственно-экономические функции. Как уже говорилось, потребность в деспотической власти была первоначально обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом и внешней опасностью), а потом и экономически. Ведь помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, «государственная машина» была вынуждена форсировать и процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия, ибо традиционные черты средневекового российского общества — это исключительно земледельческий характер производства, отсутствие аграрного перенаселения, слабое развитие ремесленно-промышленного производства, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии и их отсутствие в области потенциального промышленного развития.**

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». В XVI–XVII вв. это строительство пограничных крепостей-городов, строительство оборонительных циклопических сооружений в виде засечных полос, строительство крупных металлургических производств для выпуска оружия и средств сооружения тех же засечных полос, в XVIII в. на первый план выступает необходимость строительства огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений и т. п. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без особого государственного сектора экономики совершить все это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, огромных территорий функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории.

Реализация всех этих функций в конечном счете не может не вызвать эмоции изумления, ибо минимальный объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования государственной настройки над компонентами базисного характера. **Речь идет о том, что даже в петровскую эпоху господствующий класс в лице так называемого неподатного населения составлял не более 6–7 % от населения страны.** А ведь основная часть этой группы являлась своего рода несущей конструкцией всей структуры самоорганизации общества (административное и хозяйственное управление, судебно-правовое регулирование, финансы, внутренняя и внешняя безопасность, религиозно-культовая и идеологическая функции и т. п.**). Столь незначительная численность этого слоя (а к концу XVIII в. она была такой же и лишь к реформе 1861 г. достигала едва 12 %) ярко символизирует крайнюю упрощенность самой российской системы самоорганизации российского общества.** И не случайно, что **в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи (когда этот слой был еще меньше) резче всего проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная функции. А государственные рычаги, несущие функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни.** Управленческая роль общины усиливала ее как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счете необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении.

Весьма длительный в условиях России процесс правового и фактического укрепления феодальной земельной собственности, тем не менее, далеко не всегда давал желаемые результаты — то есть доведение земельного владения дворянина до нормы полноправной частной собственности (с учетом того, что эта собственность феодальная).

Скорее всего, здесь вновь решающую роль сыграли неистребимые традиции крестьянского общинного

землевладения и землепользования. Ведь **в практической жизни феодал-землевладелец всегда подчинялся традициям в системе землепользования. В частности, это хорошо известная в литературе система «открытых полей», когда на сжатое поле феодала или крестьян выгонялся скот без различия его принадлежности. Это и обычай подчинения феодала действиям общины при ведении севооборота. А ведь еще бывали общие выпасы, общие леса и т. п.** Писцы еще в XVI–XVII веках частенько отводили сразу нескольким помещикам один и тот же лес в общее владение и пользование.

При дроблении владения между наследниками порядки землепользования часто почти не менялись. Хозяйства, крепко связанные общиной, были намертво соединены и между собой. Разумеется, иногда владельцы разрушали и общины. Но в целом в течение времени число совладельцев, связанных одной крестьянской общиной, все-таки росло. Генеральное межевание их не ликвидировало, оставляя неприкосновенными общинные устои землепользования. Затеянное в 30—40-е гг. XIX в. так называемое Специальное межевание лишь медленно справлялось с задачей размежевания «общих дач». Проблема продажи и передачи имений, юридически оформленных в «общую дачу», была делом далеко не простым. **Недаром статус дворянина в XVIII–XIX в. измерялся не числом десятин его земельного владения, а числом крепостных душ. Истоки этих особенностей феодально-корпоративной собственности идут к общине и к статусу российского социума как социума с низким объемом совокупного прибавочного продукта.**

Вся история русского народа и **специфичность ведения земледельческого хозяйства не способствовали вызреванию сколько-нибудь твердых традиций частной собственности на землю.**

Это, видимо, составляло на протяжении большого периода важнейшую особенность российской государственности. Не исключено, что эта особенность надстройки общества во многом предопределила и специфику положения иных народов России, которое было нередко более благоприятным, чем положение русских.

10. Констатация примитивности структур самоорганизации российского общества позволяет подчеркнуть парадоксальность успеха ряда выдающихся эпох в его истории. Прежде всего это эпоха Петра Великого. Великий преобразователь сделал гигантский вклад в создание могучей России. В тщетных назиданиях непутевому сыну своему он подчеркивал, в частности, трагичность распада Византийской империи: «не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием (своим, — *Л. М.)* побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал».

Главное свое достижение он гордо назвал Империей. Однако это был, скорее, некий «симбиоз» империи и деспотии, социально-политический организм, где центральное звено — Великороссия и ее крестьянство — не имело практически никаких привилегий.

В подобного **рода государстве, чисто формально выглядевшем как империя, а по существу представлявшем своего рода сожительство целого ряда обществ (и этносов) с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, основным источником изъятия этого прибавочного продукта был носитель этой государственности — русский народ. Наибольшая тяжесть эксплуатации падала на великорусов, и это было следствием суровой объективной реальности, то есть локализации этноса в зонах, крайне неблагоприятных для земледельческого производства. Поэтому именно русские люди и отчасти малороссы, остро нуждавшиеся в расширении хозяйственного пространства, шли на Юг, Юго-Восток и Восток, на необжитые территории в поисках лучшей доли, вступали в контакты с другими народами.**

Противоположная ситуация, то есть **утверждение привилегированного положения русских как «имперской нации» в российском социуме как обществе с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, в условиях сохранения многонационального государства была исторически нереальна.**

Великий вклад великого преобразователя — Петра I — создание в государстве промышленного производства, способствовавшего гигантскому скачку в развитии производительных сил страны. **Однако заимствование «западных технологий» таким архаическим социумом, как Россия, дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем самые суровые формы феодальной зависимости, появились люди,**

являющиеся принадлежностью фабрики и продающиеся вместе с ней. К сожалению, уроки истории редко учитываются политиками. На заре нашей государственности Владимир Святославич, принимая христианство, ввел в действие на Руси и византийский уголовный кодекс (своего рода «западная технология»), но дело кончилось крахом, и кодекс был отменен.

В то же время нельзя не признать, что **чисто эволюционное развитие в весьма своеобразных природно-климатических условиях имело своим результатом лишь веками бытовавшие слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с присущим им относительно высоким уровнем оплаты труда, господством поденной и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления и расширения производства. В силу этого уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал в России размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего купцами.**

Когда же **во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стало развиваться прежде всего крупное промышленное производство и набирать силу процесс его очень ранней монополизации. Думается: что природно-географический фактор и в первую очередь необъятное пространство России сыграли в этом далеко не последнюю роль.**

Западные пристрастия великого царя не в последнюю очередь были вызваны последствиями Смуты, так как, скажем, первая половина XVI в. известна выдающимися достижениями русской православной культуры, а XVII век был совсем иным.

Более гибка была парадоксальная политика Екатерины Великой, положившая конец традиционной политике «насильственного» посословного «разделения труда». **Четко осознавая бедственное положение крестьян на территории исторического ядра России, она развернула широкую кампанию законодательного поощрения крестьянской торговли и промышленности. Но поскольку продукция земледелия Нечерноземья оставалась общественно необходимой, то удержать крестьянские массы на земле можно было только общим усилением режима крепостного права.**

Тем не менее **в периоды правления Петра I и Екатерины II были проведены колоссальные по эффективности преобразования в виде резкого подъема промышленности, наращивания военной силы государства и, что особенно важно, создания пространственно-географических условий экономического развития страны. Наряду с народом-тружеником, с крестьянством, немалую роль сыграло здесь и сплоченное царем российское дворянство.**

Таким образом, развитие государственных структур, государственного хозяйства и «государственной машины» было обусловлено двумя ведущими факторами. Один из них связан с проблемами **оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, другой — с чисто внешней, оборонительно-наступательной функцией государства.**

11. **Оборонительно-наступательная функция в истории Российского государства обусловливалась по крайней мере тремя основными факторами. Первый из них уходит корнями в далекое прошлое, в эпоху монголо-татарского нашествия, когда единое Русское государство, раздробленное на удельные княжения, пало не только под натиском сильнейшей армии монголо-татарской Орды, но и под военным напором католической Польши и молодого языческого Литовского государства. Судьба русских людей, оказавшихся под верховной властью самых различных суверенов, сложилась по-разному. История распорядилась так, что раньше других обрела свободу Северо-Восточная Русь. И с тех пор стратегическая задача воссоединения древнерусских земель была для нее одной из важнейших**. Наиболее четко ее сформулировал один из малороссийских гетманов — Иван Самойлович в одном из посланий в Москву в 1685 г.: «А так как вся тамошняя сторона Днепра, Подолия, Волынь, Подгорье, Подляшье и вся Красная Русь всегда к монархии Русской с начала бытия здешних народов принадлежали, то безгрешно бы было свое искони вечное, хотя бы и потихоньку, отыскивать, усматривая способное время». **Изолированные от суверенной части русских на многие века русские народы, жившие на этих территориях, столетиями сохраняли свою первичную этничность и лишь постепенно обретали черты обособленности, что особенно четко ощущалось в XVIII в. Однако такая важнейшая**

черта духовного облика, как христианское православие, по-прежнему служила мощнейшим стимулом к воссоединению великорусов, малороссов и белорусов.

Второй важнейший фактор развития оборонительно-наступательной функции государства связан с природно-климатическими условиями развития населения страны. Как уже говорилось, обилие малоплодородных почв, необычайно короткий сезон земледельческих работ имели своим следствием постоянный «недобор» урожая, что в конечном счете и обусловило низкий объем совокупного прибавочного продукта в стране. Однако общество в целом еще в далеком прошлом приспособилось к суровым условиям хозяйствования сохранением и развитием распорядков сельской жизни. Крестьянская община на протяжении тысячи лет российской государственности являлась важнейшим средством защиты крестьянского хозяйства от множества житейских неожиданностей, ведущих крестьянскую семью к разорению, нищете и смерти. Община не только спасала миллионы крестьян от пауперизации, она в значительной мере содействовала сохранению генофонда русского населения (впрочем, не только русского, но и других народов России). В свою очередь, крайне экстенсивный характер земледельческого производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная историческая территория Русского государства не выдерживала увеличения плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками, необходимость оттока населения на новые территории в поисках более пригодных пашенных угодий, более благоприятных для земледелия климатических условий и т. д. Объективные условия плотной заселенности Европы открывали для русских лишь путь на Юг, Юго-Восток и Восток Евразийского континента, путь опасный, трудный, но единственно возможный.

Колонизация Юга и Юго-Востока имела благотворное влияние на развитие Центра России. За более чем столетний период (1744–1857 гг.) население Промышленного Центра и Черноземного Центра увеличилось в 1,6 раза, а население Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья, Пермского края. Южного Урала и Оренбурга — в 4 раза. Даже при неизменном размере душевого высева зерна масса товарного хлеба, идущего с Юга и Юго-Востока в Центр, постоянно возрастала. В то же время земледельческая роль Нечерноземья менялась. Исследование автором этих строк механизма функционирования единого аграрного рынка Европейской России в 90-х годах XIX в. показало, что колебания урожайности в каждой из нечерноземной губерний практически не влияли на динамику местных цен этих же губерний, не говоря уже о том, что эти колебания никак не воздействовали на динамику цен в черноземных, южных и юго-восточных губерниях страны. Это означало, что ростом кадров рабочих людей промышленное развитие Центра России в немаловажной степени было обязано расширению ее территории, расселению русских людей на новых землях и включению в единую экономику других народов Российского государства. Однако то и другое доставалось далеко не просто, так как **на протяжении XIX — начала XX в. валовой душевой сбор постоянно балансировал на грани допустимого минимума, иногда опускаясь и ниже его.**

Колонизация иногда протекала в условиях жестокого противостояния Русского государства, а впоследствии и России, целому ряду и государственных образований, и социумов, находящихся на доклассовой стадии развития. Тем не менее в итоге это привело к длительному существованию и выживанию многих народов в рамках единой российской государственности, ибо практически все они принадлежали к единому типу социумов с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Терпеливое и **многовековое освоение таежных ресурсов почти незаселенной Сибири также имело важнейшее хозяйственное значение, ибо соболь, белка, песец и т. п. — это современная нефть, цветные металлы, идущие на экспорт и дающие валютные ресурсы государству. Реформы Петра Великого в немалой мере зависели от серебра, добываемого в дальневосточном Нерчинске.**

12. Наконец**, третий фактор, стимулирующий оборонительно-наступательную функцию Российского государства, связан с необходимостью выхода России к незамерзающим портам. Запасы мягкой рухляди к концу XVII в. были в значительной мере исчерпаны. Сверхпротяженные сухопутные пути могли поддерживать лишь вялый режим торговли. Столь объемные товары экспорта как поташ, смола, древесина были весьма нетранспортабельны при гужевых средствах доставки. Такая земледельческая держава, как Россия, рано или поздно должна была развернуть крупномасштабную внешнюю торговлю продуктами земледелия, т. е. крупногабаритным товаром, требующим оптовой торговли. А транспортировать такие товары можно было только водными путями. До Петра**

Великого был лишь один крупный порт, да и то близ Полярного круга. В ходе Великой войны со Швецией Россия получила доступ к Балтийскому морю. Уже к концу царствования Петра I Петербург стал самым крупным торговым портом, а торговля через Архангельск была сокращена в 12 раз. Вторым по значению стал торговый Рижский порт, открывший ворота для потока товаров черноземных районов России, тяготеющих к Верхней Оке. К концу XVIII в. крупнейший перевалочный центр на пути сельскохозяйственной продукции этих регионов к Западной Двине — Калуга — превратился в крупнейший город России. Освоение южных степных районов, присоединение Крыма к России открыло возможность строительства черноморского торгового флота. С начала XIX в. через Одессу и Таганрог резко увеличивается вывоз за рубеж российского зерна. Однако, чтобы окончательно открыть для себя черноморские проливы, для России оказалось необходимым продвинуть свои южные рубежи как можно ближе к рубежам Оттоманской Порты. Борьба за развитие экономики России была борьбой за Черное море, и не только с Турцией, но и с ведущими державами Европы.

Та же логика лежит в конечном счете и в основе дальнейшего роста территории Российской империи. **Успешное выполнение оборонительно-наступательной функции российской государственной машины во многом было обусловлено своеобразием общества, создавшего одну из лучших армий мира. В основе ее был солдат-рекрут, воин-профессионал. Но этот же воин, будучи рекрутирован из общинного мира, как наиболее «пассионарный» и неспокойный элемент, постоянно грозивший нарушением баланса сил в общине, в то же время обладал повышенным чувством долга, был и отчаянно смел и милосерден.**

13. Больше того, в основе многовекового формирования Российского государства был важнейший фактор — русский народ и прежде всего великорусское крестьянство, особый менталитет которого формировался под мощным воздействием природно-климатического фактора.

Как уже говорилось, российские крестьяне-земледельцы веками оставались своего рода заложниками природы, ибо она в первую очередь создала для крестьянина трагическую ситуацию, когда он не мог ни существенно расширить посев, ни выбрать альтернативу и интенсифицировать обработку земли, вложив в нее и труд, и капитал. Даже при условии тяжкого, надрывного труда в весенне-летний период он чаще всего не мог создать почти никаких гарантий хорошего урожая. Многовековой опыт российского земледелия, по крайней мере с конца XV по начало XX века, убедительно показал практическое отсутствие сколько-нибудь существенной корреляции между степенью трудовых усилий крестьянина и мерой получаемого им урожая. Точнее говоря, мера трудовых усилий подтверждалась не всегда, а часто — далеко не всегда, соответствующей прибавкой урожая.

Все это способствовало формированию в огромной массе русского крестьянства целого комплекса далеко не однозначных психологических поведенческих стереотипов. Разумеется, скоротечность рабочего сезона земледельческих работ, требующая почти круглосуточной тяжелой и быстрой физической работы, за многие столетия сформировала русское крестьянство как народ, обладающий не только трудолюбием, но и быстротой в работе, способностью к наивысшему напряжению физических и моральных сил.

Вместе с тем господство на большей части территории Российского государства крайне неблагоприятных климатических условий, нередко сводящих на нет результаты тяжелого крестьянского труда, закономерно порождало в сознании русского крестьянина идею всемогущества в его крестьянской жизни Господа Бога. Труд — трудом, но главное зависит от Бога («Бог не родит, и земля не дает», «Бог народит, так и счастьем наделит», «Не земля хлеб родит, а небо», «Бог — что захочет, человек — что сможет» и т. д.).

Крестьянское восприятие природы — это прежде всего постоянное, бдительное и сторожкое отслеживание изменений в ней, фиксация работы разнообразных природных индикаторов, сигнализирующих селянину о грядущих изменениях, о грозящей или возможной опасности благополучию крестьянской семьи, дома, хозяйства.

Глубочайшее и доскональное знание разнообразных природных явлений в целом позволяло крестьянину приспосабливаться к тем или иным годовым, сезонным и сиюминутным изменениям климата. Многочисленные приметы поведения представителей животного и растительного мира, мира птиц и насекомых давали крестьянину сигналы о характере смены сезона и его самого (характер зимы, весны, лета, осени), о степени благоприятности условий и времени посева и сбора урожая, прогнозах на сам

урожай (в том числе и отдельных культур); они же «предсказывали» болезни и смерть близких и т. п. Нет необходимости напоминать о многочисленности примет, основанных на оценке внешнего вида солнца, различных фаз луны, имеющих существенное значение в определении погоды, сроков сева полевых и огородных культур, посадки в землю луковиц, корневищ и т. п.

Важно заметить, что природные условия лесных просторов Нечерноземья и лесостепной зоны часто способствовали формированию множества локальных и микролокальных пространств со своеобразием протекания общих погодных процессов. А это приводило к разнице урожайности отдельных полей и даже их участков. Пестрота почвенных условий усиливала этот эффект.

Не исключено, что в крестьянском восприятии это как бы дробило всеобщую единую силу Высшего Божества на отдельные компоненты. Вполне возможно, что именно эти явления постоянно пробуждали в крестьянском менталитете чисто языческие эмоции локального поклонения объектам природы (типа архаичных обрядов моления у овина, у воды, у дерева и т. д.), что способствовало причудливому переплетению многих праздничных ритуалов господствовавшего в России христианского вероучения с языческими суевериями и обрядами. Думается, что масштабы столь своеобразного «синкретизма» для христианской страны, какой была Россия, поистине огромны. И суть дела заключена не в необыкновенной силе традиции язычества, к которому изначально приспособилась христианская православная церковь, а в живучести языческого менталитета русского крестьянина, в том, что силу этой живучести питали могучие природно-климатические факторы.

Явлений, демонстрирующих необычайную живучесть языческого менталитета, многообразие своеобразных контактов и антиконтактов русского селянина с природой, особенно много в домашнем быте крестьянина. Его окружали буквально многие сотни различного рода примет, поверий. Православные иконы в «красном углу» избы, и ежедневные молитвы, и даже посещение церкви не мешали ему питать многочисленные суеверия и соблюдать языческие обряды, за которыми стояла могучая вера в силы природы.

Особенно богат был опыт крестьянина в наблюдении над домашними животными и птицей, странностями их поведения, которые оценивались с точки зрения грядущей беды или удачи, хорошей или плохой погоды, видов на урожай и т. п. Немалую роль в его мироощущении играла вера в лесных духов, в лешего, в русалок, ведьм, кикимор и особенно в домовых. Буквально поражает воображение количество причудливых обрядов и примет, связанных со смертью и похоронами членов крестьянской семьи, а также покорность русского крестьянина XVIII–XIX вв. неурожаям и бедам, вызываемым грозой и молнией.

Наконец, следует вспомнить и о непременном элементе крестьянского быта — ворожеях, знахарях, шептунах и т. п., наговаривавших воду, хлеб и проч., знавшихся, по поверью, с темными силами.

Глубокая включенность сельского жителя в орбиту многообразного окружения природы не только порождала неиссякаемую веру в ее сверхъестественные силы и локальные проявления, не только способствовала глубокому функциональному познанию «механизма», своего рода сигнальной системы природы, диктовавшей логику поведения, но иногда и вызывала активность самого крестьянина в контактах с ее светлыми и темными силами.

Поэтому христианизация на Руси в конечном счете весьма своеобразно отразилась на менталитете крестьянина: в нем, как уже говорилось, поселился не только христианин, но и сохранился язычник. Это не означает, что русский крестьянин не принял основные догматы православного христианства. Наоборот, многочисленные свидетельства XVIII–XIX вв. говорят о том, что русский народ искренне исповедовал христианство. Однако необычайно суровые климатические и природные условия, вечная сверхнапряженная ситуация ожидания хоть мало-мальски приемлемого результата чрезвычайно тяжелого труда, обилие воздействия разного рода факторов на этот результат порождали, на наш взгляд, «языческую самодеятельность», погружая русского крестьянина в бездонный мир суеверий, примет и обрядов.

Думается, что своеобразие подобного менталитета российского крестьянства имело немалые политические следствия. Одно из них: максимальная контактность с народами иных конфессий, что имело громадное значение в практике масштабных миграционных подвижек и мирном проникновении на новые территории русского населения. Вместе с тем вполне очевидным становится и то, что без государственного статуса, без поддержки государственной машины российская православная церковь не имела бы серьезных перспектив всепоглощающего влияния на крестьянство. В конечном счете именно христианское православие отвечало

духовным потребностям социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, социума с общинной структурой консолидации в противостоянии Природе и внешним врагам.

Необычайно сложные природно-климатические условия основной исторической территории России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, сопряженных с высоким нервно-психологическим стрессом («страда»), имели, как уже отмечалось выше, своим следствием не только поразительные трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского менталитета и характера, но и многие особенности, противоположные этим качествам.

Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определенного скепсиса к собственным усилиям, хотя они затрагивали лишь часть населения. Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обреченности и становилась от этого отнюдь не проворной и трудолюбивой, проявляя безразличное отношение к собственной судьбе.

Такова была реальность. Таковы были косвенные следствия влияния на ментальность природно-климатического фактора. Приходится только удивляться, что категория равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто опустившихся была незначительной. Что в целом народ русский даже в годину жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние «совершенного изнеможения», находил в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю.

У подавляющей массы населения всегда были живучи традиции коллективизма и взаимопомощи, хотя у любого крестьянина одновременно никогда не исчезала и естественная тяга к личному, частному способу ведения хозяйства. В крестьянской психологии в России во все времена идея принадлежности земли Богу, а стало быть, обществу в целом, была ведущей, основной идеей. Она, пожалуй, составляет одну из главных особенностей характера русского народа. О другой важнейшей черте его — доброте и простодушии — еще в XV в. писал польский хронист Я. Длугош. В основе того и другого лежала, вероятно, общинная психология, которая помимо прямой непосредственной роли, сыграла не менее важную и опосредованную роль в судьбах русского народа, определив, например, целый ряд существеннейших проявлений национального характера и культуры.

С момента концентрации крестьянских хозяйств и дворов в многодворные деревни и села резко возрастает процесс демократизации общины, который усиливается и обретает силу в качестве защитной функции с ростом крепостнической эксплуатации. Систематическая практика «помочей» и даже барщинные работы целыми бригадами на господских полях также стимулировали чувство коллективизма.

14. Взятые в целом, все эти факторы механизма выживания определенным образом повлияли на характер российской государственности и прежде всего породили всемогущество и жестокость власти российских самодержцев и сопутствующий ей суровый режим внутреннего подавления сословий. Самым тяжелым было положение крестьянства, единственным оружием которого была локальная сплоченность общинного мира. Когда же эта сплоченность стала разрушаться рынком, судьба общества в целом была поставлена под сомнение.

Невзирая на то, что в пореформенное время уже развился процесс стремительного вовлечения крестьянства в русло капиталистических отношений, создавалась сложная и противоречивая ситуация. Антикрестьянский по сути характер реформ тем не менее способствовал удерживанию огромных масс населения на земле, что для общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта было весьма важным моментом. Но одновременно с этим был сохранен и архаический защитный механизм общинного землепользования. И в то же время законы капитализма сильнейшим образом стимулировали расслоение общинного крестьянства. На всей территории исторического ядра Российского государства процесс расслоения привел к созданию огромного слоя безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств, составлявших от 50 до 65 процентов всех крестьянских дворов. Социальная напряженность, порожденная такой ассиметрией расслоения, дополнялась общей проблемой нарастания парадоксального малоземелья при одновременном существовании дворянских латифундий.

Эти два фактора, по сути, лежали в основе грандиозного аграрного кризиса, который в конечном счете привел страну к трем русским революциям.

Все эти моменты, связанные с особыми чертами российской государственности, были исторически неизбежны и породили своеобразие и самого российского общества, общества Великой России, с ее великой культурой и великим сосуществованием ее народов.

В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество «естественных потребностей индивида». В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения гораздо хуже. Следовательно, меньшим оказывался и тот избыток труда, который мог идти на потребности «других» индивидов, по сравнению с массой труда, идущего на потребности «самого себя». Иначе говоря, все сводится к тому, что объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах. Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта «всеобщих условий производства».

Примечания к части 1

Примечания к первому очерку

1 РГВИА. Ф. 13УА. Он. [II. № 19178. Л. 3 об.

2 Олишев А. Описание годовой крестьянской работы в Вологодском уезде с примечаниями//Труды ВЭО. — 1766. — Ч. П. — С. 107–108.

3 Здесь, как и всюду далее, — старый стиль.

4 Олишев А. Указ. соч. — С. 118.

5 Болотов Л. Г. Описание свойства и доброты земель Каширского уезда и прочих до сего уезда касающихся обстоятельств, ответами на предложенные вопросы (Далее: Болотов А.Т. Описание… Каширского уезда) // Труды ВЭО. — 1766. — Ч. П. — С. 170–171.

6 Там же.

7 Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам' описания 1783–1784 гг. (Далее — Генеральное соображение по Тверской губернии). — Тверь, 1875. — С. 73, 47, 119.

8 Там же. — С. 65, 73, 82.

9 Там же. — С. 156.

10 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 30 об. — 31.

11 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 31–32 об.

12 Примечания на лежащие около Саратова места… // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. С. 32–33.

13 Вполне понятно, что такие критерии, как степень самобытности, эстетического совершенства и т. п., применительно к культуре земледелия абсурдны.

14 Олишев А. Указ. соч. — С. 106–107.

15 Генеральное соображение по Тверской губернии. — Тверь, 1875. — С. 93.

16 Цит. по: Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. — М.—Л., 1965. — С. 142.

17 Приклонский Василий. Ответы на заданные от оного общества вопросы, касающиеся до земледелия и внутреннего деревенского хозяйства по Кашинскому уезду // Труды ВЭО. — 1774. — Ч. XXVI. — С. 22.

18 Рычков П. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясненные, в рассуждении Оренбургской губернии (Далее: Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии) // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. УЛ. — С. 118–119.

19 Деревенское зеркало или общенародная книга… (Далее: Деревенское зеркало). — СПб., 1798. — Ч. I. — С. 42. Автором этих строк произведена атрибуция трехтомного труда «Деревенское зеркало или общенародная книга…», согласно которой автором этого произведения является выдающийся русский агроном А.Т. Болотов (см.: От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства / Под ред. чл. — корр. РАН Л.В. Милова. — Москва, 1994).

20 Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии. — С. 119–120.

21 Там же. — С. 120–121.

22 Там же. — С. 121.

23 Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии. — С. 121.

24 Деревенское зеркало. — СПб., 1798. — Ч. I. — С. 42.

25 Рычков П. Письмо о эемледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях. Ч. И // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие (Далее: Письмо о земледельстве). — 1758. -Июнь. — С. 510–511.

26Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии. — С. 120.

27Деревенское зеркало. — СПб., 1798. — Ч. I. — С. 40–42.

28Болотов АЛ. Описание… Каширского уезда. — С. 139.

29Там же. — С. 140.

30 Отпеты по Переяславской провинции // Груды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 84:

Болотов А.Т. Описание… Каширского уезда. — С. 139: Генеральное соображение по Тверской губернии. — Тверь, 1875. — С. 5, 48.

31 Болотов А.Т. Описание… Каширского уезда. — С. 140.

32 Там же. — С. 135.

33 Там же.

34 РГВИА. Ф. ВУА. Он. Ш. № 18668. Ч. П. Л. 88.

35РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 18903. Л. 30 об.

36Там же. Л. 40 об.

37Там же. Л. 40.

38Там же. Л. 15.

39Там же. Л. 47 об.

40Там же. № 18901. Л. 14: Х» 18903. Л. 24 об., 15 об.

41Там же. № 18905. Л. 5 об.

42Рычков П. Отпеты по Оренбургской губернии. — С. 121–122.

43Баранов М.А. Крестьяне монастырских вотчин накануне секуляризации. — М., 1954.

Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. — С. 95, 98.

44РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. № 19068. Л. 202–205.

45Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 33 об. — 34.

46Там же. Л. 35 об.

47Комон И. О земледелии. — М., 1788. — С. 333.

48Там же.

49Болотов АЛ. Описание… Каширского уезда. — С. 141.

50 Деревенское зеркало. — СПб., 1798. — Ч. I.. — С. 42.

51Болотов А.Т. Описание… Каширского уезда. — С. 137.

52Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии. — С. 122.

53Болотов А.Т. Описание… Каширского уезда. — С. 162.

54Там же. — С. 166.

55Там же. — С. 165, 167.

56Болотов. А.Т. Описание… Каширского уезда. — С. 165, 167.

57Там же.

58Там же. — С. 163.

59Там же. — С. 168.

60 Рычков П. Письмо о землсдельстве. — Ч. II. — С. 511–512.

61 Там же.

62 Болотов А.Т. Описание… Каширского уезда. — С. 139.

63 Там же. — С. 140.

64 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 516. Л. 34 об.

65 Топографическое описание Владимирской губернии. 1784 г. — Владимир, 1906.— С. 106, 94, 43, 37.

66 Там же. — С. 65, 58.

67 Там же. — С. 26, 77, 83.

68 Топограсрическое описание Владимирской губернии. 1784 г. — Владимир, 1906. — С. 101.
69Путешествие академика Гильденштедта И.А. — Отд. отт. // Харьковский сборник. — 1891. — С. 62.

70 Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. II. — С. 514. В другом месте наблюдения о народной практике выражены еще четче: «Говорят еще, что выпаханная земля весьма удобряется и тем, когда на ней посеян будет горох…. а особливо греча, после которой и самая плохая земля становится доброй». — Там же. — С. 428: Болотов А.Т. Описание… Каширского уезда. — С. 141.

71 Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 87.

72 Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. 1768–1769 гг. (Далее: Дневные записки…) — Ч. I. — СПб., 1771. — С. 141.

73 Болотов А.Т. Описание… Каширского уезда. — С. 141.

74 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 516. Л. 26.

75 Ответы на экономические вопросы по Переяславской провинции Рязанского // Труды ВЭО. —

1767. — Ч. УП. — С. 71.

76 Там же.

77 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Описание Костромского наместничества вообще. Л. 13 об. — 14.

78 Экономические ответы, касающиеся до хлебопашества в лежащих около реки Свири и южной части Олониа местах (Далее: Ответы…, касающиеся южной части Олонца) // Труды ВЭО. —

1769. — Ч. ХШ. — С. 9.

79 Ответы… касающиеся южной части Олонпа. — С. 15.

80 Там же. — С. 17–18.

81 Там же. — С. 15–16.

82 Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 12–13.

83 Государственный Исторический музей (ГИМ). ОПИ. Ф. 445. № 128. Топографическое, историческое и камеральное описание городов и уездов Тверской губернии. Л. 118.

84Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 93–94.

85Там же. — С. 106.

86ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 102 об. — 103.

87Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 141.

88 Генеральное соображение по Гаерской губернии. — С. 157..

89 Там же. — С. 156.

90 Там же С. 105.

91 ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 139 об.

92 Приклоиский Василий. Указ. соч. — С. 27. В некоторых районах роль таких росчистей по сравнению с полевыми землями была очень велика. Например, в вотчинах Северного Александро-Свирского монастыря «почти в каждом хозяйстве… крестьянина имелись дополнительные участки — «пахочи», «поляны», «нивы», расчищенные «на борах», «в темном лесу», «в суках» и т. д.» (см.: Шабаиова А.М. О роли подсеки в земледельческом хозяйстве крестьян Присвирья в конце ХУЛ — первой половине Х\ТП в. // Вестник ЛГУ. — Сер. История, язык. Литература. — Вып. 1. — 1968. — С. 56). «Многие крестьяне есть такие, — читаем мы в инструкции М.М. Голицына в с. Троицкое, — что пашенных земель и сенных покосов и прочих угодий и чертежей и заимок по захватам своим держат с немалым удовольствием… а других оными владеть також заимок и чертежей расчищать… не допускают» (Собрание старинных бумаг… М.Н. Щукина, — Т. III. — М., 1897. — С. 341). В Вологодской губернии на таких землях сеялись рожь и овес. Об атом сообщает Засецкий («сеется более овес и опричь поля по пустошам», в лесных же местах «по розчистям, на выженных подсеках рожь родится и без навоза сама-12 и больше»). А. Олишев сообщает, что «на подсеках сеют ячмень»(Засецкий. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия в Вологодском уезде // Труды ВЭО. — 1773. — Ч. ХХШ. — С. 223, 246). В Архангельской губернии, по данным Н.Л. Рубинштейна, ячмень был преобладающей культурой (65 % яровых), сеявшейся главным образом вне трехпольного севооборота (Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине ХУШ в. — М., 1957. — С. 337).

93 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 57 об.

94 Там же. — Лл. 25 об., 147 об.

95 Там же. — № 518. Топографическое описание городам и уездам Олонецкого наместничества. Лл. 37–37 об.

96 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп 1. № 518. Л. 10 об.

97 Там же. — Л. 37 об.

98 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 38.

99 Там же. — Л. 38 об.

100 Там же. — Л. 36.

101 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 18920. Ч. II. Л. 114 об.

102 Там же. — Ч I. Л. 46 об.

103 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 18920. Ч. I. Ал. 81 об. — 82.

104 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 48. 10^ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 26–27.

106 Лепехин И.И. Дневные записки… — С.63.

107 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 106–157. 108 Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 12.

109 Ответы… касающиеся южной части Олонца. — С. 23.

110 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 32.

111 Там же. — № 603. Л. 43 об.

112 Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 12–13.

113 Экономический магазин. — Ч. XVIII. — СПб., 1784. — С. 108.

114 Там же. — С. 170.

115 Там же _ С. 37_39.

116 Архив ФИРЙ РАН (СПб.). Ф. 36. № 516. Лл. 6 об. — 7, 12, 21 об., 25–26, 31, 35–36, 39, 41 об., 44 об., 48 об., 52–53, 57.

117 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 516, Л. 6 об. — 7, 12.

118 Там же. — Л. 30. 119 Там же. — Л. 57.

120 Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. —

Ч. X. — С.79.

121 См.: Горская Н.А., Милов Л.В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала ХУЛ и второй половины XVIII в. // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы за 1964 год. — Кишинев, 1966. — С. 187–191.

122 Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — М., 1787. — С. 190.

123 Труды ВЭО. — 1766. — Ч. П. — С. 156, 334, 133.

124 Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XVI. — С. 85.

123 Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. — СПб., 1773. —

Ч. I. — С. 26–27.

126 Лепехин И.И. Записки путешественныя академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. Изд. Имп. Академии наук. — СПб., 1821. — Т. 3. — С. 3.

127 Ответы на акономические вопросы по Г алицкой провинции. — С. 83.

128 Ответы… па экономические вопросы о уезде города Володимера // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. ХД. — С. 101.

129 Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 22.

130 Ответы на экономические вопросы по Переяславской провинции Рязанского. — С. 56–57.

131 Ответы по Калужской провинции на экономические вопросы // Труды ВЭО. — 1769. —

Ч. XI. — С. 93.

132 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 18900. Ч. I. Топографическое описание Пермского наместничества (1787–1789 гг.). Л. 76.

133 Там же. — Ч. II. Л. 147.

134 Там же. — Л. 121 об.

135 Там же. — Ч. I. Л. 39 об.

136 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 18900. Ч. П. Л. 113 об.

137 Там же. — Ч. I. Л. 46 об. — 47.

138 Там же. — Л. 94 об.

139 Там же. — Л. 18.

140 Олишев А. Указ. соч. — С. 114–115.

141 Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). — М.: МГУ, 1965. — С. 160–175; Его же. О роли переложных земель в русском земледелии X\ТД в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. — Рига, 1963: См. также:

Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. — Рига, 1960.

142 Крутиков В.И. Об изменении размеров наделов помещичьих крестьян в I пол. XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969. — Киев, 1979. — С. 158–165.

143 Болотов А.Т. О разделении полей // Труды ВЭО. — 1771. — Ч. XVII: Его же. Продолжение о разделении земли на семь полей // Труды ВЭО. — 1771. — Ч. XVIII. — (с. 80_91

144 Хозяйственные известия за 1794 год // Труды ВЭО. — 1796. — Ч. П. — С. 254.

145 Описание Тамбовского наместничества // Собрание сочинений, избранных из месяцесловов. —

СПб., 1790. — Ч. VI. — С. 423–430.146 Рынков Г[. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. — Ч. I. — 1758. — Май. — С. 427–428.

147 Примечания на лежащие около Саратова места для сельского домоводства // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. УЛ. — С. 33.

148 Описание Гамбовского наместничества. — С. 439.

149 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 538. Топографическое описание Тамбовской губернии (после 1784 г.). Л. 20.

150 Продолжение ответов на предложенные в первой части Трудов ВЭО вопросы, о нынешнем состоянии в разных губерниях и провинциях земледелия и домостроительства. Ответы по Слободской Украине, Изюмской, Ахтырской, Острогожской и Сумской провинциям (Далее: Ответы по Острогожской провинции) // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. УШ. — С. 196.

151 Труды ВЭО. — 1771. — Ч. ХУШ. — С. 89–96: Черниговского наместничества топографическое описание… сочиненное Аф. Шафонским… 1786 г. — Киев, 1851. — С. 149:

Топографическое описание Харьковского наместничества. — М., 1788. — С. 75.

152 Между прочим, даже в столь благоприятной для земледелия стране, какой была, например, Франция, паровое трехполье вплоть до конца XIX в. сосуществовало с другими системами земледелия (двупольем и залежной системой или так называемой временной запашкой). См.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. — М., 1957. С. 9.

153 Щекатов Аф. Словарь географический государства Российского. — Ч. 5. — М., 1807. —

Стр. 339.

154Лепехин И.И. Дневные записки… — С. 69.

155Болотов А.Т. Продолжение о разделении земли на семь полей.' — С. 80–96.

156РГБ. Отдел рукописей. Ф. 267. Д. 2716. Л. 11 об.

157Журнал землевладельцев. — 1859. — № 23. — Л. 303, 309.

158Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. — С. 347.

159Лепехин И.И. Дневные записки… — С. 63.

16В последнем случае, видимо, также посевы были не в трехполье, а на росчистях, где предшественником был ячмень.

161Труды ВЭО. — 1766. — Ч. П. — С. 212.

162Труды ВЭО. — 1795. — Ч. I [50]. — С. 172.

163Ответы по Острогожской провинции. — С. 182.

164 Ответы по Острогожской провинции. — С. 165.

165 РГВИА, Ф. ВУА. Оп. 111. № 18570. Л. 2 об,

166 Там же. — Л. 94 об.

167 Там же.

168 Там же.

169 Учитывая, что озимая пшеница была здесь кустистая, можно полагать, что посев был реже обычного (а на юге, в степях сеяли не более четверти на десятину). Считая сев в 8 четвериков на десятину, сбор зерна получим в 128 четвериков или 16 четвертей. Поскольку п четверти — 8 пудов, а и пуде — 16 кг, то урожай этот равен чуть меньше 20 центнеров с гектара.

170 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 111. № 18570. Л. 94.

171РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 95.

172Там же.

1731 ам же.

174Там же.

175Там же.

176 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 95 об.

177 Там же.

178 Хозяйственные известия за 1794 год // Труды ВЭО. — 1795. — С. 281.

179 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 18800. Ч. Ш, IV. Подсчет чаш, — Л. М.

180 Там же.'

181 РГАДА. Ф. 273. Оп. I. № 19068.

182 Там же.

183 Ответы по Острогожской провинции. — С. 109.

184 Там же. — С. 141.

185 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 18570. Л. 85 об.

186 Там же. — Л. 85 об.

187 Там же. — Л. 86.

188 Т'ам же.

189 Там же. — Л. 85 об.

190 Там же. — Л. 90.

191Комов И. О земледелии. — М., 1788. — С. 130.

192РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 5 об.

193Там же. — Л. 2.

194Там же. — Л. 44.

195Там же. — Л. 21.

196Там же. — Л. 41 об.

197 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 42.

198 Там же. — Л. 21 об.

199 Там же. — Л. 41 об.

200 Лохтин. Краткое топографическое описание Астраханской губернии // Технологический журнал. — СПб, 1806. — Т. III. — Ч. 4. — С. 35. 20! РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 18570. Л. 60.

202 В дворцовом селе Бобрики в 60-х гг. вносилось по 800 возов на десятину конопляника. См.:

Журнал землевладельцев. — 1859. — № 23. — С. 303.

203 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 19002. Л. 6.

204 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 497. Ал. 56, 23–24.

205 Там же. — Л, 23.

206 Там же. — Л. 57.

207 Там же. — Л. 106.

208 Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. — С. 85.

209 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 19176. Л. 59.

ш Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. С. 212.

211 Ответы по Переяславской провинции. — С. 91.

212 Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами.

С. 212.

213 Ответы по Калужской провинции на заданные экономические вопросы // Труды ВЭО. 1769. — Ч. XI. — С. 100.

214 Рычков П. Письма о земледельстве. Ч. П. — С. 518–519. 21^ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 172.

216 Архив ФИРИ РАН. Ф. 36, Оп. 1. ^N2 538. Л. 26 об.

217 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 66.

218 Архив ФИРИ РАН. Ф. 36 Оп. 1. № 497. Л. 56.

219 Там же. — № 518. Л. 36.

Примечания к части 2

Примечания к главе 1

1 Ключевский В.О. Сочинения: В 8 томах. — М., 1956–1959. — Т. I. — М., 1956. — С. 314.

2 Комов И. О земледелии. — М., 1788. — С. 1–2.

3 Там же. — С. 218,

4 См об этом: Милов Л.В. Природно-климатетеский фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. — 1992. — № 4–5. — С. «$8.

5 ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 13 об.

6 Там же. — Л. 55–56.

7 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 105.

8 Там же. — С. 93.

9 ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 12 об.

10 Фриз Яков. Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии // Технологический журнал. — Т. 3. — Ч. 1. — СПб., 1806. — С. 10–15.

11 Там же. — С. 14–15.

12Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 272.

13 По материалам межевания в Московском уезде в дачах с. Окатова, с. Яковлевского и многих других земли всей не запахивают, а оставляют в пусте», «оставляют многое число в пусте», «землю всю за неимением навозу не запахивают». В даче дёр. Казеевой на 50 душ м. п. приходилось 179 дес. пашни, то есть по 3,6 дес. на д. м. п. Однако здесь «землю всю не запахивают, а оставляют половину за неурожаем хлеба». В дёр. Бабкино Лугского у. Петербургской губ. «высевается крестьянами: ржи 22 четверти, ячменю 2 четверти, овса 8 четвертей, пшеницы 1 четверть, гороху 4 четверика, гречи 6 четвертей, семени льняного 1 четверть». Беря при подсчете средние для этого района нормы высева, получаем 52, 8 дес. посева (с паром это будет ок. 78–80 дес.), в то время как по межеванию здесь было 166 дес. 630 саж. пашни. В дёр. Владычино того же уезда высевалось: «ржи 17 четвертей, овса 5 четвертей, жита 3 четверти, гороху 1 четверть 2 четверика, гречи 5 четвертей, льнянаго семя 1,5 четверти». Вместе с паром это займет примерно 63–65 дес., а пашни здесь 190 дес. 1553 саж. Следовательно, в том и в другом случае не занято 47–67 % пашни (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. Ш. № 18859. Ч. VI, дачи 20, 40, 41, 64, 73. 98, 36, 114, 349, 555; Ч. УП, дача 803 и др.; Ч. VI, дачи 67, 199, 139; РГАДА. Ф. 1328. Оп. 1. № 2806. Л. 4–4 об.; Фонд Межевой архив.

Экономические примечания Петербургской губ. № 8, дача 1422; Ф. 1328. Оп. 1. №> 2893:

Фонд Межевой архив. Экономические примечания Петербургской губ. № 8. Л. 294).

14 Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-эконо-мический очерк). — М., 1957. — С. 202.

15 Яцунский В.К. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959 год. — М., 1961. — С. 42.

16 Прокофьева Л.С. Хлебный бюджет крестьянского хозяйства в вотчине Кирилле-Белозерского монастыря в 30-е годы ХУШ в. // Вопросы аграрной истории (материалы научной кон(|)еренции). — Вологда, 1968. — С. 352–353.

17 Учреждение гр. П.А. Румянцева // Университетские известия. — 1903. — № 12. Прибавление. — С. 3.; Университетские известия. — 1904. — № 7. Прибавление. — С. 68.

18 Осьминский Т.И. Указ. соч. — С. 362–363.

19Елагин Иван. Проэкт действ, стат. сов. и члена дворцовой канцелярии Ивана Елагина об определении в неотъемлемое владение дворцовым крестьянам земли… // Журнал землевладельцев. — М., 1859. — № 21. — С. 140.

20 Елагин Иван. Указ. соч. — С. 141.

21 Там же.

22 И. Елагин на 8 взрослых и 8 малолетних рассчитал 24 четверти ржи и 54 четверти ярового, вместо 22 четвертей ржи и 44 четвертей ярового, что составит 66, а не 78 четвертей.

23 Осьминский Т.И. Указ. соч. — С. 363.

24Кеппен П.И. О потреблении хлеба в России. — СПб., 1839. — С. 3; См. также: Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. — СПб., 1877. — С. 292.

25 Прокофьева Л.С. Указ. соч. — С. 352–353.

26 Шабанова А.М. Бюджеты крестьянских дворов Александро-Свирской вотчины в середине Х\ТЛ в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970. — Рига, 1977. — С. 104–113.

27 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 40, 97, 131, 143, 151, 160 и др.; См. также: ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 58, 181, 305.

28 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 119.

29 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 160.

30 Щербатов М.М. Неизданные сочинения. — ОГИЗ, 1935. — С. 5–6.

31 Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине

XIX в. — М., 1971. — С. 83–91.

32 Щербатов М.М. Неизданные сочинения. — С. 5–7.

33 Болотов А.Т. Наказ для управителя. § 6 // Труды ВЭО. — СПб., 1770. — Ч. XVI.

34 Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки // Временник МОИДР. — М., 1852. — Кн. 12. Смесь. — С. 13.

35 Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. — М., 1951. — С. 260.

36 См.: Милов Л.В. Исследование об Экономических примечаниях к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины ХУШ в.). — М., 1965. — С. 289.

37 Там же. — С. 177–269.

38 Исходные данные см.: Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. — Приложение П. — С. 414–453;

Кабузаи В.М. Изменения в размещении населения России в ХУШ — первой половине XIX в. (По материалам ревизий). — М., 1971. — С. 94, 99, 103, 107, 111, 115.

39 Исходные данные см. примечание к табл. 2.2.

40 И.Д. Ковальченко рассчитаны чистые сборы на душу населения за десятилетие 1785–1796 гг. в целом по 12 губерниям (Архангельская губ. — 1,1 чтв., Олонецкая губ. — 1,31 чтв… Рязанская губ. — 2,15 чтв… Орловская губ. — 4,03 чтв… Тамбовская губ. — 2,69 чтв… Курская губ. — 2,54 чтв… Воронежская губ. — 2,88 чтв… Саратовская губ. — 3,35 чтв… Оренбургская губ. — 0,75 чтв., Симбирская губ. — 1,65 чтв… Московская губ. — 1,23 чтв. и Калужская губ. — 2,56 чтв. — см.:

Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. // История СССР. — 1959. — № 1. — С. 72).

41 Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства. — С. 65 (по Северному региону у автора опечатка — 0,62).

42 ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 58.

43 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 97.

44 ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 108.

45 Там же. — Л. 85–85 об.

46 Там же. — Л. 143 об.

47 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 59.

48 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 86.

49 Там же. — С. 25–26.

50 Там же. — С. 8

51 ГИМ. ОПИ. Ф.445. № 128. Л. 279.

52 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 143.

53 Там же. — С. 160.

54 Там же. — С. 97.

55 Там же. — С. 76.

56 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19178. Л. 4 об.

57 Друковцев С.В. Экономическое наставление. — С. 49–50.

58 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19176. Л. 22 об.

59 Литературное наследие. — М., 1933. — № 9—10. — С. 175.

60 Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XVI. — С. 64, 74, 115, 125–126; 1766. — Ч. П. — С. 157.

61 См.: Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). — Л., 1985. — Приложение. Таблицы 4, 5.

62 Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. — С. 64–65.

63 См.: Соколова Н.В. Монастырское землевладение и хозяйство в Нижегородском крае в ХУЛ — XVIII вв.: Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. — М., 1990. — Табл. 18, 17.

64 Исходные данные см.: Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX в. — С. 64–65.

65 Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — Ч. 4. — С. 116–117.

66 Яковлева В.П. Рынок и сельское хозяйство, Структура помещичьего и крестьянского хозяйства кануна отмены крепостничества в России. — Йошкар-Ола, 1997. — С. 155.

67 Яковлева В.П. Указ. соч. — С. 95.

68 Там же. — С. 38.

69Яковлева В.П. Указ. соч. — С. 38, 95, 133.

70 Там же. — С. 51.

71 Ливанов М. О земледелии, скотоводстве и птицеводстве. — Николаев, 1799. — С. 186–187.

72 Яковлева В.П. Указ. соч. — С. 40.

73 Там же. — С. 38–39.

74Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России не XIX в. — С. 68–69.

75 Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. — М., 1967. — С. 97; Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. — М., 1974. — С. 143.

76 Инструкции об управлении… С. 6.

77Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX века. — С. 84.

78 Нифонтов А.С. Указ. соч. — С. 286–287.

79 Там же. — С. 268.

80 Ковальченко И.Д. О характере и формах расслоения помещичьих крестьян России в первой половине XIX в. // Исторические записки. — Т. 78. — М., 1965. — Табл. 15.

Примечания к главе 2

1 Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вн. 1 Переяславский уезд. — М.: Л., 1966: Раскин Д.И., Фроянов И.Я., Шапиро А.Л. О формах крестьянского землевладения XIV–XVI вв. // [Тезисы докладов и сообщений XIII сессии Межреспубликанского симпозиума но аграрной

истории Восточной Европы. — М., 1971; Раскин Д.И., Фроянов И.Я… Шапиро А.Л. О формах черного крестьянского землевладения XI–XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. — Л., 1972; Алексеев Ю.Г. Основные этапы развития русской общины // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума но аграрной истории Восточной Европы. — М., 1972. —«Вып. II; Черепнин Л.В. Русь:

Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности и IX–XV вв. // Новосельцев А.11., 11ап]уто В.Т., Черепнип Л.В. Пути развития феодализма. — М., 1972; Покровский I 1.11. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI и. — Новосибирск, 1973: Гихопон Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. — М., 1974: Шапиро А.Л. Проблемы генезиса и характера русской общины и свете новых изысканий советских историков // Ежегодник по аграрной истории. — Вологда, 1976. — Вып. VI: Александров В.А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). — М., 1976:

Бакланова Е.П. Крестьянский двор и община на Русском Севере. — М., 1976; Горская I 1.Л. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. — М., 1977: Алексеев Ю.Г., Конанев Л.И., Носов Н.Е. Мелкокрестьянская собственность при развитом феодализме // Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. — М., 1978; Горский А.Д. О сущности и формах феодальной земельной собственности на Руси XIV–XV вв. // Там же; Горский А.Д. К вопросу о сущности черного землевладения на Руси XIV–XV вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. — М., 1979; Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII — начало XIX в.) // Проблемы типологии в этнографии. — М., 1979; Колесников П.А. Основные этапы развития северной общины // Там же; Данилова Л.В. О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. — М., 1982; Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. — М., 1984;

Вдовина Л.Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. — М., 1988 и др.

2 Инкин В.Ф. Крестьянский общинный строй в Галицком Прикарпатье (Опыт сравнительного изучения поземельных союзов): Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. — Львов, 1978. — С. 9.

3 Колесников П.А. Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории. — Вологда, 1976. — Вып. VI.

4 Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. — Новосибирск, 1973. — С. 105–109.

5 Александров В.А. Сельская община в России (XVII — начало XIX вв.). — М., 1976. — С.102—164

6 Петровская И.Ф. Наказы вотчинным управителям первой четверти XVIII в. // Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 253.

7 Москвитянин. — 1854. — № 3–4. — Кн. 1–2. — С. 29.

8 Университетские известия. — 1909. — № 7. Прибавления. — Киев, 1909. — С. 210.

9 Университетские известия. — 1909. — № 7. Прибавления. — Киев, 1909. — С. 220.

10 Там же. — С. 227.

11 Журнал землевладельцев. — Т. VI (№ 23). — М., 1859. — С. 305.

12 Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 253.

13 Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 44.

14 Университетские известия. — 1910. — № 4. Прибавления. — Киев, 1910. — С. 259.

15 Исторический архив. — Т. VI. — М., 1951. — С. 186.

16 Москвитянин. — 1854. — № 3–4. — Кн. 1–2. — С. 28.

17 Университетские известия. — 1909. — № 7. Прибавления. — Киев, 1909. — С. 211.

18 Москвитянин. — 1854. — № 3–4. — Кн. 1–2. — С. 35.

19 Там же. — С. 37.

20 Временник МОИДР. — М., 1852. — Кн. 12. — С. 19.

21 Университетские известия. — 1904. — № 7. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 94.

22 Там же. — 1909. — № 7. Прибавления. — Киев, 1909. — С. 227.

23 Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 259.

24 Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 45.

25 Там же. — 1903. — № 12. Прибавления. — Киев, 1903. — С. 12.

26 Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 254; См. так же: Университетские известия. — 1904. — № 7. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 88.

27 Исторический архив. — Т. VI. — М.—Л., 1951. — С. 186.

28 Русский архив. — 1904. — Кн. 1. — М., 1904. — С. 32–33.

29 Журнал землевладельцев. — Т. VI (№ 23). — М., 1859. — С. 301.

30Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 47.

31 Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 263.

32 Университетские известия. — 1904. — № 7. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 88–89.

33 Временник МОИДР. — М., 1852. — Кн. 12. — С. 22.

34 Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 47.

35 Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 234.

36 Там же — с252

37 Москвитянин. — 1854. — № 3–4. — Кн. 1–2. — Г 36

38Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 43.

39Инструкции об управлении… — Л. 10 об. — 11.

41Временник МОИДР. — Кн. 12. — М., 1852. — С. 22.

42Университетские известия. — 1903. — № 12. Прибавления. — Киев, 1903. — С. 9.

43Инструкции об управлении… 1755–1757 гг. Л. 10–11.

44 Временник МОИДР. — Кн. 12. — М., 1852. — С. 22

45Университетские известия. — 1909. — № 7. Прибавления. — Киев, 1909. — С. 217.

46Москвитянин. — 1854. — Т. 1. — Отд. IV. — С. 27.

47 Там же. — С. 25–26.

48 См.: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. — М., 1986. — С. 32–70.

49 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 132.

50 ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 204 об.

51 Русский архив. — 1904. — Кн. 1. — М., 1904. — С. 32.

52 Научная библиотека им. Горького МГУ им. М.В, Ломоносова. Отд. редких книг и рукописей. № 279—6—90 (Инструкции об управлении…). Л. 15.

53 Научная библиотека им. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова. Отд. редких книг и рукописей. № 279—6—90. Л. 7 об.

54 Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 273.

55 Научная библиотека им. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова. Отд. редких книг и рукописей. № 279—6—90. Л. 7 об.

56 Временник МОИДР. — Кн. 12. — М., 1852. — С. 21.

57 Москвитянин. — 1854. — Т. I. — Кн. 1–2. — Отд. IV. — С. 23–24.

58 Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 44.

59 Москвитянин. — 1854. - № 3–4. — Кн. 1–2. — С. 24.

60 Щербатов М.М. Сочинения. — М., 1896. — Т. I. — С. 135.

61 Там же.

62 Термин «люди» в Древней Руси в одном из своих значений был синонимом термина «государство» Отсюда «полюдье» может быть раскрыто как: поездка по государству с государственными делами.

63 Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. — Ч. I. — М., 1952 (Далее АФЗХ. — Ч. I). — № 122.

64 В этой связи надо отметить, что данные аспекты проблемы не стояли в центре внимания исследователей. Основное внимание историки уделяют борьбе господствующего класса и государства с так называемой черной общиной, оценка которой в разных работах различна. Одни историки (в первую очередь, Л.В. Черепнин, А-Д. Горский, С.М. Каштанов и др.) считают черные волости XIV–XV вв. феодально зависимыми от государства, другие — свободными от феодальной эксплуатации (И.И. Смирнов, Г.Е. Кочин, А.И. Копанев, Ю.Г. Алексеев и др.). Частновладельческая община до сих пор мало изучена. Можно указать такие работы: Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. — М.—Л., 1965; Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. — М.—Л., 1966; Данилова Л.В. О внутренней структуре сельской общины Северо-восточной Руси // Россия на путях централизации. — М., 1982. Некоторые исследователи считают, например, что мирская община сохранялась лишь в крупных феодальных владениях, «в мелких же она вовсе исчезала» (Шапиро А.Л. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков // Ежегодник по аграрной истории. — Вып. VI. — Проблемы истории русской общины. — Вологда, 1976. — С. 39).

65 Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. — Л., 1980. — С.

49, 38, 108, 111, 103–107, 112, 116, 120–121, 128–130 и др.

66 Дегтярев А.Я. Указ. соч. — С. 144, 103, 116, 120–121. 128–130, 162–163. Б.А. Романов, считая, что размер поселения зависел от уровня развития производительных сил, ввел даже особый термин вместимость поселения, где под вместимостью понимается крайний предел рационального размера деревни и т. п. См.: Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. — М.—Л., 1960. — С. 440.

67 Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 35. — С. 112–113.

68 Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — 2-е изд. — М., 1954. — Т.*П. — С. 95.

69 Там же.

70 Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. — М., 1960. — С. 211.

71 Там же. — С. 247.

72 Кочин Г.Е. — Указ. соч. — С. 416. О том, что «старожилец» — термин чисто житейский, писал еще В. Сергеевич в «Древностях русского права» (Т. III. — СПб., 1903. — С. 461).

73 Фроянов И.Я. Старожильцы на Руси XV в. // Вестник ЛГУ. — 1981. — № 2.— История, язык, литература. — Вып. I. — С. 21–22.

74 В более поздней работе Л.В. Черепнин отстаивал эти взгляды. См.: Новосельцев А.П., Па-шуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма: Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика (Далее: Черепнин Л.В. Спорные вопросы…). — М., 1972. — С. 231.

75 Старожильцы, которые «переже сево туго жывали», в отдельных случаях получали льготы, равные с «инокняженцами». Однако в одних из них жалованные грамоты давали тархан, т. е. полную и бессрочную льготу для всех (См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (Далее — АСЭИ). — Т. 2. — М., 1958. — № 66, 192), в других же случаях срок льготы практически был близок к тархану (20 лет). Так, в грамоте 1455 г. белозер-ский князь Михаил Андреевич дает льготу всем категориям населения, в том числе и «тутошним», и пришлым, включая «инокняженцев» (АСЭИ. — Т. 2. — № 164). Иногда общий срок даваемой льготы был практически минимальным для становления хозяйства, и разницы с инокняженцами не было именно по этой причине (АСЭИ. — Т. 2. — № 391). Таким образом, названные здесь варианты не представляются типичными, т. е. не являются социально-значимой практикой.

76 АСЭИ. — Т. 2. - № 152.

77 АСЭИ. — Т. 1. — М., 1952. — № 243.

78 АФЗХ. — Ч. [. — № 198.

79 АСЭИ. — Т. 3. — М., 1964. — № 34.

80 АСЭИ. — Т. 1. — № 224.

81 АФЗХ. — Ч. I. — № 145.

82 АСЭИ. — Т. 3. — № 296.

83 АСЭИ. — Т. 3. — № 239.

84 АСЭИ. — Т. 2. — № 452.

85 Черепнин Л.В. Спорные вопросы… — С. 246.

86 В этой связи необходимо отметить, что Г.Е. Кочин не прав, когда подчеркивает: «Нет оснований… усматривать резкую грань в правах и социальном положении между пришлыми и старожильцами» (Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 406). Льгота — это отражение правового положения. Что касается конкретных доказательств, то в центре внимания Г.Е. Кочина стоит раэбор жалованной льготной грамоты 1447 г. (АСЭИ. — Т. 2. — № 192). Однако ученому не удалось правильно установить пунктуацию текста, вследствие чего грамота № 192 прочитана неточно (Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 405).

87 Акты писцового дела. — Т. I. — М., 1913. — С. 119, 186. Термин «со стороны» идентичен термину «иное княжение», поскольку в рязанских грамотах вместо «иное княжение» фигурирует «с иных сторон» (АСЭИ. — Т. 3. — № 333, 354). Заметим, что более широкое толкование термина «иное княжение» отнюдь не означает отказа от него в буквальной семантике (см. об этом: Шапиро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). — Л., 1987. — С. 183).

88 АСЭИ. — Т. 3. — № 158.

89 АСЭИ. — Т. 3. — № 164. См. также № 165.

90 Там же. — Т. 1. — № 293.

91 Дегтярен А.Я. Указ. соч. — С. 133.

92 «Перезыв» крестьян сопровождался не только установлением пожалований с освобождением на значительный срок от государственных налогов и повинностей, но и освобождением от феодальной ренты крестьян, садящихся на земли вотчинников. Последнее особенно четко выявляется из строк судного дела от 1504 г. Троице-Калязина монастыря с крестьянами во главе с Артемием Вострым (АСЭИ. — Т. 3. — № 172). В ходе спора старцы монастыря показали, что «жыли Ортемко и его товарищи у нас в монастырских деревнях в старых, да из наших… деревень тот лес россекали, и прятали, и пахали, и косили, и дворы себе на тех местех поставили за монастырь, да и грамоты… льготные на те починки взяли у игумена и у братьи за монастырь, а ужо… тому 4 года». Нет необходимости доказывать, что на льготу садились и крестьяне, приходящие на великокняжеские земли (см., напр.: АСЭИ. — Т. 2. — № 293. Сямской сотский в Вологодском уезде в 1493 г. посадил на 12-летнюю льготу крестьян Афонку да Ивашку Фоминых: «не надобе им великого князя дань, ни во-лостелевы кормы, ни городы ставити, ни ям, ни [в] выгные розрубы в столец не тянута ни во что»).

93 Фроянов И.Я. Указ. соч. — С. 24.

94 Договоры Великого Новгорода донесли до нас отражение развивавшихся крестьянских переходов начиная с XIII столетия (см.: Фроянов И.Я. О возникновении крестьянских переходов в России // Вестник ЛГУ. — 1978. — Х° 14.— История, язык, литература. — Вып. 3. — С. 32–33. См. также: Черепнин Л.В. Образование… — С. 251).

95 Черепнии Л.В. Спорные вопросы… — С. 243–244.

96 Смирнов И.И. Проблемы крестьянства и феодализма в советской исторической литературе // 25 лет исторической науки в СССР. — М., 1942. — С. 102; См. также: Смирнов И.И. Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. (по поводу исследования Л.В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.») // История СССР. — 1962. — № 3. — С. 148.

97 Фрояиов И.Я. О возникновении крестьянских переходов в России. — С. 34.

98 Черепнин Л.В. Образование… — С. 252. В связи с этим подходом ученого его концепция влияния процесса централизации государства на размах крестьянских переходов выглядит несколько прямолинейно и упрощенно («С объединением русских земель и образованием централизованного государства таких «иных княжений» оставалось все меньше. Так подготавливалось стеснение права перехода крестьян в масштабе всего государства». — Там же).

99 АСЭИ. — Т. 2. — № 158.

100 АСЭИ. — Т. 3. — № 361.

101 Там же. — № 369, 362, 388, 389.

102 АСЭИ. — Т. 2. — № 199.

103 В литературе это упорядочивание расценивается, как правило, в русле мер, генетически связанных с крепостничеством.

104 Пьянков А.П. Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. // Ученые записки Могилевского гос. пед. института. — Вып. I. — Минск, 1955. — С. 3—30; Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. — М., 1960. — С. 234–243; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. — М., 1960. — С. 227–232.

105 Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 349–355.

106 Там же. — С. 353.

107 Там же. — С. 313.

108 Там же. — С. 352–353. Л.В. Черепнин согласился с этим замечанием и признал, что факты о барщине в XIV–XV вв. действительно отражают практику десятинной пашни, близкой к издольщине. См.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы… — С. 239–240.

109 А.П. Пьянков прямо пишет о том, что в Северо-Восточной Руси барщина и господская запашка были обычным делом (Пьянков А.П. Указ. соч. — С. 14; См. также: С. 16–17, 19).

110 АФЗХ. — Ч. I. — № 21; Греков *БД* Крестьяне на Руси. — 2-е изд. — Т. I. — С. 543.

111 Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 353–354. Этот вывод Г.Е. Кочина поддержан и развит Л.В. Даниловой. Необходимо отметить, что позднее Л.В. Черепнин согласился с серьезным характером данного суждения Г.Е. Кочина (см.: Данилова Л.В. О внутренней структуре… — С. 15; Черепнин Л.В. Спорные вопросы… — С. 239–240).

112 Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 354.

113АФЗХ. — Ч. 1. — № 201.

114АСЭИ. — Т. 2. — № 433.

115Цит. по кн.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — Т. II. — С. 47.

116АСЭИ. — Т. 1. — № 521.

117АФЗХ. — Ч. I. — № 65.

118Там же. — № 66.

119Там же. — № 178.

120 Цит. по кн.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — 2-е изд. — Т. II. — С. 52. Эти остатки архаичных порядков в барщинной эксплуатации крестьян во второй половине XVI века, видимо, были еще нередки. В уставной грамоте Новинскому монастырю 1590 года для дальних монастырских сел была характерна именно запашка господского клина «згоном». В селе Спасском с деревнями Романовского уезда полагалось «крестьяном на монастырь пахати взгоном по 15 десятин в меру», т. е. в поле. В селе Куликове с деревнями Костромского уезда «а пашни монастырские 4 десятины пашут крестьяне и жнут изгоном», да в Кашинском уезде в селе Кошелево с деревнями «пашню на монастырь пашут по полутора десятин под

рожь, а яри потому ж» (АФЗХ. — Ч. II. — № 23).

121 АФЗХ. — Ч. I. — № 205.

122 Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 337–338. На это сопоставление ученого обращает внимание и Л.В. Данилова (см.: Данилова Л.В. О внутренней структуре… — С. 16–17).

123 АСЭИ. — Т. 1. — № 586, 590, 591, 594.

124 АСЭИ. — Т. 1. — № 534.

125 Там же. — № 489.

126 Там же. — № 628.

127ГВНП. — № 191. Л.В. Черепнин неточно переводит этот текст, полагая, что половники живут в этом селе (Черепнин Л.В. Образование… — С. 235–236).

128 АСЭИ. — Т. 1. — № 564. См.: Горский АД. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. — М., 1974. — С. 145.

129 АСЭИ. — Т. 1. — № 400.

130 Пьянков А.П. Указ. соч. — С. 13–14.

131 Горский А.Д. Экономическое положение… — С. 242.

132 Черепнин Л.В. Образование… — С. 230.

133 Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 157.

134 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. / Подгот. к печ. Л.В. Черепниным. — М.—Л., 1956 (далее: ДДГ). — № 68.

135 ДДГ. — № 86, 87; АСЭИ. — Т. 1. — № 361; Т. 2. — № 346; Т. 1. — № 389, 241;

АФЗХ. — 4. II. — №№ 30, 334, 54, 62, 141; АСЭИ. — Т. 2. — 153.

136 АСЭИ. — Т. 2. — № 346.

137АФЗХ. — Ч. I. — № 40,

138АСЭИ. — Т. 2. - № 474.

139 АФЗХ. — Ч. II. — № 23.'

140 Известия Русского Генеалогического общества. — Вып. 9. — СПб., 1909. — С. 310–311. 141 АСЭИ. — Т. 1. — № 576.

142 Там же. — Т. 2. — № 11.

143 ДДГ. — № 87.

144 АСЭИ. — Т. 1. — № 328.

145 АФЗХ. — Ч. I. — № 51. Формула «ведати и пахати на государя» в данном контексте, как и в некоторых других грамотах, цитируемых Л.В. Черепниным и А.Д. Горским, видимо, дает основание говорить об особо выделенной запашке в пользу феодала. В иных случаях эта формула несколько иная. Так, в докладной грамоте 1498–1499 гг. о докончании земельного спора митрополичьего Боголюбова монастыря и Цареконстантинова монастыря во Владимирском уезде по поводу пожни «костянтино-оленского»

монастыря, отведенной теперь к Боголюбову монастырю, сказано: «и те… пожни ведати и косити нам к Боголюбскому монастырю (курсив мой, — Л. М.) с всем тем, куды топор и коса ходила изстарины». См.: АФЗХ. — Ч. I. — № 200.

146 АФЗХ. — Ч. I. — № 54.

147 Там же. — № 166.

148 АФЗХ. — Ч. II. — № 178.

149 Самоквасов Д.Я. Архивный материал. — Т. I. — М., 1905. — Ч. 2. — С. 12. В.И. Ко-рецкий приводит данные о формуляре, по крайней мере, пяти послушных грамот 50-х гг. XVI века по центру страны, где четко выделена указанная нами особенность («И вы б крестьяне… пашню его пахали, где собе учинит по сей грамоте»). См.: Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. — М., 1970. — С. 23.

150 Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — Т. II. — С. 52.

151 АФЗХ. — Ч. II. — № 24.

152 АСЭИ. — Т. 3. — № 114 и др.

153 Там же. — Т. 1. — № 328.

154См.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — Т. II. — С.141–142.

155Черепнин Л.В. Образование… — С. 233; см.: ГВНП. — № 164.

156Аграрная история Северо-Запада России. — Т. I. — С. 202.

157АСЭИ. — Т. 1. — № 584. См. также: Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 336.

158 Мы не касаемся той категории половников, которая бытовала в среде черносошного крестьянства XVI–XVII вв. *Это* вопрос особый. (См.: Греков *БД*. Крестьяне на Руси. — Т. II. — С. 137–147).

159 В дореволюционной литературе преобладал взгляд на половников Древней Руси как на свободных арендаторов, составивших позднее основную массу крепостных крестьян (Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. — М., 1903. — С. 3»—5). А.Я. Ефименко внесла коррективы в данный подход, определив половничество как разновидность порядничества и отметив немногочисленность слоя половников (Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. — М., 1884. — Вып. I. — С. 272–273). О кабальном характере половничества впервые высказался А.С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве. — СПб., 1890. — С. 105 и др.). Б.Д. Греков отверг взгляды на половников как на свободных арендаторов, высказав мнение о половниках как особой категории (классе) феодально-зависимых людей (Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — М.—Л., 1946. — С. 539, 684–687). Основной массой половников в Новгородских землях XV века С.А. Тараканова-Белкина считала крестьян-собственников средств производства, плативших феодалу долевой натуральный оброк, составлявший половину урожая зерновых (Тараканова-Белкина С.А. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домо-сковское время. — М., 1939. — С. 74–77). Половничество считает близким к холопскому состоянию Л.В. Данилова (Данилова Л.В. Очерки по истории земледелия и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. — М., 1955. — С. 75–79). Подробнее историографию половничества см.:

Шапиро А.Л. Историография половничества // Проблемы отечественной и всеобщей истории. — Вып. 7. — Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы историографии). — Л., 1983.

«» Правда, в новгородской грамоте первой половины XV века на «черный бор» отмечено налоговое послабление половнику, сидящему на наделе («… в соху два коня да третье припряж… Плуг за две сохи… четыре пешцы за соху… а кто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи» — см.:

ААЭ. — Т. I. — № 32). Однако, вероятнее всего, такая практика была временным явлением, и размер налоговых послаблений мог уменьшаться или совсем отсутствовать. Л.В. Черепнин привел ряд примеров несения монастырскими половниками государственных повинностей и налогов. (См.:

Черепнин Л.В. Указ. соч. — С. 235).

161 АСЭИ. — Т. 3. — № 28. Л.В. Черепнин согласен с тем, что в данной духовной имеется в виду под половниками и третниками «основное вотчинное крестьянство», уплачивающее зерновой доход «ис половья» и «ис трети». (См.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы… — С. 237.)

162 Аграрная история Ссверо-Запада России. — Т. I. — С. 141, 158, 277 и др.

163 Смирнов И.И. Заметки… // История СССР. — 1962. — № 3. — С. 152.

164 Там же. — С. 153.

165 Черепнин Л.В. Образование… — С. 245; Черепнин Л.В. Спорные вопросы… — С. 235–236.

166 Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 358–359.

167 Черепнин Л.В. Спорные вопросы… — С. 241.

168 АФЗХ. — Ч. II. — № 14.

169 Выражение «заволостной» характерно для крестьянского общинного мира как «микрокосмоса» крестьянина. Человек, ушедший из села или деревни к другому феодалу, становился «заволостным» (в уставной грамоте 1590 года есть, например, такие формулы: «а хто выдет за волость»; в духовной И.Д. Курчева такие крестьяне названы «заволостными»). См.: АФЗХ. — Ч. II. — № 23, 228.

170 АСЭИ. — Т. 1. — № 501.

171 Там же. — № 612.

172 АСЭИ. — Т. 2, — № 462.

173Там же. — № 436.

174 АФЗХ. — Ч. II. — № 176.

175 ДДГ. — № 74.

176 АФЗХ. — Ч. II. — № 228.

177 См.: АФЗХ. — Ч. I. — № 125, 192; АСЭИ. — Т. 1. — №№ 70, 90, 100, 108, 130, 155, 175, 181, 342, 448, 501, 513, 536, 539, 612; Т. 2. — № 29, 44, 99, 153-а, 361: Т. 3. — № 28, 53, 59 и др.; ДДГ. — № 68, 74, 86 и др.

178 АСЭИ. — Т. 2. — № 192, 193.

179 АСЭИ. — Т. 3. — № 53.

180 Там же. — Т. 1. — № 562.

181 АСЭИ. — Т. 1. — № 90.

182 Там же. — № 108.

183 ДДГ. — № 68.

184 Там же. — № 74.

185 АСЭИ. —Т. 2. — № 153а.

186 Там же. — № 361.

187 СГГ и Д. — Ч. I. — № 122^

188 Черепнин Л.В. Спорные вопросы… — С. 241–242. 18' С.Б. Веселовский считал «издельное серебро» очень древним и распространенным явлением. См.: Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. — М., 1926. — С. 16–17.

190 АСЭИ. — Т. 2. — № 490.

191 В наиболее ранний период комплекс барщинных работ крестьян на «жеребьевой» господской пашне чаще назывался «дело», а не «изделье» («села делати», «землю делати», «монастырское дело делати») и только потом они начинают сливаться и выступают как синонимы.

192 АФЗХ. — Ч. II. — № 319, 254; АСЭИ. — Т. 3. - № 368, 465. — Т. 2. — № 261.

193 АФЗХ. — Ч. I. — № 125.

194 Русская историческая библиотека (Далее: РИБ). — Т. VI. — Стб. 887–888. И.И. Смирнов считает этот текст наиболее нажным свидетельством существования «пашни на серебро» (Смирнов И.И. Заметки… // История СССР. — 1962. — № 3. — С. 158). В споре с И.И. Смирновым по поводу этого фрагмента уставной грамоты Л.В. Черепнин трактует конец фразы: «или на серебро монастырское пашуть» как выражение способа получения денежной релты, что источниковедчески слишком произвольно (см.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы… — С. 241). Тут же Л.В. Черепнин высказывает общее свое сомнение в возможности существования «пашни на серебро», впрочем, никак не аргументируя это сомнение (Там же. — С. 241).

195 С.Б. Веселовский писал об этих указах, что они «должны были изменить юридическую природу «издольного» серебреничества в смысле лишения должника права ликвидировать свои отношения во всякое время года» (Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. — С. 17).

196 Там же.

197 Генезис ее очень древний. Здесь можно вспомнить хотя бы закупов Русской Правды.

198 Смирнов И.И. Заметки… // История СССР. — 1962. — № 3. — С. 153.

199 АСЭИ. — Т. 2. —№ 192. См. также: Черепнин Л.В. Спорные вопросы… — С. 234. Видимо, довольно близки к посаженным серебреникам «окупленные люди». В жалованной льготной и несудимой Верейского и белозерского князя Михаила Андреевича 1472 г. Кирилле-Белозерскому монастырю на пустоши на р. Ирдме о них говорится: «И кого к себе игумен… призовет на те пустоши людей жити из — иных княженей… или кого окупив посадит, и тем людем окупленым и пришлым не надобе моя дань на 5 лет» (АСЭИ. — Т. 2. — № 218; См. также.: ГВНП. — М.—Л., 1949. — № 294). По истечении льготного периода такие крестьяне оказываются в неизмеримо большей зависимости от феодала, чем «рядовые люди». Напомним, что Л.В. Черепнин и И.И. Смирнов, соглашаясь в основном («окупленные люди» это крестьяне, долги которых другим феодалам были выкуплены землевладельцем, посадившим их на свою землю), расходились между собой в деталях по поводу понимания статуса «окупленных людей» (см.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы… — С. 233).

200 АСЭИ. — Т. 1. — № 513, 536. — Т. 3. — № 350, 355. См. также: № 370, 378, 379, 380, 380–384, 386 и др. В Новгородских землях ростовой процент был, видимо, ниже. В писцовых книгах конца XV века есть формулы: «а росту на рубль одна гривна и 2 денги» (НПК. СПб., 1868. — Т. III. — С. 601, 803; 1885. — Т. IV. — С. 160; 1905. — Т. V. — С. 37, 47, 50, 51–52, 57–58 и др). Правда, Г.Е. Кочнн считает, что данный размер процента был установлен писцами (см.:

Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 363), т. е. не отражает обычной практики.

201 АФЗХ. — Ч. I. — № 205; См. также: Корецкий В.И. Закрепощение крестьян… — С. 19, 25, 26;

АФЗХ. — Ч. II. — № 178; Акты писцового дела. — Т. I. — М., 1913. — С. 4;

Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — Т. II. — С. 52; Известия Русского генеалогического общества. — Вып. 3. — СПб., 1909. — С. 292–307.

202 Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. — С. 250.

203 АСЭИ. — Т. 2. — № 359. — С. 199; См. также: АФЗХ. — Ч. I. — № 210 (1464 г.), 212 (1474 г.).

204 АСЭИ. — Т. 1. — № 264, 265.

205 Там же. — Т. 2. — № 326, 276, 177 и др.

206 АСЭИ. — Т. 2. — № 101, 193, 138.

207 Милов Л.В., Гарскова И.М., Булгаков М.Б. Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России 1 половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства (Многомерный анализ писцовых книг) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. — М., 1985; Милов Л.В., Гарскова И.М. Типология феодальных хозяйств России первой половины XVII в. (факторный анализ) // Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX в. Материалы советско-американских симпозиумов. — М.: Наука, 1991 и др. 208 (/1з наиболее поздних работ по этой проблеме см.: Данилова Л.В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 г. — М., 1970; Шапиро А.Л. О причинах закрепощения в России XVI в. // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. — Тарту, 1972. — С. 130–135; Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. — М., 1975. — С. 7–8; Аграрная история Северо-Запада России. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Руковод. авторского колл. А.Л. Шапиро. — Л., 1978. — С. 184–199 (здесь же историография проблемы) и др.

Примечания к главе 3

1 РГАДА- Ф 1209. Кн. 871–875, 525, 489–491, 1044, 227. Данные получены путем сплошной обработки материалов книг на ЭВМ. В обработке статистических материалов принимали участие М.Б. Булгаков и И.М. Гарскова.

2 Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. — М.,1974. — С. 292.

3 См.: Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в России XVI–XVII вв. — М., 1972. — С.369.

4 Напомним, что плата за необходимое рабочее время подразумевает лишь получение средств для реализации потребительных стоимостей, необходимых только для сохранения рабочей силы.

5 О том, что в средневековой России был широко распространен наемный труд, который экономически являлся обменом дохода на живой труд, т. е. услугой, см.: Милов Л.В. О некоторых вопросах первоначального накопления и генезиса капитализма в России // Вопросы истории. — 1969. — № 7.

6 Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 331; Никольский Н. Кирилле-Белозерский монастырь и его устройство. — Т. I. — Вып. II. — СПб., 1910. Приложения XXVIII, XXX, XXXII, XXXIV, XXXVI (Расходные книги 1606–1612 гг.). Пересчет на деньги второй половины сделан по ценам ржи (см.: Ключевский В.О. Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему // Ключевский В.О. Сочинения. — Ч. VII. — С. 215–229. Расчетная разница составляет примерно 41 %); Стрейс Я.Я. Три путешествия. — М., 1935. — С. 181.

7 Струмилин С.Г. Очерки экономической истории СССР. — М., 1966. — С. 76.

8 Никольский Н. Указ. соч. — Приложения XXVII, XXVIII, XXX, XXXII, XXXIV, XXXVI; Очерки русской культуры. — Ч. I. — М., 1979. — С. 81.

9 Никольский Н. Указ. соч. — Приложение XXXIV.

10 Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 331.

11 Никольский Н. Указ. соч. — Приложение XXXII.

12 Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. — М., 1965. — С. 117.

13 Кури. Б.Г. Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 180.

14 Петрикеев Д.И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам боярина Б.И. Морозова. — Л., 1967. — С. 139.

15 Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 335–336.

16 Там же. — С. 292–293, 331.

17 Там же. — С. 331.

18 Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад XVI–XVIII вв. — Л., 1951. — С. 114.

19 Гамель И. Описание Тульского оружейного завода. — М., 1826. — С. 29.

20 Заозерская Е.И. Указ, соч. — С. 274–275.

21 Никольский Н. Указ. соч. — Приложение XXXII, XXXIV.

22 Озерецковский Ник. Обозрение мест от Санкт-Петербурга до Старой Руссы и на обратном

пути. — СПб., 1808. — С. 59.

23 Сербина К.Н. Указ. соч. — С. 86.

24 Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 331.

25 Сербина К.Н. Указ. соч. — С. 114.

26 Заозерская Е.И. Указ. соч. — С

27 Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 275.

28 Там же.

29 Сербина К.Н. Указ. соч. — С. 113.

30 Озерецковский Ник. Указ. соч. — С. 58–59.

31 Никольский Н. Указ. соч. — Приложения XXX, XXXIV, XXXV.

32 Там же. — Приложения XXXI, XXXII, XXXIV, XXXVI.

33 Сербина К.Н. Указ. соч. — С. 84, 87.

34 Там же. — С. 117.

35 Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 272.

36 Сербина К.Н. Указ. соч. — С. 123–124 и др.

37 Крепостная мануфактура в России. — Ч. 1. — Тульские и Каширские желез, заводы (Далее: Крепостная мануфактура. — Ч. 1). — Л., 1930.

38 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 144,

39 Там же. — С. 24.

40 Там же. — С. 36, 31. Мастер, делающий по 50 досок, кроме того, еще «тянул» тонкие пруты по 5 пудов «в дело».

41 Там же. — С. 66.

42 Там же. — С. 61, 66–67, 6 денег за пуд см. с. 58.

43 Там же. — С. 31.

44 Там же. — С. 46, 66.

45 Там же. — С. 70, 46.

46 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 363.

47 Там же. — С. 105.

48 Там же. — С. 26.

49 Там же.

50 Там же. — С. 390.

51 Там же. — С. 104.

52 Там же. — С. 31.

53 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 31.

54 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 24.

55 Там же. — С. 451–452.

56 А. Виниус в челобитной 1648 г. заявлял: «А в одной… мельнице кузнечной, что связное железо делают, какова у того завода ныне есть, — больше 5-ти тысяч пуд связново железа на год делать не мочно» (Гамель И. Указ. соч. — Прибавления. — С. 6).

57 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 26.

58 Там же. — С. 103–104.

59 Там же. — С. 26.

6 °См.: там же. — С. 104, 224, 105 (95 прутов весом 140 пудов 30 гривен). Вес прутов связного железа был в 1,5 пуда и 1,15 пуда.

61 Там же, — С. 26.

62 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 21.

63 Там же. — С. 25.

64 Там же. — С. 26.

65 Там же. — С. 25–26.

66 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 62, Запись от 3 февраля.

67 Там же. — С. 66.

68 Там же _ С 70.

69 Там же.» — С. 41. 46, 51. 62, 66, 70, 72, 73, 80, 81, 82, 85, 86 (Подсчет наш).

70 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 85.

71 Там же. — С. 72, 73. 81 и др.

72 Там же. — С. 31.

73 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 33.

74 7ам же. — С. 43, 48, 53, 55, 61. 62, 67, 73. 85. Подсчет наш.

75 А также еще 2 четверти ржи и 2 пуда соли. См.: Там же. — С. 33.

76 Там же. — С. 44, 48, 53, 55, 64, 67, 72, 80, 87, 91.

77 Там же. — С. 39.

78 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 44, 52, 82.

79 Там же. — С. 313–314.

80 Там же.

81 Там же. — С. 89.

82 Там же. — С. 58. 64, 67 и др.

83 Там же. — С. 64.

84 Там же. — С. 67.

85 Там же. — С. 72.

86 В записи стоит дата 6 нюня, но это описка, так как шесть недель до 7 августа начинаются именно с 26 июня.

87 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 50. 56, 58, 60, 61, 64, 73, 74, 89. За сентябрь данных нет

88 Там же. — С. 78, 74, 73. 67, 61.

89 Там же. — С. 37.

90 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 36.

91 Там же. — С. 31.

92 Там же. — С. 31, 221.

93 Там же. — С. 36.

94 О причинах остановки работ см. ниже.

95 Там же. — С. 53.

96 Там же. — С. 49 и др.

97 Там же. — С. 59. 62, 66, 70, 79.

98 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 73.

99 Там же. — С. 43,

100 Там же. — С. 58, 60, 64, 67.

101 Там же. — С. 45.

102 Там же. — С. 67, 76, 78. Мартын Мартынов — Mertein Mertenson.

103 Там же. — С, 78.

104 Там же. — С. 78. 80.

105 Там же. — С. 85, 89, 74.

106 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 73, 74, 78, 80, 85. В июле М. Юнсен ставил на Ченцове уже новый молот.

107 Там же. — С. 75.

108 Там же.

109 Там же. — С. 92.

110 Там же. — С. 76.

111 Там же. — С. 85.

112 Там же. — С. 89.

113 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 144.

114 Там же. — С. 73.

115 Там же. — С. 84, 86.

116 Там же. — С. 91, 92.

117 Там же. — С. 73, 49. 75.

118 Там же. — С. 92.

119 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 85.

120 Там же. — С. 75.

121 Там же. — С. 92.

122 Там же. — С. 89.

123 Там же. — С. 78, 91.

124 Там же. — С. 48, 58.

125 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 37.

126 Там же. — С. 36.

127 Там же. — С. 48 и др.

128 Там же. — С. 50. 37, 43, 55, 74, 86, 80.

129 Там же С. 78 85

130 Там же. — С. 430, 50, 54, 55. 60. 61, 67, 73, 74, 78, 80, 84, 85, 86. 89.

131 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 54, 57. 58. 63, 68. 75, 88.

132 Там же. — С. 37.

133 Там же. — С. 43. 48.

134 Там же. — С. 49, 55. 65. 71. 80, 87. 89.

135 Там же. — С. 71.

136 Там же. — С. 43, 48, 54. 61, 66, 69, 71.

137 Там же. — С. 37.

138 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 43, 48, 54, 56, 64, 68, 72, 75, 82.

139 Там же. — С. 38.

140 Там же.

141 Там же. — С. 43, 48. 54, 56. 64, 68, 72, 74, 76, 83, 87, 91.

142 Там же. — С. 38.

143 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 43, 55.

144 Там же. — С. 266.

145 Там же. — С. 363.

146 Там же. — С. 301-

147 Там же. — С. 34.

148 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 38.

149 Там же.

150 Там же. — С. 42, 48. 54, 61. 65, 68, 72, 77, 84.

151 Там же. — С. 49, 65, 68. 73. 77, 84.

152 Там же. — С. 318.

153 Там же. — С. 54, 72, 76, 82, 84, 91.

154 Там же. — С. 61, 68.

155 Гамель И. Указ. соч. — Прибавление. — С. 22,

156 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 37.

157 Там же. — С. 59, 63, 67. 75.

158 Там же. — С. 317.

159 Там же. — С. 318.

160 Там же. — С. 59, 73, 75, 77. 82, 83, 84, 86, 87, 89 (сюда добавлены сведения об оплате за аналогичные работы отдельным кузнецам).

161 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 419–420.

162 Там же. — С. 77, 78. 81. 83, 87, 88, 89.

163 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 24–23.

164 Там же. — С. 13–14.

165 Там же.

166 Там же. — С. 31, 36, 66, 136.

167 Там же. — С, 143–144.

168 Там же. — С. 165–166.

169 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 251–252.

170 Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 252.

171 Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. — М., 1937. — С. 75.

172 Геннин В. И. Указ. соч. — С. 354–355.

173 Герман И.Ф. Продолжение описания горных заводов под ведомством Екатеринбургского начальства состоящих // Технологический журнал. — Т. 4. — Ч. 4. — СПб., 1807. — С. 23–24.

174 Там же. — Т. 4. — Ч. 3. — С. 18–19.

175 Там же. — С. 6: — Ч. 4. — С. 8–9.

176 Там же. — Т. 4. — Ч. 4. — С. 8–9.

177 Там же. — С. 23–24.

178 Там же. — Т. 4. — Ч. 3. — С. 6.

179 Там же. — Т. 4. — Ч. 3. — С. 4, 18–19; Ч. 1. — С. 34–35; Т. 9. — Ч. 1. — СПб., 1812. — С. 47–48, 69, 60, 39–40, 102; Т. 4. —4.2.— С. 7, 15–16.

180 Там же. — Т. 9. — Ч. 1. — С. 88.

181 Там же. — С. 60, 79–80.

182 Герман И.Ф. Указ. соч. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 27. «При работе сей находится рабочих людей трое, то есть при каждом огне мастер, подмастерье и работник в каждой очереди или смене» (Т. 4. — Ч. 3. — С. 19).

183 Там же. — Т. 4. — Ч. 3. — С. 6; Т. 4. — Ч. 4. — С. 21, 9: Т. 4. — Ч. 3. — С. 18–19: 23–25; Т. 9. — Ч. 2. — СПб., 1812. — С. 71.

184 Там же. — Т. 9. — Ч. 1. — С. 69–70. 60. 79–80. 103, 88–90: Т. 4. — 4. 2. — С. 21, 13, 7: Т. 4. — 4. 1. — С. 18. 27.

185 Там же. — Т. 9. — Ч. 2. — С. 80, 60.

186 Там же. — Т. 9. — Ч. 1. — С. 40, 41, 49, 60 и др.

187 Герман И.Ф. Указ. соч. — Т. 9. — Ч. 1. — С. 60, 70.

188 Там же. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 34–39.

189 Там же. — Т. 4. — Ч. 2. — С. 19–23.

190 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Он. 1. № 518. Л. 13 об.~14, 22об.-23.

191 Там же. — Л. 29 об.

192 Там же. — № 516. Л. 50 об.

193 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 525. Л. 53–58.

194 Там же. — Л. 26 об.

195 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 110, 110 об.

196 Там же. — № 18860. Л. 132 об.

197 Там же. — Л. 13 об., 22.

198 Там же. — № 19178. Л. 11 об.

199 Там же. — Л. 12.

20 °См., например: Волков М.Я. Хозяйство капиталиста-купца Среднего Поволжья И.А. Микляева в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Проблемы генезиса капитализма: Сб. ст. —

М., 1970. — С. 214. 217, 229, 240–241.

201 Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. —

М. 1980. — С. 204.

202 Волков М.Я. Хозяйство капиталиста-купца. — С. 231. Прим.

203 В 1767 г. «низовые (суда, — Л. М.) больше двух или трех вод (навигаций, — Л. М.} не возьмут, понеже оныя конопатят хворостом» (Труды ВЭО. — Ч. VII. - 1767. — С. 73–74). Такого же качества суда были и в XVII в. Н.А. Бакланова также отмечает, что в XVII в. судно конопатили лыком (Бакланова Н.А. Торговая деятельность Калмыковых во II половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. — М., 1959. — С. 112).

204Об этом см., напр.: Волков М.Я. Хозяйство капиталиста-купца. — С. 230.

205 Бакланова Н.А. Судовые работники в предприятии Калмыковых // О первоначальном накоплении в России XVII–XVIII вв. — М… 1959. — С. 136.

206 Бакланова Н.А. Судовые работники в предприятии Калмыковых. — С. 140.

207Стрейс Я.Я. Три путешествия. — М., 1935. — С. 181.

208Там же.

209. Бакланова Н.А. Судовые работники в предприятии Калмыковых. — С. 136.

210Бакланова Н.А. Судовые работники в предприятии Калмыковых. — С. 136–137.

211Там же. — С. 141–142.

212Там же. — С. 141.

213Там же.

214Там же. — С. 132.

215Там же. — С. 131, 135.

216Там же. — С. 135.

217 Бакланова Н.Д. Судовые работники в предприятии Калмыковых. — С. 140, 137.

218 Волков М.Я. Рынок рабочей силы Ярославля в 20-х годах XVIII в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. — 1959, — № 1: Его же. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в. // История СССР. — 1966. — № 1; Преображенский А.Д. Развитие мануфактуры в России (конец XVII — первая половина XVIII в.) // Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Указ. соч. — С. 52–53.

219 Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана — Лепехина по разным провинциям Российского государства. 1768–1769 гг. — Ч. [. — СПб., 1771. — С. 38–39.

220 Никольский Н. Указ. соч. — Приложения XXVIII, XXX.

221 Там же. — Приложение XXV.

222 Волков М.Я. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в. — С. 145.

223 Там же. — С. 147.

224 Лепехин И.И. Указ. соч. — С. 38–39.

225 Лепехин И.И. Указ. соч. — С. 38–39.

226 См.: Маркс К., Энгельс Ф. — Т. 46. — Ч. II. — С. 25.

227 Волков М.Я. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в. — С. 148.

228 Там же. — С. 149. Краткосрочный найм на кожевенных дворах фиксирует и М.Я. Волков («сменяя друг друга, работали дуботолки, ломовые работники, топтали, строгальиики и завотчикн»). См. там же. — С. 145.

229 Лепехин И.И. Указ. соч. — С. 38–39.

230 Волков М.Я. Рынок рабочей силы Ярославля в 20-х годах XVIII в. — С. 79.

231 Там же.

232 Струмилин С.Г. Очерки экономической истории СССР. — М., 1966. — С. 76.

233 Волков М.Я. Рынок рабочей силы Ярославля в 20-х годах XVIII в. — С. 79.

234 Волков М.Я. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в. — С. 145.

235 Там же. — С. 144–145.

236 «Сказки» торговых людей о торгах и промыслах 1704 г. (Далее: «Сказки»). — Ч. I. — М., 1984. — С. 117.

237 В основе расчета этой суммы лежит следующее: 277 пудов кож составили примерно 1400–1500 штук кож (считая по 5–6 кож в пуде). По крепостным записям Ярославля близкие к этому объему продукции затраты на «дуботолков» могли составить (за 14 чанов но 100 кож) — 28 руб. На строгальников затраты составили бы 37 руб., на «завотчиков» — 28 руб., на «ломовых» — 27 руб. Без учета затрат на корье, золу, краску и т. д. общая сумма составит минимум 120 руб. Естественно, что восполнение стоимости оборудования также не учитывается.

238 Сказки. — Ч. II. — С. 296–297.

239 Сказки. — Ч. II. — С. 295–296.

240 Там же. — Ч. I. — С. 96–101.

241 Здесь использованы исходные данные закупок И.П. Топленинова,

242 Сказки. — Ч. I. — С. 110–112.

243 Волков М.Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII. Винокуренное производство (Далее: Очерки.). — М-, 1979. — С. 139.

244Волков М.Я. Очерки. — С. 139–140.

245Там же. — С, 134.

246Там же. — С. 48–52.

247 Волков М.Я. Хозяйство капиталиста-купца Среднего Поволжья. — С. 236.

248 Волков М-Я. Очерки. — С. 152.

249 Там же. — С. 142.

250 Там же. — С. 154.

251 Там же. — С. 149,

252 Волков М.Я. Очерки. — С. 141.

253 Этот уровень сдельной оплаты был реальным и для 30—50-х гг. XVIII в. Так, в Котельниче винокур получал «с браги» 16,5 коп., а жеган — 10 коп. (Волков М.Я. Очерки. — С. 154).

254 Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. — М., 1965. — С. 115–134.

255 Волков М.Я. Очерки. — С. 134.

256Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл, 115). № 603, Л. 175 об.

257Там же. — Ф. 36. Он. 1. № 525. Л. 13.

258Там же. — Л, 8–8 об.

259РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19178. Л. 12 об.

260Там же. — № 18860. Л. 152.

261Там же. — Л. 145 об.

262Там же. — № 19176. Л. 17.

263Там же. — № 18860. Л. 71–72.

264Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (КОАЛ. 115). № 603.Л. 31.

265Там же. — Л. 34 об.-35 об., 31: РГВИА. Ф, ВУА. Оп. III. № 18860. Л. 163.

266 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18860. Л. 158.

267 Там же. — Л. 168 об.

268 Там же. — Л. 6.

269РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18861. Ч.Х. Л. 13 об.

270Там же. — № 18860. Л. 37.

271Там же. — Л. 25.

272Там же. — Л. 22.

273Там же. — Л. 132 об.

274Там же. — Л. 128 об.

275Там же. — Л. 112.

276Там же. — Л. 78 об.

277Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп.1. № 516. Л. 11.

278Там же. — Л. 11 об.

279Там же.

280 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 4 об.-5 об.

281 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III, № 18868. Ч. Х. Л. 60 об.

282 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 14, 18 об.

283 Там же. — Л. 28 об.

284 Там же. — Л. 57.

285 ПСЗ. Т. XV. № 10910.

286 См.: Милов Л.В. Об изучении роста оброка в России во второй половине XVIII в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. — 1961. — № 1. — С. 110.

287 Там же. — С. 109.

288 Там же.

289 Там же. — С. 108–110.

290 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 111. № 19178. Л. 4 об.

291 ГИМ. ОПИ. Ф. 443. № 128. Л. 22 об.

292 ПСЗ. Т. XV. № 11445; Т. XVI. № 11687, 11718: Т. XVII. № 12516: Т. XVIII.№ 12903, 12966.

293 ПСЗ. Т. XV. № 11166: Т. ХУК. № 12311; Т. XVIII. № 12937. 13010. 13053 и др.

294 Там же. — Т. XIX. № 13405, 13623, 13634, 13721, 13816, 13883, 13950; Т. XVIII. № 13036. 13158; Т. XVII. № 11423, 11204, 12498 и др.

295 Там же. — Т. XV. № 11350: Т. XVI. № 11610. 11928; Т. XVII. № 12352, 12396, 12506, 12605: Т. XVIII. № 12857, 12968, 13003 и др.

296 Рубинштейн Н.Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России

XVIII в. // Вопросы истории. — 1952. — № 2. — С. 95.

297 РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18862. Ч. Х. Л. 3–3 об.

298 Архип ФИРИ РАН (СПб.) Ф. 36 (колл. 115) № 603 Л 33–33 об.

299 Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф, 36 (колл. 115). № 603. Л. 33–33 об.

300 Там же. — Л. 34.

301 Там же, — Л. 52.

302 Там же. — Л. 108–108 об.

303 Архив ФИРИ РЛН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. ПО.

304 Там же. — Л. 108 об.

305 Там же. Разумеется, в губернии были и мелкие текстильные предприятия на вольном найме. Так, в с. Писцово работали пестрединная «фабрика» на 30 станов (38 чел. наемных) и набойчатая — на 20 станов (25 чел. наемных). Четыре завода набивали узоры на холсте (на двух по 5 чел. наемных, на другом — 4 чел., и один заводик имел 2-х наемных работников). (Там же. — Л. 64, 65).

Оглавление оригинала (печатной версии)

Оглавление

Введение.

Часть первая. Великорусский пахарь в XVII столетии

Очерк первый. Судьбы паровой системы земледелия

Очерк второй. Как пахал, чем обрабатывал землю русский крестьянин

Очерк третий. Что и как сеяли на полях России?

Очерк четвертый. Жатва и хранение зерна. Лен домашний и товарный. Конопля.

Очерк пятый Что такое «сам-3» или «сам-7»? Какие урожаи были в России.

Очерк шестой «Семь потов» великорусского крестьянина (каким трудом добывали хлеб)

Очерк седьмой Особенности развития скотоводства.

Очерк восьмой «Огороды в городе»? парадоксы русского огородничества и садоводства.

Очерк девятый Изба и подворье два века назад.

Очерк десятый Забытая одежда наших предков.

Очерк одиннадцатый Деревенская пища.

Часть вторая. Феодальная Россия — социум особого типа

Глава I Мачеха-природа и судьбы земледелия (тупик или развитие)

Глава II Компенсационные механизмы выживания……..

Крепостники и община…

О происхождении крепостничества

Глава III Некоторые особенности генезиса капитализма в России

Крупное производство под опекой государства. Тульские заводы XVII века.

Неадекватные формы капитала

Заключение К характеристике российской государственности.

1

ж. (кра) свежая глыба вываренного из чугуна железа, идущая под огромный водяной (кричный) молот, для отжимки, проковки и обработки в полосовое и другое железо. На крицу идет 12 пудов и более чугуна.

(обратно)

2

Кричныйпередел, процесс рафинирования чугуна (удаления избыточных количеств углерода, кремния, марганца) с целью получения ковкого кричного (сварочного) железа. Возник примерно в 14 в. одновременно с развитием производства чугуна, просуществовал до 18 в. и был вытеснен более эффективным процессом — **пудлингованием**. К. п. осуществлялся в кричном горне, куда на слой горящего древесного угля над фурменной зоной помещали чушки чугуна. Чугун плавился и, стекая по каплям вниз через окислительную фурменную зону, подвергался рафинированию. Получаемый продукт скапливался на поду горна, где благодаря окислительному воздействию железистого шлака дополнительно обезуглероживался, образуя **крицу** массой 50-100 *кг*. Готовую крицу извлекали из горна и проковывали с целью уплотнения и выжимания шлака.

(обратно)

3

Преимуществ штукофена было, однако, недостаточны для всех тугоплавких руд. Требовалось более сильное дутье. Человеческих сил для поддержания температуры оказалось уже недостаточно, и для приведения в действие мехов стали употреблять водяное колесо. Вал водяного колеса снабжали

посаженными на него в разбивку кулачками, которые оттягивали крышки клинчатых кожаных мехов. Для каждой плавильной печи имелось два меха, работавших попеременно. Появление гидравлических двигателей и мехов надо относить к концу XIV века, так как уже в XV веке многие плавильни в связи с этим передвинулись с гор и холмов вниз — в долины и на берега рек. Это усовершенствование явилось исходным моментом для крупнейшего сдвига в технике металлургии, так как привело к открытию чугуна, его литейных и переделочных свойств.

Действительно, усиление дутья сказалось на всем ходе процесса. Теперь в печи развилась такая высокая температура, что восстановление металла из руды происходило раньше, чем образовывался шлак. Железо начинало сплавляться с углеродом и превращаться в чугун, который, как отмечалось выше, имеет более низкую температуру плавления, так что в печи вместо обычной вязкой крицы стала появляться совершенно расплавленная масса (чугун)… обнаружилось, что чугун быстро плавится в горне и после усиленного дутья легко превращается в кричное железо, которое по своему качеству не только не уступает, но даже по многим показателям лучше того железа, которое получали из руды. А так как чугун плавится при более низкой температуре, передел этот требовал меньше топлива и занимал меньше времени. Так в течение XV века сначала бессознательно и ощупью, а затем вполне осознано было сделано величайшее в металлургии открытие — переделочный процесс.

(обратно)

4

Наконец пришли к идее двухступенчатого процесса плавки. Усовершенствованные блауофены превратились в печь нового типа — доменную, которая предназначалась исключительно для получения чугуна. Вместе с ними был окончательно признан переделочный процесс. Сыродутный процесс стал повсеместно вытесняться двухступенчатым способом обработки железа. Сначала из руды получали чугун, потом при вторичной переплавке чугуна — железо. Первая стадия получила название доменного процесса, вторая — кричного передела. Древнейшие домны появились в Зигерланде (Вестфалия) во второй половине XV века.

(обратно)

Оглавление

- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса
- Аннотация
- Часть первая. Великорусский пахарь в XVII столетии
- Очерк первый СУДЬБЫ ПАРОВОЙ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
- Часть вторая. Феодальная Россия — социум особого типа
- Глава I. МАЧЕХА-ПРИРОДА И СУДЬБЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ (ТУПИК ИЛИ РАЗВИТИЕ)
- Глава II. КОМПЕНСАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЫЖИВАНИЯ
- Крепостники и община
- О происхождении крепостничества
- Глава III НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ
- Крупное производство под опекой государства. Тульские заводы XVII века
- Неадекватные формы капитала
- Заключение
- К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
- Примечания к части 1
- Примечания к первому очерку
- Примечания к части 2
- Примечания к главе 1
- Примечания к главе 2
- Примечания к главе 3
- Оглавление оригинала (печатной версии)

Взято из Либрусека, lib.rus.ec